

Усвятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №15 апрель 2018 года

НОВОКУЗНЕЦК

400

Учредитель и издатель: ООО Редакция «Литературно-художественной газеты альманах «Усвятская россыпь».

Свидетельство о регистрации «ПИ ФС 12-1286», выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г.

Адрес редакции: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, дом — 56.

Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул.Алмазная, дом — 56.

Директор/гл. редактор: Гуляев А.Н. (м.т.: 8 906 987 1955).

Технический редактор: Танкова Л.А.

Корректур: Десвой Н.Ф. и авторов.

Время сдачи в печать 25.04.2018 г.: по графику — 14.00; фактически — 14.00.

Дата выхода 29. 04. 2018 г.

Газета отпечатана офсетным способом на типографской базе МУП ТРК «Киселёвск». Адрес типографии: 652070, Кемеровская область, г. Киселёвск, ул. Унжакова, 14.

Газета распространяется на территории Кемеровской области.

Объём 14.0 п.л.; Заказ № 62733; Тираж 1000 экз.

Цена договорная.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

16+

- 1 – «Кузнецкому краю - 400 лет» - публицистика, стр. 2-3;
- 2 – Иван Кожемяко: «Крымские миражи» - проза, стр. 4-10;
- 3 – «Ах, юбилей..., юбилей!» - стр. 10;
- 4 – Александр Макастревич: «Верблюжий перевал» - проза, стихи, стр. 11-13;
- 5 – Аделья Мачкова: «Сластена» - детские стихи, стр. 13;
- 6 – Людмила Иванова-Выгловская: «Жизненные повороты» - проза, стр. 14-15;
- 7 – Вячеслав Елатов: «Прощальный венок» - стихи, стр. 16-17;
- 8 – Сергей Гнездилов: «Русь» - стихи, стр. 17;
- 9 – Анна Лист: «Две», «Морок» - проза, стр. 18-22;
- 10 – Юрий Проскоков: «Рассказы о природе» - проза, стр. 23;
- 11 – Олег Литвин: «Горе комивояжер» - проза, стр. 24;
- 12 – Юрий Гамов: «Ну, здравствуй, полуостров Кольский» - стихи, стр. 25-26;
- 13 – Александр Васюнов: «Благослови на путь дальний!» - проза, стр. 27-29;
- 14 – Людмила Лукьянцева: «Прилетит к тебе сказочник Сон» - проза, стихи, стр. 30-3.3;
- 15 – Анатолий Гуляев: «Из «волчат» вырастают «волки»!», «Артиллерия бьёт по своим» - публицистика, стр. 32-38;
- 16 – Александр Валиков: «Реклама» - стихи, стр. 38;
- 17 – Людмила Танкова: «Охота на волка», «Сказы Ведиической Руси» - проза, сказки стр. 39-41;
- 18 – Александр Кремнев: «День шахтёра» - стихи, стр. 42;
- 19 – Владимир Дегтярёв: «Такая малость мне нужна» - стихи, стр. 43;
- 20 – Галина Груенко: «Тебя к добру я поведу» - стихи, стр. 44;
- 21 – Лилия Клапатун: - «Однажды в летнюю ночь», стихи, стр. 45;
- 22 – Дмитрий Семёнов: «Загадочный парк» - фантастика, стр. 46-47;
- 23 – Людмила Любобенкова: «Сынок, я тебя прошу» - проза, стр. 47;
- 24 – «Родные, Божью благодать не отбирайте друг у друга!» - публицистика, стр. 48;
- 25 – «Мой Новокузнецк» - публицистика, стр. 48-49;
- 26 – «Писатели пришли в гости» - публицистика, стр. 49;
- 27 – Елена Острых: «Мама, я так больше не могу...» - проза, стр. 50.
- 29 – Елена Ященко: «Каникулы на даче» -Фантастика, стр. 51-54;
- 27 – Нина Струц: «Суд над книжками» - стихи, стр. 55;
- 28 – «Литературный калейдоскоп» - публицистика, стр. 55-56.

Кузнецкому Краю - 400 лет!

Согласно Строгановской «Сибирской летописи»... Летом 1581 года дружина Ермака, состоявшая из 540 казаков, начала собираться в дальний Сибирский путь. Строгановы от себя пополнили его воинство - отрядив 300 человек ратных людей: литовцев, немцев, русских и татар, шестерых попов с проводниками и переводчиками выделили. Снабдили одеждой и запасами, воинскими доспехами, ружьями и небольшими пушками...

Первого сентября 1581 года — с молебном, на небольших судах и лодках — объединённый отряд Ермака выступил из Перми в путь дальний, в неизвестную Землю Сибирскую.

К концу осени текущего года отряд достиг «Сибирского пути». Здесь казаки выстроили земляные сооружения и перезимовали. Весной следующего года, когда реки освободились ото льда, волоком перетащили лодки в Жаравлю реку Сибирского водораздела и по рекам Тагил, Тура, Тобол с боями к концу осени вошли в Иртыш. С боем же 26 сентября 1582 года взяли столицу кучумова царства - кучумов юрт, Канлык (недалеко от которого, позднее, был основан русский город Тобольск).

В 1582 — 1583 годах новая Сибирская Земля была «поставлена под высокую царскую руку» - присоединена к Государству Российскому...

В 1604 году был основан острог будущего города Томск.

В 1617/1618 годах был основан острог будущего города Кузнецк.

В 1628 году был основан острог будущего города Красноярск.

В 1706/1709 годах был основан Бикатунский острог (в будущем город Бийск).

В 1728/1729 годах (?) был основан Белоярский острог, недалеко от которого в скором времени возникнет начало будущего города Барнаул.

Через 136 лет, после присоединения Сибири к Государству Российскому - в 1718 году, по УКАЗУ царя Петра-Первого, от «15» ноября 1718 года, в Сибирь была снаряжена научная экспедиция, во главе которой был поставлен немец — доктор медицины Даниель Готлиб Мессершмидт. Которому была поставлена задача: описать страну, её природу, население, обычаи, болезни, памятники старины...

Два года проработала экспедиция Мессершмидта в Сибири и успешно справилась с поставленной ей задачей, исследовала она и Кузнецкий Край. Помогал в научной экспедиции Мессершмидту, незнавшему русского языка, воспитанный швед — капитан Филипп Иоган Табберт, впоследствии получивший дворянство и фамилию Фон Страленберг.

В 1733/1734 годах сенатом Российской империи, совместно с Российской Академией Наук, была организована вторая Камчатская экспедиция.

Общее руководство экспедицией было поручено капитану-командору Витусу Берингу.

В состав экспедиции входило более 600 участников. Среди которых были ведущие академики РАН (Российской Ака-

демии Наук) и профессора, в помощь которым были выделены восемьдесят студентов Московской славяно-греко-латинской академии (из «русских людей»). Которые должны были помогать в экспедиции профессорам и пройти практику и обучение в экспедиции, после «самим в профессора вступить».

Среди названных студентов были: Степан Петрович Крашенинников (будущий исследователь Камчатки), Алексей Гор-

Базарная площадь

ланов, Василий Третьяков и другие.

Десять лет проработала экспедиция, охватив всё территориальное пространство Сибири и Дальнего Востока, от Урала и до Камчатки.

В августе 1733 года из Санкт-Петербурга в Кузнецк выехал академический отряд экспедиции, в который входили: доктор медицины, профессор Имелин И.И. и сопровождающий его историк и географ Миллер Г.Ф.

В конце января 1734 года экспедиция прибыла в Тобольск, где пробыла до весны.

Весной 1734 года, когда реки освободились ото льда — поплыли на лодках вверх по Иртышу (через Омск, Семипалатинск...) и в августе достигли Усть-Каме-ногорска. Откуда - на лошадях, переехали в Колываново-Воскресенский медный завод (Акинфия Демидова); затем - через Калманку, на речку Барнаул; откуда — через Калтырак (ныне территория Казахстана, недалеко от города Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области), в начале осени — прибыли в город-крепость Кузнецк, где пробыли немногим более одного месяца...

В Кузнецке экспедиционная группа

1927 г. Вид на Кузнецк с крепости.

разделилась и дальнейший маршрут до города Томска (вниз по реке Томь) — в начале октября 1734 года, проделала двумя экспедиционными группами:

Имелин И.И. — со своей группой (в состав которой входил студент Крашенинников С.И.), поплыл по реке - на лодках;

Миллер Г.Ф. — со своей группой, поехал по дороге — на лошадах.

Описание Кузнецкого Уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года, Миллером Г.Ф.:

«Кузнецкий уезд граничит на юге с суверенной Калмыцкой областью нынешнего владельца Галдан-Церина, на востоке с Красноярским и на севере с Томским уездами, а на западе с расположенными на Иртыше крепостями...

Строительство города или, скорее, первого острога Кузнецка произошло в 1617 году... Момент, когда острог по высочайшему Указу Царского Величества был возвышен и провозглашен городом, падает на 1689 год. Острог, однако, от этого не исчез...

Вне острога находится 500 домов горожан и получающих жалованье служилых и казаков...

Впрочем, к городу следует причислить ещё и Рождественский монастырь, находящийся в двух верстах ниже города, на северо-восточном берегу Томи, напротив устья реки Абы. Сейчас, правда, его лучше называть не монастырём, а пустыней, поскольку монахи его частью умерли, а частью из-за бедности монастыря отравились куда-нибудь в другое место, и сейчас в нём, помимо настоятеля, живут только два монаха.

Город и относящийся к нему Уезд управляются воеводой...

Из числа служилых, получающих жалованье, и здешней ландмилиции, в штате Кузнецка приводятся: 5 дворян, 25 детей боярских, 300 конных и 200 пеших казаков. К чему ещё добавляются 20 абинских татар, ко-

торые также получают жалованье и служат подобно казакам...

Помимо города Кузнецка в Кузнецком уезде имеются ещё шесть укрепленных пунктов: на Оби расположены крепости Би-Катунск (ныне город Бийск) и Белоярск (ныне в районе города Барнаула), Малышевская слобода (ныне в районе города Камсь на Оби) и Бердский острог (ныне город Бердск, в районе города Новосибирска).

На Томи находится Мунгацкий острог или станец (ныне в районе населённого пункта Кранивино, Кемеровской области) и к юго-западу от Оби, в Алтайских горах — Колываново-Воскресенские медные заводы дворянина Акинфия Демидова.

Каждый пункт, как и город, имеет определённые русские деревни, находящиеся под его управлением. И это приводит к тому, что Кузнецкий уезд делится на 7 низших дистриктов (административных территорий подчиняющихся городу).

Каждый дистрикт имеет свой воинский гарнизон, который состоит из казаков, которые за свою службу освобождаются от подушной подати и пользуются свободным хлебопашеством.

К дистрикту, относящемуся непосредственно к городу Кузнецку, причисляются: большое село с церковью — Ильинское или Красноярское, которое находится в 14 верстах от города на западном берегу Томи и снаряжено артиллерией из двух трёхфунтовых и четырёх двухфунтовых медных пушек; а затем ещё 45 простых деревень. Которые расположены частью на Томи, выше и ниже города, частью на Кондоме, частью на Абе, частью на Ускате, частью на реке Бачат, и частью в верховьях реки Чумыш.

Эти местности были заселены самыми первыми, так как они получали наибольшую защиту от города...

Старый Кузнецк

В 2018 году Новокузнецк празднует свое четырехсотлетие. Однако самому Новокузнецку всего 86 лет, а истинный Кузнецк стоит на правом берегу Томи уже четыре века, и именуется ныне как Кузнецкий район, а в народе — Старокузнецк.

Не так много осталось от самого Кузнецка. Базарная площадь сегодня на-

зывается Советской, на ней величественно вознес к небесам золотые купола Спасо-Преображенский собор. Жалко ютится за нуворишами из железа и пластика здание с высокой крышей — это бывшее окружное казначейство. Считается, что это второе каменное здание Кузнецка, построенное в 1780 году. Первым каменным зданием в городе была, сегодня не существующая, Олигитриевская церковь, в которой венчался Федор Михайлович Достоевский с Марией Исасовой.

Напротив Спасо-Преображенского собора располагается, чудом сохранившийся, дом купца Фонарева. В начале улицы Ленина расположен целый комп-

строенный храм. И для ускорения работ по строительству второго этажа храма «Г. Тобольский и Томский Генерал Губернатор и кавалер предписал выслать необходимое количество людей из пересылаемых в Сибирь на поселение для сооружения каменной церкви. При всем этом создавать им благопристойную плату, в дополнение к кормовым от казны деньгам, из суммы, собранной на строение церкви». В декабре 1822 г. в Кузнецк были высланы 11 пересыльных колодников, а в апреле 1823 г. — еще 30 для делания кирпича. В конце конов, в 1830 г. строй работы подошли к концу. Однако еще 5 лет длилось работы по отделке — штукатурка, покраска, остек-

ление, живописные росписи. Иконостас был устроен весь новый, иконы «писаны» в 1833 г. в городе Туринске. Храмовая икона Николая Чудотворца «писана» в Москве в 1836 г. В 1832-1833 гг. вокруг собора была построена каменная ограда

с 2-мя воротами с южной и северной сторон. В 1838 г. в Ивановской церкви поставлены в иконостас новые иконы, писанные в Москве в «греческом вкусе». Устройством иконостаса управлял церковный предводитель заводский крестьянин Василий Рошков. В 1839 г. в алтаре был залит металлический пол из чугуна Гурьевского завода.

В строительстве каменного Спасо-Преображенского собора воспринимал конкретное роль его предводитель, городской арбитр (1844-1846 гг.) — Иван Семенович Конюхов, так 17 декабря 1837 г. на колокольню был поднят колокол, отлитый в Вятской губернии в городе Слободском на его средства. Иван Семенович Конюхов — создатель известной «Кузнецкой летописи» (в его доме по улице Володарной (рядом с собором) размещается на данный момент историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость»). Долгое время в архиве храма хранилось его подробное историческое описание, сочиненное в 1838 г. Со слов А.С. Шадринной, бывшего директора новокузнецкого историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость», «Летопись» — «подлинная энциклопедия жизни кузнецян XIX века с бытовыми подробностями, высочайшей духовностью и назидательностью». В молодости Иван Семенович нередко навещал собственного отца, жившего в кельях старцев — пустынножителей Зосимы и Василиска, дискутировал с ними, что не имело возможности не сказаться потом на всей его жизни.

Благословенные Богом преподобные старцы Зосима и Василиск, с 1798 года в направлении 24 лет не один раз причащались Святых Таин Христовых в Спасо-Преображенском соборе, сейчас они прославлены в лике святых. Святые мощи старца Василиска почитают в монастыре Всемилового Спаса г. Екатеринбург (ул. Бисертская, 12-а). Старец Зосима по блаженной собственной кончине лежит в Троице-Олигитриевском женском монастыре под Москвой. Известна икона преподобного Василиска и преподобного Зосимы, написанная сестрами Ново-Тихвинского монастыря Екатеринбургской епархии, на которой святые, разлученные при окончании земной жизни собственной, по-

встречались и уже никогда не расстаются в жизни нескончаемой. На месте жительства старцев в 1999 году новокузнецким священником Василием Лихваном установлен поклонный крест.

В общей трудности строительство собора длилось 43 года. Праздничное освящение состоялось 5 августа 1835 г.

Вид на храм, располагавшийся на высочайшей береговой террасе реки Томи, раскрывался еще при подъезде к городу. Белый храм отражался в речной воде, сверкая золочеными куполами. Длительное время Преображенский собор с его сорокаметровой колокольной был самым высочайшим сооружением Кузнецкого уезда и одним из самых больших в Сибири.

Архитектура Спасо-Преображенского собора более тяготеет к классицизму, хотя некие элементы декора есть возможность отнести к барочному стилю.

Нижний этаж храма прост по декоративно-пластическому убранству, окна — обычный прямоугольной формы с ординарными наличниками. Окна второго этажа имеют полуциркульное окончание и рельефные наличники. 2-ой свет храма представлен маленькими круглыми окнами. Огромную декоративность фасаду церкви присваивают карнизы, венчающие все объемы, двоянные колон-

Спасо-Преображенский собор.

ны на главном храме и колокольне, четыре красочных башенки-барабана, луковичные главки с крестами.

Толщина стенок храма — 1,5 м, а в месте примыкания трансной и колокольни доходит до 2 м. Длина церкви 43 м. Высота центральной луковки храма составляет 35 м, а луковки колокольни — 40 м. Собор был возведен на бутовом фундаменте. Основной строительный материал — кирпич, который укладывался на крепком известковом растворе. Кладка снаружи и внутри штукатурилась и белилась в светлые тона. Крыша и главки покрывались краской. Сначала XX века высшая часть церкви была выкрашена в зеленоватый цвет, а стены — в белоснежный.

В 1885 г. на средства негодника С.Е. Шукшина около собора была построена каменная часовня во имя Иверской иконы Божьей Мамы в память страдальческой кончины царя-освободителя Александра II. В текущее время часовня не сохранилась. По своим формам она была близка к архитектуре храма и была обнесена каменной оградой.

В середине XIX в. при соборе открылась церковно-приходская школа.

В 1890-х гг. к приходу Спасо-Преображенского храма относились две цер-

кви — Успенская на кладбище и Надвратная Ильинская в тюремном замке, также две часовни во имя Вознесения Господня на Крепостной горе и во имя Иверской иконы Божьей Мамы. Кроме этого, в близкорасположенных от города деревнях до 7 часовен и приходных домов также относились к приходу собора.

Во время антиколчаковских выступлений в декабре 1919 г. храмы и часовни Кузнецка очень пострадали. Спасо-Преображенский собор сгорел. Колокола с колокольни упали на землю. Остался только пустующий остов. Предстоящая судьба головного храма Кузнецка была типична для тех пор. Сколько их, позабытых, заброшенных церквей, колоколен, часовен, осталось по всей РФ, сколько памятников было утрачено...

В 1926 г. нижний этаж, пострадавший от пожара храма, был приведен в относительный порядок, и в нем возобновилась служба, которая длилась недолго. В 1929 г. в помещении закрытой уже церкви разместился геологический музей. В конце конов, в 1934 г. храм был закрыт. В 1937 г. дискуссировался вопрос о приспособлении строения церкви под музей. Однако такое приспособление не состоялось. Некогда время в здании церкви располагалась школа комбайнеров, а в конце 1930-х г. — хлебопекарня. В послевоенные годы здание храма было совсем заброшено.

Во 2-ой половине 1980-х годов на заброшенный храм направили внимание. Предполагалось сохранить собор, как монумент истории и архитектуры и расположить в нем органной зал. Обществу охраны памятников города поручили заниматься заказом инструмента в Германии. Из Москвы был приглашен спец по органам для обследования строения. В ожидании приезда спеца велась чистка собора от долголетнего мусора. Устройством и вдохновителем этого великодушного дела была Н.П. Ишкова, председатель городского общества охраны памятников. В деле возрождения храма участвовали неравнодушные к судьбе монумента горожане и учащиеся СШТУ № 52.

В месяцы работы было вывезено более 40 КАМАЗов хлама. В алтаре за долгие и длительные годы под горами мусора образовался слой мерзлоты, с которым дети не имели возможность совладать. Тогда и к работе были привлечены «колодники» — 6 заключенных из местного СИЗО. Практически, как и 150 годов назад.

Вместе с этим в конце 80-х гг. православные верующие обратились в городской Совет народных депутатов с просьбой о передаче им храма. По оценке спеца, храм совершенно подходил под органной зал. Однако Совет народных депутатов в 1989 г. принял решение передать собор православным верующим.

Весной 1994 г. вокруг строения собора были построены леса, началась закладка стенок. В 1997 г. главный купол церкви и купола колокольни покрыли медью. На нижнем этаже уложили мраморный пол с обогревом. На Кузнецком металлургическом комбинате были сделаны кресты на луковичные главки. В 1999 г. были сняты все леса с храма, окончены работы по отделке. Купола собора покрыли позолотой.

Осенью 2004 года реставрационные работы и росписи собора завершены. Спустя 15 лет, в 2004 году Спасо-Преображенский собор с практически 400-летней историей собственного прихода, разрушенный и омытый кровью страдальцев в советскую эру, праздновал свое новое рождение.

(По историко-краеведческим материалам Кузбасса).

Олигитриевская церковь и здание казначейства.

лекс дореволюционных построек Казенного винного склада №8 (сейчас это Новокузнецкий ликеро-водочный завод).

И над Базарной площадью возвышается Кузнецкая крепость или как её именovali в древности тюремный замок.

Остальное было просто снесено.

Судьба сохранившихся зданий — как отражение той эпохи в которую они строились и действовали.

Трагична судьба Спасо-Преображенского собора. Это один из удивительных памятников истории Кузбасса, единственный монумент культовой архитектуры конца XVII-начала XIX вв., сохранившийся в городе Новокузнецке, определяющий вид города, его культурное наследие.

В феврале 1986 г. по инициативе главного архитектора города А. И. Выпова, архитекторов В.Н. Усольцева и М.Н. Клочкова горсовет принял план сотворения историко-мемориального комплекса, куда в качестве доминанты был должен войти восстановленный Спасо-Преображенский собор. Сейчас собор не заходит в обозначенный комплекс, однако остается историческим монументом Новокузнецка.

Собор строился на народные деньги.

В 1621 г. в Кузнецком остроге был возведен деревянный во имя Преображения Господня храм. Иконы, утварь и два колокола для него были подарены царем Мишей Федоровичем. Во время пожара 1734 г. храм целиком сгорел. На том же месте за несколько месяцев был построен новый деревянный шатровый храм.

В 1792 г. 14-го мая по благословенной грамоте архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама рядом с уже ветхим деревянным храмом было заложено каменное здание Спасо-Преображенского собора. Строительство нижнего этажа храма производила артель иркутских каменщиков под управлением «подмастерья каменных дел» Почекунина. «Достройку собора производили рабочие люди, заподраженные за определенную плату». Собор возводился двухэтажный, трехцветный, с 3-мя престолками: на нижнем этаже — во имя святого пророка Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, на втором — во имя Преображения Господня. Освящение нижнего этажа было доверено кузнецкому заказчику протоиерею Якову Арамилскому и состоялось в 1801 году. Строительство же храма было остановлено в связи с отсутствием средств.

Исключительно в 1822 г. губернские власти направили внимание на недо-

Иван КОЖЕМЯКО

Иван Иванович Кожемяко - автор многих книг — профессиональный военный, академик, профессор, всю свою жизнь посвятил служению Отечеству, Великой, Единой и Неделимой России в рядах Вооруженных Сил, генерал-майор. Родился 29 февраля 1948 г. Детство и юность провел в Крыму. Окончил Вильнюсское военное радиотехническое училище в 1969 г., Белорусский государственный университет в 1980 г., Военно-политическую академию им. Ленина в 1985 г.; служил в Вооруженных Силах СССР и РФ на различных должностях. 1992—1998 г. г. — помощник начальника Главного штаба Сухопутных войск. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, семнадцатью медалями, а также двумя орденами Демократической Республики Афганистан. Имеет дочь и трех внуков.

Светлой памяти моего сына СВЯТОСЛАВА, его 45-годовщине со дня рождения (24.02.1973 г.)
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Мальчик мой родной! Даже взгляд на твою детскую фотографию говорит о том, в какой ты любви появился на свет и какая любовь от тебя исходила к людям.

Я всегда вспоминаю необычайную щедрость твоей души по отношению к твоим друзьям, которым ты уже с детства был готов отдать и последнюю рубашку.

Милый ты мой малыш! Сколько мы с тобой провели времени на выставках, в музеях, так как я очень хотел, чтобы ты вырос настоящим человеком. И ты им был всегда...

Самое же главное, что ты был настоящим военным профессионалом, поэтому и щадил людскую кровь, кровь своих подчинённых. Только вот нерассчётливо жил сам и никогда не берёг и не щадил себя.

Помню, как ты всегда говорил: «Если быть, так быть лучшим!». И норовил этому правилу следовать всегда. Ты не посылал своих подчинённых на встречу с опасностью, а вёл их. И они платили тебе за это любовью и уважением.

Я хорошо знаю, мой родной, за долгую службу, что если бы не погибали лучшие, то погибли бы все.

Вот ты и сделал всё от тебя зависящее, чтобы остались живыми твои подчинённые, но не сберёг себя сам.

ПОКА ЖИВУ — ЛЮБЛЮ И ПОМНЮ, МОЙ МИЛЫЙ СЫН.

Крымские миражи

Часть вторая
Заметки на полях

Я даже не могу объяснить, почему именно эти герои давно минувших времён стали являться мне еженощно во время пребывания в Крыму. Кого не пересканила эта дивная крымская явь. Какие судьбы, какие таланты, какое кипение страстей являло себя миру под крымскими звёздами!

Наверное, со дня обретения этой благословенной земли Россией, после пролитых рек крови, с Крымом связаны судьбы практически всех даровитых людей, граждан Отечества, которые составляли его честь в разное время.

Святослав и Ольга, Владимир — Креститель Руси; позже — дерзновенный Потёмкин, Суворов, Кутузов; великие флотоводцы Ушаков, Орлов, Нахимов, Корнилов, Истомин, Лазарев; граф Толстой; генералы Раевский, Врангель; совесть земли русской — Куприн, Бунин, Чехов; герои нового времени Фрунзе, Миронов; погибшие, но спасшие человечество герои Аджимушкай и Севастополя...

Нельзя им числа. И даже упомянуть всех,

кому Крым даровал возможность творить, вдохновил — невозможно.

Но, странное дело, не все они являлись в этих, таких желанных ночных видениях.

А вот устойчиво, еженощно, ко мне приходили в сновидениях молодой поручик Лев Толстой, генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский, Антон Павлович Чехов, князь Юсупов, неукротимый Потёмкин...

Мы вели с ними неспешные беседы, и я чувствовал, что я не сторонний наблюдатель их жизни, их дерзновенных деяний и творчества, а непосредственный участник тех давних событий. Было дорогое, что они с уважением относились к моей точке зрения, моим рассуждениям и оценкам.

Правда, как сказал мне однажды Николай Николаевич Раевский: «Вы судите о событиях, участниками которых мы были, как исследователь, историк, а не как их непосредственный участник. Вы пугаете меня какими-то выводами, которые мне неизвестны, которые не прошли через мой разум и мои чувства».

Я не раз и не два присажался, добирался по морю до дачи Чехова, красивого, уютного в прохладе итальянских сосен

дома генерала Раевского, мерил и мерил своими ногами равнины Севастополя, где сражался с иноземным нашествием молодой артиллерийский офицер Лев Толстой, бродил по дворцу князя Юсупова, улицам Бунина и Куприна...

И затем, долгими ночами, мы беседовали с ними о тех далёких и уже ставших историей событиях...

Герой Боролина

Не знаю, почему в Крыму я стал читать книги о генерале Николае Николаевиче Раевском. Многого знал об этом человеке. О его безукоризненном и щепетильном понятии чести, прямоте и скромности.

Кто, скажите, способен заявить Государю Александру I: «Нет, Государь, титул графа я не приму. За честь — спасибо. Но мне это совершенно не нужно. Выше чести и звания, нежели солдат, защитник Отечества, я не знаю. И так отмечен Вами сверх меры. Спасибо, Государь. А большего мне и не надо!»

И хотя это сильно уязвило Александра I, но ничего более не сказал Раевскому, а лишь протянул ему Указ, где было велено Высочайше: ввести в Государственный

Совет Империи генерала от кавалерии Раевского Николая Николаевича.

— Спасибо, Государь. Как всегда, буду верой и правдой служить Отечеству нашему.

Александр Николаевич поморщился и сам первым вышел из огромного кабинета.

Очень понравилась и запомнилась искренняя характеристика Наполеона, против войска которого генерал Раевский воевал многократно и никогда не был побеждён: «Этот генерал сделан из того материала, из которого делаются маршалы».

Честная оценка высокого противника, что тут скажешь другого.

Так высоко генерала Раевского, его дар военачальника в своём Отечестве не оценили. И виной всему — его неуживчивый и прямой характер.

Он не искал выгод от расположений и знакомств, не гнул спину и не склонял голову перед теми, кто мог, в одиночестве, более удачно решить его судьбу.

Я отчётливо видел в одном из своих сновидений, как Милорадович, командовавший к тому времени Петербургским военным округом, обошедший Николая Николаевича в милостях и отличиях, и уже готовившийся, прошёл слух, воздвиг тяжёлые золотые фельдмар-

шальские эполеты на свои плечи, сам, без приглашения, явился на квартиру генерала Раевского.

Тот неслыханно удивился, но учтиво и как настоящий хлебосольный хозяин принял высокого гостя. Раевский вспомнил, как они с Милорадовичем командовали в кампании 1812 года соседними корпусами.

Милорадович всегда был шумным, любил внешние эффекты и почести. Умел даже самый ничтожный успех превознести до небес и засвидетельствовать Государю, Главнокомандующему русской армией, мысль о том, что только благодаря его гениальности и дару предвидения этот успех и стал возможным.

Нередко ситуация складывалась прямо анекдотичная: царь не только одобрял деяния, за которые его славословил Милорадович, но и резко им противился, и об этом все знали.

Но не знал святая душа, Николай Николаевич, что Милорадович почти ежедневно писал личные депешки Александру I, в которых давал уничижительные характеристики и Кутузову, и Багратиону, и Ермолову, и Барклаю де Толли, и царевичу Беннигсену, и даже ему, грешному.

Недоумённо изумлялся Кутузов, даже жёлчный Беннигсен кривил свои бесцветные губы, когда на Милорадовича, без ходатайства военного вождя, полился щедрый дождь наград и иных отличий.

Государь в своих рескриптах ставил деятельного и распорядительного генерала всем в пример и отмечал его как действительные, а таковых тоже было немало, так и совершенно мнимые заслуги.

Сегодня же, выпив домашней наливки, а её у Раевского готовили отменно, стал говорить какими-то загадками, чем вверх Раевского в изумление:

Николай Николаевич, в России складывается особая обстановка. Война и дух победы над узурпатором, увиденное в Европе уж тринадцать лет волнует лучшие умы воинства, дворянства.

Мы все отчётливо понимаем, что в России... э... следует предпринять энергичные меры по установлению... более справедливого строя, при котором действительно заслуженные люди получают возможности и доступ к управлению государством. Мы полагаем, что в это время Вам надлежит быть с нами, с теми, кто и сможет сформировать органы управления, подготовить соответствующие законы будущего государственного устройства России.

Раевский поблел. Встал, величественный, в своём расстёгнутом сюртуке, без эполет, из-за стола и гневно ответил:

— Ваше Высокопревосходительство! Род Раевских всегда служил Отечеству и Государям России честно. Ни в какие дворцовые интриги не вмешивались и не вступали. Полагаю, что и сейчас честь рода не будет замарана святотатством отступничества и измены.

И, уже впадая в ярость, прокричал:

— Как Вы смеете, мне, Раевскому, предлагать стать карбонарием? Тогда и Вам, милостивый государь, следует вернуть Самодержцу Всероссийскому все награды и отличия, отречься от Присяги, и только в этом случае Ваше отступничество можно будет как-то оправдать.

Прошу Вас оставить мой дом и более в нём ни при каких обстоятельствах не появляться! Честь имею!

Милорадович поблел, но опыт и практика интриг закалила его характер уже так, что он спокойно и взвешенно произнёс:

— Благодарю Вас, Николай Николаевич. Не много найдёшь сегодня верных людей. И простите, я вынужден был и с Вами говорить в таком ключе, так как я уже и не знаю, кому верить. Приходится остерегаться.

Тем более, Николай Николаевич, я думал, что Вы — засидно со своим зятем, князем Волконским. Мне достоверно известно, что он играет ключевую роль среди заговорщиков в армии.

Раевский поблел. Он тут же вспомнил свои многочисленные разговоры с князем Сергеем Волконским, мужем его любимой, младшей дочери.

Тот в последнее время совершенно изменился. Открытость и сердечность оставили его. Он стал каким-то желчным, замкнутым и всё чаще уходил от прямых вопросов Раевского о причинах его скрытности и тревоги.

— Князь Сергей, — однажды вечером обратился к нему Раевский, — я бы не стал Вас тревожить и лезть Вам в душу, ежели бы не судьба дочери.

И по праву отца я должен знать, что с Вами происходит? Это ведь напрямую затрагивает её и Ваше будущее, будущее моих внуков. Тем более, что Вы скоро станете отцом. Извольте ответить прямо и честно.

Волконский ступевался, покраснел, но взгляд свой от лица Раевского не отвёл и стал говорить:

— Николай Николаевич, полагаю, что Вы прекрасно понимаете сами, что то устройство общества, в котором пребывает Россия, совершенно несправедливо. Миллионы людей поработаны, пребывают в ужасающей нищете и невежестве. И мы, патриоты России, взяли за дело переустройства общественной жизни.

Наш идеал — ограниченная конституционно монархия. Во главе с просвещённым монархом и сильной властью Государственного Совета, состоящего из самых достойных людей России.

— И конечно, князь Сергей, — перебил его Раевский, — Вы, Пестель, Трубецкой, этот немец, с которым Вы у нас гостили накануне... Как его?

— Кюхельбекер!

— Да, Кюхельбекер, — в числе этих самых достойных людей. Так?

— Ну, — замаялся князь Сергей, — не только. Мы рассчитываем и на других прославленных участников войны, среди которых — Вы, Николай Николаевич, Милорадович, Беннигсен...

Раевский гневно вскочил из кресла и почти пробежал по комнате:

— Вы, князь Сергей, эту мысль отбросьте. Бредовую! Никогда, слышите, никогда род Раевских не осквернил себя духом якобинства. Мы всегда супротив неприятеля стояли, лицом, не хоронясь от стрел — ранее, затем — от пуль и картечи. Но в подобных деяниях, о которых Вы здесь говорите, никогда мы не принимали участия. Не стану исключением и я. Честь имею, князь! — и Николай Николаевич быстро вышел из кабинета.

Так и не узнал бесхитростный и прямой Раевский, что Милорадович и был верхушкой заговора.

И вот он, злой рок судьбы — его же сторонник, заговорщик Каховский, не зная, что Милорадович и стоял во главе заговора декабристов, застрелил того на Сенатской площади как командующего войсками Петербургского военного округа, а поэтому, по мысли Каховского, неизбежно — верно царского сатрапа.

Не случись этого, ещё неизвестно, чем бы закончилось это противостояние и была ли вообще пущена в дело картечь против смутьянов.

Более Раевский с зятем не виделся дома.

И когда тот, в бурную ночь, покидал его имени, оставляя на руках Николая Николаевича свою жену, любимую дочь генерала, Раевский, тот же час, по его уезду, направился на половину дочери:

— Машенька, друг мой, ты должна вы-

слушать меня. Я не знаю, говорил ли с тобой об этом князь Сергей, но я скажу тебе прямо, как отец — он встал на страшный путь, путь измены Государю и Отечеству. И на этом пути его ждёт бесчестье, позор и опала, если не самое худшее.

Мария заплакала, но Николай Николаевич был неумолим и жёстко продолжил:

— Я не хочу не только сочувствовать ему и поддерживать в этом страшном заблуждении, но как человек пристойный и слуга Государев обязан доложить об этом!

Мария кинулась к нему:

— Папинька, Вы не смейте. Иначе я тут же уйду из дома. В мир уйду, в монастырь, куда угодно!

Раевский смик. Он хорошо знал свою дочь. И уже мягче сказал:

— Душа моя, ты не горячись. Тебе, вон, скоро рожать. А с ребёнком я тебя никуда не отпущу. Это запомни твёрдо, — уже жёстко и однозначно заключил он, — Никуда! Мой внук или внучка будут расти здесь, со мной. И это не обсуждается даже более, если ты моя дочь.

И он, вскинув вверх правую руку, даже прокричал:

— Иначе — прокляну!

Я, как участник этой драмы, даже съёжился. У меня замерло и остановилось сердце.

Он был прекрасен в своей решимости и непреклонности, как и тогда, в роковой миг на Бородинском поле, когда под градом картечи и пуль шёл с сыновьями умирать за Отечество.

— Иначе, Мария, ты меня знаешь, прокляну! И ты будешь отлучена от родительского порога навсегда. А я, приняв такое решение, тут же умру и сам.

Конечно, я знал, что это были последние месяцы Марии в родительском доме.

Вскоре и князь Сергей будет арестован. Новый Государь лично будет допрашивать его. И скажет ему горькие, но такие справедливые слова:

— Чего Вам, князь, ещё не доставало? Вы были облаканы монаршими милостями более иных. Буквально двух дней не хватило, чтобы я произвёл Вас в генералы. К своей коронации хотел. Прекрасная семейная партия...

Я просто поражаюсь, как Вы, Трубецкой, могли выступить против своего Императора. Вы, введённые в круг ближайших соратников Самодержца Всероссийского, его же и предали.

Внимательно посмотрел в глаза Волконскому и с горечью добавил:

— А я считал Вас более иных заслуживающего моего расположения и дружбы. Да, дружбы! Я Вас считал именно в кругу своих друзей. Самых близких и доверенных.

Волконский сразу поник и постарел при этих словах на годы...

Николай I подошёл к Волконскому и собственноручно сорвал с него тяжёлые эполеты и орден Георгия IV класса.

— Полагаю, что так будет справедливо. Вы не имеете права носить эти высокие отличия. Предатель высшими наградами империи не увенчивается. Иначе — тогда порочна сама власть.

И поспешно вышел из зала.

Я всё это видел столь отчётливо, более того, чувствовал себя непосредственным участником этих событий. И я... всецело был на стороне Государя. Ведь он действительно был прав.

Всё зло на Земле вершится с благословения и по воле отступников и предателей, причём, сокрытых и тайных. Тех, на кого подозрение падает в самую последнюю очередь.

И вот в бурную ноябрьскую ночь, когда ветер стонал в верхушках кипарисов, а море в ярости неистанно бросало неисчислимы тысячи тонн воды на берег, я появился в гостиной у Николая Николаевича.

Он был в своём неизменном военном сюртуке зелёного цвета, цвета гвардии, обшитом красным кантом по вороту и рукавам. Шейный чёрный платок он снял, словно тот душил его, под сюртуком виднелась белая нижняя сорочка.

Грудь его от волнения часто вздымалась. Ему было трудно дышать, несмотря на открытые настежь окна в гостиной.

Он встретил меня как старинного знакомого. Поздоровался за руку, тут же налил из хрустального графина тёмно-красного вина, сам жадно выпил весь бокал, и в волнении заговорил:

— Нет, Вы только посмотрите, что со мной сделали эти карбонарии и отступники. Кроме того, что князь Сергей лишил меня дочери. Вы знаете, она следом за Трубецкой уехала в Сибирь, к месту ссылки мужа...

Тут же перебежал к другой мысли:

— Одна радость — Николеньку не отдал. Вот, растёт отрада души моей!

Потёр с усилием переносицу и продолжил то, что угнетало его душу, не давало ей покоя:

— А сегодня, — у него даже подбородок задрожал, — сыновей арестовали. Якобы и они участвовали в заговоре. Но я знаю своих сыновей. Детей родимых своих знаю. Да, знаю! Под пулями и картечью их вырастил. Они не могли совершить бесчестных поступков.

Они приучены только открыто, глядя в глаза, выступить против каких-то ненормальностей, но никоим образом — не заговорщицки, подло, тайно, скрывая своё имя и своё лицо.

Он перешёл даже на крик:

— Нет и нет! Вот она, цена предательству и подлости. Вот к чему привели игры князя Сергея. Быть в моём доме облаканным — и плести нити заговора? Подло! Подло и бесчестно! За что мне так? — и его плечи затряслись от рыданий.

Он старательно стал растирать лицо руками, которое исказила гримаса боли и гнева. Успокоившись, заговорил вновь, уже тихо, обессиленным и слабым голосом:

— Ответьте мне, Вы ведь уже всё знаете об этом. Как Ваши современники оценивают происходящее сейчас?

— О, Николай Николаевич! В разное время — разные оценки. В советский период, отдавая дань уважения Вашему мужеству на полях сражений, тем не менее — как-то замалчивалась ваша позиция в оценке выступления декабристов.

— Кого?

— Декабристов, Николай Николаевич. Так называли тех людей, что вывели войска на Сенатскую площадь.

— Понятно. Нет, моя позиция была предельно внятной и понятной. Я и адмирал Сенявин выступили за суровейшее наказание отступников. К слову, мы требовали смертной казни в отношении двенадцати человек. В том числе — и в отношении князя Сергея Волконского, Трубецкого. И только милость Государя сохранила им жизнь. Он их помиловал.

И только пятерых Высший суд, а не единоличная воля Государя, осудил к смертной казни через повешение.

— Да, сударь мой, — как-то обречённо и грустно сказал Раевский, — не как воинам принять смерть от пули, а как подлых заговорщиков — в позорной петле.

Нервный тик отчётливо подёргивал правую сторону его породистого лица.

— А знаете, — с новой силой вскинулся он, обращаясь ко мне, — никогда не прошу заговорщикам, никогда, что так мою семью разорили. Машенька — душа, за этим висельником в Сибирь поехала. Видите, навсегда мы разлучились с нею.

Я ведь это к чему Вам говорю — не имел права князь Сергей принять такую жертву. Стыдно, стыдно ему так поступать. А он — обрёл её на такие унижения и ли-

шения. Разве она к ним готова и заслужила их?

Вы не знаете, что Государь повелел всех, кто едет за каторжанами, лишить прав, поразить во всех имущественных, сословных и прочих отличиях и уравнивать с крепостными. Это я для этого дочь растил, холил? — уже просто гремел Равеский, разрывая ворот и так свободной рубашки под сюртуком.

— Вот отвергни он её, скажи, что никогда не допустит и не примет её жертвы — она бы и осталась здесь, Николаенку растила, а так — пропадёт ведь...

Он отёр слёзы платком и заговорил вновь:

— А каково мне самому учинять следствие в отношении сыновей и доказывать Государю, что они не изменники и отступники. Разве я их к этой роли готовил? Я верю им, и их честное слово значит для меня больше, чем оговор, с которым выступил и князь Сергей. Вы только оговариваете ни в чём не повинных офицеров, чтобы себе послабления от следствия поиметь, и за ним следуют и ещё некоторые иные якобинцы.

Он горько усмехнулся:

— А ведь многие из них служили под моим началом. Правда, минуло с той поры почти пятнадцать лет, но что это меняет?

— Да, Николай Николаевич, я знаю это.

— Удалился я и от света. От суеты. Так и живу здесь. Спасибо Государю, в числе многих участников войны отметил и меня куском земли в этом благословенном краю. Вот и обустроиваю его, чтобы оставить потомкам. Хотите, — загорелся он, — покажу усадьбу, парк?

— С радостью, Николай Николаевич!

И мы долго бродили по красивейшему парку.

Особенно меня поразили массив итальянских сосен. Необычайной красоты деревья, с густой, словно зонтик, верхушкой, так подходили, гармонировали с морем, окружающими скалами.

— Был заброшенный, дикий и пустой берег. Бесплодный. А теперь, — Равеский удовлетворённо заулыбался. — Наверное, это моё главное дело жизни. Как у того короля Лира — талант проявился в выращивании капусты.

Мы шли по дивному парку, Николай Николаевич краткими репликами обращал моё внимание на достопримечательности:

— Пушкин вот здесь любил сидеть, — и он указал рукой на уютную беседку, окружённую густой зеленью.

— Нет, нет, Государь щедро отметил своими милостями. Не у многих это случается. Людей — честь и совесть России, увидел, имел радость душевную состоять с ними в знакомстве, со многими — в дружбе. Но и страданий перенесено — кто измерит их и какой мерой?

Но знаю отчётливо одно — я другой судьбы себе бы никогда не пожелал. Всё получилось и всё состоялось так, насколько Господь сил положил.

Служил России верой и правдой, чего желаю и Вам, — и он красноречиво дотронулся рукой до моей Звезды Героя. — Не знаю, что за отличие, какой державы, но вижу, чувствую, что оно дорого Вам.

— Да, Николай Николаевич. Это высшее отличие вчерашней России, именовалась которая Союз Советских Социалистических республик. Империи, если можно так выразиться, даже более могущественной, нежели та, которой Вы служили. Да нерадивые дети не смогли сбросить её и на куски разорвали. Стыдно и горько!

Наших дней уже декабристы Великую державу на заклание принесли, разорили её и по миру пустили. Уже ни Польши, ни Финляндии, ни Восточных госу-

дарств, ни Кавказских нет в её составе.

Равеский оцепенел. И глухо, через минуту, ответил:

— Нет, сохрани Бог дожить до ваших времён. Лучше уж пасть на поле брани, нежели поражение от своих декабристов, как Вы говорите, потерпеть. Нет хуже и изощрённее врага, нежели собственные выкормыши. От них более всего утрат.

Он проводил меня к воротам усадьбы, искренне подсаживая, что я не мог остаться на ужин.

— Будете в наших местах — заходите. Буду рад!

— Спасибо, Николай Николаевич!

...Марево растаяло. Я сидел на скамейке маленького кораблика, который резво бежал по морю от Ялты до Алушты.

По левому борту хорошо был виден зелёно-белый особняк в окружении огромных уже итальянских сосен.

И мне почудилось, что на балконе мелькнула знакомая фигура в зелёном сюртуке, и я явственно услышал голос Николая Николаевича:

«Спасибо, голубчик, за память. За доброе слово. За то, что меня поняли тогда, в нашу встречу.

А я — из вечности, минуточку нахожу, прихожу сюда. Очень люблю свою усадьбу. Жаль только, что жизнь в ней остановилась. А дом без людей не живёт. Ему нужна людская суета, реальная жизнь, досмотр и уход.

Заходите, голубчик, не забывайте старика. Буду очень рад встретиться с Вами вновь. С князем и Машенькой уже только там и встретимся».

Сторонится меня князь Сергей даже там, в жизни вечной? Стал до неприличия плаксивым, эгоистичным. Только он, по его словам, выстрадал более всех.

А что я пережил, как отец? С кем он меня разлучил? С дочерью, сыновьями, пострадавшими безвинно. Спасибо Государю, лично разобрался и снял с них оговор.

А князь так и не простил меня за то, что я голосовал на Государственном Совете за вынесение ему смертной казни, как вору и отступнику.

Так и держится всё больше Пестеля, да Кюхельбекера. Всё с ними коротает вечные дни. И не угомонятся никак. Всё сожалеют, что не случился их верх в 1825 году. А он и не мог никак случиться. Не вся же Россия совесть утратила и честь.

Вот так, голубчик. Прощайте, подошёл мой час и надо возвращаться из милых пенат в ту жизнь, которой никто не минует».

И на дом Николая Николаевича я увидел уходящее в небо свечение, которое вспыхнуло ярко и стало затухать. А вскоре — растаяло и совсем.

И только налетевший вестерок обдал меня свежестью. Я даже удивился: странно, но более ни у кого на кораблике волосы даже не зашевелились, а только у меня рассыпались от налетевшего свежего порыва, да на глазах от чего-то выступили слёзы...

Гетман

Весь Кисв в эту ночь заходил холодом. Да и вся Украина, от Новороссии до Галичины.

В Лемберге, который мы знаем сегодня как Львов, даже сорвало верёвки с крюков, крепко державшие языки колоколов, да те и зазвонили, забили тревожно и страшно, словно в набат при набеге врага на границы Окрайны.

Люди, не зная причины (дома их трясло словно в самое страшное землетрясение), выбегали в ужасе, смотрели на багровое, страшное небо, которое среди зимы сотрясало от ударов грома, его просто разрезали на куски небывалые даже в весенние дни молнии, и от страха

безмолвствовали, будучи не в силах сказать даже единственное слово.

Старый монах, возвращавшийся в Лавру поздно вечером, где он читал акафисты в Храме у тела уснувшего настоятеля монастыря, на площади Богдана Хмельницкого упал на колени и стал истошно креститься:

— Господи, настал судный день наш! Спаси и сохрани! Помилуй!

Его изумлению и ужасу не было предела: на его глазах величественный конь, который нёс на себе именитого всадника, ожил, дико заржал, да так, что зазвенели и колокола в Лавре, и прыгнул со своего постамент на мостовую.

Постоял мгновение на месте, ударил кованым копытом по старинной брусчатке, отчего даже купола Храмов закачались, и медленно понёс своего всадника по улицам застывшего в ужасе Кисва.

Уже через несколько шагов коня, под которыми и земля стонала, осколки каменной брызнули во все стороны с лица Великого Гетмана, и оно ожгло.

Также медленно происходило освобождение всего его тела от каменной неподвижности, и вот уже рука его зашевелилась и грозно сжала богатую, в камнях и золоте, шаблю.

На его лице, без кровинки, застыла зловещая усмешка, от которой люди, а вернее, пелюды, в масках, с какими-то чёрно-красными знамёнами, которых Богдан и не видел ни разу, их было немало на ночных улицах Кисва, теряли здравый рассудок и в ужасе бежали куда глаза глядят.

И только по всем взгоркам, над Днепром, заискали богатые казачьи жуланы, теснилось и готовилось к приветствию своего Гетмана, его войско.

То тут, то там раздавались громогласные возгласы:

— Будь здрав, Батько!

— Слава Великому Гетману!

— Навеки с Россией, до самого смертного часа!

— Смерть врагам нашим!

Хмельницкий даже повод не натягивал, конь сам остановился у того места, где стояла казачья старшина — в пыльных одеждах, с богатым оружием у пояса, пистолетом с золотой насечкой и перначами в сильных руках — полковничьим достоинстве.

Были отчётливо видны среди них те, кто встречал Хмельницкого открыто, с радостью большой, но особняком стояла группа полковников во главе с Богуном, Винницким, которые не прибыли в тот судьбоносный день на Переяславскую Радю.

Хмельницкий бегло оглядел их и обратился к Богу:

— Ну, шо, Ваню, прозрел? Понял, что без России мы мало чего значим? И согнут нас в дугу шляхтичи, если мы будем поводить-то в разные стороны тянуть.

И рука ослабнет, не удержит шаблю против врага, если пальцы растопыренными будут, а не в испорченном кулаке.

Так ведь и получилось — как дорого стоила Украине ваша неразборчивость... Сорок лет я уже был в жизни вечной, а вы всё бились с шляхтой, австрияками, венграми, да так и не смогли одержать победу.

Потому что — каждый за себя был при этом, а не вместе, в единстве и братстве...

— Прости, Батьку, давно это поняли, да вот только выправить эту роковую ошибку было трудно. Поодиночке расправились с нами враги, и ты был уже у Господа, не смог нам помочь, даже затрепину батьковскую врезать, как следует, а надо бы...

— Прозрели, Батьку, — и полковники склонили колени перед Хмельницким,

признавая его правду и силу, и авторитет испорченный.

— Добре, дсти мои. На то он и отец, чтобы и взыскать, если надо, но и пожалеть. Не значу вини за вами. Не значу, отныне...

Пока Хмельницкий говорил с мятежными полковниками, могучий богатырь с полковничьим перначом за богатым поясом бережно погладил коня Гетмана по шелковистой морде, скормил, незаметно, ему кусок густо посоленного хлеба, и, словно у человека, спросил:

— Ну, что, Орлик, узнал? Вижу, что узнал. Спасибо тебе, друже, что верно — века — батьке нанему служишь. Берсти его!

Только тут Хмельницкий заулыбался и обратился любовно к богатырю:

— Ты, Пушкар, словно девку пригожую, оглаживаешь Орлика. Ишь, говорят бессловесная тварь, а как помнит тебя, словно и не было долгой, всковой разлуки.

И тут же, опираясь на руку могучего Мартына Пушкар, тяжело слез с седла на землю, разгладил пыльные усы, и сказал:

— Ну что, брат мой дорогой, обнимаемся?

— Обнимемся, Батько! — и Пушкар заключил Хмельницкого в такие могучие объятья, что тот и охнул:

— Ну и сила же у тебя, братку! И рёбра трещат.

Но было видно, как он был рад встрече со старинным товарищем и боевым побратимом.

— Давно, Батько, ждём тебя. Всё порушили, погань клятая, уничтожили нашу всковую дружбу с Россией и переметнулись к врагу.

— Знаю, полковник, знаю. Они продолжили. А вот те, кто начали отступничество и зраду — где?

— Всех, Батько, доставили, всех, никто не укрылся, кроме... — и Пушкар замялся, глядя в очи Богдану.

— Ты, Мартын, хочешь сказать, кроме Юрия?

— Да, Батьку. После твоей руки — не воскрес и не воспрял. Уж как мы просили Господа, чтобы он поддержал его, чтоб дождался этого суда праведного.

Хмельницкий сурово насунил брови и через минуту заговорил:

— Я тебе всё рассказывал, Мартын, в той, нашей вечной жизни, как было. Сын, кровь моя, но простить не мог. Не мог. И покарал отступника своей рукой за предательство и измену, за то, что врагов на землю русскую привёл.

Пушкар положил свою руку на плечо Гетмана и стал, молча, вспоминать ту стародавнюю историю, которую ему поведал Богдан Хмельницкий:

«Привёл поляков на русскую землю Юрий Хмельницкий. Не по праву, а лишь для того, чтобы унижить деяния мои, из-брали его Гетманом.

Да и лукавые правители, старшина, продажная, во главе с Выговским, растаралась — надо было опорочить имя отца и уничтожить его завоевания великие, и разрушить братство единокровное с русским народом.

К этой роли Юрий подходил как нельзя лучше. Всё задествовали клятые ляхи — и подкуп старшины, и Юрия, слабого душой, ласкатель и шляхетскими вольностями совратили.

И, как всегда, в таком случае — саму дочь Вишневецкого, красавицу неопишущую, но циничную и уже растленную, предоставили ему.

И погиб казак.

Лично обогрил отцовскую шаблю в крови праведной, не одну православную душу жизни этой шаблей лишил. Поэтому и не стерпел я, отпирсился у Господа

на срок малый, да и ринулся на боевом коне навстречу конной лаве ляхов, вылетающей из ворот старинной фортеции.

Под всеми всадниками были все, как один, бурые аргамаки. Впереди других понёлся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели чёрные волосы из-под медной его шапки; висел завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы.

Так и оторонел <Богдан>, — говорил о себе в третьем лице Хмельницкий, — когда увидел, что это был <Юрий>.

А он, между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понёлся, как молодой борзой пес, красивейший, быстрейший и молодой всех в стае.

Аткнулся на него опытный охотник — и он понёлся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись набок всем телом, взрывая снег и десять раз опережая самого зайца в жару своего бега.

Остановился старый <Богдан> и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево.

Не вытерпел <Богдан> и закричал: «Как?... Своих? Своих, чертов сын, своих бьешь?»

Но <Юрий> не различал, кто перед ним был, свои или другие какие, ничего не видел он.

Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри, и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и всё, что создано для безумных поцелусов.

«Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!» — кричал <Богдан>.

И вызвалось тот же час тридцать быстрейших козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи.

Ударил сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине <Юрия>, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи.

Как вскинулся <Юрий>! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь!

Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним.

А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу.

Разогнался на коне <Юрий> и чуть было уже не достигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня.

Оглянулся <Юрий>: перед ним — <Богдан>!

Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и упадает бессильная ярость.

Подобно ему в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев <Юрия>.

И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал <Богдан>, — смотря прямо ему в очи.

Но не знал, что на то сказать <Юрий>, и стоял, утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи? <Юрий> был безответен.

— Так продать, продать веру? Продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребёнок, слез он с коня и остановился ни жив ни мертв перед <Богданом>.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал <Богдан> и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружьё.

Блуден как полотно был <Юрий>; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чье-то имя, но это не было имя отчизны или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки.

<Богдан> выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп.

Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жён очарования, все ещё выражало чудную красоту; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты.

— Чем бы не козак был? — сказал <Богдан>, — и станом высокий, и чернобровый, и лицо как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!

Пушкар даже головой тряхнул, отгоняя от себя это наваждение.

— Шо, Мартын, вспомнил мой рассказ, как Юрия смерти я предал за предательство земли родной, братства нашего, в бранях добытого?

— Да, Батьку, — ответил Пушкар.

И вся жизнь Богдана Хмельницкого, за миг какой-то, пока он тяжело и сурово молчал, прошла у него перед глазами.

Не всеми поступками мог он гордиться, не сразу пришло к нему озарение и понимание того, каким ценностям служить он обязан и должен. Услужливая память унесла его в далёкое прошлое:

«Владислав IV взял из рук помощника золотую саблю и вручил её Зиновию-Богдану Хмельницкому на протянутых руках:

— За мужество, пан Хмельницкий, в борьбе с москалями. Вы со своим отрядом достойно прославились на полях сражений, и Великая Польша этого не забудет.

Хмельницкий непроизвольно взглянул на свои руки, сжал их в кулаки и содрогнулся:

«Сколько же крови на них? Прости, Боже!

Братской, единокровной. На кого поднимал шаблю? На братьев единовесных...»

Но тут уже и спесь, и чванство — было и это, и признание самим королём Польши его доблести — брало верх. И он благоговейно принял саблю, обнажил клинок, поцеловал его и поклонился в пояс королю.

Аудисенция была закончена. Но Владислав ещё на миг задержался подле Хмельницкого, даже положил ему руку на плечо и заговорил:

— Верю, пан Хмельницкий, что Ваша сабля ещё послужит укреплению могущества Речи Посполитой.

— Господарь, прошу Вас об одном — на несколько дней отпустите домой. Давно не был на своём хуторе. Неотложное дело у меня там, — и он даже как-то застенчиваясь, глядя королю прямо в очи.

— В греховной связи живу с Еленой, женой своей хочу её сделать, обвенчаться надобно. Да и сын младший без отца, от рук отбивается. Надо приструнить.

Владислав досадливо поморщился, но тем не менее милостиво молвил:

— Хорошо, пан Хмельницкий, на две... нет, на три недели отпускаем Вас. Решите все вопросы, и жду вас к празднику Святой Марии Магдалены. У нас, — и он даже побагровел от ярости, — один враг, извечный — Русь непокорная, заднепрянская. И ваша сабля ещё послужит укреп-

лению мощи и силы Речи Посполитой.

Это только болтуны, безответственно, провозглашают её границы — от моря до моря. Где они, эти границы?

А мне именно такой и нужна Великая Польша! Это условие выживания нашей древней державы. Иначе её сомнут: с Запада — германцы, с союзниками, а с Востока — русины...

Хмельницкий внимательно слушал короля и только поворачивался в его сторону, так как тот имел привычку говорить, расхаживая по кабинету.

— Великой Польше, пан Хмельницкий, никогда не существовать, пока существует независимая Московия. Это враг извечный, и с ним нам не примириться никогда, вовек!

Хочу, чтобы мой лучший лицарь знал: само существование России и её влияние на Правобережную Украину несёт в себе опасность самого существования Великой Польши. Мы будем бороться с Россией, пока живы.

Лицо короля исказила судорога, он уже начал кричать:

— Ни один лайдак, пан Хмельницкий, с русской стороны, не только оружный, а даже в мыслях пожелавший нам зла, не должен остаться в живых. Мы слишком были... э... мягкосердными. Эта пора минула.

Отныне шляхетное польское воинство должно в беспримерной жестокости покарать русских. За любую, самую мелкую провинность, садить их на кол. Не щадить ни женщин, ни детей.

Весь мир должен содрогнуться от нашей жестокости, иначе нам верх в этой борьбе не одержать.

Уже в не родившихся поколениях должен зарождаться такой ужас пред Речью Посполитой, чтобы москвиты никогда не смели взять в руки меч. Отрубать будем эти руки, за одну лишь мысль о возможном сопротивлении нам!

Хмельницкий оценил.

А Владислав меньше всего обращал внимание на переживания Хмельницкого. Он излагал для самого себя и всей шляхты политику, от которой содрогнётся соседний мир, ибо такой жестокости, непомерной, не знали предыдущие поколения.

Польша совершенно не нужен был народ, населяющий заднепрянские земли. Им нужна была лишь сама земля, богатая и щедрая. Да бессловесные рабы, которые её бы возделывали на благо своих господ.

Хмельницкий замер.

А ведь ещё недавно и он так думал, и так норовил пробиться в верхние этажи шляхты.

И только холодно-оскорбительное, даже презрительное отношение Потоцких-Радзивилов-Вишневецких его остудило: он понял, что никогда ровней им не будет. Не примут они его в свой круг.

Поэтому он поклонился королю по завершению разговора и вышел из дворца.

Мысли, думы тяжёлые не давали покоя: «На какой путь я встал? Служить Польше, которая всегда выступала в роли палача моего народа? Единовесного и единокровного. Нет, Ваша мосьте, так больше не будет!

Решение я приму сам!»

Конечно, Богдан не мог знать, что Украина рано или поздно, но взорвалась бы. Нестерпимым был гнёт польской чванливой шляхты.

И по всей Украине — то тут, то там возникали стихийные восстания, которые шляхта топила в крови, ибо они были разрозненны, и не было сильной, державной руки, которая могла бы объединить праведный гнев народа.

Но случай, который произошёл с Бог-

даном Хмельницким на его родовом хуторе Суботове, явился detonатором для объединения разрозненных казацких сил в борьбе с заклятыми врагами Украины.

Сосед Хмельницкого — коренной шляхтич пан Чаплинский, ни во что не ставил героизм сотника, а потом — и полковника Богдана-Зиновия, везде и всегда пренебрежительно и презрительно отзывался о его ратных доблестях, с ненавистью относился к его младшему сыну, которого только и именовал: «Лайдак, байстрюк, сучье вымя».

Наседжая на мальчишку конём, кричал ему в лицо:

— Ты думашь, Хмель — твой отец? Да эта гулящая сучка-мамышка твоя прижила тебя от таких же убогих, как и весь род ваш!

Никогда, никогда не стать вам, псы кров, вровень со шляхтою, как бы ни стремился твой отец, так как от вас — за версту хлебом, навозом разит.

И он отрезал подростка нагайкой, с заплетённой свинчаткой в конце так, что у того и кожа треснула и разошлась на детских плечах, и ребёнок от боли потерял сознание и упал в придорожный бурьян.

Ярость переполняла душу Чаплинского и он, не удовлетворившись местью, кинулся к воеводе, где оговорил Хмельницкого, что тот-де, собирает казаков против короля, а на самом хуторе организовал склад оружия и боеприпасов.

Верные Чаплинскому люди спрятали в сарай, в скирдах сена на подворье Хмельницкого непригодное, старинное оружие и несколько бочонков пороха.

И когда служки воеводы нагрянули в Суботов с обыском, всё это услужливо было им предъявлено людьми Чаплинского, которые, якобы, неоднократно наблюдали за тем, как завозилось и вывозилось оружие на хутор и с хутора Хмельницкого, да ещё и припели от себя столько, что решением воеводы Богдан-Зиновий был арестован и посажен в острог.

Так бы и сгинул он, если бы верные ему люди не организовали побег и не помогли затем добраться до короля в Варшаву, где Хмельницкий убедительно изложил монарху все свои обиды к Чаплинскому и потребовал защиты чести своей, имущества и земель.

Владислав понимал, что накануне новой войны с москвитами ему никак нельзя ссориться с казаками, которые входили в состав войска Речи Посполитой и были его самой боеспособной частью.

И он наказал Чаплинского. Наказал по-особому, оскорбительно, что вызвало у того новый приступ ярости и ненависти к Хмельницкому — король приказал шляхтичу сбрить один ус и так ходить до той поры, пока он не отрастёт вровень со старым.

Лютую злобу затаил Чаплинский на полковника. Жажда отмщения полностью заполонила его душу и он жил только одной ненавистью.

Не знал Хмельницкий, что его ждёт дома, на родном хуторе.

Какие-то предчувствия саднили душу по дороге в желанный отпуск, но он старался их гнать прочь, любясь окрестностями то с седла, то пересаживаясь — годы-то уже были немолодые — в нарядные сани, где его заботливо укутывали волчьей полстью.

Слаб человек! Не дано ему знать, что его ждёт даже в следующую минуту, миг его жизни.

Мудр творец! Ежели бы знал человек свою судьбу, свою планиду — сколько бы страданий и горя на земле добавилось, сколько бы судеб до срока закатилось, вовлекая в свою воронку горя даже тех, кто и вовсе безгрешен.

Пока схал Хмельницкий до своего Суботова — кровью душа его исходила: не воспринимал он раньше столь остро человеческое горе. Дома стояли пустыми, без хозяев, а в большинстве — лишь в старых головешках встер свистел, да бездомные псы странно выли, так и не покидая родные пенелюща.

И везде вдоль дорог стояли скорбные виселицы, на которых болтались истлевшие останки холопов с натруженными и чёрными руками и потрескавшимися пятками.

«Что же я делаю? — думал Хмельницкий, — с кем я? Разве можно в этом море горя чувствовать себя счастливым, довольным, стремиться к удовлетворению каких-то честолюбивых планов?

И можно ли стремиться стать ровней тем, кто мой народ за быдло считает и сживает его со свету за любую провинность, а то и без вины вовсе, а лишь за то, что они — русины и смотрят на Восток, откуда только и возможно спасение».

Въезд Хмельницкого в Суботов ударил его прямо в сердце.

Ещё дымились руины. От домов остались лишь гусаки глиняных печей, которые смотрели в небо страшно и сиротливо.

У самой усадьбы Хмельницкого, прямо под копыта его коня, которого он горячил острыми шпорами, метнулся управляющий, да и повис на уздечке:

— Батько, прости. Не сберёг я твой дом, сына твоего не сберёг и Елену твою. Да, по правде, змею ты пригрёл на своей груди, так как она и не кручинилась вовсе, когда Чаплинский собственноручно запорол твоего сына нагайкою, до смерти, а тут же приняла его веру поганую, в униатство обратилась и вышла замуж за этого аспида.

Кровь ударила Хмельницкому в голову, и он, прищипорив коня, понёсся, что есть силы, к родному имению. Да его и не было в том смысле, как он его создавал и холил.

Стояли лишь отдельные постройки. А барский дом был полностью сожжён, и только ветер завывал в чёрных дымоходах.

Только и спросив у управляющего — предали ли земле тело его сына, и, получив утвердительный ответ, Хмельницкий тут же отправился в обратный путь...

Даже охрана короля не смела его остановить, молча взирая на его мертвешее лицо. Войдя в покои Владислава, который разбирал почту и удивлённо смотрел на полковника, не понимая, почему он в его дворце, а не дома, Хмельницкий встал у двери и глухо произнёс:

— Ваша мось! Справедливости и защиты прошу...

И кратко обскажал королю то, что сотворил Чаплинский с его хутором и семьёй.

— Пан Хмельницкий — прервал его король, — в этот раз я не встану между вами. Достопочтенные паны имеют сабли, вот пусть на них и докажут свою правду. И свою способность защитить свою честь. Не может же король, как простой мужик, вас разводить с этим... э... Чаплинским. Бросьте ему перчатку, да и навсегда выясните, кто из вас прав... Больше меня по этим вопросам не тревожьте, пан полковник!

И он отвернулся от Хмельницкого, всем видом показывая, что больше говорить на эту тему не собирается.

И Хмельницкий поднял дарованную королём саблю, яростную и беспощадную, только уже на всю Польшу.

Уже первые битвы с поляками показали опытному Хмельницкому, который знал реальную силу войска противника, его нравы и обычаи, спесь и лютую злобу ко всему, что тяготело к Московии, что одним казачеством, которое к тому же было неоднородно, раздроблено, просто разорвано на клочья, с врагом — не справиться.

Внутренние распри и предательство старшины казацкой усугубляли положение.

Не зря об этом времени на Украине говорили, что на двух казаков сразу появлялось три гетмана. И это было правдой.

Кто их уже сегодня и помнит — иуд и изменников выговских, тетерь — дорошенков, брюховецких, ханенок многогрешных, которые на горе народном блюли лишь свой интерес и свою выгоду и предавали, предавали, предавали...

Рек народной крови им было не жалё, только за свою судьбу печаловались, да свои океанные времена хотели продлить на вечные времена.

И когда Царь Московский прислал своих послов в Переслав, Хмельницкий понял твёрдо и однозначно, что главное дело его жизни состоялось.

С Россией на все времена — только в этом было спасение Украины, её защита и её будущее.

Даже в жизни вечной, где отмечен он был Господом по заслугам и получил право на пребывание в раю со своими верными соратниками, Хмельницкий не испытал и не пережил того, что легло на его сердце 18 января 1654 года.

Переслав бурлил, просто кипел от людских масс. Везде — с богатым оружием и в нарядах самых лучших — безбрежное людское море выходило из берегов, колыхалось от края до края на самой большой площади Переслава.

Люди ждали его слова.

И он, под приветственный гул толпы и звон колоколов Храмов Православных, вышел на помост с булавой в правой руке, поднял её над головой, добиваясь тишины на площади, и заговорил:

«Особое у меня к вам, братья, слово сегодня. О самом событии единения нашего с Великой Русью ещё скажут и напишут потомки.

Будут вороги наши злобствовать, и борьба завтра не прекратится, не раз ещё будут пытаться наш союз на прочность. Но сегодня завершается эпоха нашего одиночества в борьбе с врагом беспощадным.

Отныне и навек мы едины с матерью-Россией!

Ведомо-то вам всем, как нас Бог освободил из рук врагов, гонящих Церковь Божию и озлобляющих всё христианство нашего православия восточного, что уже шесть лет живём мы без пана в нашей земле, в беспрестанных бранях и в кровопролитии с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить Церковь Божию, дабы и имя русское не помянулось в земле нашей, что уж вельми нам всем докучило, и видим, что нельзя нам жить более без царя... Православный христианский великий царь восточный есть с нами единого благочестия, греческого закона единого вероисповедания, единого с нами тела церкви с православием великая России, главному имущему Иисуса Христа. Той-то великий царь христианский, сжалившийся над нестерпимым озлоблением православной церкви в нашей Малой России, шестилетних наших молитв беспрестанных не презревши, теперь милостивое свое царское сердце к нам склонивши, своих великих ближних людей к нам с царскою милостию свое прислал изволил, которого естли со усердием возлюбил, кроме его царския высо-

кия руки, благотипнейшего пристанища не обрянем».

Когда он завершил свою речь, площадь всколыхнулась, в воздух полетели шапки, возгласы здравия заглушили всё окрест:

— Батько, будь славен в веках!

— Навеки с Россией!

— До скончания веку — вместе!

— Ворогам нашим — смерть!

После того, как здравия стихли, на помост поднялся посол Царя Московского и зачитал Указ Государя о вхождении Украины в состав России, под её покровительство и защиту.

Казаки в прамах, боевые отметины, плакали, как дети, тут же обнимались со служками московской делегации и вновь провозглашали здравия на общую судьбу, единство и дружбу.

И никто из участников Переславской Рады не знал, да и сам Гетман не знал, что ещё долгие сорок лет будет длиться война с Польшей и её пособниками, своими предателями, из своих глубин.

И до окончательной победы ещё немало крови прольётся и немало казацких жизней закатытся до срока и устремится к своему Гетману, который уже давно будет пребывать под Господним покровительством и служить Ему в той, Вечной жизни.

Все эти картины молнией пронеслись в голову Хмельницкого, пока его верный конь шествовал по ночным улицам Кисва.

Народу на площади прибывало.

И Хмельницкий, выждав паузу, обратился к казакам, с которыми бился за свободу и независимость Малой России против шляхетства польского.

— Братья! У меня сегодня к вам несколько вопросов. Вы все знаете, что я родного сына не пожалел за измену. А что будем делать с этими выродками? — и он указал на жалкую кучку бывших гетманов-предателей — и стародавних, и уже иных времён, после него наставших.

— Батько, на крюк их подвесить, чтоб каждому было видно, что ждёт предателей и изменников!

— Верно, на крюк! Да на этих всковых дубах и капитанах и вздёрнуть!

Более всех визжал Выговский. Когда казаки сорвали с него богатый жупан, разорвали, от горла, тонкую батистовую сорочку, расшитую кружевами, из-под пояса вывалилось рыхлое, жирное тело.

Дюжие казацкие руки тут же свалили его на землю, и уже через минуту он, с истонными воплями, стал возноситься на ветку могучего дуба, подлестым крюком, в крови, за свои рёбра.

Тугая пеньковая верёвка натянулась, как струна. И на ней повис, дрыгая ногами и истонно вопя от боли и страха, первый предатель.

Такая же участь ждала и остальных отступников. К одному из них подступил Хмельницкий, глядя прямо в очи. Медленно проговорил:

— А тебя, пан гетман, что-то я не знаю? Из какого ты времени?

— Батько, батько, да это Мазепа, из той же породы, что и эти выродки. Привёл ворогов наших, после твоих времён, шведов, на русскую землю, Государю изменил, который его собственноручно удостоил высшего отличия России — ордена Андрея Первозванного, вторым после себя, а он, погань, всё продал — и совесть, и честь, и имя казацкое.

— Тогда, хлопцы, и ему такая же участь, как и этим запоранцам.

И он отвернулся от Мазепы, грузного, который тут же стал валиться на колени пред Богданом, хватая его за полы богатого чекмена и только хрипел где-то в утробе своей:

— Попадаи, попадаи, Великий Гетман...

Хмельницкий ногой оттолкнул предателя, которого тут же подхватили казаки и он разделил судьбу с уже покаранными изменниками.

Правда, дух свой поганый испустил раньше, нежели его на крюке, под рёбра, подняли на ветви могучего дуба. Ничтожен и слаб даже в эту минуту оказался Мазепа...

— Любо, Батько, давно уже не видели такой заслуженной участи за дело богомерзкое, за Христопроданство.

— Всех выведем под корень, предатель Руси Великой и Единой!

Хмельницкий поднял булаву и призвал соратников к вниманию.

— Братья, хочу слово сказать!

Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество.

Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические нелюверки.

Всё взяли бусурманы, всё пропало.

Только остались мы, сирые, да, как вдовина после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша!

Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества!

Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по дунне, а не по крови, может один только человек.

Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей.

Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь и там люди! Также божий человек, и разговорись с ним, как со своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те!

Нет, братцы, так любить, как русская дуня, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог; что ни есть в тебе, а... — сказал <Богдан> и махнул рукой и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал:

— Нет, так любить никто не может! Знаю, полно завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребках запечатанные мёды их.

Перенимают чёрт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой со своим не хочет говорить; свой своего продаёт, как продают бездушную тварь на торговом рынке.

Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чёботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, как-то он ни есть, хоть весь извальялся он в сажу и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства.

И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко полую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело.

Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество!

Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведётся так умирать! Никому, никому! Не хватит у них на то мышинной натуры их!»

Казаки дружно загалдели:

— Верно, Батьку, в самую суть, в дуню самую заглянул!

— Спасибо за науку, Батьку, а то коско забыл уже об этом. Так мы напомним! Очистительной грозой пройдем по всей

Украине и ослобоним её от нелюдей и врагов поганых!

— Да, дети мои, уж коль явились мы по воле Всевышнего вновь в этот мир, надо сполна исполнить миссию свою и волю Господню.

Видите, сколько нечисти новой на нашу Украину напало. Хуже ляхов. Даже те не были столь ненасытными и кровожадными.

Он молодо вскочил на коня, сжал его бока столь сильно своими ногами, что тот и запысал под ним:

— За мной, дети мои! На Раду, там окопалась главная нечисть сегодняшней Украины!

И грозная толпа казаков устремилась за своим Гетманом на улицу Грушевского.

Когда в зал заседания Рады вошёл Хмельницкий с казаками, по рядам разомлевших от бездействия депутатов прошёл ропот, адресованный председательствующему:

— Вы, милейший, коль дали добро на съёмки фильма, то хотя бы нас известили!

— Я никакого разрешения не давал, — только и успел сказать тот, ошалелыми глазами сопровождая каждый шаг Хмельницкого.

Грозен и величав был Гетман.

Взошёл на трибуну и словно с ней и обращался к народу всю жизнь, заговорил:

— Ну, что, панове зрадники — продали Украину! За сколько же сребреников?

Как же посмели вы забыть реки праведной крови, пролитые за вольности наши и единство с Россией?

Вы — есть предатели самые страшные в истории Малороссии, скрытые и злобствующие. И прощения вам не будет до века!

Депутат Ляшко пытался что-то сказать, взирая на происходящее, но могучие казацкие руки так трянули его за воротник, что он безвольно свалился в кресло и даже утратил способность к здравой оценке происходящего.

— Хлопцы, а ну, гоните этих мерзавцев на улицу, к народу, пусть он их и судит. Не хочу и руки свои поганить об вас, дышать от этой скверны нечем мне, братья!

Не успел он договорить, как за дверью заседаний Рады раздались крики:

— Батько, Батько, ты только посмотри, какого мы ксёндза униатского изловили! Прятался, клятый, даже своей манишки не снял.

И толпа казаков втащила в зал упирающегося изо всех сил Турчинова.

— Это он, батько, как сказывал нам Святой Николай Угодник перед тем, как Господь на землю нас с тобой для суда праведного отпустил, начал войну на Донеччине и в Луганске. Скольких детей, нелюди, убили! Скольких женщин вдовами стали до срока!

— А что это за земли, не знаю...

— Батько, Великая Россия в разные времена передала Украине свои исконные земли, 12 губерний, с Крымом, получается.

— А что, и Крым Украиной стал?

— Был, Батько, долгие годы, да так себя повели эти, — и казаки указали на Турчинова и иных зрадников, — что не вытерпел народ Крыма и вновь в Россию вернулся...

И тут же новая волна казачьего возмущения затопила весь зал заседаний Рады:

— Дозволь, батько, на кол его! Нету ему пощады!

И беспощадные казацкие руки утащили упирающегося и визжащего от страха Турчинова на улицу, где уже собрался простой люд и с интересом наблюдал за действиями казаков.

И когда вверх взметнулся гладкий кол, на вершине которого извивался рыхлый и толстый Турчинов, в толпе народа раздался одобрителный ропот:

— Так его, палача!

— Заслужил такую кару!

— Всю нечисть, со всей Украины собрал в Киев, чтобы держать народ в страхе, да за кровью и пожарищами спрятать истинные цели свои — поработить Украину, продать её в рабство иноземцам.

Тут из потаённого подъезда, спрятав лица в богатых шпалах, метнулись две женские фигуры. Хотели смешаться с толпой киевлян. Но те сами вытолкали их к казакам, да и указали:

— Сущие иуды, хоть и в женском обличье — это Тимошенко, главная мошенница новой Украины, и Фарион...

— Странная фамилия, таких и не водилось на Украине, — произнёс Хмельницкий, глядя в расширившиеся от ужаса глаза Фарион.

— Да обсе, Батьку, чужеземки, поэтому и не жаль им Малороссии. Не их это страна.

Самые лютые ненавистники России. Всю жизнь лихоимствовали, обирая народ, а теперь — его же, ещё и толкают, обманом и ложью великой, на вражду с Россией.

— И что с ними делать, шановни? — спросили казаки обывателей.

— Как они нашу жизнь, — закричали люди, — превратили в каторгу, так и сами пусть до конца дней своих на каторге и пребывают.

— Тут же казаки содрали с пленниц роскошные паряды, дорогие шубы, обрядили в тряпье и увезли на возке до тюрьмы.

— Батько, Батько, ты только погляди, кого мы на чердаке нашли, укрывался, вражина, стрелял даже и убил сотника твоего Горичвета.

И пред Хмельницким предстал помятый, с лиловым синяком под глазом, Тягнибок.

— О, вражий сын! Сколько времени минуло, а род твой поганый так и продолжает накарывать Украину.

Твой стародавний предок хотел меня отравить, да на горе мне сынок твой, Мартын, — обратился Хмельницкий к полковнику Пушкару, — успел первым выпить бокал, да и вознёсся к Господу, который его за подвиги великие и жертвенность братскую к себе приблизил, на охрану Золотых Ворот поставил с верными казаками, чтобы проходимцы не минавали суда Божьего.

Ты помнишь, Мартын, узнаёшь этого изувера? Не переменилась порока, похож на своих предков, как две капли воды.

— Узнаю, Батько. Минули века, а суть звериная этого рода не изменилась. Ишь, как зыркает, так бы всех и испепелил своим взором.

Молнией сверкнула сабля в руке Боггуна, и голова нелюдя покатила по залу Рады, меж оцепеневших от страха депутатов.

— Батько, а ещё помнишь, как по воле Чаплинского твой хутор жёг и его лайлак Ярош?

Так отпрыск его рода тоже в этом змеином логове окопался, хлопцы и его держали с оружием в руках. Что с ним будем делать?

— А пусть вослед за тем ксёндзом идёт! Нет ему пощады за невинно пролитую кровь!

...Долго ещё продолжался этот праведный суд.

Все получили по заслугам, кто принёс на Украину кровь и боль, слезы матерей и пожарища. Омерзительнее всех вёл себя Яценюк.

Он всё хватал Хмельницкого за замшевые сапоги и норовил их поцеловать:

— Не по своей воле, Великий Гетман!

Повсёрьте, не по своей... Меня заставили!

— Кто же тебя заставил, выродок, так вести себя в отношении народа, обирать его, сеять ненависть и вражду между Русью Великой и Малороссией?

Это же всё равно, что резать пальцы на одной руке — болит одинаково... Как же разделить наши народы — и по вере, и по крови — единые?!!

Пощади, Гетман, те, кто действительно сегодня правит Украиной из-за оксана, заставили! Да германцы с поляками, другие недруги России... Что я мог в этих условиях? За ними — сила, а я — сир и убог!

— Иван, брат, — обратился Хмельницкий к Богуну, — убери ты этого, золотушного, а то я сам срублю ему этот кочан, — и Хмельницкий брезгливо посмотрел на страшное, синюшное лицо Яценюка, у которого и глаза вылезли из орбит от страха и осознания неминуемой расплаты за сотворённые грехи...

— Ну, братья, а теперь всем казацким кругом судите главных супостатов, которые повинны в развале Великой державы, реках крови и народных бедах!

Казаки вытолкнули в центр зала Горбачёва, Ельцина, Кравчука, Шушкевича, Кучму, Ющенко с его американской женой, Януковича и Порошенко, Авакова и Порубия, живых ещё палачей и карателей, которые служили фашистам.

Хотя и не знал этого слова Богдан, но сразу всё понял.

Все они утратили дар речи и не могли даже стоять на своих ногах, ежели бы не дюжие казацкие руки, что держали их за воротники их пальто и мундиров, с трезубом на кокарде фуражек.

— Что заслужили, то пусть и получают. Но кровь, в которой они повинны, вопиёт и неотмщённой остаться не может.

От гадливости сморщился и сказал отрывисто:

— Братья, да на улицу их, а то и стоять рядом невозможно, прямо под себя стали пужду справлять...

И казаки, по его воле, потащили главных супостатов на улицу, где их ждал скорый суд и беспощадный.

Воротились скоро и молча стали слушать Хмельницкого.

— Вы, братья, оставайтесь тут. Народ не зобижайте. Нелюдям воли никакой не давайте. А я отлучусь к Господу, испрошу у него позволения ещё задержаться на Украине.

Не успеем мы в отпущенный им срок навести порядок во всём, да врага одолеть. Больше его стало, чем даже в наше время.

И если позволит Господь — будем готовить Киевскую Раду, сродни Переяславской, чтобы порушенное восстановить. Особенно — с матерью-Россией. Сильно пред ней мы завинились. Надо выправлять.

И он, с одним Боггуном, вышел из здания Рады и вскочил на своего горячего коня.

Тот затанцевал на месте, но Гетман так и не мог его стронуть с места:

— Что, Орлик, почему ты не повинусься?

И тут из темени вышел старенький и немощный уже человек, в мундире неведомом Богдану, с обилием орденов и иных отличий:

— Прости, Батьку, это я твоего Орлика задержал. Не всё задуманное, мило, сделаю на этой земле, а сил уже не остаётся, боюсь, что не встречу и завтрашний день.

Поэтому — на минуточку задержу тебя, славный лыцарь земли Русской. Твоим именем, Батько, был назван орден в но-

вой России, которой ты уже не знаешь.

В пору высших испытаний награждали им наидостоинейших и преданных матери-Родине.

И так случилось, что мне, Батько, и вручили все три степени ордена твоего имени. Не знаю, достоин ли я был этой чести, но в борьбе с врагами не щадил себя, и мой полк, а затем и дивизия, корпус стали гвардейскими за освобождение Украины от фашистов, навски славой покрыли свои Боевые Знамена.

Поэтому, по закону совести и чести передаю их тебе, Батько, для укрепления духа и силы твоей души.

Прими их, эти ордена, как награду от поколения уходящих фронтовиков, и не сверни с дороги, Великий Гетман, правды и совести, доведи дело освобождения Украины от врагов до конца. Только на тебя и надежда.

Хмельницкий молодо соскочил с коня, преклонил колени перед старым ветераном, дождался, пока тот закрепит ордена на его кунтуше уже дрожащими от старости руками, поднялся, крепко обнял тщедушное тело, поцеловал трижды, по православному обычаю, и заверил:

— Не сомневайся, отец, с дороги, на которую встал, никогда не сверну. И пока Малороссия не станет свободной и не вольётся в состав Великой России, с которой только и возможно её процветание и развитие, не выпущу эту саблю из своих рук.

Вскочил на Орлика, гикнул на него, и тот понёсся так, что и Богун еле успевал на своём вороном...

Минули годы...

Молодой монашек, убираясь возле памятника Богдану Хмельницкому, рассказывал эту историю толпе зевак, среди которых был и я:

— Отец мой был свидетелем того, что я Вам вначале рассказывал. А уже последнее и я знаю. Долго пустовал этот постамент — и он указал рукой на известный всем людям гранитный постамент под памятником Богдану Хмельницкому. — А вот два года, как минуло, вернулся Гетман на своё место. Вернулся!

И не просто вернулся, а лишь после того, как вся нечисть исчезла из украинской земли. И Киевская Рада прошла.

И не только Россия с Украиной объединились, а и множество иных народов, которые, казалось, и по вере от нас далеки, и по обычаям, но поняли, что новую жизнь отстраивать можно только в союзе и единстве сил добра и правды.

Видите, ещё даже копыта Орлика не успели окаменеть, да и Батько, словно живой, на нём сидит и указывает булавой своей золотой в сторону матери-России. Довесу пусть так будет!

А на Владимирской горке при этих его словах вспыхнула яркой радугой стела, и на ней засияли сбитые в окаменные времена слова:

«НАВЕКИ — ВМЕСТЕ!»

Малыш, мать которого вместе с толпой зевак слушала монаха, вырвав свою ручку из её рук, бегом побежал к памятнику Богдану и трогательно, и красиво, словно осознавая свою особую миссию, возложил цветок к нему, и счастливо при этом засмеялся, протягивая к маме свои ручки.

Стая белых голубей взмыла над памятником, а из Храмов Лавры ударили колокола, славя жизнь и единство наших народов.

Богдан, на которого я при этом смотрел, светло улыбнулся мне, и ещё крепче сжал руку, в которой крепко была зажата гетманская булава...

Любовь невольницы

Голос Потёмкина разносился по всему ханскому дворцу. Он нетерпеливо покрикивал на своих помощников:

— Ну, что, готово? Мундир, мундир несите! Всё сделали, как я велел? Со звёздой? Эполеты — генерал-лейтенанта?

— Да, Ваше Сиятельство, — ответил потный и дородный генерал.

— Зовите! — решительно приказал Потёмкин.

— Иртеньев, — обратился он ко мне, но голос притушил и сказал только мне слышное, — как обряжу бусурманина в мундир, подань саблю.

— Всё сделаю, Ваше Сиятельство! Как Вы велели — ответил я, держа в руке богатую, в кованых серебряных ножнах, саблю с Георгиевским темляком.

Двери парадной залы открылись, и в них появился низложенный хан Давлет Гирей. Потёмкин душевно обнял его и, держа за плечи, обратился ко всем присутствующим в зале:

— Милостью Государыни нашей, новый генерал-лейтенант в воинстве русском сегодня появился. Это ты, хан!

И он, расстегнув самолично золототканый халат на Давлет Гирея, снял его и облачил вчерашнего хана в генеральский мундир.

— Ну вот, хан, мундир генерала русской армии — он удачливее твоего халата. Носи его с честью, не посрами!

Трудно сказать, что было на душе низвергнутого хана. Но стоял он перед Потёмкиным пунцовый, в непривычном для него мундире, и как только Светлейший отвлёкся от него (другим гостям внимание оказывать тоже было надобно), поспешил выйти из зала.

Не знаю почему, никто мне такого приказа не отдавал, но следом за ним вышел и я. Вроде, как офицер для поручений.

А если уж честно — то скорее душеприказчиком его, телохранителем себя определил, так как ещё неизвестно, как это событие — отказ навечно от ханства и принятие на себя знаков отличия генерала русской службы, оценит его окружение.

Хан молча посмотрел на меня и ничего не сказал, тем самым согласившись с моим присутствием возле него. А уж в каком там качестве — было совершенно неважно.

Так началась моя недолгая служба возле новоиспечённого генерал-лейтенанта. Ко мне он относился очень внимательно, хотя был всегда немногословным и никаких чувств не проявлял. Говорил очень мало, взвешивая каждое слово. Я вёл его переписку, сопровождал во всех поездках.

И Потёмкин, видно, Давлет Гирей к нему обратился, лично приказал мне неотлучно находиться возле бывшего хана.

— А чтоб ему не было так обидно, жалую тебя, поручик, капитанским чином. Не милость это, заслужил. Сам Михаила Илларионович Кутузов просил за тебя, за отличия в боях на перевале. А это, капитан, от меня лично тебе на память, — и он, приняв из рук адъютанта богатую старинную шашку, в серебре, протянул мне на вытянутых руках.

Благоговейно приняв клинок, я поклонился Светлейшему князю и сердечно его поблагодарил.

Каждый день в отведённых мне покоях стол накрывала молодая невольница. Лица её я не видел, дивным огнём горели только глаза, но по угадывающимся очертаниям тела под шёлковой одеждой, её гибкости, было видно, что она очень молода.

Её маленькие изящные ножки в золотых туфельках не давали мне покоя, и я долго не мог усидеть за своим столом тём-

ными ночами, предаваясь беспочвенным мечтаньям.

— Милая девушка, не бойтесь меня и не сторонитесь, — сказал я в один из дней. — Я не причиню Вам никаких неприятностей. Вы понимаете наш язык?

Она только утвердительно закрыла свои тёмно-карие, с золотинкой возле зрачков, глаза.

И это было счастьем. С этого дня я уже с нетерпением ждал её появления. Порошил, хоть на секунду, дотронуться до её очаровательной ручки, а один раз, осмелев, приник к ней губами.

— Не делайте так, господин. Иначе... меня просто казнят. Меня об этом предупредил визирь хана.

— Милос дия! Нет хана, нет визиря, есть генерал-лейтенант русской армии Давлет Гирей!

И осмелев совершенно, я через несколько дней сумел ловко расстегнуть причудливую золотую брошь на её платке, и мне открылось лицо такой дивной красоты, что я просто онемел.

— Господи, как же Вы прекрасны. Как зовут Вас, милая незнакомка?

— Айгуль.

— Это как же по нашему-то будет?.. Анюта, Аннушка, — вскричал я, — можно я так буду тебя звать?

Она торопливо застегнула платок на правой стороне лица и снова предло мной были только её глаза, как в омут, увлекающие к себе. Но в них, кроме прежней и неизменной учтивости, уже горел огонь высокого чувства. И она его не скрывала.

— Аня, самого Светлейшего попрошу, если ты только за меня согласишься выйти. Никому тебя не отдам!

Следующие три дня явился для меня суеи мукой. Она перестала приходить ко мне. И я, думая о самом страшном, направляю напрямую к Давлет Гирею.

— Ваше Превосходительство, позвольте выяснить у Вашего помощника — по какой причине мне заменили служанку?

Давлет Гирей пожал плечами и махнул рукой в сторону двери. Я расценил это как позволение и пошёл на половину бывшего визиря, которого теперь называли секретарём Давлет Гирея.

Хитрый проныра, он всё сразу понял и засмеялся. Затем на хорошем русском языке сказал:

— Что, капитан, красивая девушка?

— Ох, Ваше Превосходительство, — польстил я ему, но сказал святую правду для себя, — жить не могу без неё.

— Но она же магомстанка!

— И что? В нашу веру обратим. Но её согласию. Что с ней, Визирь? — умышленно назвал я его старым титулом.

Ему это понравилось.

— Заболела, капитан, твоя служанка. Боюсь, как бы не холера. Лежит там, под навесом, на хоздворе, — уже равнодушно махнул он рукой и занялся своими делами, даже демонстративно отвернувшись от меня.

Я бегом устремился на хоздвор. Господи, как же зашло моё сердце, когда я увидел измученные тяжёлой болезнью её дивные глаза и потрескавшиеся губы. Она еле прошептала:

— Я знала, я знала, что ты не оставишь меня, мой господин.

— Нет, Аня, не господин, судьба твоя, и ты — моё счастье.

И когда я взял на руки это невесомое тело, она доверчиво прижалась ко мне и спросила:

— Ты спасёшь меня?

Вверив её заботам наших лекарей, я не уходил из лазарета. И когда старый врач вышел ко мне, по его лицу я понял, что самое страшное миновало.

— Слава Богу, капитан. Горячка. Простая горячка. Но они же, бусурмане, не лечат ничего, вот девушка и дошла до та-

кого состояния. Поставлю её на ноги, не волнуясь. А что, — лукаво посмотрел он на меня, — любя тебе?

— Люба, доктор. Жизни дороже, спасибо Вам.

И я сердечно поклонился ему до земли. Приставив к Анне, я её уже только так и называл, сиделку из татар, степенную и сердечную женщину, я вновь вернулся к своим обязанностям. Но каждый день — и утром, и вечером, с гостинцами, забегал в лазарет. И видел, как приходит в себя и крепнет милая моему сердцу девушка.

А тут, слава Богу, и случай подходящий представился — сам Светлейший князь Потёмкин призвал меня к себе. Обстоятельно доложив ему по службе и получив новые поручения, я решил и обратился к нему с просьбой:

— Ваше Сиятельство, прошу Вас устроить и моё личное счастье. Полюбил я, Ваше Сиятельство, девушку местную. Дозвольте по нашему обряду обвенчаться.

Потёмкин засмеялся:

— Знаю о твоей страсти. Сам Давлет Гирей рассказывал. Не поленился, сегодня поутру, я самолично сходил в лазарет. Ох, капитан, а ты — молодец, такую девушку окрутил. Хорошо, ничего не скажешь. Сам посаженным отцом на свадьбе буду. Согласен?

— За высокую честь почту, Ваше Сиятельство!

— Я, капитан, даже Государыне нашей отписал о твоей любви, и она прислала тебе подарок, царский, — и он велел светскому генералу вручить мне ларец дивной работы, в котором лежали два дивных кольца, с бриллиантами: одно для Аннушки моей, а второе мне в пору пришлось. Словно кто-то снимал мерку.

— Спасибо, Ваше Светлость, Вам за честь высокую, а матушке императрице передайте при случае, что и жизни самой не пожалею во имя её.

— Ну, или, счастливцев, завидую я тебе. Сам таким был в твои лета, когда встретил принцессу Ангальт Цербскую, чтобы сопроводить в Москву..

И даже закашлялся Светлейший Князь, поняв, что лишнее мне сказал.

Поэтому подтолкнул даже к двери своей властной рукой, да и застыл, молча, у окна.

С той поры минуло тридцать лет. Я уже давно вышел в отставку.

Дослужился до генерал-лейтенанта, дальше не дали, изменились времена и все, кто был возвышен Потёмкиным, подверглись гонениям и заведомым ограничениям в службе.

Но я ни о чём не жалел. Ни одна битва во имя Отечества меня не минула за эти годы. И так как по ранениям предлагался мне отпуск, с побывкой дома, то и появились у нас с Аннушкой пять сыновей.

Пять ран и пять сыновей. Все на службе, даже младшенький — в кадетском училище. А Аннушку свою прежней любовью люблю. Кажется, и не жил вовсе. И не насмотрелся на неё. Не налюбовался. Да и когда за войнами было? Она сегодня, мне кажется, ещё краше стала, нежели в ту пору, как увидел её в ханском дворце.

Вчера, зардевшись всем лицом, приникла ко мне и говорит:

— Нам бы доченьку, счастье моё. А то все сыновья — на государевой службе. И дом наш пустой. Не слышно в нём детского голоса.

Что ж, милая Аннушка, теперь у меня отпуск бессрочный — можно и о дочери подумать. Да и не об одной. Ты же у меня — вон, какая красавица ещё.

г. Москва.

Ах — юбилей.., юбилей!

В конце апреля 2017 года увидел свет очередной — 14-й выпуск ЛХГА «Усвятская россыпь». Номер — юбилейный, так как к этому времени «возраст» ЛХГА перескочил уже за ДЕСЯТИЛЕТИЕ с момента своего создания (зарегистрирована ЛХГА была 27.12.2006 года, а первый её номер увидел свет в апреле 2007 года).

Первая — праздничная, презентация юбилейного номера прошла в Читальном зале Центральной городской библиотеки города Прокопьевска 19 мая 2017 года.

Присутствовавшим на презентации, ведущими сотрудниками библиотеки Светланой Стрелец и Юлией Писаревой была рассказана и наглядно показана вся небольшая ещё история Альманаха и каждого её номера, от первого до четырнадцатого её ВЫПУСКА.

Руководители и работники Альманаха: главный редактор Гуляев Анатолий Николаевич и технический редактор Тапкова Людмила Александровна — поведали присутствовавшим свои воспоминания о рождении и становлении ЛХГА, изложили свои виды на будущее литературного издания.

Много добрых слов и пожеланий Альманаху было высказано авторами публикававшихся материалов в ЛХГА и просто читателями: Елатовым Вячеславом Ивановичем, Кланатун Лилией Григорьевной, Сабыниной Диной, Синициным Петром Сергеевичем, Сониным Дмитрием, Чумириным Николаем Ивановичем и Бычковым Владимиром Михайловичем.

Клименко Надежда Михайловна — директор Центральной городской библиотеки города Прокопьевска, поведала присутствовавшим на презентации своё мнение о ЛХГА и вручила руководителю Альманаха Благодарственные письма от руководства Управления Культурой города и Центральной городской библиотеки.

В процессе проведения презентации, представителями творческих коллективов Дворцов культуры города были показаны музыкальные номера, кроме того звучали на презентации музыка и песни под гитару прокопьевского поэта и барда Ключкова Николая.

В четырнадцатом номере Альманаха, его редакторами был поднят и озвучен вопрос о целесообразности замены логотипа названия Альманаха — «Усвятская россыпь». Отчего, почти во всех выступлениях было высказано одно мнение — о «нецелесообразности» замены существующего названия Альманаха на какое-либо другое. В тоже время авторы и присутствовавшие на презентации читатели Альманаха высказали единое мнение о целесообразности проведения, в дальнейшем, презентаций каждого очередного ВЫПУСКА с более детальным представлением авторов опубликованных в Альманахе, и их материалов.

Николай Чумирин:

«Усвятская россыпь — стихов самоцветы, Строкою в страницы ложась.

Словесная поступь и ритм благолесья, Её украшают теснясь.

Уносит в миры и в судьбы людские, Горючие нити сердца.

Играют в рассказах в ней страсти большие, В унисон вдохновенно творца.

С юбилеем ГАЗЕТЫ всех поздравляю! Надо ЕЁ выпускать!

Интересными статьями, стихами...без края — Желая ЕЁ дальше блистать!»

Лилия Кланатун:

«Пусть будет драгоценными словами Красивый, добрый Юбилей согрет,

Подарит встречи с близкими друзьями, Душевное тепло, улыбок свет!

И так приятно в праздник пожелать вам Большого счастья, радости, везения,

И жизнь свою с улыбкой принимать, И быть всегда в прекрасном настроении!»

Александр МАКАТРЕВИЧ

Родился 1955г в Киргизии. 1972 окончил школу, рабочий.
В 2006 переехал в Новокузнецк. До 2016 работал в Водоканале слесарем-инструментальщиком.

ВЕРБЛЮЖИЙ ПЕРЕВАЛ

Рассказ

— Рота, подъём! — голос дневального по роте требователен и неоспорим.
— По полной форме на выход, становись! — дежурный по части засскает время...

— Самохин, не с обнажённым торсом, а по полной форме, жду!
Серёга, одеваясь, пробурчал рядом:
— Такой сон и, на тебе, откуда не возьмись, зашибись... И не рота, а взвод.

Я, подтрунивая:
— Налю было родиться сыном партработника или академика, и не было бы у тебя долгов перед Родиной.

— Родителей не выбирают, меня вполне устраивают мои, собственные, — прошипел Серёга, заканчивая обуваться.

Да, сон был кратким и на редкость, как говорится, в руку: дом, сад, цветущие урючины и яблони, жужжание пчел, негромкий голос родителей на кухне, дончак под седлом на привязи с густой рыжей гривой и...

Топот ног. На казарменных часах — без четверти час ночи. Построение перед казармой. Сам начштаба майор Щетинин — гладко выбритый, в полевой форме, с секундомером в руке.

— Может, повторим все сначала: отбой, подъем? Расслабились, бойцы!

И ротному:
— Капитан, на досуге, в свободное время займитесь строевой подготовкой. Подъем — с натяжкой на удовлетворительно. И это лучший взвод? Позор!

Командир нашёгг взвода, капитан Чернов из-за спины майора погрозил нам кулаком.

Майор — капитану:
— Оружие, боезапас, сухпак — и через пятнадцать минут взвод у КПП. Выполнять!

Да, намечается что-то серьезное... Переживём, не первый раз. Отоспимся на гражданке. Автомат — на плечо, запасные магазины, труба гранатомёта и по две гранаты в чехле до комплекта.

— А это зачем? — спросил Серёга у старшины, выдававшего каждому по три кэгэ взрывчатки.

— Самохин, будешь рыбу глушить в речушке за кишлаком. Вопросы есть? Вопросов нет! Следующий!

— Рыбу, рыбу... — буркнул Серёга, — ту речушку куры пешком переходят, консервной банкой вычерпаешь за пять минут. Рыбы там сроду не было. Ладно, стари, старшина, пока я добрый.

КПП: пара БМПшек и «Шестидесят шеста» под парами.

Голос взводного: «По машинам!»

Колонна вырвалась за КПП и помчала на восток. Трясло нещадно. Пыль из-под колёс закручивало под брезентовый тент, вперёд надевать противогаз. Да..., это не асфальт. Серёга, приткнувшись к моему плечу, беззаботно спал.

Часа через полтора, одурев от езды, остановились. Капитан тут как тут:

— Строитесь! На первый-второй рассчитайся!

Серёга спросонок:
— А, что?..

Я, толкнув его в плечо, сказал:
— Тебе сказать членораздельно? — сделав ударение на «члено...». — Или сам догадаешься?

БМПшки с газиками укатили прочь. Серёга, взглянув на меня: «Молчу, молчу, веди меня, мой поводырь!»
— Кончай зевать, Самохин, так девушку свою проспипишь! — капитан хлопнул его по плечу.

— Ага, жди! Кого-кого, а сёя точно не проспиплю! — хмыкнул тот.
— Да что ты говоришь? А я думал, что на первом месте у тебя жратва и сон, — взводный старался завести его.

Взводный смеялся ребят. Подошел майор:
— Прекратить смех! За прапорщиком Назаровым — в колонну, по одному — марш!

Сделав крюк, устремились в сторону гор. Серёга сонит за спиной. Через полчаса появилось второе дыхание. Голос взводного рядом: «Что топаете, как табун меринов? Потихше, не дома! Ориентир — на спину впереди бегущего. Подтянитесь!»
И как только прапор Назаров находит тропу? Хотя, впрочем, он знает эту местность лучше содержимого своих карманов, не первый раз идёт по маршруту.

Ночь теряет силы. Недалеко до рассвета.

Апрель... Пахнет молодой травой. Почти как дома.

Бег перешёл в шаг. Скользим в ночи подобно теням. «Калашни» — на изготовку! Мучает жажда. До привала, видимо, ещё не скоро. Где-то вдалеке в горах хлопнул выстрел. СВДшка. Свои? Чужие? Ускорили шаг. Видимость не более пяти метров.

Вошли в ущелье. Потянуло сквозняком. Горячий воздух коснулся лица. Суховей со стороны Пакистана. День будет жарким, мои слова оказались пророческими.

Передвигаемся медленно. В горах спешить — во вред себе. Лёгкие, кажется, вот-вот разорвутся от перегрузки.

— Серёга, что молчишь? Опять спишь? — я обернулся.

Серёга, шёпотом:
— С вами уснёшь, вперёд не сдохнуть бы.

Прапорщик Назаров, не зная усталости, ведёт и ведёт нас вперёд, в неизвестность. До рассвета необходимо дойти до нужного квадрата. Быть незаметным и находиться в нужном месте, в нужное время — это и будет залогом успеха. Нырнули в боковую расщелину. Подъём становится круче и круче.

Вполголоса по цепочке: «Привал. Воду экономить!».

Майор прошёл в конец взвода. Серёга мешком падает среди камней.

— Ну, и куда ты завел нас Иван Сусанин? — выразительно посмотрев в спину

прапорщика, — сказал он, — на спидометре моих ног накручено не менее четвертака кэмэ. Хотелось бы знать, сколько ещё топтать?

Серёга, положив автомат рядом, привалился к камню:

— Эх, курнуть бы, и ничего больше не надо.

Он сложил губы трубочкой.

Я присел рядом:
— Майор забьёт тебе сигарету так далеко в одно место, что санитаринструктор в течение недели будет выковыривать её из одного, — посмотрел на гаснущие звезды. — Бери пример с меня: не курю и не страдаю от этого.

Серёга, со смехом:
— Не куришь, не пьёшь — зачем живёшь? — на кавказский манер.

— А ты попробуй, гарантирую, понравится, — и я приложился к фляге с водой.
— В следующий раз, — Серёга жадно хлебнул следом.

Взводный прошёл вдоль лежачего строя.

— Ну что, орлы, ещё рывок — и мы на месте. Там будем чесать бока облакам и кое-кому ещё, — и кивнул в сторону перевала.

Серёга, недовольно:
— Ещё немного, и можно вызывать могильщика: ноги не держат, ежи в желудке играют в догонялки. Товарищ капитан, босса кушать хочет, да и поспать бы не мешало.

Капитан вполголоса в ответ:
— Отставить, Самохин! На перевале расслабимся.

Ко всем:
— Избавиться от лишней мочи и прочего и, по команде, вперёд!

Капитан прошёл в начало взвода.
Гранитные наконечники вершин, накрытые снегом, четко обозначились перед рассветом. Ну, почти рядом, а топтать ещё туда и топтать. Тени по стенам скал ужами медленно поползли на дно глубокого ущелья.

Капитан, возвращаясь:
— Кого ждем? Что, нужно персональное приглашение? Самохин, подъем! Вперёд и с песней, не робей, смотри бодрей, и нам будет приятно!

А вот и перевал! От усталости даже не хотелось пить и есть. Такое желание: упасть, закрыть глаза и ни о чём не думать.

Рядом две вершины, точно похожие на горб верблюда, почти одинаковой высоты. Между ними небольшой проход: тропа для пеших и небольших вьючных животных. Это и есть цель нашего маршброска.

Капитан прилёг рядом:
— Что не веселы, бойцы? Сегодня у нас праздник, ждем в горсти Махмутахана! Полгода не можем его поймать. Сегодня представится такой случай. Разведка донесла: два дня назад на границе Пакистана зафиксирован переход его банды в нашу сторону. По расчётам, сегодня он будет в нашем квадрате. Это единственный переход через перевал.

И мне:

— Сдайте взрывчатку прапорщику! С Калкамбасвым, Жумазасвым, и Касымовым, ну, естественно, с Самохиным за мной — на правый фланг, — и ящерицей пополз вперёд.

Солнце зацепилось за вершины, немного потоптавшись на них, нехотя потянулось в небосвод.

— Вот ваша позиция!

Перед нами — небольшая площадка: четыре длиной и два шириной. Удобств никаких, благо, над тропой небольшой козырек. Да ладно, разберёмся, не в первый раз.

Капитан, оглядев нас, вполголоса добавил:

— По команде первый залп из гранатомётов. Ваша задача: парализовать хвостовую часть банды, остальное предоставьте нам!

И, посмотрев на унылую физиономию Самохина, добавил:

— Самохин, можешь раздербанить сухпак, но не весь сразу, оставь на обед.

И мне:
— За старшего! Ну, удачи! — и исчез ползком среди камней.

— Ну что, рассредоточимся, братишки? Раим, — говорю я Касымову, — ты со своим РПК на галерку (на небольшую площадку в виде орлиного гнезда). Неудобно, но ты справишься!

Потом к Калкамбасву:
— Ты со своей СВДшкой — за камень.

Ну а мы, посерединке, — положив автомат,

стал готовить гранатомёт к бою.

— Кто посерединке, всю ночь проведёт сегодня с Нинкой, так что вы пролетели, пацаны! Ха-ха... — Серёга дербалнул сухпак.

Я, бросив в него небольшой камень:
— Серёга, кончай жрать, сначала дело.

— Как скажешь, командир, — прошипел тот с издёвкой.

Серёга из Сибири. Он никогда не видел таких гор, ещё и жара — стабильно 45 градусов по Цельсию. С его массой в 87 кэгэ — это катастрофа. Но со временем втянулся. Этот сибирский здоровяк — мой лучший друбан. А я из горной Киргизии, в горах, как рыба в воде. Мы с ним всегда рядом. В борцовских поединках я никогда не мог его завалить, а в бою лучшего напарника не найти. Один недостаток: любит пожрать и поспать. А кто не без греха?

Лёгкий шум в ушах. Высота — четыре с копейками. Какое удовольствие лежать на тёплых, не остывших за ночь камнях! После еды усталость понемногу отступала. Клонило ко сну.

В двух десятках метров, внизу, петляла пустая тропа. Там, по ту сторону пропасти, поймав тёплые воздушные потоки, кружил беркут. Потом вдруг повернулся и поплыл, не махая крыльями, в сторону долины, там было больше добычи.

А наша добыча, чувствую нутром, где-то рядом. Биноклами старались не пользоваться. На восходе, при обильном

солнечном потоке, отражение от линз видится далеко. В разведоте уже есть новые модели — без отражения, с функцией ночной видимости.

Это у них, а у нас... Штабным виднее, кому-чего...

Внизу — никаких признаков движения. Пусто и жарко, и спрятаться негде.

Махмут-хан — хитрая душманская лиса. Раздолбал не одну нашу колонну. Сколько наших «Двухсотых» по его вине увезли на Родину. Не хотелось сегодня вытянуть пустышку. Обладая полной информацией (у него везде глаза и уши), он наносил быстрые, страшные удары изо всех видов оружия, включая фугасы, и пока наши вертушки выходили в квадрат столкновения, терялся в ущельях, подобно воде, в песок.

Не факт, что мы сегодня будем иметь его по полной форме. Краем глаза увидел: прапорщик с тройкой бойцов закладывает взрывчатку под нависший кусок скалы. Семьдесят пять кэгэ — неплохой подарок духам. Прodelав свою работу, они оперативно исчезли на левом фланге.

Ждем-с, господа, начало бала.

Время тянулось медленно. От напряжения резало глаза.

— Голяк, никого, пустая затея, — Серега зевнул, сладко потянулся, — вздремнуть что ли?

И мне, еле слышно:

— Братан, понаси тропу, если что — буди, — и заклевал носом.

— Ну и жук, — я посмотрел на часы: без пяти девять. Неужели точно голяк?

Но присутствие майора внушало надежду. Появилось чувство голода и жажды.

Из-за поворота показался первый... второй... третий... целая группа духов. Шли уверенно, без признаков беспокойства. Им не было конца. Вперемежку с душманами выючные ослы, нагруженные под завязку. Выносливые, неприхотливые животные, способные долгое время находиться без еды и воды — незаменимый транспорт в горах.

Команды открыть огонь так и не было. Из-за перевала лился и лился неиссякаемый поток банды Махмута-хана. Прошло полчаса... Да, с оружием у них явно не было проблем. Хорошо организованная, обученная группировка. Это тебе не тугоголовые пастухи... Серьезный контингент! Прошло ещё минут двадцать.

Для нашего взвода многовато — «работы» для трёх рот, не меньше. Опять штабные экономят на всех и всём. К сожалению, многие из них приехали не по долгу

службы, а за карьерным ростом. К досаде, это случается слишком часто, и вот наглядный пример. Один — к двум десяткам! Ну и ладно, переживём!

Жахнул взрыв, слегка трянуло. Грда больших камней обрушилось на тропу, сметая всё на своем пути.

Молодец, прапор, сюрприз что надо!

— Ну что, пацаны, дело за нами, — и я направил свой гранатомёт на караван.

Серое облако пыли потянулось к небу. Крики раненых животных и вопли духов покатались по ущелью. Но паника длилась недолго. Перегруппировавшись, духи пошли в атаку на наш левый фланг. Это и было самое уязвимое место.

От нагретых автоматов пахло жаром в лицо. Магазины быстро пустели. Всё вокруг было засыпано пустыми гильзами. СВДшка Калкамбаева работала бесперебойно. Ей вторил пулемет Касимова. На фланге у майора было жарко. Кроме Самохина, пришлось отослать ребят к майору, они там нужнее, а мы с Серегой как-нибудь...

Патроны таяли быстро. Духи все наседали. Напряжение опасности возрастало...

В проходе между верблюдьих горбов показалась боевая группа душманов. Я заключил это по их мобильности и отсутствию выючных животных. В запасе у нас ещё пара гранат. Ударил с Серёгой точно по проходу.

Духи отступили. Передышка...

— Серега, не жуй мочало, забивай пустые магазины, они сейчас опять попрут!

— Да без проблем!

Мы с Серёгой высыпали из вещмешков патроны россыпью, торопливо стали пополнять боезапас. С левого фланга автоматные очереди наших стали слышаться реже. Патронов — максимум на полчаса.

— Серега, я к майору, там, я чувствую, у ребят дело — дрянь. Узнаю, что почему? Не зевай, я быстро!

Тот махнул в ответ головой.

Пули выбивали из скал искры и, от ricoшетив, уносились прочь. Не дай Бог очутиться на их пути! При резкой смене траектории полета они наносили своим жертвам страшные увечья. Ползком и только ползком...

У майора и ребят дела были плохи. Ранен радист, капитан перевязывал перебитые автоматной очередью ноги. Да, не повезло Чернову! Еще пара бойцов неподвижно лежала на склоне. Калкамбаев — рядом с оторванным прикладом СВДшки и разбитой оптикой.

— Ты что, братан, потерпи! Всё будет хорошо!

Дав отпить воды из фляжки, перетащил снайпера в выемку за камнями. Ранение в позвоночник... Ну, что ты будешь делать!

Майор, с перепачканными кровью руками, в разорванном камуфляже бил из пулемета по наседавшим духам. Я подполз и коснулся его плеча. Пулемёт замолк.

— А, это ты? Живы... Ну, как там у вас, нормально? Ну, и ладно. Держи фланг. Минут через двадцать придут вертушки, патроны зря не жги. Ну, давай! Мы тут как-нибудь...

Дал короткую, точную очередь, опрокинул трёх духов прямо перед нами и мне прямо в ухо:

— Что ждёшь? Попутную электричку? Исчез отсюда! Держи фланг! Будем живы, не померём! — и улыбнулся.

Обратно опять ползком. Уже мозоли на брюхе. Мимо радиста. Тот кричал в пробитую, бесполезную рацию:

— Сокол, Сокол, я триста тринадцатая Молния, прошу воздушной поддержки! Сокол, я триста тринадцатая, Молния...

Вот я и «дома». Серёга короткими очередями отгонял духов от прохода. Через двадцать минут от нас ничего не останется... Ну, что тут поделывать? Жаль, вчера не дописал письмо домой... А, не будем думать о плохом.

Стало почему-то тихо. И вдруг в воздухе послышался нарастающий возглас: «Аллах акбар!»

— Ну, вот и все! Помирать, так с музыкой! — и, сочно выругавшись, Серёга в упор выпустил в разношерстную толпу духов длинную очередь.

Я подстригал из калаша прущих со стороны майора. Всё чаще возникала мысль о патроне на нитке, висащем на шее, подобно нательному кресту. Вот пришло и его время. Патроны пока есть, а там будет видно. Спина к спине, как в фильмах о войне. Ну, кто там еще?

Духи не заставили себя ждать. Идут плотной группой, не обращая никакого внимания на мой автомат, прикрывают собой полного, старого афганца.

Мулла, что ли? Непонятно? Благо, камни прикрывают от пуль.

Не оборачиваясь, слышу автомат Серёги. Нормалёк!

Перезарядка, прицел. На смену упавшим вставали новые. Телохранители иссякли, уткнувшись передо мной в камни.

— Ну что, мулла, служи свой после-

дний намаз! — я перелёрнул затвор.

— Санёк, справа! — вскрикнул Серега и дал очередь над моей головой. Душман, привставший из-за камня, целившийся в меня, поймал его пулю. Обожгло правое плечо.

— Серега, ты что, братан! — поймал я падающего друга на руки. Тельняшка у него на груди окрасилась кровью.

— Ну, товари, держитесь! — осторожно положив голову Серёги, направил автомат в сторону муллы. Да это же Махмут-хан собственной персоной! Вот из-за кого вся бойня!

Мы нажали курки одновременно. Но что это? Молчок. У меня и у него пусто...

Две секунды, и я вставил последний магазин. Махмут-хан, сплзнув в мою сторону, бросил АК-47 к моим ногам.

— Шайтан орус! — зло смотрел исподлобья на меня.

Оттифонованный от длительного пользования приклад его автомата был весь в пожевых насечках. Каждая насечка обозначала убитого им нашего бойца.

— Нет, брат, в плен я тебя не буду! Сдохни, урод!

От заплывшего жиром тела в длинном зелёном халате полстели ключья шёлка и кровавой плоти.

— Это тебе за всех и за всё!

Все тридцать — в цель!

— Серёга, потерпи, я сейчас...

Оборвал нитку с шеи... Последний патрон в автомат — для себя. «Эх, гранату бы»

Тишина пугающе ударила в уши.

Остатки духов просочились водой в песок, исчезли неизвестно куда. Потеряв своего главаря, не посчитали нужным проливать за него кровь.

Я с флягой воды — к дружану, вскрываю на ходу аптечку. Жадно отхлебнув теплой воды, Серёга прошептал окровавленными губами:

— Оставь бинты, не поможет... Санёк, вернись домой, найди моих... Скажи отцу, что не посрамил фамилию... Если что не так, прости, братишка...

Глаза Серёгины закрылись. На душе было так погано, что не хотелось жить. Схватив автомат Махмута-хана, разбил ненавистный приклад о камни, бросил в пропасть.

В себе послышался шум приближающихся вертушек.

Опоздали! И где же вас носило?

Почти касаясь крылами вершин, в небе парил ко всему безучастный беркут.

Течёт строка хрустальным ручейком

Что мне поле, что мне море,
На которых не бывал.
Истину в горячих спорах
Я по крохам добывал.

Мне не хлопали в ладоши,
Я не кланялся на бис.
Нес по жизни свою ношу,
Говорил себе: «Держись!»

Не завидовал имущим,
Неимущим сострадал,
Одинок бывал, и в гуще
Никогда не унывал.

А писал, как получалось...
Но удачно - не всегда.
Словно скорый поезд мчалась
Дни, минуты и года,

Так манило вдаль уехать,
Мир увидеть дальних стран.
Не за златом и успехом
Улететь за океан.

Там таких, как я, без счета,
Что там делать, не пойму.
Улетают самолеты
В эту дальнюю страну.

Где-то море моет берег,
Где-то в поле рожь растёт...
Я сейчас в одном уверен,
Нас никто, нигде не ждёт.

Не оправдать былых поступков,
И нет дорог былых к надежде,
Любовь - создание хрупкое,
Не станет той, что была прежде.

Шаг в сторону, и нет тропы:
Овраг, сплошные буераки.
К возврату сожжены мосты,
А впереди запрета знаки.

Нет, не подаст она руки,
Не скажет утешенья слово,
И в завоях ее реки,
Ты бессловесно тонешь снова.

Не дотянуть до берегов.
Прощаясь, помахать руками.
Каприз, под именем Любовь,
Играет безутешно с нами.

Душа - запутанный клубок:
То птицей вверх, то камнем вниз -
Пойди, попробуй, разберись,
Душа — укромный уголок.

Внутри истерзанного тела
Вчера струной во мне звенела...
Сегодня онемела.
Лежишь и смотришь в потолок,
Но ничего на нем не видишь,
Считаешь старые обиды.
Осталось всё там, вдалеке.
От сердца ключ в твоей руке,
К ее нетронутым затворам.
Щелчок, нажатие до упора...
Открыта пониманья дверь,
Утихомирен дикий зверь,
Вполне понятен и доступен,
Оправдан вдруг и не подведен,
Отмыт от грязи, свеж и чист,
Без прегрешений и проступков.
Для благородного поступка
Готова чистая душа
Творить и благо совершать!

Странно,
Старая рана,
Метка Афгана
Не заживает,
Часто ночами напоминает...

Скальпелем острым - сердце и нервы...
Минное поле...

А мы были первыми,
Вынесли с боем лейтенанта безусого
В капельках крови,
Волосы русые...

«Мама!» -
Шептали губы бескровные.

Ночи афганские злые и черные...

Груз в самолете под номером 200
Встретят родители, встретит невеста...

Время проходит, но время не лечит.
Память о прошлом - зажженные свечи.
Фото в альбоме того лейтенанта:
Безусый мальчишка в форме курсанта.

Перестань, не стоит плакать,
Разводить на кухне слякоть,
Все пройдет и в доме вновь,
Мир настанет и любовь.

Внуки наше утешенье,
Встреча с ними - день рождения!
Сбиты локти - заживут,
И коленки заживут.

Быстро внуки так растут,
Быстро годы так идут:
Детский сад, занятия, школа,
Нам таблетки и уколы,
Ждать, скучать, переживать,
По ночам сидеть, не спать.

Минутный фарс,
отнюдь не лицедейство,
Закончено страстей
секундных действие,
Безумство — преддверие любви,
Усталое волнение крови.

Повергнутые конья и мечи
На поле прорастут букстом лилий,
Призывом страстным арфа зазвучит.
А я,
тобой оставленный Пьеро,
Посмею намекнуть на снисхождение.
Пусть каждый день
нам будет воскресенье!
И в каждом слове
только лишь Любовь!

Груз 200

До дома из Афгана
Лежит не близкий путь.
Встречай сыночка, мама,
Я обещал: «Вернусь!»

Выплаканы слезы,
Ком горечи в груди,
На свежий холмик розы
Легли, не разбудить.
Под ним глаза родные
Закрылись навсегда.
Креста косые линии...
На сердце борозда...

Как быстро вянут розы,
Водой их не спасти.
Как горьки эти слезы...
О, Господи! Прости!

Кто не терял, не знает,
Как тяжело терять...
А внуки подрастают...
И вновь рыдает мать...

В одеждах серых одиночество
Ко мне на кухню снова просится.
Мой самый лучший собеседник,
Моих былых потерь наследник
Не лукавит, не грубит,
В глаза мне правду говорит.
Стоит, не просит сигарету,
Со мной проводит до рассвета
ночами долгие часы.
Он продолжительно молчит.
Я выпнуть прочь его не смею,
Пью горькую и не хмелею,
Веду беседу тихо с ним,
Одним.

У ног от зеркала осколки,
И пачка сигарет на полке,
И броня забытая тобой.

Ничтожество, скотина, грешник,
Соблазнов Бахуса приспешник
Не стою ногтя твоего.
Виновец, не прощу пощады...

За мной в одеждах серых рядом
Следит печально тихим взглядом...
Не в утешенье — в наказание
У одиночества дыханье.

Письмо

Тюльпана срезанный бутон
Поверх к страничке приложу,
В конверт памятный положу.
Данно его с собой пошу.
За почерк извини, снесшу.
О своих буднях расскажу,
Чем, в общем, занят батальон.
Проходит мимо почтальон,
Нет от тебя ответа,
Света!
Листочек вчетверо сложу,
Фонарь в палатке потушу,
АК привычно на плечо,
И все печали ниномеч.
За шагом шаг - сто метров прочь.
Повисла над горами ночь.
Опять письмо не дописал,
О самом главном не сказал...
Послужим, и вернемся скоро.
Как надоели эти горы,
Зной и афганские ветра,
Крик мулы с самого утра,
Мечеть почти у гарнизона.
Намаз - призывный голос тонет,
Над городом, водой в песке.
Подходит взволнованный мой ко мне:
«На сборы пять минут не более,
Фугас поймали наши в поле».
Горит свечой наш БМП,
Мой друг по школе в той броне.
Взвод не успел...
А он сгорел...
Об этом может напину.
Груз на душе своей пошу
Ни кем не признанной вины -
Обычный случай для войны.

Лежит конверт и греет грудь.
Я соберусь когда-нибудь...
Я напину когда-нибудь
О друге, что так дорог мне,
И о войне...

Как долог путь от колыбели до креста.
Быть атеистом нелегко,
Гораздо легче с верой во Христа.

Монетой золотой не откупиться,
От старости, что в дверь
Твою стучится.

А время бежит стадом оленей
От стаи волков.
Где тот круг, по которому

Оно возвращается вновь?

Где та точка отсчета, от которой
Секунды считают года?
Где же спрятана в поле заснеженном
Эта тропка,
По которой, ни о чем не жалея,
Можно вернуться сюда.
Иногда
В светлой долине теряется
Быстрых оленей оставленный след.
Стай диких волков не догнала их, нет!
Я стою на вершине сугроба
Смотрю в бесконечную даль:
От рождения до гроба,
Наши годы оленьей упряжкой летят.
Не догнать...

Течет строка хрустальным ручейком.
Луна зажгла светильник за окном.
Сижу один за письменным столом:
На чистый лист бумаги, не снесла,
По капле проливается душа!

Забываются, завянут травы
В агонии под косой.
Питаться они не станут
Утрами живой росой.
Угаснут цветки ромашки,
На них не погадать.
Цвели они в дне вчерашнем,
Сегодня их не узнать.
От зеленого, буйного царства,
Увы, не осталось следа
На срезках, откуда взяты,
Слезы или вода.

Так в поступи легки
Твои шаги,
Рук обворожительны движения,
Глаз омуты все так же глубоки,
Губ горячи прикосновенья.

Пусть паутинки легкие морщин,
Как бабочки, парят над
Майским лугом.
Когда же оставался я один,
Всегда была ты самым
Лучшим другом,

Размолвок прошлых
Стает быстро снег.
Прокрались в волосы
Серебряные нити.
С тобою рядом слышен
Внука смех,
А то, что было в прошлом,
Позабыто.

С тобой нам далеко не двадцать лет,
Журчит минут ручей бесноворотно.
И для меня тебя роднее нет
Под этим бесконечным небосводом.

Дождем разбавленных чернил
Тобой написанные строки.
Апрель, весна...
Я не забыл
Ошибок прошлые уроки.

Подснежник - хрупкий стебелек -
Дарю. Не думай о разлуке.
Слова читаю между строк,
К тебе протягивая руки.

Движенья строк не торопи,
Боюсь, закончатся чернила,
От ненависти до любви,
Дано порой пройти полмира.

Дождь к примирению зовет,
Оплакав прошлые потери.
Жить легче, зная, кто-то ждет
Тебя, надеется и верит!

г. Новокузнецк.

Аделья Мачкова

Сластёна

Мишка косоланый
Вытер глаза лапой.
Вышел прогуляться,
Вышел поразмяться.

Видит, дерево с дуплом,
А в дупле пчелиный дом.
«Там же мёд!» У ворчуна
На живот бежит слюна.

Глаз прикрыт от восхищенья:
«Для меня здесь угощенье!»
Быстро лапами за ствол,
И в дупло — за сладкий стол.

Мёд душистый, золотой
Сторожил пчелиный рой.
Мишка лапой мёд залел,
Рой сердито загудел.

Косоланого воринку
За доставленный урон
Сбили с дерева, как шишку,
Облепив со всех сторон.

Бедный, бедный, бедный мишка,
Как же плохо быть воринкой,
Пчёл обидел, сам упал...
Мишка тихо застонал.

Пчелы мишку осмотрели,
Пожужжали, подлетели:
«Лучше другом добрым быть,
Чем в воринки угодить!

Будешь нас оберегать,
Будем мёдом угощать.
Если просишь ты прощенье,
Мы летим за угощеньем!»

Ночка

По небу месяц пропагал,
Перед бугром поклон отсесив,
Под кручу весело сбежал,
Всё тёмной шторкой занавесив.
Котёнок в хвост запрягал нос
И задаёт себе вопрос:
«Куда же звёзды исчезают?»
И тихо, тихо засыпает.

Ёжик

Здравствуй, здравствуй,
Серый ёжик.
У тебя две пары ножек,
Бусинками глазки
Так и просят ласки.
Я погладить захотела,
На иголки налетела...
У ежа иголки
Не погладишь — колки!

Подснежник

Подснежник выскочил за кочкой
На белом снеге синей точкой.
Не спрятаться ему теперь —
Весна теплу открыла дверь.
Растаял снег, подснежник рад,
Весь рядом вырос новый брат.

Утро

Солнце утром встало,
В окна постучало:
«Утро на пороге,
Спите, как в берлоге!
Дети, просыпайтесь,
Мойтесь, одевайтесь!
Мой послушайте совет,
Полубуйтесь на рассвет!»

Людмила Иванова-Выгловская

Родилась 10 января 1940 г. Живет в Новокузнецке. Металлургии посвятила 34 года. Свой поэтический путь начала в 40 лет. Первые публикации появились в газете «Металлург». Встречи с писателями и поэтами помогли ей расти в творчестве. Печаталась в альманахе «Озарение». В 2007 г. издала сборник стихов «Кузнецкие мотивы». Ее стихи вошли в сборники «Гармония слова», «Ангел мой», «Избранное», «В сахарном инее грозды калины», «Осенняя рапсодия». Составитель сборников «Поэзия – мелодия души» и «Металлурги – для Победы!» В 2015 г. издала сборник стихов «О чем же шепчутся березки». Участник новокузнецкого фестиваля «Февральские метели» и междуреченского «Дружба».

Жизненные повороты

Отрывок из повести «Слёзы в подушку»

Многое случилось за последний год в жизни маленькой Лены, но она не унывала, знала, что мама Гая с папой Васей всегда рядом, маленький братик растёт. В школе её любили за доброту и отзывчивость, с соседскими ребятами играли в разные детские игры. Всё было хорошо: война закончилась, стало сытнее жить, люди повеселели...

Но как-то рано утром, как только отец ушёл на работу, мама аккуратно подстригла дочь, привязала небольшой бантик в волосы, надела на неё новое ситцевое платьишко, новенькие туфельки с носочками. Оглядела дочь с головы до ног и осталась довольна. Отнесла маленького сына к соседке.

— Пойдём мы с тобой, — говорит она дочке, — в гости к папиному брату.

Лена не любила ходить к ним в гости, потому что в семье брата папы Васи росли два озорных мальчика постарше её.

— Не пойду к ним, — решительно ответила Лена, — я лучше снова с братиком посижу!

На все просьбы матери девочка решительно отвечала:

— Не пойду!

Поняв, что дочь ей уговорами не пронять, Галина выпрямилась и сказала твердо:

— Слушай меня и молчи!

Немного подумав, уже помягче заговорила:

— Мы сейчас пойдём в гости к твоему родному папке... Он живой... Он не погиб на войне. А папа Вася тебе чужой... Мы с ним работали вместе, когда пришла похоронка на твоего отца. Он стал за мной ухаживать. Вот я и приехала с ним к тебе на родительский день. Всё решилось само собой.

Лена онемела. Ей показалось, что на голову свалилось что-то тяжёлое, невыносимое. Сердце глухо билось внутри, словно хотело выпорхнуть наружу. В отчаянии девочка сжала кулаки и громко закричала:

— Ненавижу тебя! Ненавижу... Обманщица! Это неправда, неправда! Мой папа Вася на работе, и он меня любит! Я пойду и всё ему расскажу, всё, что ты тут напридумывала! Обманщица! Ненавижу! Ненавижу!

Девочка кричала в истерике и уже не слышала себя. Ей казалось, что мир перевернулся и никто... никто её не любит. От горя и обиды, от отчаяния она вот-вот умрёт...

Мать долго не могла успокоить дочку, не помогали ни увещания, ни уговоры, ни обещания. Но детский организм приспособлен к жизни так, что быстро приходит в себя после душевных потрясений, потому что Лена часа через два уже шла с матерью по улице.

У чужого дома они остановились. Вышедший навстречу мужчина по-родственному чмокнул Галину в щеку и про-

тянул руку девочке.

Та исподлобья глянула на незнакомца, потом сердито на мать и спрятала руку за спину. Этот человек ей не нравился, но от приглашения войти в дом не отказалась. Хозяйка обрадовалась их приходу, принялись угощать конфетами. Тем временем мама Гая и незнакомец ушли в другую комнату и о чём-то так тихо говорили, что слов было не разобрать.

Наконец они вернулись, и мужчина, подойдя к Леночке, встал на колени.

— Доченька моя, я твой папа, — заговорил он, обнимая и целуя ребёнка.

«Нет, — думала про себя девочка, — мой папка красивый, высокий и лучше этого дядьки».

— Доченька моя, — снова проговорил мужчина, — давай поговорим начистоту. Ты, ведь уже взрослая?

Леночка утвердительно кивнула головой: она действительно взрослая, но говорить с этим дядькой ей не хотелось.

— Доченька, ты видишь, что в этом доме, доме моего брата, тебе рады. У него две дочки, такие же, как и ты. Вы подружитесь. Пойдём ко мне жить. Я возьму в жены такую женщину, которая тебе понравится, и она будет тебе хорошей мамой. Я всё умею делать, не пью, не курю. У твоей мамы есть ещё сын, и пусть она живет в его отце, а мы...

Кровь бросилась в голову девочки: уйти от мамы с папой, от братика к этому отворачивательному... Отгалкивая незнакомца, она в ужасе закричала и закричала: «Нет! Нет!» Кинулась к матери и потянула ее за руку: «Мама, пойдём скорее домой. Я не хочу его видеть! Пойдём скорее!»

Ошарашенный таким отказом незнакомец вскочил с коленей, трясущимися руками развязал рюкзак, стал доставать оттуда горстями конфеты и сыпать их Леночке в подол.

— Это трюфели, — говорил он, — для тебя вёз, очень вкусные конфеты...

Повернувшись, девочка выпрямилась и вытянула конфеты под ноги дарителю.

— Не нужны мне твои конфеты, ешь их сам!

По-взрослому серьёзно глянула ему в глаза и выбежала на улицу.

Две женщины, взрослая и маленькая, некоторое время, молча, шагали по улице. Потом, глубоко вздохнув, Галина заговорила с дочерью, словно оправдываясь:

— Даже не знаю, почему он через столько лет вернулся к нам. Война уже давно закончилась. Я же его ждала, надеялась... Потом пришла эта похоронка. А он в это время жил с другой женщиной. Не рассказывай ничего папе, а то он расстроится.

Леночка понимающе кивнула головой. Знакомство с родным отцом не получилась.

Шли годы... Лена училась, братик подрастал, мама занималась домашним хозяйством, встречала с работы мужа. Жизнь продолжалась.

Предприятие, где работал Василий, строило дома и отдавало в кредит на десять лет своим рабочим, поэтому однажды после работы папа Вася торжественно объявил: «Четыре года живём в бараке, пора менять место жительства, тем более, что дочка уже в третьем классе учится! Будем брать дом в кредит».

Это была радость, и Леночкина семья перебралась в свой дом! Оказалось, что недалеко от дома находится лес. Это очень понравилось девочке, ведь теперь можно за грибами и ягодами ходить!

И в душе Василия появилась какая-то неимоверная сила. У него всё горело в руках. Галина тоже радовалась новому дому.

В этом же районе на соседней улице жила семья старшего брата Галины, в которой росло трое детей. Один из них был ровесником Лены.

«Вот и хорошо, — говорила Галина, — вместе в школу ходить будут».

Да и большинство соседей-новосёлов были друг с другом знакомы, потому что трудились на одном предприятии.

Трудно приходилось Галине сначала: надо было обустроить дом и усадьбу, много хлопот доставлял маленький сынишка. На помощь к ним из деревни приехала бабушка Анастасия Петровна — Галинина мама.

Так они и зажили.

Но весне Василий вскапывал огород, говорил: «Сажу, что хочешь, земли хватит». Сам посадил перед домом яблоневый сад, сделал лавочку под деревьями.

«Угостительные хозяйства», — говорили родные и знакомые Галины и Василия и по праздникам с удовольствием приезжали к ним в гости.

В те годы застолья были чисто символическими, в основном хозяйка и гости пели, танцевали и играли в лото. Василий угощал гостей рыбой собственного копчения.

Лена быстро со всеми перестраивалась. Особенно подружилась со своими тёзками, двумя Ленами. Правда, они были на год её моложе.

Летом в жару все три Лены с братьями и сёстрами убегали на речку купаться. Мама всегда кричала вслед дочерям: «Лена, утопись в речке, домой не приходи!»

Ребятня всю дорогу поддразнивала Лену: «Утопись — не приходи!» Девочка на реке всегда вспоминала наказ матери и её рассказы о том, что в реке есть водяные, которые ловят девочек и утаскивают под воду. Страшилась она и конского волоса, который спутывает ноги детям, потому что не лезла в воду, отнекивалась от ребят: «Я простыла, мне нельзя».

Домой возвращались через лес, набирали черемухи и боярки.

Зимой, после школы, ребятня собиралась ватагой. Катались с горы на больших санках. Кто-то из старших мальчиков садился впереди и управлял санями, сзади сидели малышня. С горки летели с визгом и хохотом, а потом по очереди везли санки в горку.

Снегу выпадало в те годы много, и дети строили снежные туннели, крепости, а когда была оттепель, лепили снежных баб.

Как-то бабушка Анастасия Петровна взяла Леночку с собой на кладбище, проповедовать могилки родственников. По дороге показала на красивый, аккуратный дом с белыми ставнями и сказала:

— Ты уже взрослая девочка, Лена, а я старенькая. Запомни: в этом красивом доме живёт твой родной отец. Если в твоей семье что-то случится или отчим тебя обижать станет, или мама заболит — приходи сюда. Здесь живёт твой родной отец и он любит тебя и никогда не обидит. Приходи в любое время. Поняла?

Если бы не бабушка, Лена никогда не вспомнила бы о нём! Жила бы своей жизнью, училась, ходила в школу, играла с братом и маленькой сестренкой, которая родилась недавно... Зачем, зачем напоминала ей об отце бабушка?

Все чаще девочке вспоминалось, как она выбросила из подола под ноги незнакомцу конфеты.

«Видать, конфеты были вкусными? — всё чаще думала про себя Лена. — Мама таких никогда не покупала».

Как-то в гнев мать крикнула дочери: «Упрямая, вся в отца!» И девочка стала задумываться о том человеке, который назвался её родным отцом.

А если встретиться с ним? О чём с ним можно поговорить? Что он на этот раз скажет? Эти мысли постоянно приходили в голову девочке, и она стала разрабатывать план встречи с родным отцом.

Весной, когда потекли ручьи, Лена уговорила подружку сходить в гости в тот красивый дом. Около дома остановились в нерешительности... Как войти, что сказать?

Им навстречу, будто давно ожидал, вышел тот самый незнакомец. Следом шла приветливо улыбающаяся женщина.

— Проходите, девочки, проходите...

Мужчина протянул руки:

— Ну, здравствуй, дочка! Как это ты надумала? Не ожидал, не ожидал!

Девочки растерянно вошли в дом. Лена молчала, снимая пальто, она не знала, что сказать.

— Проходите, проходите, — показывая на комнаты, приглашал отец. — Где вы стоите, это прихожая, здесь зал, спальня наших двух дочек, наша спальня. Вот столовая, моя мастерская...

Отец водил девочек по дому, всё показывал и рассказывал. В мастерской Лена завороченно остановилась. Большие полки — как у бабушки в деревне, на них

деревянные колодки для обуви. На стене, на гвоздях в ряд выкройки фуражек, шапок, танок. В центре мастерской чудо — настоящая пожная швейная машинка. Все здесь правилось: и мастерская, и приветливость отца, и доброе знакомство с его женой. Потом приплыли их дочери.

В следующее воскресенье Лена отправилась в гости уже одна, и они втроем с вновь обретенными сестрами поплыли в кино. После фильма Лена попросила девочек сводить её к бабушке, матери отца, но не говорить, что она её внучка. Бабушку провести было трудно, она сразу узнала свою кровинушку, хотя видела её в последний раз в два годика.

Мама Галия пришла в ярость, когда узнала о том, что дочка встречается со своим отцом. Возмущенная ворвалась к нему в дом, стала хватать вещи. Испуганные девочки подняли крик, начали отбирать вещи, тогда в гневе Галина принялась рвать подушки. По дому полетел пух и перья. На крик детей прибежала соседка, стала выгонять и стыдить разъяренную женщину.

Но та кинулась домой и набросилась на дочку, ругала и запугивала её. Кричала, что отец переманивает Лену, чтобы не платить алименты.

Но Лена всё равно виделась с родным отцом. Постепенно начала сравнивать его с отчимом. Поняла, что очень похожа на своего отца: лоб, нос, губы... Отец — спокойный, рассудительный, любит пить, что дано не каждому мужчине.

У девочки родилась мечта: когда вырастет и пойдёт работать, то купит себе швейную машинку.

Леночке шел четырнадцатый год, когда тяжело заболела мать. Ей становилось все хуже. Целыми днями она лежала в постели, не могла встать. Всем говорила, что просто устала. Но с каждым днем ей становилось всё хуже. Лицо потемнело и взялось желтизной. Белки глаз пожелтели, губы посинели.

Отчим, приходя с работы, присаживался около постели, брал её руки, трогал лоб.

— Что с тобой? — тревожно спрашивал он. — Ты сегодня сла что-нибудь? Что же ты молчишь и вздыхаешь? Давай, «скорую» вызовем...

Мать отнекивалась:

— Не надо «скорую». С кем дети будут? Мама в деревню уехала. Я просто устала... Я отлежусь.

Однажды она попыталась встать и едва не упала. Так что Василий не стал её больше слушать, вызвал «скорую помощь».

Уже в больнице ей поставили диагноз: желтуха (гепатит) в запущенной форме. Сказали, что надо было госпитализировать Галину ещё неделю назад, а то и раньше. Теперь же болезнь так запущена, что лечить сложно.

И действительно, болезнь трудно поддавалась лечению. Василий приуныл. С работы бежал в больницу к жене, потом домой — готовить детям еду на завтра, да надо было сделать многое по хозяйству. Ему во всем помогала Лена, ведь ей шел четырнадцатый год. Так что за продуктами она уже ходила самостоятельно, умела готовить кое-какие блюда.

Вот и вторая неделя пошла с тех пор, как Галину положили в больницу. Только улучшений не было. Отчим был в отчаянии, все-таки трое детей, да и любил он свою жену.

Как-то к нему подошла уборщица больницы, пожилая, худенькая женщина и говорит:

— Милок, послушай меня, старую деревенскую женщину, — она оглянулась на двери, — не повредит. Вижу, как ты убиваешься по жене. Но у неё всё так запущено, что врачи не в силах её под-

нять на ноги. Попробуй наше деревенское средство. Надо где-то набрать немного вишней и покормить больную. Поверь, поможет. Встанет твоя голубка.

От этих слов Василий шарахнулся. Это же видано, чтобы какая-то бабка безграмотная вылечила жену, когда у врачей ничего не получается. Уже добравшись до дома, Василий прикинул, что от такого «лечения» Галина не помрет. «Надо попробовать, хуже не будет», — решил он и стал думать, где взять этих паразитических насекомых. Поговорил с Леной, рассказав ей всё.

Девочка поразмыслила и вспомнила, что женщины часто собирались у соседки, пели песни и небольшим ножом скоблили головы друг другу, выискивая вишней. Лена спрашивала у матери, что делают эти женщины и почему им приятно это почесывание.

— Папа! — вскричала Лена, — Я вспомнила! У тети Дуси есть вишней. Мама её ругала, стыдила за них. А у тети Дуси восемь детей, огород, куры, и бани нет. В общественную ходит некогда, раза два в месяц бывает. Вот и накопила.

Встал вопрос, как у Евдокии попросить этих насекомых, потом как накормить ими Галину. Снова пошел он к той худенькой уборщице, подарил ей платок ситцевый и спросил, как же можно накормить жену «ими».

— Просто, милоч. Есть у тебя малиновое варенье? Вот туда и положи, размешай. Не заметишь.

Теперь надо было достать «этих», и Василий с Леной поплы к Евдокии. Рассказали в чём дело, только соседка обижено проговорила:

— Что ты, Василий, откуда они у меня?

Евдокия, — не отступал мужчина, ты хочешь, чтобы Галина, твоя кума, умерла? Ты этого хочешь?

На помощь отчиму пришла девочка.

— Тётя Дуся, миленькая, мама умирает, — запричитала она. — Ну, помогите! Ведь когда-то они у вас были. Почешите голову, может, найдёте?

— Ладно, попробую, — покраснев, сказала соседка.

Василий быстро расстелил заранее приготовленный белый платок... С каждым взмахом гребня на платок падали серые насекомые. От радости мужчина обнял соседку, положил на стол горсть конфет. Радостные, они с Леной поплы домой.

Утром отправились в больницу, заранее договорившись, что мама должна покусать в их присутствии, чтобы точно знать, что она съела варенье. В те годы больница ютилась в бараке, а потому с больными можно было поговорить или передать обед через низкое окно.

Отчим на ломоть хлеба намазал масло, сверху — малиновое варенье и подал Лене. Та держала кусок в руке и разговаривала с матерью о том, о сём. Галина, видя, что дочь разговаривает, но не ест, так увлечена рассказом, попросила этот кусок хлеба. Съела и попросила ещё. «Вкусно», — произнесла она, доедая очередной кусок.

Так она впервые покупала с удовольствием хлеба. На другой день ей стало лучше. Оставшиеся варенье Галина отдала своей соседке по палате. Она также была плоха, и врачи им обещали уже предсказали недолгую жизнь.

С удивлением врачи наблюдали выздоровление умирающих ещё вчера пациентов. А через некоторое время одну за другой выписали из больницы в удовлетворительном состоянии.

Через два года в их семье снова было пополнение. Василию стало трудно уже содержать пятерых иждивенцев и выплачивать кредит за дом. Пришлось Лене в свои шестнадцать лет идти зарабаты-

вать деньги. Взяли её на почту, разносить корреспонденцию по домам.

«Здесь ума много не надо», — решила девушка, — вначале рабочего дня по порядку надо разложить в сумке по номерам газеты и письма, потом разносить их по домам». Район знакомый, улицы почти все известны, а потому Лена быстро освоилась. Встречали новую почтальонку у ворот, улыбались и благодарили.

И вот она — первая зарплата. Сколько было радости, когда девушка принесла домой и положила на стол заработанные собственным трудом деньги! Три месяца проработала девушка, как один день, всё ей правилось. Но как-то попала в дождь. Насквозь промокшая, шла она по улице, на которой меняли водопроводные трубы. Не удержалась, поскользнулась и упала в грязь. Со слезами на глазах, вся в глине и разорванных туфлях вернулась она домой.

— Так ты будешь на одни туфли работать, — покачала головой мать, — может, сменешь работу?

Прошло много лет с тех пор. Елена встретила хорошего человека и вышла замуж, у неё родился сын. Всё в её семье было в порядке, была хорошо оплачиваемая работа, но её терзали вопросы родом из детства. Часто вспоминала об отце. Адреса не знала, а разыскивать не могла. Да и зачем?

Правда, желание встретиться и спросить о войне раздирали её душу. Она думала об отце уже по-другому. Какие-то родственные чувства проснулись в её душе. Хотелось побольше узнать о его жизни, понять, почему он не вернулся после ранения или после окончания войны. Ведь она его так ждала... Всем сердцем приняла чужого мужчину за родного отца, так он ей был нужен!

Однажды в магазине она встретила жену родного отца, подошла, поздоровалась. Женщина очень обрадовалась и напросилась в ближайшее воскресенье в гости вместе с отцом.

Елена волновалась, когда рассказывала мужу о предстоящей встрече и когда готовила праздничный обед. Она не знала, о чём будут они говорить. Мысли путались. Обида за прошлое и радость настоящего волновали её маленькое сердце. Встреча была по-родственному тёплой, будто все они только вчера расстались.

Отец понимал, что ему необходимо многое объяснить дочери. Некоторое время он говорил на отвлеченные темы, потом взял руки дочери в свои ладони, много помолчал, собираясь с духом, и, наконец, начал рассказывать о своём житье-бытьё.

— Я служил в роте связи, — волнуясь, заговорил он. — Это очень ответственное дело. Связист всегда идёт вперёд, несёт рацию, тянет за собой кабель. Надо кабель дотянуть в полной сохранности и невредимости, чтобы у части была связь со штабом. На войне всякое дело опасное. У связистов не меньше опасностей. Иногда днём отдыхал, а ночью идёшь на боевое задание, прокладываешь очередную линию. Однажды мы наткнулись на немцев, и они загнали нас в болото, в камыши. Некоторые так и остались навсегда в этих камышах. Тяжело вспоминать...

Елена с мужем не перебивали рассказчика. Понимали, что человеку надо высказаться, выговориться, чтобы на душе легче стало.

— На войне всякое случалось, ходили и мы, связисты, в атаку. Бежим, стреляем и кричим: «За Родину, за Сталина!» А я ещё кричал: «За Лену, за Галину, за нашу Родину!» И помогал, оставался жив.

Рассказчик замолчал и тяжело вздохнул.

— Все прошло, Иван Петрович, — по-

пытался успокоить гостя глава семьи.

— Папа, — впервые назвала так отца Елена, — расскажи, почему ты не вернулся к нам?

— Долго рассказывать, — грустно покачал головой Иван Петрович, — но расскажу, если ты поймёшь. В тот день мы тянули кабель, кругом стрельба, и приходилось перебегать рывками. Помню взрыв, я словно провалился в яму, оглох, в глазах темно стало, и я потерял сознание.

Очнувшись от женского шёпота. Это медсестричка наша сняла с себя пинель, уложила меня на неё и волоком тащила с поля боя. Остановилась передохнуть, целует меня и шепчет: «Ваня, Ванечка...» Когда я очнулся, она так обрадовалась.

— Ты жив, жив, Ванечка, — горячо шепчет она, — ничего, и без руки жить можно. Главное, ты жив!

Только хотела дальше тащить, как упала от выстрела. Достала её фашистская пуля. Я снова потерял сознание, очнулся уже в госпитале. Оказалось, что и она в том же госпитале. Стали друг друга навещать. Выписали нас почти одновременно, только её раньше на сутки. Так она эти сутки ждала моего выписки. Комиссовали меня вчистую. Медсестричка и говорит: «Поехали ко мне в деревню. Живу с мамой, у неё коза, так что ты быстро поправишься. Я тебя выхожу, вылечу. А домой ты поспеешь уже здоровым».

Что и говорить, помогла она мне в выздоровлении, козу специально держала. Мне очень хотелось увидеть вас с матерью, только к концу войны у нас родилась дочь, я назвал её в твою честь. Новая жена никак не хотела меня отпускать. «Рано, — говорила она, — рано, поправиться надо».

Я метался: и к вам хотелось, и здесь семья образовалась. Когда я совсем окреп, извинился, простился и поехал к вам. Адреса не знал, потому приехал к брату. Как свиделись, сама знаешь.

Рассказываю тебе так откровенно, потому что вряд ли мы ещё свидимся, уезжаем на запад. Я буду писать тебе письма.

О маме Гале он даже не заикнулся.

Жизнь пошла своим чередом: работа, семья, дом... Только Лена ждала от отца писем, посылки, ведь он обещал... Прошло три года, ни весточки...

Как-то в воскресенье гуляла Елена в парке и встретила вторую жену отца.

— Вы вернулись в наш город? — обрадовалась Лена.

— Да, вот такое горе случилось, — печально заговорила женщина. — Не прижились мы там. Твой папа всегда хотел вернуться сюда. Вернулись, только обустроившись начали, а Иван Петрович взял и умер. У нас с ним ребенок растёт, надо его поднимать, а я как дура бегу на могилку к Ване и реву. А его не поднимешь. Он навсегда заснул.

Помутнело у Елены в глазах: «Ведь я его совсем не знала, так почему такая боль от этой утраты?»

«Он ведь был, я могла с ним встречаться, многое ему рассказать о себе и маме, — билось у неё в голове. — А теперь его невозможно вернуть, и забыть почему-то нельзя. Последняя встреча была настолько трогательной, теперь стала и неповторимой».

Перед глазами прошла вся жизнь. Появился отец и его не стало... Не стало навсегда!

Кое-как Елена поднялась по ступенькам в квартиру, легла на кровать, обняла подушку и во весь голос зарыдала, запричитала. Она никогда, никогда не услышит его голос, не увидит его...

Выплакавшись, решила: «Маме ничего не буду говорить о смерти её бывшего мужа. А мне жить надо для сына, для мужа, для матери».

г. Новокузнецк.

Вячеслав ЕЛАТОВ

Елатов Вячеслав Иванович родился 6 мая 1939 года в городе Баку.

После окончания средней школы обучался в техническом училище, работал электромонтёром и рабочим. Образование – высшее, окончил Ленинградский государственный университет и Иркутский институт иностранных языков. С 1966 по 1991 года работал учителем русского и английского языков и литературы. В том числе и в средних общеобразовательных школах. Продолжительное время работал в средней общеобразовательной школе № 25 в Прокопьевске.

Литературным творчеством – прозой, поэзией и публицистикой, занимается с 1993 года. Публиковал свои литературные наработки в Кемеровском областном литературном журнале «Огни Кузбасса», Кемеровской областной еженедельной газете «Земляки», прокопьевских городских газетах «Шахтёрская правда», «Народовластие» и литературно-художественной газете Альманах «Усвятская россыпь».

В 2014 году в Новокузнецком книжном издательстве «Союз писателей» увидела свет первая книга Вячеслава Ивановича Елатова «Остаюсь учителем». Объём книги немногим более 220-ти страниц, на которых разместились 18 статей автора.

В последнее время Вячеслав Иванович работает над формированием, созданием и подготовкой к выпуску второй книги...

Живёт и работает в городе Прокопьевске.

Прощальный венок

1
Богиня парка пряль оборвала!..
Какое-то неловкое движение,
Последнее души твоей волнение,
И вдруг из-под колёс ушла земля...

Не заалест поутру заря,
Не упорхнёт ночное сновиденье,
Не воскресит святое песнопенье,
И не спасёт мольба у алтаря.

Велунья парка пряль разъединила...
Ты здесь ещё, ты с нами, ты живой...
И в тот же миг она тебя сгубила...

И свет погас. И вечным стал покой.
Но горьких слёз она по нём не лила,
Откинув нить небрежною рукой.

2
Откинув нить небрежною рукой,
Красавица над прялкой замирает,
Удивлена, как скоро увядает
Сражённый роком стебель молодой.

Кокетливо склонившись над водой,
Своё лишь отраженье различает;
А он уже в пучине исчезает,
Влекомый быстротечною струей.

А может быть, ночное покрывало
Раскинув у себя над головой,
Шалуныя за работой задремала...

Полжизни парка унесла с собой,
Живую плоть, где сердце трепетало,
Оставила за гранью роковой.

3
Оставила за гранью роковой
Тебя, зачислив в сонм навек уснувших,
Но не весилына парка: дней минувших
Не вычеркнуть из памяти людской.

Твой саван спит безвестною рекой
Из быстрых вод, пучину распахнувших,
С узором скал, стремнину
вновь сомкнувших,
Манящих взор суровою красой.

Река Вуокса, став тебе могилой,
Водой, как пряхей, беснётся вертя,
Разнообразит наш обряд унылый.

С водой Вуоксы пряха унесла,
С дарованной ей свыше страшной силой,
Грядущей жизни полверетена.

4
Грядущей жизни полверетена –
Полжизни слёз, полжизни наслаждений,
Полжизни грёз и пол сплошных мучений –
Вдруг пряха-мастерица забрала.

Полжизни нашей словно с молотка
Приватизировал проворный гений,

От полной чаши он без долгих прений
Оставил нам лишь горьких полглотка.

Сидит за прялкой вепая девица;
Вращеньем день за днём утомлена,
По-своему решила порезвиться.

На старте подвернётся ли нога,
Иль вдруг в напудом несчастье постучится
Ужели всё за нас вершит судьба?

5
Ужели всё за нас вершит судьба?
Ужель нам голы выпрок сулит кукушка,
Знакомая со школьных лет болтушка,
Что у Крылова хвалит нетуха?

Ужель опять, как прежде, соловья
Охает недалёкая проступка?
Ужели просто хрупкая игрушка
В руках у молодницы жизнь твоя?

Жестокая, она не пожалест;
Душа её не изойдёт тоской,
Когда весь мир для нас осиротест.

Играя судьбоносной бечевою,
Контрольной парка акцией владест;
А мы лишь тянем жалкий жребий свой.

6
А мы лишь тянем жалкий жребий свой,
Не повзрослев и не прозрев с годами,
И, мелкими снудасмы страстями,
Несёмся вскачь тусовкою лихой.

То визг, то вой, то барабанный бой,
Его не заглушить колоколами;
В подьезде, над рекой, под облаками
Грохочет музыкальный наш разбой.

Спугнув минувших дней очарованье,
Стрекочат рсчи тусклой чередой,
Вновь обрекая нас на прозябанье...

Наскутив беспросветной суетой,
Спешим мы в наше новое изгнанье,
Стремясь неисповеданной стезёй.

7
Стремясь неисповеданной стезёй
В тот райский сад, где не растёт крапива,
Где вокруг озёр не плачет горько ива,
Решаюсь на прогулку в мир иной...

Уж не видать дороги столбовой,
Не шествует вокруг толпа спесиво;
Как путник запоздалый, боязливо
Бреду туда негореной тропой.

Куда спешим? Иль всю мы песню спели?
Иль жизнь-конейка нам не дорога?
Или в нас чувства вовсе охладели?

Ну что за жизнь в предвиденье конца?
Что за мечта, едва из колыбели,
Скорее вознестись на небеса?

8
Скорее вознестись на небеса,
Навек порвать с греховностью землею?
Иль, может быть, возвыситься душою,
Не прибегая к помощи творца?

Любовью наши полнятся сердца...
Пренебрегая траурной тафтою,
Блеснув сквозь горе светлую слезою,
Мы жизнь восславим,
смерть твою кляня...

Смогу ль в стихах излить свою тоску я?
Кровоточит чем дальше, тем сильнее
На сердце след от смерти поцелуя.

Что может быть ужасней и больней?
Стихом своим тебя не оживлю я...
Что ж, случай слеп. Как мир в
плену страстей.

9
Что ж, случай слеп.
Как мир в плену страстей,
Как воин слеп, победой упоенный,
Как слеп фанат, толпой

воспламенённый,
Как путник слеп во власти миражей.

Отбросим груз затверженных речей,
Возьмём на веру разум просветлённый,
Как смеет ради истины учёный,
Как это смог великий Галилей.

Не радуясь обещанному раю,
Пока лампы наши зажжены,
Грядущих дней я свет благословляю.

Жалеть людей, слагать для них стихи
На грешной здесь земле предпочитаю,
Безжалостному року вопреки.

10
Безжалостному року вопреки
И той наперекор судьбе лукавой,
Что вкривь и вкось вершит
свой суд неправый,
Ты чапу жизни вдруг не расшлени!

Не все, конечно, средства хороши.
Вот прозябает леж с недоброй славой,
А вон торгует льстец своей отравой –
Нам не в пример их тяжкие грехи.

Пройти весь путь не самое простое;
Что мог поэт придумать поновей?
Мы не в гостях здесь и не на постое.

Да, сделать жизнь значительно трудней...
Чтоб парка не смогла уменьшить вдвое,
До горькой капли чапу всю испей!

11
До горькой капли чапу всю испей!..
Нас грест кровь,
нам не страшны морозы,
Не слышим мы крутой судьбы угрозы

До дней своих последних и ночей.

Не видим мы заплаканных очей;
А там, где упадут на землю слёзы,
Нам не в укор благоухают розы
И ласково журчит для нас ручей.

Но говорят, что не было б печали...
Как скряга набивает сундуки,
Мы сами нашу чапу наполняли.

Не ведая, что ждёт нас впереди,
С богиней паркой в прятки мы играли
В воде, на скалах, в небе иль в пыли.
12
В воде, на скалах, в небе иль в пыли,
Под бременем страстей изнемогая,
В лохмотьях иль доспехами бряная,
На помощь парку лучше не зови.

Знакомиться ты с ней повремени,
Пусть тянет нить красота молодая,
Не то проснётся в ней вдруг баба злая,
И сладить с ней тут чёрту не с руки.

Не стоит обивать её пороги,
Не суетись, не бегай перед ней
И не выказывай своей тревоги.

Она – богиня, сверху ей видней.
А ты свои лишь покалечил ноги,
Запнувшись об уступ судьбы своей.
13
Запнувшись об уступ судьбы своей, –
Как слеп он был, тот случай окающий!
Уходишь прочь от нас за брег туманный,
Откуда нет и не было вестей.

Не будет там ни дома, ни друзей,
Лишь в невесомости покой неожиданный,
Да мёртвой тишины звон непрестанный,
Да космос нашей сажки почерней.

Сегодня на Вуоксе день ненастный,
Но это лучше вечной пустоты.
Прерви на время свой полёт ужасный!

Ты снова с нами. Рядом ни души.
Пускай продлится этот миг прекрасный,
Покинуть мир наш дольний не спеши.
14
Покинуть мир наш дольний не спеши,
В пучину вод уйдя от нас навеки,
Где в глубь озёр так горько плачут реки,
Смывая эхо гулкой тишины.

Восторг в глазах от буйной красоты
У самого несчастного калеки;
А ты лежишь, не поднимая веки,
Упрятанный под толщею воды.

Соль наших слёз несёт река Вуокса...
Покуда не остунится нога,
Она нежней и безмятежней флокса.

Но лишь накрыла берег ночи мгла,
С пугающим азартом ортодокса
Богиня парка прядь оборвала!..
15
Богиня парка прядь оборвала!..
Откинув нить небрежною рукой,
Оставила за гранью роковой
Грядущей жизни полверетена.

Ужели всё за нас вершит судьба,
А мы лишь тянем жалкий жребий свой,
Стремясь исповеданной стезей
Скорее вознестись на небеса?

Что ж, случай слеп. Как мир
в плену страстей.
Безжалостному року вопреки,
До горькой капли чапу всю испей.

В воле, на скалах, в небе иль в пыли,
Запнувшись об уступ судьбы своей,
Покинуть мир наш дольний не спеши.
2001

Вчера в Прокопьевске

Борька
А, дядя! Wow! Опять гип-гип ура?
Вальдемар
Как ваши ноги?
Алексей Иванович
Что ноги, сер, когда болит душа...
А ну, бой-парень, прочь с дороги!
Расселись тут, как
в джунглях бандерлоги...
Как можно так забыть всё о себе?
В чужие рядитесь наряды,
И выверты чужие в языке,
эти жалкие из-за бугра награды,
Которым вы, сер, так безумно рады...
Вальдемар
Лёгко, Лёксей Иванович, хаять нас!
Но что же вы хотите?
Не может брать Борис примера с вас:
Вы только на боку лежите,
Да водку хлещете, да всё брюзжите.
Алексей Иванович
Что делать, сер! Я потому лежу,
Что прошлого карета
Не довезла, застряла, видно, где-то...
в иномарке вашей ехать не хочу!
Но как ведь славно было всё!
Теперь об этом в старом лишь кино...
2002

Триолет

В Стране Советской жили мы,
Единственной на целом свете!
Великого народа дети,
В Стране Советской жили мы...
Теперь вернулось царство тьмы.
Кто ж, кроме нас, за всё в ответе?
В Стране Советской жили мы,
Единственной на целом свете...
2008

Моя строфа

*Я не служитель муз:
Мой твёрдый, чёткий стих —
мой подвиг ежедневный.
/Демьян Белый.*

Мой стих. 1917
Откуда вдруг возникла, как из пены,
Моя строфа?
Быть может, в этом виноваты гены —
Ведь есть в генетике графа,
Как в музыкальной гамме нота «фа»?

Возможно и другое объясненье:
Средь перифованных речей
Нас привлекло сегодня чьё-то рвенье —
Формат "real'ty" приспособив для затей,
Дурачил нас искусный грамотей.

Тут — экстрасенс, а там — реинкарнации,
Сплошные колдуны!
Ни вдохновения, ни лёгкой грации —
Зловещий образ сатаны
Мы в "ящике" узреть обречены...

Наперекор мистическому бреду
Своей строфой для вас,
Утративших духовных сил запас,
Как с ложкой дорогой
спешу успеть к обеду:
Явившись раз на белый свет,
Мы навсегда оставим здесь свой след...
2009

Лампочка Ильича

Двадцатый год. Война в разгаре.
Насилие, как мир, старо.
За Врангелем — Махно в угаре.
А Ленин — с планом ГОЭЛРО.
И был там свет! Тогда Кашира
Совсем ведь не была транжира,
Как старосветская свеча...
Поведал нам Андрей Платонов,
Как до мобильных телефонов
Пасили лампу Ильича...

Твой могущество, Россия,
Сибирью стало прирастать...
На двадцать чёрных лет усни я —
Тебя б сегодня не узнать,
Дремучей матушки Руси:
На Ангаре и Енисее —
Как вневечная свеча,
Как высшего благословенья
Знак нашего преображенья —
Зажглась здесь лампа Ильича!

Кто помнит лампу Алалдина,
Кто свято верит в чудеса,
Кто знает, как горит лучина,
Как лучезарны небеса,
Кто в век наш технологий пана,
Когда ещё среди тумана
Горит церковная свеча,
На ветер слов зря не бросает —
Тот и сегодня понимает:
Нам светит лампа Ильича!..
2009

Праздник Октября

Октябрь был славен делами —
За тот котлован под нами
Спасибо тебе, землекоп!
Хоть не было небо ясным,
Но время было прекрасным!..
И ты был вчера ещё красным,
Прокопьевский углекоп...
2009

Недоразумение

Соблюдая установки поэтические,
Понадея в ситуации комические:
Окончания супер гипердактилические
Только где ж они, стихи мои лирические?
2012

Откроем вновь

Откроем вновь наш старый календарь,
Найдём седьмое в ноябре число...
Откроем вновь советский наш букварь,
Откроем вновь поэму «Хорошо!» —
Тогда мы были на порядок ближе
К коммунистическому далеку.
Теперь опять мы на порядок ниже...
Бесстрастно электронный пересчёт
Сверяет цифры — числа, даты — мы же
Пытаемся исправить недочёт.
Наш календарь сегодня необычен:
В нём даты праздничной недостаёт.
День Октября теперь стал неприличен.
Быков чтоб красным цветом не дразнить,
Он чёрной краской нами обезличен.
А Блок в «Двенадцати»

не стал душой кривить...
И на Есенина мы не в обиде...
А нас потомки смогут ли простить?
У них потом всё будет в лучшем виде.
Но вот когда там речь зайдёт о нас —
В Москве ли, в Киеве,
в Сибири иль в Тавриде
Что скажут, если без прикрас?...
2013

Сергей ГНЕЗДИЛОВ

До нас дошли определённые
источники, из которых, как по крупичам,
собираем мы традиции наших народов,
культуру наших пращуров. Но самое
главное богатство, которое досталось
нам от предков, — это наш язык. Пусть
он и меняется с течением времени, но
всегда остаётся языком с удивительными
возможностями и неразгаданными
тайнами.

Русь

Добрые травы расстелют ковёр,
Реки напоят томлённую сушу...
Русь голубыми очами озёр
Смотрит в мою непокорную душу.

Что ты узнаешь, родная земля:
След богомольцев, в дороге уставших,
Песнь хоровода да крик журавля,
Пламя купальских костров неугасших.

Вздрыгнула трепетно, вспомнив на миг,
Давние радости или печали,
Вопли безумцев да плач горемык,
Персов ладьи, что стоят на причале.

Клич Святослава — былинный мотив,
Дудочка Леля и голос Кунавы.
Русича прав, что так волел, строитив,
Мудрость седи, молодые забавы.

Танцы русалок. Славянская быль...
Хлеба коврига да запах аниса.
Шагом неспешным, раздвинув ковыль,
Где-то бродила сама Василиса.

Звуки играют тебе наяву.
Слынишь, разносится песня венчальная.
Что же склонила печально главу,
Русь моя вечная, Русь изначальная?

Купала

Гуляет прекрасный путник
По небу, как по паркету.
В берёзы и белый дудник
Июньская ночь одета.

Купальскую темень ныне
Разгонят огни кострища
Под вяжущий вкус полыни
И праздничные игрища.

Цветные венки плетутся,
Нагие бегут русалки.
Их круглые, словно блюдца,
Глаза глубоки и жалки.

Венки кораблями стали,
Как маленькая эскадра.
И цвета дамасской стали
Вода их уносит в завтра.

А бражники пьют братину,
Колдунья шлестает руны.
И лений им смотрит в спину,
Да прячет всё цвет Перуна.

Молочный надев нагрудник,
Пробыв на потехе мало,
На запад уходит путник.
С востока грядёт Купала.

Ребятчи сияют очи,
Курчавится пурпур чуба...
Купальские сладки ночи!
Купальское дивно чудо!

Память

Сдувая пыль с истерзанных страниц,
Седую быль веков приоткрывая,

Я будто просыпаюсь, вспоминая
Десятки, сотни позабытых лиц.

И снова кровь вскипает горяча.
В паленом бреду мне слышится порою —
Варган ласкает слух своей игрою,
И песнь стрелы, и ярый звон меча.

И лязг узды на вороном коне,
Несушем в даль свободную куда-то.
Я слышу — на поляне до заката,
Как волят хороводы по весне.

И вижу, словно в призрачном бреду
Я сватичный узор косоворотки,
Твой милый взгляд,
пронзительный и кроткий.
С тобою рядом за руку иду.

Кровь предков ошущаю каждый раз,
Закреть глаза лишь стоит на мгновенье.
И рушатся последние сомненья,
Как память времени продолжит свой рассказ.

Лель

Клонят ивы руки — ветки,
Нежно трогая ручей.
Пастушок, прильнув к ранетке,
Звонко кличет косачей.

Поджидает свою ладу,
Пожки свесив с бережка.
Подзывает в небо стало
Звонкой песенкой рожка.

Раскудрявились берёзы,
Расплясались на лугу.
И кукушка свои слезы
Обронила, как денугу.

Словно в маленькие груди
Набирает спелость хмель.
Кто услышал, не забудет,
Как играет мальчик — Лель.

Языческое Солнце

Языческое Солнце буравит свод небес,
Венцом своим склоняясь
над Русью синеглазой.
А мы всё ждём от неба каких-нибудь чудес
Среди больных несчастно
душевною проказой.

А мы всё ждём чего-то,
надежде вопреки,
Пытаемся расправить
придавленные крылья,
И сделать небольшое движение руки,
Хотя ослабили мыщцы, пробиты сухожилия.
И вот уж неприятель победу вострубит,
А Чёрный бог склонится
над свергнутой любовью.

Но искра Родом данная
вновь в сердце возгорит,
Гонимая притоком
священной Звёздной крови.
И яро разгорится в сияющий огонь,
Затмив собою глянец звенящего червонца.
Чем просто ждать без дела,
не лучше ли ладонь
Протягивать, приветствуя
языческое Солнце!?

Анна Лист

Анна Лист родилась и живёт в Санкт-Петербурге.

Окончила педагогический истфак ЛГПИ им. Герцена. По образованию историк, занимается литературно-творческой деятельностью, работает в библиотеке Академии наук Санкт-Петербурга.

Литературным творчеством занимается со студенческих лет. Публиковалась в журналах: «История Петербурга» (2005, 2006 г.), «Реквием» (2008 г.), в Альманахе «Лестница в небо» (2008, 2009 г.). Анна Лист автор четырёх книг: «Книга в тишине дома» (2006 г.), «Юкка» (2009 г.), «Чай с холодной водой» (2011 г.), «Венский стул» (2013 г.).

Проза Анны Лист — ярко выраженная женская проза.

ДВЕ

Фамильная чашка-бокал — тёмно-синяя, бархатной глубины ночного неба, по-царски увенчанная золотой каймой, внезапно воспротивилась занять надлежавшее место на сушилке. Озорно, непристойно (в её-то возрасте!) завалилась на бок, скользнула меж металлических прутьев, увильнула от загромождённо растопыренных спасительных пальцев Ольги Васильевны и отправилась в путь. Микроволновка пыталась удержать безумицу круглым прутом ручки, холодильник не попробовал подставить плечо — напрасно...

Вся кухонная утварь — пузатый чайник, шеренга пухлых самодовольных прихваток, дисциплинированно висевших на своих крючках, зубастые недомытые вилки, торчавшие из мойки, стиральный агрегат, утхромо светивший красным глазом, — вместе с Ольгой Васильевной ошеломлённо наблюдали гордый, но последний полёт. Тонко вскрикнув своё завещание миру, чашка распалась на полу, заголилась, бесстыдно являя гладкое молочное нутро, словно исподние юбки напоследок распахнула.

— Да что ж это, да как! — Ольга Васильевна сняла с плеча полотенце и с досадой шмякнула его на стол. — Самоубийца какая-то, ей-богу! Куда вот побежала?!

Она присела к скорбным останкам, потом поднялась, бережно держа в руках самый крупный осколок с позолоченным застейливым завитком ручки: «Подумать только, кто только не пил из чашки этой, кажется, она была подарена бабушке или маме ещё старенькой тётей Фасей по какому-то случаю, немаловажному, между прочим. Теперь и не спросишь, не у кого, ах, как жаль. Очень, очень старенькая чашка. И вот в секунду обратился в бессмысленные, непригодные черепки, ушла в небытие вслед и за бабушкой, и за тётей Фасей, и за мамой. Что это ей вздумалось? Ещё могла бы служить и служить, ведь я не хотела, неужто это я стала старенькая? Всё валится из рук!

Это, наверно, из-за Серёжи. Что уж страусихой прятать голову в песок? И не зачем приставать к расспросам — и так понятно, что происходит. Это уж из ряда вон: выйти в восемь вечера «прогуляться» и отозваться на звонок только в два ночи, с дачи: «Мы тут с ребятами!». Ага, как бы не так! С чего это, выходя вечером на прогулку «с друзьями», намываться в душе, неспадно обливаться парфюмами и бриться, и пилиться в зеркало, укладывая волосок к волоску? Отчего вдруг такой интерес к материнным палантинам и шейным платкам: «Прикольный у тебя этот, ну, платок. Где купила? А стоит сколько?» Ясно: решил подарить Ей похожий. И ещё сотни мело-

чей, никак не влезающих в привычные многолетние схемы. Центр жизни для него смещается, уходит в недоступную ей сторону. Ну, пусть думает, что мама дурочка. Но мама не дурочка... Девушка, девушка завелась! Завелась, разрослась, проросла, загромодила, увела. И надо отпустить: детей растим для мира, не для себя. Но это так, теоретически. А что это такое будет — практически?!

Две репетиции уже были. Первая, смешно сказать, — в детском саду. Девочка Надя.

— Серёжа, что же ты к столу не сядишь?

— Не хочу!

— Как это «не хочу»? Вся семья сидит, обедает, и папа с мамой, и бабушка с дедушкой, а ты что же? Надо вместе с семьёй!

— А вы не моя семья!

— Как не твоя? А кто же твоя семья?

— Моя семья — Надя!

Семейство не донесло ложек до ртов от изумления, но смолчало, переглянувшись. Через месяц Серёжа с девочкой Надей отчего-то рассорились, но репетиция номер один была впечатляющей — бесхитростная откровенность детства...

Репетиция номер два. Тринадцать лет, тонкий плетень с костлявыми ключицами, а дачной соседке Мане на год больше, все округлости уже налились. Шансов никаких, но отпрыск явно трепещет, совершает мелкие пляжные геройства и верно служит, бегая за газировкой, жертвуя своим велосипедом, составляя компанию по первому требованию. «Хм, — раздумывала Ольга Васильевна, — год не разница, ещё сравняются, родители приличные, девочка рисует и учит языки, воспитанная, кажется, всегда здороваётся, вежливо улыбается на групо-фамильярные шутки взрослых. Примерялась, уже тогда прикидывала неизбежное. И вдруг к надувному матрасу весело идёт чужая юница, заранее протягивая руки:

— Я возьму ваш матрас, поплавать?

Пока взрослые обдумывают ответ, выстреливает одно короткое, но тяжёлое, как пушечное ядро, слово:

— Нет!

Ольга Васильевна сдвигает на лоб тёмные очки: «Кто? Кто это сказал?»

Это сказала Маня. Чужая, беснечная юница волшебным образом исчезает беззвучно, сражённая наповал. Ольга Васильевна тоже оказывается простреленной навзлет. «Нет!» витеет в воздухе, маревом дрожит в пороховом дыму выстрела, эхом прилетает с воды, с неба, отражается от раскалённого песка, стучится вокруг Маши в прочную невидимую броню, проступает на её полудетском загорелом личике и заставляет Ольгу Васильевну пугливо бежать с поля ещё не начавшегося ги-

потетического сражения и годами бухает в виски, вызывая унылую, безнадежную тоску.

А вот теперь пришло, накатило, надвинулось вплотную. Репетиции кончились. Пора. Надо как-то готовиться, что ли, не дать застать себя врасплох. Ольга Васильевна подошла к зеркалу. Ой! То, что в молодости смотрелось как лёгкая печаль, как романтическая меланхолическая задумчивость, теперь выглядит злобной угрюмостью: углы рта провисают, уже не удерживая мятые тяжелеющие щеки. Приподнять их, краснкой рта, не раскрывая губ. Открывать не надо: коронка переднего зуба неудачно поставлена, вперёд вылезает, и цвет не соболи, халтурщики. Вот так, чуть-чуть. Ольга Васильевна, отстраняясь, обозрела результат. Не годится! Вид приурковатый — чему так блаженно улыбаться эдакой расслабленной полуулыбкой? Прибавим немного, подтянем дальше предательские уголки: «Проходите, прошу, очень рада познакомиться...» Ещё хуже! Не улыбка, а неживая, ненатуральная скобка, насильно вывернутая вверх, чудовищно лицемерная маска. От такой «улыбки» хочется бежать на край света. Нет, бесполезно «ленить» выражение лица искусственно, пытаться соблазнить пропорции, оттачивать тонкие детали — работа ювелирная, но мимолётная, требующая неусыпного контроля в зеркале. Крошечный мускул напрочь не в том месте лба, да глупое малосельский оттенок интонации — и вся кропотливая работа насмарку. Это пусть они там, на Западе, гипнотизируют друг друга такими фальшивыми гримасами, уму непостижимо надеяться, что этим можно хоть кого-то обмануть.

Нет, нам Запад не указ, пойдём не от внешнего, а от внутреннего. Надо не изображать приветливость, а на самом деле пытаться полюбить эту Надю-Маню. Тогда на лице само нарисует всё, что надо.

А за что любить Надю-Маню? Почему это её надо любить, заставлять себя? — взбунтовалось всё существо Ольги Васильевны. — Отдай ей самое близкое и дорогое, на которое полжизни положено — сына, да ещё и люби её? В аккомпанемент негодующим мыслям вилки, ложки и ножи возмущённо сыграли громыхающее металлическое скрепо в её руках и рассыпались по мойке снарядами гильзами. Придётся отказаться от части самой себя — той, что всегда была неотделимо нацелена на Серёжу. Разучиться первым делом спохватываться: «А как Серёжа? Сыт ли, одет ли, благополучен ли?» Переломить инстинкт немедленно бросаться на помощь и заппиту, отдалиться и сесть смиренно в уголке, иначе — тот прицельный Машин огонь на уничтожение: «Нет!».

Но, может быть, всё не будет так уж без-

надёжно плохо и найдётся что-нибудь, позволяющее простить Мане-Наде её существование? Какие-нибудь общие вкусы, интересы?

— А какие у меня вкусы и интересы нынче, — невесело подумала Ольга Васильевна. — Вечная круговорот сиюминутных нужд, требующих безотлагательного удовлетворения. Треть жизни на службу и транспортную лавку, добираться гуля и обратно, треть на сон, остальное — муравейник магазинов, перебежка до дому с плодовыми гириями покупок в руках. Потом трудовая смена в «горячем песку» кухни, подача блюда, да покрасивее, да каждому разное: тот не ест сладкого, этот картошки, та — жирного. Потом чёрная работа посудомойки (не купить ли, наконец, машину?) и прачки, да муторная перемена постельного белья и уборка, мелкий ремонт носильного, перетряхивание шкафов, нафталиновая консервация сезонной одежды. В рекламке обещан «аромат лаванды», да где там, пахнет ровно так же, как в прабабушкины времена) и обуви... Бухгалтерия в жилконторе завтра до семи вечера, надо, наконец, разобраться с этой квитанцией, мы уже третий месяц переписываемся. Когда-когда? До десятого числа следующего месяца никто ничего в голове не держит.

И это без всяких экстремальных ситуаций, вроде чьей-нибудь болезни или лопнувших батарей отопления. Конца этой мельтешни не предвидится никогда, разве что когда станешь забывать, какое сегодня число и как варить макароны, и перестанешь видеть игольное ушко, дабы попасть в него ниткой, когда в беспомощную развалину превратиться. А до той поры изволь крутиться, никто не освободит от этого Сизифова труда. Быт — великий и ужасный, грозное и неумолимое божество, Молох, требующий беспрестанных жертв, ненасытная утроба, — то ли неизбежная суть жизни в таком мизерном обличье, насмешка над тварностью??? человека, то ли бесполезное самоистязание по ничтожной напей слепоте. Но как иначе, неизвестно. «Иначе» живут только аскеты-диогены, вроде Перельмана, и богачи, один из тысячи, способные заплатить за свою независимость от Быта.

В чём тут могут быть «интересы»? Хорошо, конечно, если Маня-Надя попадётся с хозяйственной жилкой. Собственный секрет нежных и сочных котлет открыть, рецепт острого соуса, маленькие хитрости очистки ванны, тонкости хранения шпана, срочные меры при расстройстве желудка, ожогах и мигренях... Всякие махонькие, крохотные «сокровища», личные «открытия», для себя самой давно обесцененные, ставшие скучной рутинной, но жалко, ежели пропадут втуне. Ведь любой Мане-Наде пригодится!

А из «не необходимого», «лишнего», что имеется в жизни Ольги Васильевны? Последняя серьёзная книга прочитана целиком и по-настоящему, когда вбрасыв в себя её мир. Когда? Много лет назад, и не вспомнить какая. Не хочется — реальная жизнь изобретательнее и неожиданнее всех выдумок досужих писак. Что ей эти их беспомощные выдумки, сочинённые трагедии и перипетии? Не желают никак «серьёзные книги» дочитываться даже до середины. Теперь — только пустые детективы для рассеянного пролистывания в метро, статьи в «АиФ»'е и глупые кроссворды в жёлтых беспамятных газетках, чтобы убить время в очереди за какой-нибудь справкой или к врачу. Кино тоже осталось в прошлом, телевизор давно разучился включать, и пульт к нему зарос пылью без употребления. Интернет — та же, что и в телевизоре, пошлая тиньчка глупости и безвкусицы, разве что почти отпиривать, да по году посмотреть, да справки навести. Бывает изредка: посетит любопытство, порыв глянуть чуть глубже видимого. Откуда в старой советской песне нелепые слова «Портретной работы Пабло Пикассо»? Что за «Чтец» какого-то Шлинка экранизируется со звёздами мирового кино? Держали в дворянских особняках фикусы или это примета мещанского быта? А то вдруг ужалил случайно выхваченная строчка: «... и незримый Дух в пустыне этой Богом дан тебе в поводири. Даже не услышанный, не сестуй, говори в пространство, говори», — так, что горло перехватит, и кидаешься к компьютеру, и через пять минут уже глядишь в глаза старого усталого человека, в его настоящее, без тени фальши и стремления кому-то понравиться и угодить, лицо, в его бездонные глаза, из которых и смотрит тот самый незримый Дух, и поражаешься, что строчкам этим всего-то лет десять. Как человечество жило вскаки без этих строк?! Но — не станешь читать больше, словно охраняя то, что ещё можешь удержать памятью и душой, ибо кончаются резервы, способность впитывать. Чуть-ём догадываешься: надо ставить щит, не получается у неё совместить вечное и мелкое, надо выбирать...

Культурные мероприятия? Упаси боже! Толпа людей, раздражающая, чужая, ненужная. Неинтересны ей стали люди, дай Бог сил со своими проблемами управиться, а не вваливать на себя чужие. Получается какое-то добровольное (или всё-таки вынужденное?) затворничество. Особый индивидуальный дефект или закономерность возраста и обстоятельств? Жизнь хомьяка в трёхлитровой банке. Даже хуже, хомьяки и кролики в клетках предаются спариванию, а ей и это давно и глубоко безразлично. Эта сторона жизни выполняла своё предназначение — найти себе пару для продолжения рода — и отступила на второй, потом третий, десятый план. Спутник жизни известен до мельчайших и далеко не всегда приятных деталей. А ведь бывают варианты похуже — пьяницы, бабники, жмоты и хулиганы, а тут просто заматерелый эгоизм и из него же вытекающая склонность к предательству и безответственности. Он только подумает и откроет рот, а она уже знает, что он скажет. И здесь тоже рутина. Мужчина как вид хомосапиенса изучен и неинтересен.

Она сама превращается в мужчину — носит мужские свитера тёмных тонов, непременно с чёрными брюками, только шарфики себе и разрешает, невинные башмаки без каблука, мужские дезодоранты использует, холодный, хвойной гаммы, мужские сумки — удобно, и даже головные уборы ей идут исключительно мужские, а тогда уж и зонты, и носки покупает «мальчишковые»...

Скрыться в угол подальше, ступсывать, и не нужны ни впечатления, ни новые люди, ни их мнения и оценки. И это всё с

ней сделала так называемая семейная жизнь, которая теперь замаячила перед Серёжей с его несведомой Машей-Надей. Что вдохновляющего и обнадеживающего она могла бы им дать? Что сама имеет?

Вот разве что комнатные цветы, последние сохранившиеся пристрастие. Особая гордость Ольги Васильевны — деревце туи, выращенное почти случайно, из веточки, отломанной с паркового куста. Тогда они ещё совершали с мужем совместные прогулки на пленэр. Хвойники трудно размножаются, она это знала, без всякой надежды ткнула черенок в сырой песок горшка, накрыла стеклянной банкой, как положено, и уехала в отпуск. Вернувшись, дёрнула из горшка вон, намереваясь выбросить, и с изумлением обнаружила толстый пучок сильных корней, облепленных желтыми пляжными песчинками. Маленький оборвыш, взятый с прогулки как недолгий сувенир, хотел жить! Она сочла это знаком, бережно высадила найденный в тучную землю и радостно следила за появлением новых побегов, настойчиво пластавших свои лапки вдоль окошконого стекла, словно пыллёнок «табака». С этого началась многолетняя возня с горшками: на подоконниках в доме расстился коврик сочных бархатных листочков сенполий, сходящихся розетками к нежному курдюку цветкам; дрожал тонкой кружевной листовой на чёрных, провололочной жёсткости нитях весенний волос; весной выстреливал ярким фейерверком залп гигантских колокольчиков гиннаеструма, заставляя забыть о крупных, грубых, безобразных луковицах, давших им жизнь и выпирающих из тесного кашпо; со шкафа свешивались аристократические перья паноретника и плети хлорофитума-хохлатки, унизанные пучками новых полосатых листьев, намечающих на своё настойчивое желание обрести собственный отдельный горшок...

Вся эта оранжерея требовала неустанной заботы и поощрения: пересадить, подкормить, обрезать, полить и опрыскать. С какого-то времени Ольга Васильевна подостыла в своём ботаническом рвении — обнаружила, что все эти хлопоты вовсе не обязательно окунаются процветанием питомцев: то сморщится и рухнет налитый стебель тщательно лелемого деревца-толстянки; то строптиво сбросит листья, вместо того, чтобы распушиться огненными цветками, гибискус, торчит упрямо голыми прутиками; то тёмно-зелёные ремешки листьев кливии неблагоприятно обернутся сухими мёртвыми пластинами... И не помогают никакие книжки и советы по уходу.

— Я бессильна, — с отчаянием думала Ольга Васильевна, ведь они живые, что-то владеет ими иное, не одни «среднесуточные температуры» и «режим полива», а я не умею их понимать и слышать! Вот и «священная» туя, с которой Ольга Васильевна втайне суверенно связывала благополучие своего брака, хиреет год от года — желтеют кончики и целые ветки уныло поникают.

Хорошо бы передать растительную эстафету этой... Маше-Наде. Сдать пост. Больше некому. А заодно и стирку-уборку-готовку-ремонт. Должна же быть смена караула? Часовым полагается смена.

2

Мать раскраснелась от негодования: «Нет, ну какая наглость! Ты сама видела — с потолка канало дождём, во всей ванной, в коридоре и на кухне! А после моего звонка, этим, вдруг — прекратилось! И смотрят мне прямо в лицо невинными глазами: мы ничего не знаем, у нас всё чисто, сухо, можете проверить, мы тут ни при чём, это где-то трубу прорвало... Ага, счас! Труба вдруг сама взяла и починилась, в пять минут!

— Не надо было им звонить, — зевая, сказала Ляля. — Они всё убрали-вытерли, улики ликвидировали. Надо было сразу бежать к ним наверх и в дверь ломиться, поймать с поличным. А теперь не докажешь!

— Что ж ты не побежала, умная такая задним-то числом? — вспыхнула мать. — Ты же первая это всё увидела, в шесть утра! А я что могла сообразить, с постели вскочив? И теперь ты всё на меня валишь!

— Ничего я не валию, — недовольно возразила дочь. — Ты же у нас знаешь все эти трубы, соседи, их телефоны, вот я тебя первым делом и разбудила.

Мать пустилась в предположения о том, что делали верхние соседи в своей ванной в шесть утра, озабоченно рассматривала, притаив стрелянку, сложное сплетение труб вдоль стен, сокрушалась о загубленном потолке. Ляля смотрела сонно на её сердитое, встрепанное лицо и раздражённо думала, как некрасиво-плоско лежит у неё прядь над ухом. Наследственное — у Ляли так же загибается, как ни выворачивай феном. А мать уже давно не укладывает волосы, бросила борьбу, раньше хоть «невидимкой» подкалывала. Материнские причитания сливались для неё в скучный отдалённый шум, она пережидала его и очнулась только на словах матери:

— Пойдём ровно к девяти в жилконтору, надо их схватить, пока наряды раздают. Это у них быстро, минут десять-пятнадцать, не больше, потом зови-не зови — без толку... Привести, прямо за руку схватить кого-нибудь, техника, инженера, пусть акт составят и разберутся, что это за «труба» такая якобы!

— Я? — испугалась Ляля. — Мам, ты что, почему? Я ничего не знаю, какие там техники, какой акт, кто меня послушает! Я не могу, у меня лекция! Важная, очень важная, пропустить никак нельзя! Именно вот к девяти утра в универ...

А мне к бабушке в больницу сегодня, — вскинулась мать, — забыла, что ли? Я день специально взяла! Мне ещё в магазин, приготовить надо и схватить такую даль. Между прочим, бабушка в больнице уже третью неделю, а ты — мать ткнула в неё пальцем — у неё ни разу не была. Всё только я, да тётя Гая! Советуй у тебя есть?

Ляля виновато заморгала, заёрзала, задышала:

— Да я, конечно, мам, что ты! Ну, ты же знаешь — сессия на носу, а как только, так сразу! Ты мне только расскажешь, как там всё это, я же не знаю ничего, что там делать-то, что везти, а сейчас никак, ну просто зарез!

— Ну ладно, — мать хмуро махнула рукой, — придётся, может, с Галиной опять договариваться. Ты же знаешь, как у неё сейчас: на ней впуск полугодовой, а муж только после операции, никак не отойдёт, всё боли мучают. Ты-то бабушке родной поближе будешь, Галина нам не обязана... А! Иди там на свои лекции, разберёмся без тебя!

У тёти Гали опыты какой, мам, а я что — затормозилась Ляля, — судно в глаза не видела никогда. Я съезжу, непременно, ты не думай! Бабушке привет передавай. Пойду уже плескаться, ага? Мне с Викой встретиться надо перед занятиями, конспект отдать.

Остроносые тувельки стремительной дробью пересчитали всю лестницу, и Ляля выпархивает из мрачной погребной сырости парадного. Зажмурилась на миг: яркая голубизна чистого неба бросилась в лицо вместе с неумолчным птвичьим щебетом. Глубоко вздохнула, обела взглядом лёгкие, едва одетые пёрышками свежей листвы кроны высоких дворовых кустов. Какой мощный хор, а хористов не видно. Где же вы? Где прячутся крошечные глашатаи жизни? Везде. Ликующий гимн заполняет всё пространство неба и земли, зовя присо-

единиться и расправить незримые крылья. Жаль, что летящие ступеньки кончились. Совершенно девичьим подскоком, и ноги сами несут её вперёд.

Подруга Вика тоже спешит, ещё бы, опоздала на целых двадцать минут. Зябко поводя худыми ключицами, плещает замком минимальной сумочки, размером как раз на пачку сигарет.

— Ляля, ты извини, понимаю, я не из дома, — хриловато говорит Вика со смуглой значительной полуулыбкой, ловя подвижными губами кончик сигареты.

— Саксофонист Лёничка?

— Ммм... На сей раз мы с ним убедились, что государственный гимн лажает не только в полночь, но и в шесть утра.

Вика привычным движением, вздёргивая острый подбородок, откидывает за плечо длинную прядь прямых волос. На тонкой щеке мелькает тёмное пятно.

— Поздравля-а-аю, — усмехается Ляля, — я догадалась! Но лучше не трогай волосы, Вик. Знатно он тебя наградил. Как ты с таким орлеком в универ?

— А, — Вика беззаботно моргает головой, — ченуха! Пусть завидуют.

Она кажется совсем прозрачной, звенящей, готовой взмыть в воздух, глаза её рассеянно блуждают вокруг, и толстая уныло-коричневая тетрадь конспектов, тесно исписанная мелкими нескончаемыми буквами, сейчас решительно не имеет к ней никакого отношения.

— К тому же всё равно опоздали. Давай в кафешку на углу. Там курить можно.

Улица ещё по-утреннему свежа, влажный асфальт чист, для горожан день ещё только начинается, город ещё не расхвтан на куски, бери, сколько надо. Просветы домов под острым углом пронзаются мощными прямыми лучами солнца, как славню, что не пошла на лекцию, весь день, вся жизнь впереди, и день, судя по всему, будет отличный!

— Что ж теперь? — спрашивает Ляля, и не идёт, а только жадно вдыхает крепкий кофейный аромат из маленькой чашки.

Вика решительно гасит окуроч в пенельнице и глотает бодрящий утренний эликсир.

— А пока ничего. Он на неделю укатил с гастролями. А посему возвращаюсь к нашему интеллектуальному развитию. Слушай, Ляля, — из Викиных глаз испаряется дымка, — давай и последнюю пару профилоним! Есть идея: на истфаке один тип лекции читает, по палеографии. Да ты не фыркай! Лекции — объяснение, дядя солидный, бородастый, с виду занудный, пень-пнём, но как рассказывает! Толкует про принципы построения текста в древнерусских летописях. Народ сбегается — яблоку негде упасть, боятся слово пропустить, слушают, открыт рот. Ну что ты ухмыляешься? Другой вариант: на филфаке потрясающие лекции по античной литературе.

— Королёва читает? — живо спрашивает Ляля. — Знаю, это класс!

— Пет, Ляля, — хватается за руку Вика, — не то сейчас! Я знаю, куда!

— Куда?

— Знаю место: читают стихи! Вот, послушай:

«Стихотворение срублено грубо.
Слова — как трупы.

А надо — трубы!

Медные горны, стволы органа,

Срубы сосновые, жёсть балаганная!

Ярмарка — ярко, глупо, неслепно,

Только не глухо, только не слепо!

Я поспешила писать, и оно

Точно ёлочка — сруб-ле-но...»

— Сильно, — соглашается Ляля. — Чьё это?

— Не знаю ни имени, ни фамилии. Это в списках по рукам ходит. Есть там одна де-вушка. Невзрачная такая, неприметная, но как начинёт читать...

— Слушай, а вот это не её ли:

«Летят с ветвей душистые кометы,
Какое чудо — яблоки, но это
Кому я расскажу?»

— Нет, — с сомнением качает головой Вика, — это не слышала. Ну что, идём? Можешь и своё почитать, там полная свобода.

— А у меня сейчас не пишется, да и писалась-то срунда всякая — пытьё и умничанье... И вообще, не сегодня, Вика, не сегодня!

— Не сегодня? — Вика со вниманием всматривается в подругу.

— Не-а, не-а, не-а! — счастливо балует Ляля, едва не высывая язык.

Вика догадливо прищуривается:

— Рыжий? Или этот, Михалыч?

— Нет-нет-нет! — Ляля слегка гаснет.

Вика молча ждёт, не спуская с неё глаз.

— Это, похоже, отпало, кончилось, — смущённо ёрзает Ляля. — Понимаешь, они столкнулись у меня, оба.

— Допрыгалась, — утвердительно обвиняет Вика.

— Ага, — повинно кивает Ляля. — Мои на дачу все подались, а Рыжий рано утром звонит: зайду хоть посмотреть на тебя, перед работой. Представляешь, так и говорит: хоть посмотреть.

— Посмотрел? Представляю!

— Ну да, правильно представляешь. А Михалыч в самый такой момент вдруг звонит, радостный, бодренький: жду тебя на углу в машине, на футбол забираю...

— Я ему обещала! Иду, говорю...

— Зачем? Зачем говоришь? Какой ещё футбол?

— Но я же ему обещала! — Ляля прикладывает руки к груди. — И вот он не стал ждать в машине, а поднялся ко мне. А я открыла, как я могла не открыть, с чего? И они оба всё поняли. Нет, ничего такого не было, не думай! Никаких разборок. Просто молча вышли все втроём и разошлись, Рыжий в одну сторону, мы на футбол этот, в другую. Я так потерялась, даже дверь не заперла. Рыжий говорит с нервным таким смешком: «Что ж ты дверь-то... — бормочет она смято.

— И тебе это ещё и нравится, — уличает Вика. — Самцы скрестили рога! Из-за тебя!

— Чему тут нравиться! Если бы скрестили! А то каждый счёл себя «третьим лишним».

— Ты сильно изменилась с первого курса, — говорит Вика, помолчав. — Кто бы мог тогда подумать, такая была скромница и тихоня, вся в синем и сером, как гувернантка английская.

— Я такая была? — хихикает Ляля.

— Была-была. Теперь-то тебя никто бы в гувернантки не нанял. В глазах, ммм, жажда. Юбки сократились, ноги, очень и очень ничего себе, обнаружили, не без зависти говорю. Вся в браслетах и дикарских бусах. А блузку эту никакой гувернантке не разрешат надеть, — Вика откинулась, оглядывая подругу. — Цвет костра, да с таким многообещающим запахом, скорее, «распахом»... Тут, кстати, тоже не могу не позавидовать. Небось, всем самцам так и хочется в этот костёр прыгнуть и сгореть в нём ярким пламенем.

— Вик, тебе надо представлять модные коллекции: «Брюки превращаются в элгантные шорты»...

— Не исключено, — снисходительно бросает Вика мельком, — но мы сейчас про тебя. Такие перемены следует приветствовать. Но как ты это используешь? Я тебя не понимаю. Ты что, коллекционируешь? Ведь изначально ясно было, что не то! Рыжий твой, конечно, очень славный, но ведь чужой, и очень прочно чужой, а ты морочишь ему голову. А этот фанат футбольный — кот, который гуляет сам по себе. Причём лестничным кот, дикий. Если к таким годам его никто не приручил, на что ты-то рассчитывала? Да и биография у него, он,

кажется, сидел?

— А я и не рассчитывала, Вика, — серьёзно говорит Ляля. — Помнишь, ты говорила: можно изменять принципам, важно не изменять сами принципы. Я их не меняла!

— М-да? — иронически цедит Вика.

— Да! Не гвозди ты меня! Когда я впервые поняла, что могу нравиться, что меня желают, я просто не могла отказаться, это как наркотик какой-то. Кажется, что ты что-то значишь, чего-то стоишь. А что Михалыч сидел, так сидят тоже по-разному. Он ведь не уголовник какой-то, и не казнокрад, он вроде бы за идею.

— Да хоть бы и за «идею», сидка есть сидка. Ты хоть представляешь, что это такое?

— Честно говоря, нет. Мы с ним никогда об этом почти не говорили. Он был мне нужен сам по себе, зачем мне знать эти подробности, я видела итог. Что ж так вечно панически бояться испачкаться? Брезгливо так усекать жизнь, так её по-настоящему и не узнаешь, если сразу делить всё на «приличное» и «опасное». Бывает, и в грязи алмаз сверкает. Да и всё теперь, всё! Кончилось это! Понимаешь?

— Дурочка, ты, Лялька. Рисковая по своей глупости. Искательница алмазов. Кончилось, говоришь, ну, твоё счастье, если кончилось без потерь. А что ж ты, голубушка, рассиялась тут, как медный грош? Чай, не только кончилось, но и другое началось? Я его знаю?

Ляля кивает и кивает головой, как китайский болванчик:

— Из четвёртой группы, тёмненькие мы такие, платиновые волосы у нас колечками, и всё мы так помалкиваем, а вид умный-умный! Угадываешь?

— О? — поднимает бровь Вика. — Это мы одобряем! Этот как будто дельный, что, правда умный?

— Я бываю просто в отчаянии, чувствую, не способна понять, что он говорит, круглая, безнадёжная, примитивная дура!

— Не думаю, — скептически изрекает Вика, — это кажется тебе, сгорая. Тут ещё способ изложения важен. Что-то мало я видела по-настоящему умных мужчин. Даже если в чём-то одном умён, в другом — полный идиот.

Птичий гомон проникает всюду, выливаясь и в открытое окно кафешки. Ляля прислушивается и поднимает палец:

— Слышишь? Вот этот — это соловей!

— Хм, откуда такие познания в орнитологии?

— Это он сказал, — блаженно улыбается Ляля, — мы сдвинули с ним вдвоём на дачу...

— А-а-а? Стоило выбыть из жизни на неделю, и столько перемен. Далеко зашло?

Ляля пожимает плечами: что ответить, как рассказать, всё расплывается, выкальзывает, словно хочешь выловить из воды солнечные блики. Как рассказать, показать, предъявить солнечный блик?

— Звал, между прочим, домой...

— Ого! С самой познакомит?

— Не знаю, — теряется Ляля, — может быть, я не думала!

— Смотри, это ответственно. Это важно! — настаивает Вика. — Надо ей понравиться.

— Да ну, — легкомысленно машет рукой Ляля, — какое это имеет значение?

Она смутно думает про себя: «Как я могу не понравиться? С чего бы это? Главное — я ему нравлюсь, а уж это я знаю точно, доподлинно знаю, и это никто не отменит и не порушит, не в силах порушить!»

Кофе выпит, главное узнано. В пяти метрах от кафешки их настигает медлительное шамканье:

— Тю-тю-тю-тю, какие Клары... Ишь, птахи...

На утреннем солнышке греет кости лысый, в младенческом пуху, облезлый стариканка, сидит на скамеечке с клюкой, на ногах огромные бесформенные боты,

улыбается широко и беззубо:

— Хотя я, конечно, вам не пара, но вы мне нравитесь, Клара!

Подруги фыркают и изумлённо переглядываются:

Ты смотри, похоже, это нам стихи посвящают!

Хорошего вам дня! — обернувшись, кричит ему Ляля. — Славный дед, не брюзга.

— Облизывается. Небось, холок с болыши-и-им стажем, — ехидно замечает Вика.

Да ладно тебе, он бескорыстно любит. Он нас одобряет! Кто, интересно, эта Клара?

— Та, что поменяла кораллы на кларнет!

— Нет, на саксофон! — смеясь, подкалывает Ляля.

Их быстрый лёгкий шаг, неостановимые смешки и сияние глаз сменяются со звенящими в воздухе птичьими трелями, слепящим светом небес и слабым волнением молодой листвы, которую нерешительными дуновениями нежно перебирает ветер. Весь день бегом, бегом, в счастливой лихорадке, сначала вместе, потом порознь.

И только когда добежала до него, всё остановилось, замедлилось, время потекло иначе, неизвестно, сколько его прошло. Может, минуты, а может месяц или год — там, вонсе, а может, там и нет уже ничего, а она не заметила. Здесь только его глаза и руки с длинными сильными пальцами. Ей так нравятся его руки и смешной завиток над ухом, и ямочка на щеке, и голос с чуть приметной картавинкой, и горячая искра в карих глазах, такая же жаркая и блестящая, как мелкая россыпь солнца на поверхности воды, у которой они сидят, зачарованные, не в силах оторваться от гипнотической, вечной, как мир, игры света и тени.

— Что ж так рано пришла? — иронизирует мать недовольно. — Может, у вас уже и вечерние лекции ввели, или ночные?

— Мы с Викой... Там, знаешь, стихи читали, а потом ходили на высотку, на чердак, оттуда полгорода видно, и там тоже читали, — Ляля с небрежным видом лукаво смеётся во времени события и спешит увильнуть от расспросов.

— Ты хоть сла что-нибудь? Или у тебя опять «разгрузочный день»? Отпала уже, скоро будешь, как твоя Вика. Для кого я готовлю, не знаю, котлеты пропадают пропадом. Да, посмотри, что вот это за грязь? Залезла на стремянку, оттуда увидела, на шкафу стоит.

Мать брезгливо указывает на крошечный пыльный горшочек, в нём серая, ссохшаяся земля и жалкий комоч, опетившийся короткими сухими иглами.

— Ой, что с ним стало! — Ляля смущённо берёт его двумя пальцами, — это мне, мам, кактус подарили. Сказали, точь-в-точь мяч футбольный, а поливать, мол, часто не надо. Ну, я и поставила подальше, да забыла.

— Напили, что дарить? Разве ты можешь о ком-то позаботиться? Даже кактус довела до гибели!

— Да я всего, наверное, с месяц не поливала, — оправдывается Ляля, — это он, видно, сам так решил, невзлюбил меня, не простил!

Она осторожно дует на толстый слой пыли, которая взвивается поребальным прахом.

— Ольга! — вскрикивает мать. — Что ты делаешь! Как ребёнок малый! Выброси немедленно! Я целыми днями тут всё дряю, а она на кухне грязь разводит, вот, пожалуйста, заглянула тётя Фаину чашку этой пылью! Выймай сейчас же, да осторожно! Это, между прочим, твоя чашка!

— С какой стати моя? — рассеянно роняет Ляля, думая о своём и улыбаясь.

— Как же! Тётя Фая мне подарила её на твоё рождение, из старых своих запасов. Так и сказала — для Оленьки. Тётя Фая не признавала никогда этого «Ляля», считала

безликой младенческой кличкой, а не именем. Только Оленькой всегда тебя называла. Да поставь вот сюда, тут свалится!

— Не свалится, — уверенно говорит Ляля, словно зная, что чашке этой жить ещё больше двадцати с лишним лет.

МОРОК

— Через полчаса вап Горск, — гаркнула мне в ухо зычноголосая проводница, продираясь мимо меня толстым животом в узкую щель поездного коридора.

— А? Да-да, спасибо, знаю!

Эк, как она сказала — мой Горск. Мой? Да, пожалуй, уже и не мой. Был моим, это точно. Все мои школьные годы — здесь, да последние пару лет детства, а ещё раньше и нет ничего в памяти. Так что можно считать — родной город. Что ж, город такой, что не стыдно сказать — я из Горска. Не мегаполис какой-нибудь, но и не райцентр пыльный и скучно-безликий. Три театра было, музеи, институты. Для меня только института не нашлось. Даже и не знаю, жалею ли я о том, что уехал из Горска. Теперь уже большая часть прожитой жизни не имеет никакого отношения к нему. Так что правильнее было бы сказать «бывший мой». Когда-то тянуло, студентом катался чуть не каждый год. Но когда завязалась своя жизнь — работа, женитьба, дочь — Горск стал для меня как-то отодвигаться, тускнеть, потерял значимость. Стал прошлым. Да и к кому здесь было ехать? Не к кому. Только и оставались, что Серёга, брат двоюродный, да его мать, тётя Нина.

Эх, Серёга! Так вот и получилось: когда восемь лет назад пришла весть, что он погиб — разбился за рулём, я с тоской понял, что мы не виделись больше десятилетия. Всё казалось, что успеем повидаться, куда спешить! И вот, оказалось — никогда, никогда больше! Мапка угасала: «Мить, ты ведь жил без него столько лет. Ну, считай, что он просто уехал далеко. За тридцать земель. Будь он жив — вы с ним, может, ещё много лет не увиделись бы». Можно, конечно, и так себя утешать, типа «всё там будем». Будем, конечно, куда денемся. Но пусть я не встречался с ним годами — я знал, что есть у меня на свете Серёга, брат старший и единственный, и случись со мной что серьёзное — кого звать на подмогу? Серёгу! Он — поможет, и всегда, как в детстве, плечо подставит. Нет, да что «помощь», я и сам справляюсь в этой жизни. Да просто знать, что могу увидеть его, и он всегда мне будет рад, и можем мы сесть, раздвинуть по рюмке и потолковать «за жизнь», и вспомнить с ним тех, кого вспомнить уже не с кем, кроме него. Моих родителей, бабушку напу с ним общую, Антонию Петровну, соседей прежних, пацанов, драки дворовые отчаянные, в которых Серёга всегда из принципа стоял до последнего, хоть и был в душе трусоват — это я один знал! — и дальше обмен выловленной рыбёшкой в знак полного замирения...

Первый тайный портвейн в кустах и первые девчонки. Да в конце концов просто услышать его «Лимка» — больше меня никто так и не зовёт. Мапка сразу, с первого года, отчего-то зовёт Митей. И вдруг словно дверь у меня перед носом захлопнули и на ключ заперли: нет, больше не сможем! Никогда! Пропали! Опоздал!

Тёте Нине я позвонил, спросил, можно ли проездом на пару дней, повидаться? Воплощилась она ужасно: сто вопросов, миллион занудных предупреждений, объяснения тысячи ненужных мелочей — ухо раскалилось слушать. Словно ей предстоит принимать не родного племянника, а правительственную делегацию. Постарела совсем, что ли? Семьдесят четыре вроде бы ещё не так много, бабушка Тоня даже в восемьдесят была чётко деловита, разумно сдержанна. Впрочем, тётя Нина, помнит-

ся, и в молодости отличалась какой-то деревянной, сухой педантичностью, бесконечные списочки дел составляла, и я в детстве её не то чтобы побаивался, но держался в стороне, не расслаблялся — с ней нельзя было за просто.

Услышав трубный глас проводницы «Подъезжаем! Кто в Горске сходит, собираемся! Стоянка десять минут!», я прошёл в своё пустое, без попутчиков, купе и сел к окну. Поезд скоро пролетал мимо полустанков, семафоров, булдок; медленно проплывали на дальнем плане серые бетонные многоэтажки, пёстрые стёклашки бензозаправок и магазинов... Я ничего не узнавал: двадцать лет — не шутка. Все эти многоэтажки и заправки я тысячу раз видел, но в других местах, не здесь. И только когда поплыл перрон с красно-белым зданием вокзала, внутри ворохнулось и разлилось тепло: всё те же стрельчатые арки, всё тот же циферблат на башне, отщёлкивающий минуты жизни нашей. Сколько ж он натикал за двадцать-то лет! Паруру повалил народ, на платформе образовалась толпа, и в этой толпе стоял Серёга, как и раньше, когда я стал наседать в Горск залётной столичной иганкой. Я вдавил в стекло лоб: Серёга! Он!

Я радостно подхватил сумку и ринулся на выход, торопясь к нему, вынырнул из перестрелого путра вагона, нашёл Серёгу взглядом — на месте! — хватил ртом прохладный майский воздух и стал возвращать его обратно торжествующим воплем: — Серё...

Звук собственного голоса, всамделишный, надсадивший лихорадочным дрожанием голосовые связки, вдруг словно ударил меня: как Серёга? Откуда?! Сергей погиб восемь лет назад! Я тревожно огляделся: всё вокруг было таким обыкновенным и настоящим... У меня галлюцинации. Стал вematриваться во все глаза: Серёга. Он! Точно — он! Шурится на яркое солнце, привычно мотает головой, откидывая назад светлые пряди чёлки, и руки, красивые Серёгины руки, с длинными сильными пальцами. Он всегда был таким эффектно персбирал ими струны простенькой гитары и отводит кудряшки с девчоночьих нежных ушек... Я, короткопалый, потные пальцы-сосиски, с широкими плебейскими ногтями — никогда так не смел делать. Яркоголубые, незабудочные глаза, чёткие плечи, небрежный ремень на краю плеча, сумка низко на джинсовом вытертом бедре — он всегда так носит. Стоит, озирается лениво.

Я застыл столбом, боясь спугнуть видение. Может, может быть, это ошибка — что он погиб? Он... выжил? Я не был на похоронах! Бестолковое, невнятное письмо, когда всё уже было закончено, «занесло машину», «заснул», «был нетрезв»... Может, так сообщали зачем-то, а он жив-здоров?! Вот же — он! Он, и никто иной. Бабник-сердцеед, девчоночьа погибел! Я всегда гордился его победами и нисколько не смущался своей ролью Серёгиного оруженосца — это было справедливо. И Маринку я уступил ему без боя, смиренно — как я мог бы: Серёга! Брат! Маринка долго потом меня мучила, через сотни километров, лет семь, пока я не встретил свою Машку и тут же пропал со всеми потрохами: словно Маринкина младшая сестра — те же пухлые губы, полная грудь и тонкая гибкая талия. Где теперь та Машкина талия?

Стоп! Машкина талия! А я? Мне сорок четыре, пивное брюхо, лысина на весь лоб, варикозные ноги. Я теперь старше Серёги — он погиб в тридцать восемь. И вот — всё такой же, словно только что целовался с Маринкой. Студент беззаботный.

Я стоял и не мог понять, что происходит. Толпа пассажиров и встречающих редела, я яснее видел Серёгу и жадно ловил его глаза: заметь меня, заметь! Он заметил, мазнул по мне взглядом раз, другой, но не

вспыхнул радостно, не кинулся. Улыбнулся своей знакомой таинственной улыбкой, с усмешкой приподнимая уголки губ.

Ты, ты не узнаешь меня? Так ты улыбался не мне — только девочкам, змей, когда надеялся их заполучить и высматривал очередную жертву своего обаяния. Мы с тобой хохотали во всё горло над солёными шуточками, и ты не строил из себя тонкую шутку — со мной!

Серёга двинулся, наконец, ко мне. Остановился нерешительно в паре метров, и: — Здравствуйте...

Я молчал в ужасе: кто это?! Этот Серёгин голос, я узнал бы его баритончик, ловавшийся на моей памяти, прорезавшийся из мальчишечьего писка, — из миллион голосов — что он говорит, как он говорит? Со мной?!

Сергей тоже помолчал растерянню, потом пробормотал стеснительно вопрошающе: —

— Я вас узнал, по фотографиям. Нина Алексеевна просила вас встретиться!

Он сказал: «Нина Алексеевна». Это тётя Нина. С чего это Серёга про свою мать — «Нина Алексеевна», а не «мамахен», как у него всегда было принято?

В ту же секунду я всё понял: — Ты... Серёгин сын?

Парень кивнул. У меня сжалось горло. — Как, как звать-то?

— Максим.

Ну да, конечно. Это у нас все были Мишки, Сашки, Вовки, Андрюхи, Лёхи. Теперь всё больше Артём, Денис, Макс.

— Дядя Дима. Дядька я твой, парень!

Мою руку он взял как-то вяло и словно снисходительно. Я обнял его крепко, похлопал по спине, стараясь унять слёзы: —

— Погоди, парень! Что-то я... Сколько тебе?

— Нет? — спокойно уточнил Максим. — Восемнадцать.

Я оглядел его бегло.

— Твой отец в восемнадцать был пожиже. Ты на двадцать спокойно потянешь. — Я легоножко ткнул его в плечо кулаком. Ты знаешь, что ты — кония своего отца? Просто клон какой-то, сй-богу, у меня аж в глазах помутилось.

— Знаю, — сказал Максим с лёгким оттенком скуки. — Нина Алексеевна говорила.

— Чего это ты родную бабу по имени-отчеству?

Максим неопределённо пожал плечами: — Так...

— Слушай, Максим, — сказал я, доставая сигарету, — надо это дело... привыкнуть дай! Может, зайдём куда-нибудь, по пиву? И ты мне всё, по порядку.

— Я не пью, — равно сказал Максим. — Извините.

— Да ну? А мы с твоим отцом, в твоём возрасте неплохие уже, хм, эксперты были. Что, и не куришь?

— Нет.

— Во как! А мы с Серёгой со второго класса, на чердак, тренироваться. Когда Серёга в пятом был, его тётя Нина застала. Ух, что было! Судилище семейное. Родственников позвали, меня с родителями. И начало-о-сь разбирательство. Спёвными речами и дознанием. Прямо «смерть шпионам империализма». Серёга молчит, как партизан, показаний не даёт. Тётя Нина входит в раж, хватает изъятую из Серёгиного портфеля пачку и в рот, в рот ему запикивает: вот тебе, вот тебе эта галость! Да в нашей семье! Но ничего не добились такими мерами, Серёга глубже в подполье ушёл. Тогда к двадцати только она смирилась, да и то с наизданиями. А ты, значит, и не пробовал? Сам или не велят?

Максим слушал невнимательно, вертел головой: —

— Если хотите, можно вон там, в сквере посидеть. Покурите, я подожду.

Мы спустились от вокзала к сухому, без

воды, фонтану и присели на скамейку.

Извините, я подальше сяду, с другой стороны. Максим отодвинулся от меня на другой конец сидения, избегая сигаретного дыма. Мне стало грустно от этого пустого пространства скамьи, разделившего нас так выразительно.

Экий ты, брат! Ну, вообще-то правильно, здоровый образ жизни... Так сам или не велят?

Мама говорит, что связки сильно страдают, — сдержанно пояснил Максим.

— Марина? Как она? Я ведь, знаешь, в твою мать сильно влюблён был. Эх, давнее дело!

Мне хотелось предаться воспоминаниям, но Максим поспешно сказал: —

— Нормально. Они с отцом расстались. Давно. Она замужем за... ну, неважно. Вы не знали?

«Неважно», говорит. Это мне-то — неважно? Да что ж ты знаешь, что мне важно, а что нет? Мне бы каждую мелочь знать надо, чтоб понять! Может, и моя собственная жизнь могла бы сложиться совсем иначе! Но мне отчётливо почуялось, что Максим не желает об этом распространяться, а своим «вы не знали» слегка насмехается надо мной. Этот оттенок прозвучал. Явился тут восторженный дядька! Не ваще, дескать, дело. Столько лет не интересовались, а теперь вынь вам да положь — что да почему? Справедливо! Я покорно принял это почти демонстративное отстранение. А парень-то сильный, не слабее отца, но совсем, совсем по-другому и в другом — подумалось мне.

— Кое-что слышал, — смято сказал я, — про неладу... Не думал, что всё так определённо было. Из-за чего?

— Он пил, — сухо отрезал Максим.

Пил! Думаю, это не причина, мальчик, это следствие. Но обсуждать это с Максимом нельзя — это я понял совершенно чётко, как если бы он впрямую заявил: «Не суйте нос!» Тут, кажется, такое предубеждение, что словами ничего не сделаешь. Надо сменить пластинку.

— А ради чего связки бережешь? Ты музыкант?

— Нет. Просто. Что ж хрипеть, как Высоккий.

— Не нравится Высоцкий?

— Нет.

«У-у-у, как я мог принять тебя за Серёгу», — подумалось мне грустно.

— Ну а чем занимаешься?

— Учусь, в универе, — сказал Максим скучно, — первый курс закончил. Досрочно сдал сессию.

— Досрочно? Ну, молоток! Твой отец такими подвигами не славился, — я хотел прилестить пару баск из бурной студенческой молодости Серёги, но увидел, как Максим, сощутив глаза, глядит вдаль, и вдруг понял: да ведь ему, кажется, ненавистны эти беспрестанные сравнения с отцом.

— А какой фак? — спросил я уже по инерции, тяготясь ролью вызывающего анкетные данные дядюшки.

— Экономический.

— А... «Бухгалтер, милый мой бухгалтер»? — попытался я попутить. Но Максим ответил серьёзно: —

— Я выбрал логику.

— Это что-то математическое? — напруга обрывки случайной информации.

Максим стал скупо и отрывисто объяснять, но я почти ничего не понял. В наше время такие термины не использовались. Что-то вроде снабженца, по старым понятиям. Серёга не пошёл бы в снабженцы. Разговор заходил в глухой тупик и сам собой иссяк. Обо мне он ничего не спрашивал. Помолчали.

— Ну, пойдёмте? — первым поднялся Максим. — Нина Алексеевна сказала, вы сами не найдёте — всё переменялось много раз. Тут на автобус надо, недалеко.

В автобусе нас с Максимом быстро разделила кучка вошедших пассажиров. Можно было бы пробраться ближе друг к другу, но Максим словно заслонился от меня людьми — с облегчением; я это понял и не полез в его «отсек». Минут через десять он перегнулся ко мне и показал рукой за окно.

Вот, сейчас, он явно нуждается в том, чтобы окликнуть меня! Как? Ну, ну, пусть скажет «дядя Дима»...

Но Максим обонёлся без обращения: — Нам здесь выходить...

Не считает, значит, за родственника, никто и звать никак...

Дойдя со мною до парадной, Максим остановился и прервал мои банальные, от тшечного желания заполнить паузы, разглагольствования о том, что хрупёвки делают любой город знакомым.

Что я пил, уж, наверное, парень видел «Иронию судьбы».

— Вы извините, — и здесь обонёлся без обращения, — я пойдю. Квартира сорок, второй этаж.

— Что, даже не поднимешься со мной?

— Не могу, — ответил он твёрдо, — мне нужно собираться — уезжаю на практику.

— На первом курсе уже и практика? — удивился я вяло.

— Надо сразу набирать опыта. Связи заводить. На пятом курсе будет поздно. Конкурсия очень жёсткая.

Чёрт возьми, подумал я, будто это не мне, а тебе сорок четыре года! Связи! Слышал бы Серёга!

— Жаль. Ну, как знаешь. Смотри, если тебе чего надо будет, всегда помогу.

Губы Максима растянула всё та же (Серёгина, нет?) тонкая усмешка: —

— Спасибо. Ничего не надо. До свидания.

Я смотрел, разминая в прыгающих пальцах сигарету, как он уходит к остановке через заросший травой пустырь, в полном смятении: вот так, издалека, он опять был Серёгой. Парень, твой облик значит для меня так много, а я не значу для тебя ничего. Обман, иллюзия, морок!

Серёга, брат, я не видел тебя мёртвым, и хорошо. Пусть будет так, как говорила моя Машка: ты просто сел на автобус и уехал в дальние края...

В автобусе нас с Максимом быстро разделила кучка вошедших пассажиров. Можно было бы пробраться ближе друг к другу, но Максим словно заслонился от меня людьми — с облегчением; я это понял и не полез в его «отсек». Минут через десять он перегнулся ко мне и показал рукой за окно.

Вот, сейчас, он явно нуждается в том, чтобы окликнуть меня! Как? Ну, ну, пусть скажет «дядя Дима»...

Но Максим обонёлся без обращения: — Нам здесь выходить...

Не считает, значит, за родственника, никто и звать никак...

Дойдя со мною до парадной, Максим остановился и прервал мои банальные, от тшечного желания заполнить паузы, разглагольствования о том, что хрупёвки делают любой город знакомым.

Что я пил, уж, наверное, парень видел «Иронию судьбы».

— Вы извините, — и здесь обонёлся без обращения, — я пойдю. Квартира сорок, второй этаж.

— Что, даже не поднимешься со мной?

— Не могу, — ответил он твёрдо, — мне нужно собираться — уезжаю на практику.

— На первом курсе уже и практика? — удивился я вяло.

— Надо сразу набирать опыта. Связи заводить. На пятом курсе будет поздно. Конкурсия очень жёсткая.

Чёрт возьми, подумал я, будто это не мне, а тебе сорок четыре года! Связи! Слышал бы Серёга!

— Жаль. Ну, как знаешь. Смотри, если тебе чего надо будет, всегда помогу.

Губы Максима растянула всё та же (Серёгина, нет?) тонкая усмешка: —

— Спасибо. Ничего не надо. До свидания.

Я смотрел, разминая в прыгающих пальцах сигарету, как он уходит к остановке через заросший травой пустырь, в полном смятении: вот так, издалека, он опять был Серёгой. Парень, твой облик значит для меня так много, а я не значу для тебя ничего. Обман, иллюзия, морок!

Серёга, брат, я не видел тебя мёртвым, и хорошо. Пусть будет так, как говорила моя Машка: ты просто сел на автобус и уехал в дальние края...

В сороковой квартире на втором этаже меня ждал новый шок, но к нему я уже был немного готов после вокзала: дверь мне открыла покойная бабушка Тоня, скончавшаяся четверть века назад.

Фамильные голубые глаза, как и у Серёги, только подёрнутые старческой мутной поволокой; кустистые лохматые брови, морщинистые, в тёмных старческих пятнах, щёки, обвисшие вокруг тонкого рта-подковы. Фланелевый мягкий халатик с большими оттопыренными карманами, полными всякой всячины, клетчатые плёпанцы — бабушка Тоня моя! Скупая на смех и неразговорчивая наша бабушка, не признававшая никаких «бабуля», полная достоинства, отвергавшая и всякие там «баба Тоня». «Не баба, и не бабуля, и никому никакая не бабушка, только Серёже и Диме! А остальные, будьте любезны, Антонина Петровна».

Даже не знаю, умела ли ты когда-нибудь смеяться, в детстве или в юности? Сказались ли это на тебе революции, войны, аресты мужчин в семье, внезапное вдовство в тридцать шесть лет, когда дел погиб в первые же месяцы войны, а дальше — только суровые будни: накормить, одеть-обуть и выучить обеих дочерей. Бурки, портфели и куртки из дверной обивки разбомбленного дома, кастрюля перловой каши на всех и сковорода с драниками на постном масле, почное питье на заказ... Заботы, заботы и ещё раз заботы. Хитрить-ловчить не умела, всё только своим тру-

дом, своими руками. Жизнь налаживалась, семейство плодилось, а бабушка Тоня по-прежнему крутилась, как незаметный, неказистый мотор во чреве агрегата, не отвлекаясь на излишнее. Накормить, одеть, обустроить, приладить, в дело пустить любую мелочь, любой бросовый клочок, перенести изношенную кофточку в диванную думочку, самой перетянуть мебель, вбить гвоздик, повесить картину.

«Ба, у меня лопнула резинка!», «Ба, пуговицу «с мясом» выдрал!», «Ба, сделай мне клёш, шас так носят, ну ещё хоть сантиметрик!», «Ба, блинчиков хочется!», «Ба, мы за город с пацанами, матери не говори!» Бабушке Тоне можно любую тайну доверить — кремень, могила, защита и опора, ни силён, ни суда ни над кем! И никогда ни жалобы, ни сетований — какой в них толк? Вздохнёт, нахмурится: «Будем думать, как выходить из положения» И ничего самой, подарки тайком переларивались, всучивалась внукам в карман рубль-трёнка: «Бери-бери, стипендия-то с тулькин нос». Болеть не умела — никогда болеть! Чаю с малиной на ночь, и снова за дело, за всю жизнь даже карточку в районной поликлинике не завела. За час до того, как лопнуло, оборвалась изработавшееся сердце, пошла, чуть только полегчало, на кухню «котлеты крутить». Ба-буш-ка!

Я, кажется, всхлипывал, облизав её худенькое тельце и навалившись всей тушей, и тут раздался голос — тонкий, режущий, дребезжащий:

— Здравствуй, Дима...

Я очнулся. Это не бабушкин голос — низкий, грубоватый, почти мужской, всегда скупой на эмоции, не приспособленный ни для смеха, ни для крика, ни для слёз.

— Тётя Нина, а вы знаете, как вы на бабушку Тоню стали похожи? У меня даже сердце ёкнуло, даже халатик, кажется, такой же.

— Да-а-а, — тётя Нина отстранилась и опустила уголки рта, приподнятые было для улыбки, — совсем я, видишь, старухой стала. Страшная, да? Ты проходи, проходи, на кухню вот.

— Ну что вы, тётя Нина! — воскликнул я горячо. — Разве свои близкие бывают «страшными»? Бабушка Тоня для меня всегда красивая.

— Да, наша мама в молодости красивая была, глаза такие небесные... Их я тоже унаследовала. А твоя мать, Зойка, не в нашу породу пошла. Вздорная всегда была, вспыльчивая, вредная. Я вот аккуратно всё разложу, всё по яничкам, по кучкам, все тетрабочки в стопочку, а она — фыр! Не понравилось что-то — возьмёт, и назою мне всё, всё раскидаст! Как Мамай прошёл! А я нарочно ничего не убираю — пусть мама придёт и увидит, что эта хулиганка натворила!

Я опустил глаза, улыбаясь. То ли эпизод с раскиданными тетрадками повторялся многократно, то ли отличался какой-то особой ожесточённостью — раз так навечно застрял в памяти обеих сестёр: покойная моя мама рассказывала мне о нём не сдиножды, но с совсем другими акцентами. «Сухарь она всегда была! — жаловалась мама на сестру. — Упертая и злопамятная, жестокая. Я остыну, на колени перед ней встаю, плачу: «Ниночка, — умоляю, — ты позволь мне всё убрать, ведь мама придёт, расстроится!» А она — нет! Она на кухню выйдет — я скорей всё прибирать, как было. Нинка возвращается, увидит, и снова всё раскидает — мол, пусть мама смотрит!» И вот, пожалуйста, лет шестьдесят прошло, ни мамы, ни бабушки на свете нет, а тётя Нина, бедная, всё никак успокоиться не может.

— Поэтому я у мамы, — толковала тётя Нина, накрывая на стол, — любимая дочка была, мы с ней всегда в обнимочку сидели, а Зойка мне завидовала, ревновала, ну,

сама виновата, с таким-то характером!

Что-то заносит тётю Нину, подумал я с недоумением. Как-то мне не припоминается, чтобы бабушка Тоня хоть с кем-то «сидела в обнимочку». Никогда ей сидеть было! И не делала бабушка никакой такой разницы между дочерьми, мне-то не надо легенды рассказывать, я свидетель. Ну да ладно, пусть будет так, как ей хочется, пусть хоть так утепается.

— Тётя Нина, вы расскажите, как живёте? Кто у вас бывает?

— Никто! — подчёркнуто уронила тётя Нина, и я отметил, что дребезжание в её голосе сменилось грозным металлическим позвякиванием. — Никому до меня дела нет. Что с меня взять, нечего. Вот никому и не нужна. Каждый только о себе думает. Станет плохо — некому и «скорую» вызывать.

— Плохо себя чувствуете?

— Очень плохо, — с готовностью подтвердила тётя Нина, и голос её стал слабым, изнемогающим. — Такое бывает головокружение, просто из стороны в сторону падает, не могу до магазина дойти. И ноги отнимаются, и вот так крутит, крутит и поет. Или сердце прихватит — и так бьётся, бьётся, тахикардия. И вот здесь глаз слезится, — она показала мне уголок глаза, оттянув вялое веко.

— А что же врачи?

— Врачи! Дима, разве это врачи? Что они понимают? Равнодушные такое, такая некомпетентность! Вон у меня брошюрка сколько, — она махнула рукой в сторону комнаты, — по всем, по всем болезням, я больше них знаю! Мерзавцы они все, только и ждут денег содрать. Сколько их врачей обоняла — ну, всех кого можно, но снисхождению! Никакого толку! Сколько анализов слезала! Подожди, я тебе сейчас покажу.

Она пошла в комнаты, я присмотрелся к её походке — нет, ничего, шаг бодрый, уверенный, твёрдый. Наверное, сняли приступ. Тётя Нина вернулась с большой разбросанной кинкой бумаг, прочно, налобо уселась за столом и стала раскладывать бумаги, отодвинув чашки и тарелки. Я старательно пытался вникать, тупо глядя в неразборчивые медицинские каракули: как только тётя Нина читает их с такой уверенностью? Знает наизусть?

— Вот, смотри — это кардиограмма, это УЗИ, так, это моча. Вот анализы крови — клинический, на трансаминазу, гемоглобин... Видишь, пипнут: гемоглобин в норме! Как он у меня может быть в норме? Мошенники, просто мошенники! Сахар... Я ходила на процедуры — массаж, физиотерпия, парафин, томография... Стоит кошмарных денег, но я добилась бесплатно!

Я терпеливо брал в руки листок за листком, стоял перед просмотренного росла, но не предъявленное словно и не убывало.

— Да-а, тётя Нина, вы подошли к делу серьёзно. Огромный труд. Это за какие годы?

— Юды? — возмущилась тётя Нина. — Это мои последние обследования! За два месяца. Ну ладно, я вижу, тебе неинтересно...

— Нет-нет, что вы, мне интересно, только я немного запутался. Вы мне скажите, и что же в итоге? Какой диагноз они ставят?

— Диагноз! — фыркнула тётя Нина. — Разве они в состоянии поставить диагноз? Им лишь бы отделиться! Вот, полюбуясь, итоговое заключение: соматические изменения в пределах возрастной нормы. То есть они ничего не нашли! Плохо ищете, сказала я им! Соматическое, значит, ничего, и что же тогда? На что это вы намекаете? Психическое? Не в своём я уме, что ли? Ну, я им покажу, кто из нас! Вот, посмотри: это копия моей жалобы! Я уже отправила!

Пачка бумаги листов в двадцать была тесно исписана аккуратными круглыми твёрдыми буквами. Я попробовал вчитаться, но вскоре решительно отложил «до-

кумент».

— Тётя Нина, я надеюсь, что вы добьётесь справедливости. Со своей стороны, чем могу — помогу. Может быть, деньги, лекарства?

Лекарств у меня коробки целые, — с неудовольствием пробурчала тётя Нина, — от них только хуже делается. Такие теперь лекарства, фальсифицированные. Спасибо тебе, конечно, но что ты сделаешь из-за меня? Мне нужен уход, забота, общение, внимание. Чтобы со мной поговорили, раз-влекли чем-нибудь. Максим не слишком утруждается...

— Тётя Нина! — воскликнул я. — Вы знаете, я на вокзале в первую минуту принял Максима за Сергея! Он вылитый отец, смотреть странно!

Ничего подобного, — тётя Нина нахмурилась и презрительно искривила губы. — Он только маленький был похож на Серёжу. А теперь ничего общего!

Я оторопело воззрился на тётку. Кто из нас не в своём уме? Кажется, я начинал понимать, почему Максим не пошёл со мной к бабке.

Он у вас бывает?

— Да уж, я поставила такое условие, — тётя Нина зыркнула на меня исподлюба.

Ведь Максим у меня прописан, в этой квартире. Когда меня не станет, квартира будет его. Так уж пусть отработает наследство. Они с матерью, конечно, надеются, что это будет скоро. Смерти моей ждут. Не дождутся! Вот ещё слезу — они из-под меня горшки повынесут. Квартира того стоит!

Мутные глаза тёти Нины сверкнули на секунду зловещим блеском.

— Тётя Нина, а можно взглянуть? Столько лет тут не был.

— Смолри, — разрешила тётя Нина, — я пока чайник подогрею.

В квартире было не то чтобы чисто, а как-то пустынно, но при этом затхло. В комнатах стоял застарелый дух лекарств и старчества. Ни мебели, ни вещей я не узнавал, может, просто забыл — в те годы у всех всё было одинаковое. Я жалко искал следы знакомого мне прошлого и обрадовался, увидев на серванте две старинные рамки для фотографий: это были рамки бабушки Тони, в них она держала портреты обеих дочерей. Я подошёл ближе, взял рамки в руки. В одну была вставлена фотография полумифического для меня мужа тёти Нины, Серёгина отца. Высокий лоб, густые, даже чрезмерные какие-то волосы, зачёсанные по моде пятидесятых годов назад, светлые прозрачные глаза... Я помнил его другим, полнее и изрядно обрюзгшим, но знал его слишком мало. Его работа была связана с таинственными длительными командировками, он бывал с семьёй крайне редко, но заработки его, очевидно, были по тем временам весьма неплохи — тётя Нина с Серёгой никогда не бедствовали. В другой рамке была фотография Серёги в пионерском галстуке. Я её хорошо помнил — пятый класс, и самого Серёгу знал вот таким: со спокойным озорным прищуром и фирменной своей «улыбочкой» Джоконды.

— Тётя Нина, — позвал я, слыша, что она запаркала в прихожей, — а почему вы выбрали эту фотографию? Сергей тут ещё совсем мальчишка, птенец!

Она зашла в комнату и бросила взгляд на фото.

— Почему? Ну, наверное, потому, что тогда он ещё хоть как-то со мной считался.

Я помолчал, не решаясь вести разговор дальше, но должен же я когда-нибудь знать...

— Тётя Нина, может, вам это больно, но я всё-таки хочу спросить. Что случилось с Сергеем, как он погиб?

Тётя Нина набрала в грудь воздуха, и я с тревогой следил за её лицом, но оно не выражало признаков горя и боли. Оно словно каменело, гасло и наливалось чем-то тя-

жёлым и холодным.

Его погубила эта тварь, — сказала она, едва разжимая увядшие губы.

— Кто? — спросил я, догадываясь, — чем?

Она стерла и ревнивая истеричка, чёткость и однозначность формулировок свидетельствовали, что они были обкатаны годами. — Она сделала его жизнь адом! Из-за неё он стал пить! И сел за руль нетрезвым. Вот и всё!

Тётя Нина опустилась на диван, отсюда взглянула на меня испытующе:

— А ведь ты тоже по ней... сох.

Это конечно «сох» было хлёстким, подначивающим, обвиняющим.

— Да, — коротко сказал я.

— Ну и как ты теперь? У тебя жена, дочь?

Я сел на стул и стал говорить про Маньку, про нашу дочь, но с каждым словом тревога моя разрасталась, и я чувствовал, что ничего этого говорить не следует. Почему? Не за тем ли я сюда явился? Поделиться событиями семейной жизни, узнать про их жизнь... Нет, что-то здесь не так, совсем не так! Бросив посреди рассказа взгляд на тётку, я ужаснулся: её взор был недвижим, остекленел, лицо застыло. Она даже не считала нужным изображать приличный случаю интерес.

— В общем, всё нормально, — скомкал я свой рассказ упавшим голосом.

Тётка молчала. Я чувствовал себя преступником и предателем своих близких. Неловкость моя росла.

Вот как, — наконец, нарушила она молчание, — у тебя всё благополучно! А ведь ты всегда был при Серёже на побегушках. Подпевалой. Если бы ты тогда не побоялся жениться на ЭТОЙ, ты был бы на его месте, а Серёжа был бы жив. И не оставил бы меня на старости лет, как предатель. Это из-за тебя Серёжа погиб!

Она встала, и вышла, словно судья, огласивший приговор. А я остался сидеть, как осуждённый на скамье подсудимых. Нет, это надо понять, это можно понять, она действительно совсем одна, и в этом одиночестве созревают дикие мысли, и затевается от безысходности несленная возня с медициной. Она одинокая беспомощная старуха без будущего, она Серёгина мать! Надо сделать вид, что ничего такого и не было сказано...

Я пошёл на кухню, бодрясь из последних сил, но в проёме двери вдруг снова увидел бабушку. Она стояла, выбирая что-то из выдвижного ящика, наклоняясь над ним, свесив мимо уха такие памятные серо-седые тонкие прыжки, твёрдо расставив жилистые бледные ноги. Мне стало жутко. Оборотень... в обличьи бабушки. Меня охватил панический страх, что она сейчас распрямится, повернётся, и я увижу её-её-её лицо! Я отпрянул назад в коридор, и оттуда услышал тёткин резкий голос:

— Ты надолго хотел у меня остаться?

Вот! Надо не смотреть на неё, только слышать голос, тогда полмена ясна!

— Нет! — крикнул я, лихорадочно путаясь в рукавах плаща. Я забыл сказать, обстоятельства переменились, я ведь проездом, в командировке, здесь частное поручение, я не мог отказать. Но нужно спешить, я только заглянул, и вот прямо сейчас же надо ехать...

— Ну надо так надо, — приблизился ко мне со спины тёткин голос.

— Всего хорошего... до свидания, — бормотал я, сражаясь с задниками туфель и не оборачиваясь.

Как только дверь приоткрылась её рукой, протянутой через моё плечо, я вывалился на лестницу и ринулся прочь, унося сумку с так и не вручёнными подарками, а через час, поменяв билет, уже отчаливал в поезд от города Горька, полного оборотней, с надеждой никогда сюда не возвращаться.

г. Санкт-Петербург.

Юрий ПРОСКОКОВ

Родился в 1950 году в городе Горно-Алтайск Алтайского края. В 1958 году семья переехала в Междуреченск. Работал электрослесарем на разрезе «Томусинский», его трудовой стаж – сорок три года.

Увлекается рыбалкой, охотой. Серьёзно литературой занялся в 2009 году. Печатался в альманахе «Радуга сердец», региональных поэтических сборниках, энциклопедическом издании «Писатели Кузбасса». Он автор книг: «Берега» (поэзия), «Таёжные были» (проза), «Вдыхая запахи тайги» (проза), «Каждому дана своя дорога» (стихи), «Встречая алые рассветы» (проза). Участник поэтических фестивалей, конкурсов, концертов, является лауреатом фестивалей-конкурсов «Дружба-2013» в Междуреченске, «Осенний разгуляй» в Прокопьевске и «Дружба-2014» в Междуреченске. Член союза Кузбасских писателей и Российского союза писателей.

Месть волчицы

Рыбачили мы как-то с другом на Абакане, в районе местечка под названием Прасловы острова. Погода выдалась ненастная, дул холодный ветер вперемешку с дождём. Мы уже начали было собираться домой, как друг мне выдаёт:

— Юр, ты знаешь, мне кажется, я логово волка нашёл!

— С чего это ты взял, что там волки живут? — спрашиваю.

— Да следы кругом, как собачьи, только откуда собаке на острове взяты? — делает заключение Санька.

Я, молча, с ним соглашаюсь, и мы идём смотреть логово.

Место очень глухое, кругом заросли краснотала, калины, ель и шиповник впридачу, кусты до трёх метров высотой. Продравшись через эту колючую стену, замечаю в земляном валу отверстие, довольно большое и по виду — обжитое.

— Что делать будем? Может, волчата там есть? — предположил Санька.

— Пошли отсюда, жутко что-то мне, вдруг хозяева объявятся — пошёл я.

Но Саньку уже было не остановиться. Привязав верёвкой к длинной тонкой палке кусочек курицы, он начал толкать это изобретение в отверстие. Через некоторое время палка занеслась. Санька потянул «удочку» назад.

— По-моему, клонуло, — шепчет он, — бери, тащи помедленнее, а я возле норы посмотрю, может, волчонка поймём!

И, правда, вскоре из норы показался какой-то серо-грязный комочек. Он тихонько повизгивал и упирался. Я понял, что волчонка проглотил мясо и теперь сидит на верёвке, как на удочке. Санька схватил его за шиворот и сунул в приготовленный заранее рюкзак, предварительно обрезав верёвку. Я попытался уговорить друга отпустить волчонка, но тот заупрямился:

— Я из него хорошего сторожа сделаю!

— Не думаю, что у тебя из этого, что-то получится, — высказал я свою точку зрения, (что в дальнейшем так и оказалось).

— Приезжай через полгодика, увидим, — предложил Санька.

Я промолчал. Свидетельство нам случилось примерно через год. Раньше просто не было возможности. Не дожидаясь даже моих распросов, он поведал такую печальную историю:

— Ты был прав, друг. Ничего у меня тутного не вышло из той затеи с волчонком.

Оказалось, когда он привёз волчонка домой, его жена наотрез отказалась принимать какое-либо участие в воспитании щенка:

— Волк, он и есть волк, лучше унеси обратно, иначе греха не оберёшься!

Так оно и оказалось. На вторую ночь пришла волчица — нашла всё-таки своё чадо! Собаки в деревне подняли такой переполох — жуть! Утром Санька недосчитался двух овец — их нашли мёртвыми за околлицей, но не тронутыми.

— Следующую ночь буду караулить, убью! — заверил он жену, которая «крестила» его на чём свет стоит.

Но, как он ни караулил, на утро за околлицей лежал задушенный полугодичный поросёнок.

— Как так? Я же караулил и ничего не слышал, ведь поросёнок должен был визжать! — негодовал Санька.

Волчонок умер на пятые сутки. Друг, почесав затылок, унёс тельце за околлицу. Там, колхозные собаки уже наполовину растащили овца и поросёнка. Он бросил трутлик рядом, с мёртвыми животными. Ради любопытства, прийдя на следующий день туда же, не обнаружил волчонка, но зато на этом месте лежали две задушенные здоровенные собаки.

И вот, время от времени, волчица навещает ко мне в «гости» и обязательно кого-нибудь, да задушит! — с горечью закончил свой рассказ друг: — Зря я тебя тогда не послушал, дурак!

Через полгода, присхав в очередной раз к другу в гости, узнал, что застрелил он всё-таки эту волчицу. Вот так пришёл конец ещё одной волчьей семье, которая, в общем-то, ничего плохого людям и не сделала. Пока люди ей не сделали плохо.

Конец патриарха тайги

Как всё-таки красива была тайга в окрестностях Междуреченска, пока разрастающиеся угольные разрезы не заполнили собой всю округу, превратив её в лунный ландшафт. И что самое горькое, мне тоже пришлось принимать участие в угроблении этой красоты. А что поделать, ведь работа есть работа, открытые разработки подразумевают под собой уничтожение верхнего слоя почвы, чтобы добывать до угля.

Правда, потом люди опомнились, начали рекультивировать отработанные земли, но того что было, той девственной таёжной красоты уже не вернуть. Вместо вековых кедров, елей теперь стоят ровными рядами сосёнки и лиственницы, которые в наших краях сроду не росли. Облениха затянула собой все горные отработанные отвалы — не пролезешь. Правда, на радость грибникам, в этих посадках появилось множество ранее невиданных в наших краях грибов: рыжики, маслята, грузди. Зато на многие километры от города теперь не найдёшь никакой ягоды: она просто исчезла. И лишь малина, неприхотливая к смене пейзажей, вольготно разрослась по отвалам.

Мне пришлось принимать участие в строительстве горного участка за посёлком Распадный, что в девяти километрах вверх по реке Ольжерас, бывшей когда-то нерестилищем для тайменя. Мы, экскаваторами убрали верхний слой почвы — это в основном мягкие породы, а потом, уже взрывая более крепкие слои, добывались до угля.

Мне, как умельцу работать с мотопилой, давали задания подготавливать фронт работ для экскаваторов, то есть пилить все крупные деревья, которые при падении могли бы повредить технику. Спеленный лес увозили в отвал, ломая его и отгружая на машины. По та часть, что подходила по размерам, использовалась в качестве опор для линий электропередач.

Вот таким варварским способом и шла добыча «чёрного золота». Отступала тай-

га, уходили звери и птицы, исчезала ягода, которой было раньше здесь великое множество. Пришёл человек и погубил всё то, что давала нам природа-мать.

Было у меня своё любимое место, неподалёку от участка. Там глухари устроили для себя токовище, и я весной часто ходил любоваться этими красивыми, грациозными птицами. Место это находилось в кедровом семеннике (сплошной кедр с большими деревьями).

Здесь стоял особый какой-то запах, запах прелой хвои, смешанный с ароматом кедровой живицы, которой в изобилии были покрыты стволы этих гигантов. Я сидел под самым громадным кедром-патриархом этого леса на мягкую подстилку из опавшей хвои и, закрыв глаза, вдыхал этот неповторимый аромат.

Но вскоре у меня в душе поселилось тревожное чувство: наш участок шёл именно в этом направлении, экскаваторы приближались к семеннику всё ближе и ближе! Я спросил у начальника, будут ли они срабатывать кедром, на что тот ответил, что и сам не знает, но если будет указание сверху, то куда не денешься придётся. Я возразил: нельзя, мол, семенник губить, может обойти как-то? Но все мои просьбы были оставлены без ответа.

Через неделю после разговора с начальником я ушёл в очередной отпуск и уехал рыбачить на Абакан, забыв про работу хоть на какое-то время.

По приезду с рыбалки отец сообщает, что меня хочет видеть начальник, и как только я появлюсь, чтобы обязательно приехал на работу. Я, весь в догадках, заявляюсь утром на наряд. Начальник, пряча глаза, говорит, что есть деликатная работа.

— Что ещё за работа, ведь я в отпуске, больше никому, что ли? — возмущаюсь.

— Только тебе могу это поручить, ведь ты же один у нас лесоруб, — выдаёт он.

Я похолодел:

— Неужели?..

— Ты, я смотрю, уже догадался, о чём речь. Надо валить семенник, через три-четыре дня начнём там делать вскрышу, — не глядя на меня, говорит начальник.

У меня внутри словно всё окаменело:

— Как же так, неужели ничего нельзя сделать, и почему именно мне выпало губить эту красоту, которой я столько времени любовался!

Иду переодеваться. Руки, ноги, как ватные. Начальник даёт двух помощников. Едем, вот и семенник. Исполин приветливо машет мне мохнатыми лапами, словно приветствует, а у меня на глазах слёзы. Подхожу, сажусь на своё место, чувствуя, что в последний раз делаю это. Горло сжимает комок, не давая дышать. Мужики торопят:

— Чего сидишь, давай пили, время уже много, а мы ещё не начинали.

Я отправляю их назад:

— Без вас справлюсь, идите к чёрту!

Они уходят в недоумении. Подхожу к великану, глажу его шершавую грудь:

— Прости меня старина, не по своей воле это делаю, ведь мы с тобой за это время стали родными, не считай меня,

пожалуйста, предателем. Прощай, батя!

Со стволом, диаметром два метра, не так-то просто справиться. Провозился минут тридцать: ведь дерево надо положить именно поперёк будущего борта забоя. Наконец последний напил.

Кедр, словно издав предсмертный стон, медленно-медленно, как бы нехотя, начал клониться. Запумела хвосты богатая крона. Исполин рухнул так, что загудела земля. А мне послышалось, что она стонет и плачет по своему сыну-кедру, которого она столько лет кормила своей грудью, холила и лелеяла его.

Я опустился на мох рядом с поверженным сыном земли и заплакал, не стыдясь этого. В сердце что-то ныло, как будто из него вынули и выбросили какую-то его часть.

Через несколько дней к этому месту подошёл экскаватор. Спеленного великана тросом стащили в забой, затем бульдозером перевезли на отвальную площадку.

И тут произошёл такой случай: начальник даёт нам с напарником Лёхой наряд: нарастить линию шесть киловольт, до действующего экскаватора, как раз там, где я валил деревья. нас на автобусе, прямо на отвал, привёз пожилой шорец-шофёр Борис. Видели бы вы, его реакцию на спеленный и брошенный без пользы ствол могучего кедра! Он бегал вокруг его, стонал, трогал руками, словно общался с ним на каком-то своём лесном языке. Потом присел на корточки и замолчал. Я подошёл к нему. Борис сидел, не замечая меня, и по его стареющей лицу ползла скупая капля слезы.

Потом, он не раз ещё приезжал сюда, ходил вокруг ствола, что-то бормоча. Через месяц, присхав на отвал, я не увидел там спеленного кедра: его просто столкнули в отвал и засыпали породой. Так бесславно закончил своё существование лесной патриарх!

Вы, наверно, скажите:

— Вот чулаки, дерево пожалели, вони, сколько растёт, тайга большая!

Но ведь у каждого свой взгляд на жизнь. Просто тот, кто не сроднился душой с природой, не понял её своеобразной красоты, кто не проводил ночей у кедровых стволов, на их мягкой постели, предназначенной как будто специально для лесных бродяг, кто не дышал этим чарующим смоляным ароматом — тот не поймёт меня, моих чувств. Значит им это просто чуждо. Это не их мир. Мир доброты и света, мир зелени и голубого неба понятен только тем, кто видит и любит окружающую его красоту нашей Сибирской тайги!

Много лет прошло с тех пор, у меня родились и выросли дети, внуки, я всё также продолжаю бродяжничать по таёжным урманам. Ведь если ты тайгой живёшь и дышишь — то это навсегда, и этого не отнять, как не убить твоё чувство любви к родному краю, к родной природе, к Родине.

А моего патриарха я вспоминаю по сей день, и чувство вины не ушло, не оставило меня, хотя что мог сделать для его спасения я, маленький лесной человечек?

Олег Литвин

Горе-коммивояжер

В дверь постучали.
— Открыто! — крикнула бабка Агафья, не отрываясь от вязания.

В избу вошел упитанный мужичок средних лет.

— Здравствуйте, Агафья Евдокимовна! Я сотрудник центра социального обслуживания Парамыга Арнольд Пургениевич. Согласно президентской программе «Резвый пенсионер» презентуем вам единственный, выделенный на наш район, нанотехнологичный медицинский прибор «Живчик».

— Ты уж, сынок, объясни мне, что это за аппарат, и куды его прикладывать?

— Ну, к примеру, болят у Вас ноги... Ноги-то болят?

— Господь с тобой! У меня ноги отродясь не болели!

— Но ходить-то трудно?

— Зачем трудно? Я другой раз возьму рюкзачок, да в райцентр пешочком, пешочком... Продукты там в два раза дешевле нашего.

— Ты, мамаша, ври, да не завирайся! До райцентра пятнадцать километров!

— Дык я напрямки, через лесок. Напрямки и пяти верст не будет — за три часа оборачиваюсь!

— Тебе, старая, в твои восемьдесят два года три часа надо, чтоб от пещки до нужника дойти.

— Так ведь мазь у меня есть целебная — все хвори ножные истребляет! Я подружке своей заклятой Звонарихе дала пятки натереть, так она клюку выкинула да целый день по деревне галопом носилась — мозоли с кулак набила!

— Продай-ка мне, бабуся, своей мази, а то за день так с этими приборами набегашься, что к вечеру и ног не чувствуешь. Я тебе триста рублей дам!

— И не проси, милоч! Мази у меня полбанки осталось, и за три тысячи не продам!

— А за пять?

— Вот ведь искуситель... Бери, пока не передумала!

— Ну, если ноги не болят, то гипертония наверняка мучает? К врачам особо не находишься, а «Живчик» от сердечных и головных болей за пару сеансов избавит и от бессонницы незаменимое средство. Я тебе его, бабуля, с восьмидесятипроцентной скидкой отдам. Сорок тысяч в наше время не деньги!

— Так это, почитай, даром! Сердце-то у меня от переживательных сериалов ох, как заходится, а ежели со Звонарихой на одной тропке встретимся, бывает, и в голове зашумит. Мы ж с ней общаемся, пока голос не осипнет да в глазах не потемнеет. На тот случай сбор у меня есть из трав редких. Я той травки пожую, и все как рукой снимает, а уж ночь сплю как убитая. Медика-то я последний раз в семидесятом году видела, когда пьяного фельшера из больницы выживала.

— Дам я тебе, старая, за твою травку две тысячи, а то от вашего брата и тахикардию, и хроническую бессонницу уже заработал! Ну, если ты такая вся здоро-

вая, возьми прибор для своего дела. С «Живчиком» вспомните молодость, порезвитесь на старости лет!

— Ежели ты про антимные дела, то даже и не предлагай! Есть у меня настойка, за которой ко мне бабы со всей округи бегают, так вот лед мой на майские праздники по пьяному делу взял, да и отхлебнул глоток. Я от него ухватом насилу отбилась... Месяц у соседки от него скрывалась, пока действие не ослабло. Во как!

— Ты бы мне, бабка, отлила своей настойки для научных опытов, а уж за пенной я не постою!

— И где только этих дурней плодят? — искренне удивлялась бабка Агафья, прибирая деньги в шифоньер. — За такие деньжищи купить порченный нутряной жир со скипидаром, плесневую петрушку да Звонарихин самогон на курином помёте, который я от дела спрятала!

Мистика рождественских гаданий

Тонькины подружки давно повыскакивали замуж, и только она до сих пор сидела в девках.

Не было у неё ни жениха, ни даже захудалого ухажёра. Тонька выключила свет, зажгла свечу и, усевшись за стол, начала осторожно перелистывать потрепанную книгу «Рождественские и святочные гадания».

Вариант с башмаком показался ей самым простым и верным. Кидать свою обувь ночью через забор она опасалась, и потому в качестве гадального инвентаря решила использовать старые отцовские валенки, в которых он месил цемент.

...Яшка Катапильер имел замкнутый характер и, мягко говоря, невзрачную внешность, но этой причине женский пол не проявлял к нему ни малейшего интереса. Он не смел шел со смены вдоль оврага, торопиться ему было некуда — его никто не ждал. Поравнявшись с домом Антонины, он невольно остановился.

Тонька взяла в предбаннике окаменевший от цемента валенок, вышла во двор и со словами: «Укажи, откуда придёт суженый», — швырнула его через двухметровый забор. Яшка прикрыл глаза и представил милый образ слобной, розовощёкой красавицы Тони. Мощный удар сбил его с ног и погрузил во мрак. Яшка пришёл в себя, лёжа на дне оврага. В глазах искрило, а в голове возник только один вопрос: «Что это было?»

Тонька нашла брошенный ею валенок и обомлела от увиденного — мыс валенка указывал туда, где за оврагом, через перелесок, широко раскинулась городская свалка. «Неужто бомж?!» Тонька опростоты бросилась домой и принялась судорожно листать книгу. Гадание по полёну могло многое поведать о будущем муже. Она забежала в дровяной сарай, не глядя, схватила первое попавшееся полено и выскочила на двор.

Яшка карабкался по крутому заснеженному склону, несколько раз срывался, кубарем катился на дно оврага и снова лез наверх.

Тонька посмотрела на кривое, узловатое полено с облеслой корой, взвывая от досады и, что было сил, запустила его в темноту рождественской ночи.

Наконец-то Яшка выбрался из овра-

га. Он зачерпнул пригоршню снега и вытер им вспотевшее лицо. Удар чудовищной силы обрушился на его голову! Очнувшись, Яшка снова обнаружил себя лежащим на дне оврага. Перед глазами всё плыло, а на лбу образовался шишак величиной с яблоко. Сознание постепенно прояснилось, и панический ужас охватил всё существо Катапильера: что-то мистическое, потустороннее загнало его в овраг и теперь удерживало неведомой силой.

Тонька не помнила, сколько времени прорыдала лёжа ничком на кровати. Наконец она встала, вытерла слёзы и со злостью захлопнула гадальную книгу.

Выбиваясь из сил, насквозь сырой от пота и мокрого снега, Яшка снова и снова взбирался по склону, скатывался вниз и снова полз. В конце концов, ему удалось ухватиться за росшие по кромке оврага кусты. Собрав последние силы, он подтянулся, увидел огни посёлка и...

Тонька уверенным шагом прошла через двор, открыла калитку и бумсрагом запустила проклятую книгу в сторону оврага. Войск боли и отчаяния разорвал тишину ночи. Очередной удар в лоб отправил Яшку обратно по уже проторенному маршруту.

...Тонька вытащила Катапильера из оврага, принесла домой и две недели ухаживала за ним, как за ребёнком. А ещё через неделю они подали заявление в ЗАГС.

А ведь нужно-то было

Дозревает картошка, зеленеет лучок,
Наливается соком тугий кабачок...
Урожай небывалый созрел в этот год,
И ждёт тещу немало приятных хлопот:

Нас с женой в выходные на дачу загнать
И заставить всё это добро собирать.
Мы с друзьями собрались идти на пикник:
Загорать, веселиться, готовить шашлык.

А придется у тещи картошку копать
И в известной всем дачникам позе стоять.
Тут я теще подкинул такую идею:
«А возьмите-ка внука к себе на неделю!

На природе побегает несколько дней,
И к тому же на даче вдвоём веселей».
Прикурить за неделю наш
Мишка ей даст —
К выходным теще будет уже не до нас.

Со слезой на глазах сын пытался узнать:
Почему мы хотим его к бабке сослать?
Я наш полный поступок ему объяснил
Тем, что нужно набраться здоровья и сил.

Теща внука в охапку сейчас же сгребла
И к себе на фазенду его увезла.
Напоследок успев прочитать нам тираду,
Как ребёнка к труду
приучать с детства надо.

По приезду она сразу нам позвонила
И вальсё сына нашего, Мишку хвалила.
Не забыла съязвить,
как всегда, под конец:
«Сын - труляга, не то что бездельник-отец!»

На другой день этот голос
был чуть погостнее.
Мне на сердце от этого стало теплее!
Я не знаю, что Мишка наш сделал на даче,
Но на третий день теща
звонила нам, плача.

На четвертый день просто
в истерике билась
И, как пьяный сантехник,
в трубу материлась.
А под вечер, уже не стесняясь, рыдала:
«Присжай, милый зять!»

Караул! Все пропало!».

Было ясно, что с внуком
случилось несчастье
Мы, схватив ноги в руки, рванули на дачу!
Сын и теща живые сидели на грядке,
А теперь я вам всё расскажу по порядку.

Не успел наш сыннуля на дачу попасть,
Как немедленно принялся яму копать.
Теща этот порыв, как могла, подержала
И, любясь трудами внука, задремала.

Мишка тут же к соседям
тоннель прокопал
И клубнику вчистую у них ободрал.
Да ещё из посёлка козу приволок,
А она обожрала весь лук и укроп.

Теща ссору с соседями как-то замяла,
Мишке взбучки хорошей,
естественно, дала,
А пораньше с утра в автолавку пошла,
Запретив внуку носа казать со двора.

В это время наш Мишка в войну поиграл —
Рос в достатке вокруг оводной арсенал.
После первой атаки
и мощной бомбежки —
Нет у тещи теперь
ни тещицы, ни картошки!

Тут уже теща все принципы
в прах разметала
Мишке варварским образом уши надрала.
И ещё преподала хороший урок,
Заперев его в тёмный чулан под замок.

Через час под амнистию Мишка попал,
Ну, а главный сюрприз впереди тещу ждал.
Бабка внука простила себе на белу
Он Пестровым пестарду засунул в трубу.

Людка дома с соседом играла в лото.
Её гость с перенуту дал лёру в окно.
Весь посёлок с восторгом
концерт наблюдал,
Как мужик нагишом по крапинке скакал.

Людка теще за этот позор отомстила
Сгоряча на веранде ей стекла побила.
И условие жёстко поставила тут же:
Оправдать, как угодно, её перед мужем.

...Я тещицы и пещку весь отпуск чинил,
Строил новый забор и веранду стеклил.
А ведь нужно-то было всего лишь в субботу
Нам на даче с женой поработать в охотку!

Я ухажу

Я ухажу, в руках потертый чемодан,
Окину дом родной
пропальным взглядом...
Я ничего с собою не возьму,
Мне в новой жизни ничего
от вас не надо!

Никто не разбросает здесь носки,
Не будет запаха пивного перегара!
Кого с утра до вечера пилить?
Теперь кто будет вечно виноватым?

Прощай, мой друг, просиженный диван!
И мой родной до боли телевизор,
Он не покажет больше мне футбол
Теперь слезливый сериал его планила.

Ты почему стоишь, как истукан?!
Где слезы? Где мольбы:
«Останься, милый!»
Ведь я на самом деле ухажу,
И так прощаться крайне некрасиво!

Ты села в кресло
и листася свой журнал!
На уговоры я б, наверно, поддаюсь.
Тебе назло, беру и... остаюсь!
К тому же я уже проголодался.

г. Санкт Петербург.

Юрий Гамов

Капитан второго ранга военно-морского флота, заместитель командира тяжёлого атомного ракетного подводного крейсера стратегического назначения «Акула» в запасе Юрий ГАМОВ служил на Северном флоте. После окончания школы поступил в Нахимовское училище в Ленинграде. Стихи начал писать ещё в самом начале службы, в 1984 году, публиковался в га зетах «Горняцкая солидарность», «Усытская россыпь», в коллективных поэтических сборниках. Сегодня он готовит к изданию свой первый стихотворный сборник «Незримые подводные дороги».

Ну, здравствуй, полуостров Кольский!

Экипаж

Мы не будем делиться на красных и белых,
Нас нельзя разделить — мы один экипаж.
Мы готовы на самое трудное дело,
За Россию пойдём на любой абортаж!

Офицеры запаса, ведь вы не в отставке.
Позови, и откликнется каждый из вас.
Экипаж самолёта, подлодки и танка —
Вы для нашей страны
драгоценный запас!

Честь имеем, друзья, и уж если возьмёмся,
Мы готовы за Родину душу отдать!
Пусть на нашей земле
наш ребёнок смеётся,
Мы сумеем в бою за него постоять!
19.03.2010.

Командир подводной лодки

Красиво сказано:
«Он первый после бога».
А что стоит за этими словами?
И хоть мы все идём одной дорогой.
В ответе он за всё, что будет с нами.

Он первый после бога — если нужно.
И в море уходить нам с ним не страшно.
В его руках смертельное оружие
И жизни корабля и экипажа.

И в плавание с названием: «Автономка»,
Скомандовав «Рули на погружение!»
Не скажет командир, как одиноко,
Как сложно принимать ему решение.

Не страшно в море встретится с врагами.
Не с улицы приходят в командиры.
Мы с ним не раз в подлодке выживали.
Потом не раз в атаку выходили.

Не измерим ответственности груз
Строками корабельного устава.
«Я ошибаться вовсе не боюсь.
Я быть не правым не имею права».

В борьбе за жизни — не бояться смерти.
И, не дай бог, чтобы пришлось однажды
Всем покидать корабль
и... быть последним.
Но... первым быть всегда для экипажа.

Он первый, он имеет это право!
Он сделал всё, долг до конца исполнил.
Сойти последним, или же остаться
С подлодкой, что сама уходит в волны?

И перед богом он за всех ответит.
За каждого, кого с собой взял в море.
Он одинок, один на белом свете...
Хотя мы с ним и в радости, и в горе.

Обычный человек, причём здесь боги.
Не слушайте вы, люди, сказки эти.
Его судьба — подводные дороги.
Он пред собой за Родину в ответе.
19.03.2018

Осень в Заполярье

В Заполярье осень яркая такая,
Словно кто-то сверху краски уронил,
И художник-дождик, кисточкой играя,
Вместе с ветром эти акварели растворял.

Из окна казармы сонки, как палитра,
Словно черепашки с панцирем цветным.
Только у причалов днями и ночами
Корпуса чернеют океанских субмарин.

Ягодой-брусничкой, ягодой-морозикой
Осенью богата Кольская земля.
Ну а нам осталось подождать немножко,
Скоро самолёты принесут ко мне тебя.

Солнышко ныряет, день полярный тает,
Белые снежинки сменяют этот дождь.
Да и ты, я знаю, дни уже считаешь.
Этой встречи с Заполярьем
ты как праздник ждёшь.

В аэровокзале поцелуй так сладок.
К счастью, в Заполярье есть аэропорт.
Время нашей встречи,
к сожаленью, кратко,
Потому что субмарина вновь зовёт на борт.

Я уйду в глубины, потому что служба,
Потому что морю тоже верен я.
Пузырьки винтами карусель закружат
И прикроют льдины
наш секретный путь в морях.

В Заполярье осень яркая такая.
Ну а мы в глубинах будем на посту
Разгонять ракетой восторхи сияний,
Охранять надёжно этой сказки красоту.
08.03.2018.

Полярный

Ночь полярная, город Полярный.
Заметает дорожки метель,
И не скоро зарёю багряной
Нас порадует солнечный день.

Ветер вост, как дикая кошка,
Одиноким качает фонарь.
Пишешь ты на замёрзшем окошке
Этой северной жизни букварь.

Уходя в глубину океана,
Знаю я, что вернёмся домой.
Мы обнимем свой город Полярный,
Мы хранимы Полярной звездой.

И хоть нет ничего постоянного,
Нам по жизни с пути не свернуть.
Тёплый свет этих окон полярных,
Как маяк, освещает нам путь.
Зима 2010.

Уходим в море

Опять меня зовёт звезда морская,
Я ухожу. Не плачь и не грусти,
Ведь ты прекрасно знаешь, дорогая,
Храним в секрете мы свои пути.

Уходим мы, как в небо космонавты.
Ты знаешь, нам гораздо тяжелей.
Мы покидаем землю, чтобы завтра
Ты, не пугаясь взрывов, шла по ней.

И не покажут нас в программе «Время»,
Мы не поплывём с экранов вам привет.
Нас в глубине спасает ваша вера,
Любовь, надежда встречи на земле.

Честь имеем, друзья!

Что делал ты на службе, офицер?
Вот ты уже на пенсии, хоть молод.
Ты присягал служить СССР,
Носил звезду, и серп носил, и молот.

Что делал ты на службе, офицер?
Пришел домой, но дом твой не построен.
Директора финансовых афер
Списали всё на жертвы перестроек.

Ты воевал, а кто-то продавал.
Идите братцы, охраняйте банки!
Им наплевать, будь ты хоть генерал,
Что ты готов с гранатой на танки.

Что делал ты на службе, офицер?
Служил стране? Уж нет её на карте.
Служить богатым нынче твой удел,
И заруби себе на лбу и на кокарде.

Что делал ты на службе, офицер?
Воспитывал солдат или матросов?
Чтоб ты ни делал там,
на службе, офицер,
Не задавай себе таких вопросов!

Что есть в тебе сегодня, то и есть.
Ушёл со службы, но ушёл с надеждой.
Но выправку и воинскую честь
Ты не прикроешь штатской одеждой.

Просто море

Просто море, а разве вам мало?
Просто служба — работа, как все...
И романтики, как ни бывало.
Через месяц другой насовсем...

Просто будни — тоскливо и серо...
Просто вахты — стоять да сидеть.
Надоело, нам всё надоело.
Друг на друга противно глядеть!

До предела — тревоги, авралы.
Даже нервы — таков наш удел.
До предела, и всё-таки мало,
Не известен, не найден предел.

Ожиданье чем можно измерить?
Ожиданье — количество дней.
В ожиданье замёрзнь перед дверью
И оставишь разлуку за ней.

После спросят: «Что видел, бывалый?»
Что нам всем не приснится во сне?»
Просто море. А разве вам мало?
Просто служба. Работа — как все.

Посвящение

Памяти моего дяди
контр-адмирала Никулина В. И.

Мы не пойдём с тобой в последний бой:
Для нас окончен он числом вчерашним.
И палуба не скрипит под ногой,
Уже привыкшей к тапочкам домашним.

А всё-таки звонки и ревунты
Во сне нас поднимают по тревоге,
И к звёздам нас ведут из глубины
Незримые подводные дороги.
1995.

Крейсер «Новокузнецк»

Крейсер «Новокузнецк»
трубами небо красит.
Как богатырь стальной,
силой своей прекрасен.
Плавит в печах металл,
недра винтами рубит,
Настороже всегда взгляд
крепостных орудий.

Пусть простят земляки мне
сравненье моё.
Город славы рабочих профессий —
Для меня этот город не просто
жильё,
Для меня этот город, как крейсер.

Вот он гордо парит над огромной тайгой.
Вы наверх посмотрите, как здорово!
Этот Ангел похож на корабль боевой,
Этот Ангел — хранитель города.

Видишь: палубы улиц, дворов,
площадей...
Ангел-Крейсер летит во времени.
Экипаж на борту из надёжных людей,
Закалённых, на прочность проверенных.

Видишь, скулы бортов омывает вода.
Держим курс на маяк Маяковского!
Это им про Кузнецк золотые слова
Были сказаны точно и просто.

Значит, правду предвидел трибун и поэт.
Время, словно страницы, проколото.
Город садом расцвёл, а из угольных недр
К людям хлынуло чёрное золото!

В нашей памяти предков
Кузнецкий острог,
Сказ про каторжный труд непосильный.
А сегодня по жилам железных дорог
Словно жизнь для страны, пульсирует.

Реки ярких горящих металлов текут—
Это сталь броневая плавится.
Здесь, в Сибири, в почёте ударный труд!
Кузнецкие трудом своим славятся.

Этот город — кузнец, и характер его,
В людях нашей земли присутствует.
Даже в космосе и в столичном метро
Есть Кузнецкой земли продукция.

Пусть наш город-корабль
вдаль летит сквозь шторма,
Волны режет форштевнем грозные.
На планете Земля, как эскадра — страна.
Нам по силам задачи серьезные!

Крейсер «Новокузнецк»
трубами небо красит.
Как богатырь стальной,
силой своей прекрасен.
Плавит в печах металл,
недра винтами рубит,
А на борту его главная ценность — люди!
02.03.2018.

Старый трамвай

Старый, добрый трамвай
вдоль осеннего парка
Ярким солнечным днём разгоняет листву.
И весёлый звонок зазывает за парты
Нас вернуться в счастливое детство страну.

Мы за парты усядемся, как первокласски,
На лисьей столешнице,
край приподняв,
Запах краски,
чернильницы-непроливайки
Память в школу вернёт,
календарь пролистав.

Мы придем к тебе, школа,
вернёмся однажды,
Мы отыщем свой класс и доску на стене.
Но про наших детей нам
учитель расскажет.
День вчерашний останется только во сне.

Словно добрый волшебник
свой зонтик раскроет,
От осеннего дождика нас заслонив.
Возвращаться по жизни, конечно же, стоит,
Чтоб вернуть то,
что в детстве однажды забыл.

И хоть трудно порой, и сурово, и строго,
Пусть сентябрь будет солнечным
так же, как май.
Если ты не забыл в своё детство дорогу,
Сядь однажды в свой
старый и добрый трамвай!
04. 2010.

Троллейбус

Троллейбус ползёт, зацепившись
за два проводочка,
Дверями грохочет, электромотором гудит.
Маршрут его строго прочерчен
от точки до точки,
Но хочет в полёт он и думает, что полетит.

О небе мечтал он, ещё находясь на заводе.
Он путь свой по звёздам сверяет,
а не по столбам.
Он рейсом вечерним влюблённые
пары развозит,
А утром исправно опять возвращается к нам.

Так жизнь приземляет, цепляет
за два проводочка,
И вроде бы можно рулём
вправо-влево крутить.
Но вдруг понимаешь:
маршрут твой от точки до точки,
И даже свернув, ты не сможешь
свой курс изменить.

Он космос освоить хотел, а освоил дорогу,
Но ангела крылья,
две штанги на крыше его,
Своим пассажирам влюблённым,
по милости Бога,
От точки до точки маршрут
его чертит кольцо.

Зимний дождь

Дождь шумит по снежным пятнам
Мягко, словно вату мнёт.
И уже нам непонятно,
Где же этот Новый год?

Волу льёт не по сезону —
Дождик посреди зимы.
И сугробы на газонах
Пропитались, как могли.

Поролоновою губкой
Снег встречается с дождём.
Ну, какая тут прогулка,
Лучше дождик переждём.

Завтра всё заледенеет,
Будет скользким двор катком.
Это лучшая идея —
На коньках и под дождём.

У природы механизмы
Распогодились опять.
Просто нам из катаклизмов
Надо пользу извлекать.

И тогда плохим прогнозом
Нас совсем не запугать.
Если летом с градом грозы —
Мы снежим в снежки играть!
01. 2013.

Ах, осень!

Хрустящей корочкой из ледяной глазури
Покрыв октябрь и лужи, и следы.
Последний жёлтый лист перевернули
Берёз и тополей календари.

И прутики кустов стелают ветер,
А он гоняет клочья облаков.
И травы посидеют на рассвете,
Хоть далеко ещё до холодов.

Ах, осень, ты обманчива, обманчива,
И седина твоя — не седина.
Растает в полдень лёд, и словно май ещё,
Но впереди лишь суровая зима,

Вновь с пасмурного неба дождик брызнет,
Холодный ветер вам сломаст зонт.
И солнце, словно барышня капризная,
За тучами уйдёт за горизонт.

Вуаль тумана поутру затянет,
И в полдень потеплеет, будто вновь
Вернулись дни, а не воспоминанья,
Вернулись, словно первая любовь.

Ах, осень, ты доверчива, доверчива.
Тебе тепло, хотя лишь брошен луч.
Казалось, далеко ещё до вечера,
Но солнышка не видно из-за туч.

Опять мороз, опять сухая свежесть,
И под ногами ломкий лёд хрустит.
Ах, осень, полюби меня по-прежнему,
Иль навсегда однажды отпусти.

Тебе тепло, но мёрзну я в объятьях
И ступу на ветру и под дождём.
Так сложно не любить тебя, поняв тебя.
Давай ещё немного подождём.

Ах, осень, ты красивая, красивая,
Да ты об этом знаешь и сама.
Так будь такая ж гордая и сильная,
Как будто ты не осень, а весна!

С днём рождения, ровесники!

Дни рождения, дни рождения,
С каждым годом чаще, чаще.
Словно кто-то ускоряет
Этой жизни карусель.

Пригласишь друзей за столик,
Пожелают тебе счастья.
И опять, и с ускореньем,
Как по взлётной полосе.

Как по гравейной дорожке,
Сердце, как секундомер.
Не успеешь оглянуться:
То галопом, то в карьер.

Словно лошади по кругу,
Так бегут года-часы.
Может, мы ещё на старте
Этой взлётной полосы?

Мы ж смелее и упрямей,
И ничто нас не берёт.
Ленты финишной у взлёта не бывает.
Только взлёт!

Театр

В театре за моим окном
Меняет время декорации.
Но занавес под потолком
Не всколыхнётся от оваций.

В той пьесе, что сама собой
Идёт за тоненькими стёклами,
То ветер дует ледяной,
То солнце льёт лучами тёплыми.

Там, за окном, другая жизнь,
Другие имена и люди,
Другие линии судьбы,
Чужие праздники и будни.

Там каждый исполняет роль,
Что называется судьбой,
И каждый главный в ней герой,
А жизнь идёт сама собою.

Но как нам хочется порой
Костюм другой к себе примерить!
Хоть день прожить чужой судьбой:
Любить, надеяться и верить!
10. 2011.

Мечта о школе

«Зазвенит звонками школа и уедет,
как трамвай.
Ты сегодня в эту школу
рано утром не вставай!

И не надо брать учебник,
и не надо брать дневник, —
Рассуждал в постели тёплой
«очень добрый» ученик. —

Ты придёшь, а школы нету,
только рельсы лежат.
И тебе по рельсам этим
так не хочется бежать!

Ты придёшь, а школы нету —
укатила школа вдаль.
А тебе родную школу
ну немножечко не жаль».

...Но наступит праздник в школе
под названием «ВЫПУСКНОЙ»!
Ты родной нам стала, школа,
расставаться жаль с тобой!

Пусть завидуют

Пусть завидуют все,
пусть глядят тебе вслед —
Не закроешь роток злопыхателям.
Ты на множество лет
сохрани свой секрет
И попили всех их к чёртовой матери.

Пусть твой тонкий каблук
раздражает подруг,
Стройной ножкой, походкою твёрдую...
Ты прочти этот стих и замкни этот круг,
И останься — упрямой и гордою!

Есения

Вы возьмите меня, цыгане —
Я пойду, не спросив, куда.
Я готов на край света с вами,
Лишь бы только уйти навсегда.

Лишь бы только не видеть боле
Этих глаз, что так сердце жгут.
Пусть я буду бродягой вольным,
Всё равно меня здесь не поймут.

Лучше буду скитаться с вами,
Тратить дни у костров и гитар.
Вы возьмите меня, цыгане,
Покажите мне танцев жар.

Закружите мне голову плясками,
Напоите, чтоб вспомнить не смог
Этих глаз, что, как звёздочки ясные,
Вижу даже сквозь ленту дорог.

Манят пусть меня песен стоны
И холодные ночи в степи.
Вместе с вами готов на все стороны,
Но куда от себя мне уйти?

Подарок

Я подарю тебе стихи,
Забудь на время о проблемах.
Я подарю тебе стихи —
Романсы, песни и поэмы.

Я подарю тебе стихи.
Они, как розы, будут свежи.
И не уронят лепестки,
А будут ласковы и нежны.

Я подарю тебе стихи.
Забудь на время о печали.
Пусть эта музыка любви
Нас на волнах своих качает.

Любовь слепа, но...

Любовь слепа, но кончиками пальцев
Она прочтёт достоинство монет,
Что бросил ты ей в кружку на асфальте.
Она не побиралась там, о нет!

Она лишь от тебя узнать хотела,
Какую цену заплатить готов,
Ты, оболститель и ума, и тела
За преданную дружбу и любовь.

Так много дней она тебя искала,
Отгачивая свой холодный нож,
Чтоб сердце поразил удар кинжала.
Теперь и трёх шагов ты не пройдёшь...

Что ты теперь готов сказать с усмешкой?
Ты удивлён...? Но почему вдруг ты
Готов отдать всю жизнь,
ни на миг ни меняя,
Чтоб видеть вновь любимые черты?

Любовь слепа, чужим глазам не верит,
Не слышит слов, что разум говорит.
Лишь сердцем понимать она умеет.
И сердцем говорит: «Не обмани...»
04. 2015.

Памяти отца

Уходят все, лишь камень остаётся,
Но и его в песок стирает время.
Нам форму сохранить не удаётся,
А содержание нечем нам измерить.

Детская подушка

Волшебными снами подушка набита —
Там сказки цветные про добрых героев.
Там с музыкой чайная чашка разлита,
А фея из мультиков смотрит с обоев.

Там сотни цветов шепчут лепестками,
Там запахи детства, тепла и уюта.
И что-нибудь доброе хочется маме
Из сна принести в приходящее утро.
10. 2014.

О равных возможностях

Солнце освещает одинаково
Что букашку, что слона большого.
Только результаты будут разными,
Если повезёт один другому.

г. Новокузнецк.

Александр ВАСЮНОВ

Васюнов Александр Иванович родился в 1950 году в городе Ялта, Крымской области. Среднюю школу окончил в Алтайском крае. В 1972 году окончил Новокузнецкий государственный педагогический институт, естественно-географический факультет.

С 1972 года учительствовал, служил в армии, трудился директором в средней школе города Таштагола. С 1981 года по 2000 год служил в рядах МВД, в звании подполковника вышел в отставку.

С 2000 года работал на Таштагольском руднике начальником штаба ГО и ЧС, затем в дирекции по безопасности ЕВРАЗруды.

Самые большие увлечения - это рыбалка, тихая грибная «охота», строительство и перестройка дачи. Александр Иванович женат, у него двое детей и уже трое внуков.

Очень любит природу Горной Шории. В 1972 году попав в этот восхитительный край, Александр влюбился в горы, распадки, вековые кедры, курумники... В свободное время пишет рассказы, которых накопилось за бурную жизнь очень много.

Благослови на путь дальний!

Отрывок из повести «Золотарь»

Попался Степан Теплов на срунде, или продал кто из своих же артельных старателей, работающих на чувсовском золотом прииске.

Сильно уж голодно жила семья. Дочка совсем бледненькой стала, да и жена как тень ходила. Может быть, и потерпел бы Степан ещё, да один артельщик нашёл тайного покупателя, ну и по-родственному предложил Степану войти в компанию. Вдвоём-то не так странно: золото не любит огласки, но и торги в одиночку тоже опасны. Сколько старателей уже пропали без вести, одному Богу известно.

Сговорились, собрались и пошли в район. С собой взяли напояк по щепотке золотишка, да по небольшому «мурашику». Встретились с покупателем, только развернули тряпицы — тут шум, гам, стрельба...

Степан сразу на землю упал, потому и живой остался. А того мужика и сродственника скосили, и не поймёшь кто: не то тепеушники, не то лихие люди.

Привели Степана к самому важному чекисту района — к Сидоренко. На нем кожаная куртка перетянута ремнём, на боку маузерная кобура, а в руках — маузер. У Теплова ноги отянулись. Стал он читать молитву, к смерти готовиться.

Но отпустил его Сидоренко, важный начальник в кожанке с маузером, сказав напоследок:

— Двигай, Теплов! Через два дня жду тебя с твоим кисетом, обшитым жёлтым бисером со штиховым песком, «мурашиками» и «тараканами».

Удивился этому Степан: «Надо же, — подумал он, — даже знает, какого цвета мешочек, в котором я держу золото!»

Глядя исподлобья на чекиста, скорого на расправу, Степан кивнул в знак согласия. Не хотел он ареста. Наслышан был о крутом нраве Сидоренко и его маузере.

В голове лихорадочно скакали мысли, перескакивая с одной извилины на другую:

«Если отдам кисет, не поверят, заставят ещё золото нести. А где его возьмёшь? Не отпустят. Принесу, начнут про подельников спрашивать... И про их золото спрос учинят. Да ещё и про место спросят, где оно у них находится...»

Свербила душу ещё одна мыслишка:

«Брось всё это, Степан! И беги подальше, только жену предупреди, что в бега ударился. Пока отведённые двадцать дней пройдут, далеко от этого места будешь. Рви в Сибирь, в Кузнецк, там через людей узнаешь, как уйти к староверам или тата-

рам лесным. Живут ведь они там, и ты проживёшь, пока всё успокоится».

Вышел Степан на улицу. Постоял, подумал и пошёл прочь.

Молча он шагнул в родную деревню, не зная, как правильно поступить? Шёл до самой ночи. Чёрная ночь от сухости воздуха вызванивала звуки шагов. Не хотелось встретиться с кем-то из односельчан, потому он обошёл стороной сидящих у костра людей, прокрался мимо стено-жёнских коней, чтобы не встревожить чуткую животину. Когда завиднелись крайние избы, он присел и крадучись пробрался задворками к своей избышке. Над деревней витал запах гари.

Степан насторожился, но кругом стояла тишина, только кое-где перестрёкивались собаки. Чем ближе он подходил к своему дому, тем сильнее ощущался сладковатый запах пожара.

Быстро пробежав мимо стога сена соседя, поднялся на холмик, вот уже и родная банька, что стояла на отшибе...

Ноги у него подломились, будто сухо-стоина в бурю: вместо избышки, вросшей в землю, торчала глинобитная печь, обгоревшая до черноты. В чернеющее небо сиротливо смотрела квадратная труба.

Степан шагнул в сторону избы и рухнул на колени в горячую золу бывшей жизни. Прислушался: не слышно ли голоса жены и дочери? Но ухо ловило лишь набатный стук сердца. Кровь упругими валами колоннматилась по голове, взрывая её изнутри, сердце вырывалось из груди...

В темноте слышались шаги...

— Катерина! — выдохнул он, вскочил на ноги и бросился во тьму.

Из-за уличного куста вышла соседка, бабка Куличиха.

— Горько-то, — запримечала бабка, прикладывая кончик головного платка к глазам, — сиротой остался ты, Стёпушко...

— Изба — дело наживное, — отмахнулся от плакальницы Степан, — Катерина с Манюней у тебя?

— Сиротой остался ты, Стёпушко, — рыдала Куличиха, — как полыхнуло, мы и не встряхнулись. Всё сразу взялось огнём. А Катерина с Маней, видно, уже спали... Намажась она сёдне, лампу рано загасила...

Собаки, как учуяли дым, да так и завывали, ровно волки по весне. Повыскакивали мы в исподнем, а избёнка — уж не подойдёшь... Кинулись тушить, куда ковши с ведёрком супротив окяна пожарного. Всего-то и осталось — печка да Бо-

женька.

— Какая боженька? — обеспамятел Степан. Его разум не мог принять страшную весть о том, что у него больше нет ни жены-красавицы, ни умницы-дочушки.

— Иконка как-то запала и жива осталась, мужуки, как всё загасилось, искали Катерину с твоей девкой, а глянули — боженька на их глядит из непа. Вон, в баньку унесли.

— Бабушка, ты скажи Катерину с Маней нашла?

— Како там нашли, всё летечко суховей, избёнка-то и полыхнула, как лучинка. Ничё не нашли, тока боженьку.

Повернулась и пошла обратно, горестно качая головой и шепча какие-то молитвы.

Сколько стоял Степан, не знает, перед глазами расстилалось чёрное неслепище, последний приют его семьи. Вздрыгнул от вскрика птицы за околицей, огляделся по сторонам в пустой надежде увидеть родных людей. Калёный воздух летней ночи колыхнулся вокруг него. Поднимающаяся над горизонтом луна бросила свои лучи на землю, словно хотела прикрыть ими неизбежное горе.

«Прости, Стёпушка, — толкнул голос жены. — Скоро рассвет!»

«Прости, Стёпушка - а - а...»

Голос звал за собой... Степан послушно пошёл следом. Вот банька, двери настезь...

Пригнувшись, шагнул в невысокую дверь, из предбанника — в баню. Бледный луч просочился через оконце, затянутое бычьим пузырём, скользнул на пол. Из темноты на Степана печально смотрела женщина...

Он онемел от ужаса, тряхнул головой, зажмурился и задержал дыхание. Ему почудилось, что сейчас жена и дочка спрыгнут с полка и повиснут у него на шее. Но тьма немо обнимала человека.

Осторожно открыл глаза: на полке лежала икона. Этой иконой благословляла Степана и Катерину мать перед свадьбой, но тогда казалось, что Богородица с младенцем чуть улыбались. Сейчас она смотрела глазами полными печали. Почудилось, что младенец вот-вот расплещется.

Колени подогнулись сами собой. Глянул он на образ, на просветлённый печальный лик Богородицы, и слова молитвы потекли сами собой:

«Пресвятая мать Богородица, — просил Степан, — даруй душам Катерины и Манюни царствие небесное, не довелось им пожить на земле, так пусть пораду-

ся в твоём царствии».

«Стёпушка, рассвет скоро», — снова прозвенел голос жены.

«Рассвет скоро...» — вяло повторил Степан, поднимаясь с колен.

Из тьмы выплыл хищный взгляд чекиста Сидоренко.

«Боженька ты мой, рассвет скоро!».

Выскочил суетливо в предбанник, нащупал в темноте висевший на гвозде мешок с лямками, с которым за орехом в тайгу ходил. Вытащил из-под лавки заступ и пошёл в огород. Подкопал картошки, вырвал несколько луковиц, нашёл на грядке огурец, всё это сунул в мешок.

Воровато оглянувшись, отправился в дальний конец огорода. Присел под старой черёмухой, ещё раз огляделся, прислушался... Кругом было тихо, не было слышно даже ночных сверчков.

Руки сами нашли ту особую дерновинку, которая хранила от людского глаза желтый кисет, расшитый бисером. Подкопнул заступом укоренившийся лён, отвернул в сторону, быстро разрыл ямку и достал тяжёлый свёрток. Смахнул со старой тряпицы землю, сунул свёрток за пазуху, прикопал ямку, накрыл дерновым пластом, потрусил сверху жухлые листья и вернулся в баньку.

Лунный свет перебрался в другой конец полка, и Степан в темноте видел только краешек иконы. Он поклонился в пол Богородице, перекрестился три раза.

— Пресвятая мать Богородица, — прошептал он, — прости мя грешного и благослови на путь дальний, защити мя в поле, пути, дороге. Забери к себе души жены моей Катерины и дочери Марии.

Ещё раз перекрестился, хотел уйти, но вернулся, и, завернув икону в тряпицу, положил её в сидор.

На улице Степан поклонился неслепищу, присел на деревянную лавку у бани, где любил отдохнуть, напарившись вволю. Помолчал у своего жилища, перед дальней дорогой и пугающей неизвестностью. В душе царил пустота.

Смахнув набежавшую слезу, он ещё раз перекрестился и шагнул в темноту.

...К рассвету он уже отмахал вёрст пятнадцать. За его спиной остались родное неслепище, непохороненные жена и дочь. Остались далеко и односельчане, с которыми не было желания прощаться из страха, что они с легкостью его «продают». Но самое главное, далеко, там, в прошлой жизни, остались продажные артельщики и размахивающий маузером Сидоренко.

Жгучие объятия амурской воды

Пришлось нам с Василием служить вместе. И отношения у нас были не только как у сослуживцев, а как у товарищей. Со временем разоплились наши служебные и жизненные дороги, однако мы остались хорошими друзьями.

Василий всегда отличался добротой, отзывчивостью. Оптимист по жизни и сегодня умеет поддержать компанию. У него открытый, живой и очень озорной взгляд. При всей, на первый взгляд, мягкости, Василий в экстремальной ситуации мог на себя взять ответственность за решение любой проблемы. Его кредо самостоятельность. «Решу. Выполню. Разрулю, а потом решайте, что с этим делать», – вот его основные ответы на поставленные задачи. И боже упаси, лезть к нему с советами, рекомендациями и по пустякам.

Таким решительным он и был в годы нашей совместной службы. Много пудов соли нам пришлось с ним съесть, в таких перепрыгах побывали. Есть о чем вспомнить. Да и ему, бывшему мичману, прослужившему по контракту пять лет, тоже было чего вспоминать и рассказать.

Служить нам с ним пришлось в семидесятые годы прошлого столетия. Отгремели, наконец, бои против китайских агрессивных хунвейбинов. Понемногу пошла на убыль реакционная политика породившего их государства. Старшее поколение еще помнит рухнувшую советско-китайскую дружбу. Улеглись военные страсти с приграничными конфликтами, а желание осталось проверить на прочность государственную границу Советского Союза.

Охраной водной границы с Китаем, проходящей по реке Амур, занимались сторожевые корабли и катера отдельной пограничной бригады и дивизион катеров Дальневосточного Управления. Они выполняли особые задачи Генерального Штаба Вооруженных Сил и КГБ при Совмине СССР. Базировалась застава в поселке, названном в честь исследователя из амурской экспедиции Невельского. До границы километров пятьдесят.

Что поражает человека впервые посетившего эти места? Могучая сила волн, струящихся по всей шири русла. Вдали виднеется гигантская фигура моста. Берега реки заросли изумрудными кустарниками. Многочисленны бурные притоки, берущие свое начало с диких горных хребтов. Говорливые Бычиха и Красная являются наиболее полноводными. Они, также как и более мелкие, несут в Амур кристально чистую воду. Именно сюда подливаются промысловые рыбы на нерест.

Весна притягивает в эти края не только рыбу, но и рыбаков. Если местные жители идут на берега рек, чтобы подлатать дыры в семейном бюджете, то приезжие – это хищники. И как обойти вниманием и не упомянуть о китайцах, которые приплывают с одной целью, набить свои джонки красной рыбой. Они за собой оставляют километры невыбранных одноразовых сетей.

Амур силен и строптив. Его песчаные острова меандрируют по руслу, изменяя его берега и месторасположением самих островов. Древесная растительность островов состоит в основном из корейской березы. Весной во время сокодвижения у этого дерева капает кроваво-красный сок, как будто бы береза плачет кровавыми слезами.

Сильнейшие паводки на реке смывают острова вместе с живностью и растительностью. Смывают в одном месте и намыывают в другом. Новые острова понемногу зарастают травянистой, а затем и древесной растительностью, появляются и животные.

В таком изменчивом и благодатном

краю пограничникам и приходилось нести свою службу. Соответственно, режим территории был, как и положено, строгим. Свежи были еще воспоминания об инциденте на острове Даманский и последующих боевых действиях со стороны Китайской народной республики.

Жители правого берега реки Амур не смущали пограничников, они нарушали границу тогда, когда им вздумается. Особенно часто зимой, когда лед сковывал могучую реку.

Беспокойное место для службы. Местные рыбаки занимались сетевым ловом рыбы, их сети частенько уносило течением. Эти и брошенные китайские сети доставляли служивым людям большие неприятности, потому что часто наматывались на винты катеров и кораблей. Загрязнение хода, а то и полная остановка судна приводили к срыву боевых заданий по охране государственных рубежей.

А так как воинское подразделение на Амуре было на особом положении, то и проверяли его боеспособность также по особому и чаще. Не простые проверяющие, а обязательно из округа, реже из Москвы. Проверяющие персоны прибывали с особыми полномочиями. Причем, полномочия использовались по-своему усмотрению и отыгрывались по полной на личном составе.

В Москве проверяющему ставилась определенная задача, обговаривались варианты проверок, возможные вводные ситуации на проверку боеготовности подразделения. По мелочам не отлыскали. Строги были проверяющие. Но не обходилось и без просьб. Правда, просьбы у министерских были одного и того же вида, хоть жили они, как сыр в масле катались, да и обеспечивались по особому списку.

Вот и в тот раз попросили министерские коллеги очередного проверяющего привезти им красной икры и рыбы редкой. Кстати, такие просьбы шли от всех работников всех министерств, потому что дальний Восток у них ассоциировался только с высококачественными продуктами и дорогими мехами.

Ублажали московских гостей по всем статьям, выполняли все просьбы, потому как нагальить они могли легко.

Однажды командир корабля, капитан-лейтенант, перед выходом в рейд, поставил перед командой катера боевое задание по охране вверенного участка. Утром вышли с базы. По ходу разминувшись с кораблем управления, на котором и служил мичманом мой товарищ.

Все шло в штатном режиме. Судно шло по заданному маршруту, команда трудилась слаженно. Рулевой внимательно следил за buoyми и береговыми знаками. Красные глаза заметил троих рыбаков в морских бушлатах. Они что-то делали на песчаном острове, намытом очередным паводком. Рыбалка на таком острове опасна тем, что в одночасье может подойти большая вода и затопить остров. Поэтому, кто находился на ненадежном острове без катера или лодки.

У обнаруженных рыбаков был не просто катер, а из резерва командующего военным округом. Сразу было видно, что в бушлатах публика солидная.

Решил рулевой приколочиться и сделать вид, что не заметил рыбаков. Прибавили скорости и проплыли мимо на хорошем ходу. Судно всю силу дизелей отдало на борьбу с амурской водой. Бурлит, пенится вода от работающих винтов. Большая волна пошла во все стороны. Заливает она и остров, его прибрежные отмели, гнет траву, осоку, молодой ивняк. Моет амурская водичка пологие берега в очередной раз, смывает прибитый мусор.

Прошли мимо острова с рыбаками, показав свою силу и мощь, и удалились, скрывшись за поворотом реки. Экипаж

выполнил поставленную задачу: собрал браконьерские сети, проверил буй акватории возможных стрельб, состояние береговых заливов. Вернулись на базу напроцех забыв о своей шалости. Принимались, сопли на берег, оставив на корабле вахтенных.

Вызывает к себе командир бригады капитана корабля. Тот доложил о прибытии и о том, что боевое дежурство прошло без особых происшествий. Задание выполнено, команда готова к выполнению новых. Комбриг багровеет так, что и себя наливается кровью.

Учиняет допрос с пристрастием: не случилось ли чего особенного, может, встретился кто по пути? Капитан стоит на своем: «Рейд без происшествий. Посторонних не было выявлено».

Повторные вопросы не сдвинули дела с мертвой точки. Капитан-лейтенант, наконец, спрашивает: «В чем, собственно, дело?». «А в том, – рычит комбриг, – что звонили из штаба пограничного округа, а тем из самого Генштаба, потому что туда пришла инфотелеграмма. Какой-то сторожевой катер, номер не указан, во время патрулирования смыл волной проверяющего из Москвы вместе с сопровождающими его лицами. Хорошо хоть катер на якоре стоял, а то бы и его волной унесло. Бумага серьезная, требует соответственного реагирования».

Комбриг точно знал, что в это время в дежурстве был только этот экипаж, потому и разнос устроил подчиненному по полной.

Получив не понятно за что головомойку, капитан катера вернулся в расположение, выстроил команду и тоже rozdal «подарки» рулевому, вахтенному и, походя, еще нескольким морякам, которые подвернулись под руку.

Видно хорошо искушали проверяющего, раз из самой Москвы пришли руководящие циркуляры о наказании виновных.

Героев наших отметили во всех приказах, выдали им «лепшей», чтоб исповодно было купать гостей. Это да! Но и удовольствие было от того, что московский гость не только красной рыбки, балычка и икорки отведал, но и познал прелесть купания и целебные свойства амурской водички. Забыть ее жгучие объятия ему не светит.

Птица любви

Среди суеты студенческих дней редко вспоминались родные места, родительский дом. И, заматавшись в делах, Валентин долгое время не мог выбраться туда, где прошли его детские и юношеские годы. Однако нет-нет да схватит за душу легкое видение светлых струй знакомого ручья, прощелестят ветки знакомой с бокового детства березы, а то потянет утренней речной свежестью или терпким запахом раскаленных в жару гор. Родина жила в каждой клеточке его тела, в каждом стуче сердца.

Как только выдалось свободное время, парень собрался домой к родителям. До электрички было далеко, на улице суетно, вот и присел Валентин на дервянную вокзальную скамейку в зале ожидания. Вначале рассматривал прохожих за окном, что сповали туда-сюда с чмодами, узлами, детьми и белянями. Движение за окном усиливалось сразу же за очередным объявлением посадки. Дребезжащий голос сообщал откуда собирается отправиться очередной состав и толпы пассажиров устремлялись в ту сторону.

От мелькания людского закружилась голова, Валентин переключил внимание на немногочисленных людей в зале ожидания. Рассматривал лица, как рассматривают экспонат в музее. Вот старик согнулся над газетой, не то читает, не то спит. Его жена зорко блюдет его покой.

Женщина кормит ребенка, напротив толстуха баба вцепилась в ручку чемодана и, свесив голову, как курица, слегка похрапывает. Нормальная обстановка, нормального вокзала времен Советского Союза, никакой истерии. За толстухой бабой девушка в облегающем брючном костюме, удачно подчеркивающим фигуру хозяйки.

Сразу бросалось в глаза, что тело человека в зале ожидания, а мысли далеким-далеко. Отрешенный взгляд уцепился за мутноватое стекло вокзального окна. Девушка привлекала внимание совершенством форм и благородством черт лица.

Где-то на подсознательном уровне припомнился красочный этюд из жизни, – девушка подросток с угловатыми движениями и некрасивыми чертами лица шла по селу, где он вырос.

Вспомнилось, как девчоночка подкидывала ему тайные записочки в почтовый ящик, висевший на изгороди, подсовывала свой дневник с объяснениями в любви. Пареньку было интересно вытаскивать записки и читать. Только ответов никогда не писал, мешала мальчишеская гордость. «Маленькая еще, – думал он про себя. – Напридумывала много чего. У нее вся жизнь впереди...». Эта переписка была их маленькой тайной.

«Ничего себе, – подумал Валентин, – был гадкий утенок, а теперь и не узнать – красавица. Хороша, стройна, словно лань. Шла как у парницы, с лица только картины писать!.. Лебедушка! Нет, наверное, алмаз с очень тонкой огранкой. Только для выставки гоже».

Забывшись, парень, не мигая, рассматривал лебедушку. Она почувствовала и обернулась. Быстрый взгляд пробежал по его лицу. Узнала... Как реакция – удивленно вскинулась бровь, взгляд стал осмысленным, видно девушка вернулась на землю. Встрепенулась, словно птаха на ветке поутру и пошла к Валентину. Ему показалось, что она плывет по залу. Очнувшись только, когда красавица оказалась рядом. Протянула руку привычно тыльной стороной кверху, словно для поцелуя. Видно было, что движение заучено до автоматизма.

С трудом сдерживая волнение, произнесла:

– Здравствуй! Как долго я тебя ждала!

Вздыхнула облегченно, словно вздохнула, и неожиданно прижалась к нему. Гибкое, словно лозинка, молодое тело обожгло парня. В газах помутилось от ее прикосновения. Слишком уж все было неожиданно и просто. Обняла так, будто и не расставались они никогда, так на пять минут разминувшись.

– Здравствуй, Валя! – счастливо выдохнула она, обвила его руками и заплыла радостью встречи.

Слегка обалдевший Валентин увидел как сияют глаза девушки, будто в них включилось само солнце. Влажные губы слегка подрагивали, пушок над ними манил к себе, словно звал разделить радость встречи. Тонкий аромат духов затмевал остатки разума.

...Это был поцелуй страсти и долгого ожидания встречи. Они не видели, как очнулась от дремы толстуха и заулыбалась, глядя на них. Как бабуля ласково глянула на дремлющего мужа. На землю, пусть на мгновение, опустилась птица любви.

Как Марья самогонный аппарат регистрировала

В каждой деревне есть мужики, любящие приврать, приукрасить, разыграть односельчан. Не то, чтобы корысти ради, а так, просто для красного словца. Соседи привывали к их шуткам, знали. И все равно верили. Правдиво шутники врут.

В одном промышленном поселке, расположенном на слиянии трех рек, жил-был работяга Федор. Это был крепкий хозяин своего подворья. В его огороде росли овощи соседям на зависть. В подворье водилась всякая домашняя живность. Была у мужика такая особенность: веселым он был, неунывающим, принимавшим выкрутасы жизни и правил жизни как должное.

Жил по принципу: «Живи сегодня! Завтра может быть хуже!». Умел он разыгрывать людей. Водился за ним такой грешок. Не было большого вреда от его розыгрышей народу, потому что делал он без выгоды для себя. Сколько раз односельчане давали себе слово не попадаться на его уду. И столько же раз попадались... Случалось, поматеривали, обещали припомнить и больше никогда не верить, но через некоторое время уже посмеивались над его проказами.

О Федоре, местном жителе, и пойдет мой рассказ.

Пришло в посёлок, так же, как и во все наше государство, новое время. Перестали народу заработанные деньги платить. В это же время сапожники возились баулами, чемоданами по стране. Случалось, что самосвалами вывозились и не только бумажки.

Правитель великий, от роду Меченый, выглядел из-под каблука жениного. Все сё приказы исполнял. Пришло им в голову спасать народ русский от алкогольной зависимости. Была страна абсолютной грамотности, а Меченый с супругицей решили сделать страну абсолютной трезвости. Ввели талоны на водку, вырубили сады яблоневые и элитные виноградники, дабы пресечь изготовление вина.

Русич не лаптем щи хлебает, и не такое видел. Потому и закона этого не сильно напугался, правда, пить стал больше. Раньше после получки или баньки выпьет с приятелями на троих. И до следующего раза. А теперь, когда талоны выдали, да очередную отстоял километровку, хочешь или нет, а выпить ее проклятую должен. Ну не прокисать же ей, не выдыхаться.

Сельские умельцы (городские тоже не отставали) тут же вспомнили деловский способ борьбы с талонной системой «с 11 до 17 часов». У самых оборотистых тут же появились самогонные аппараты. У кого «трошки для сбоя», у кого «и для того парня». Ловили их органы, изымали аппаратуру и даже судили. Но самогон снова гнали и продавали.

В означенном промышленном поселке такой умелицей слыла бабка Марья. Эта громкоголосая, полнотелая баба была очень рискованной и нахальной. Шутить не любила. Половина мужицкого населения были у нее в черном списке, куда она долги записывала. Вытряхивала с семьи должника все до копейки. Несли к ней мужики последние гроши, чтобы отдать за бутылку самогонки. Проклинали ее жены и матери. Но бизнес был для Марьи превыше всего. Больно уж жадной была до денег.

Как-то идет Федор по селу, несет на горбу большущий мешок. А его догоняет Марья. Увидела большой мешок, аж от жадности затряслась. Думала, что где-то на дармовщину или по дешевке раздобыл он какой-то дефицит.

- Здравствуй, Федор, - обратилась к нему, - чего несешь?

Блеснул озорно глазами Федор, говорит:

- Самогонный аппарат носил нашему участковому для регистрации. Сегодня как раз вторник, день регистрации. Честь по чести зарегистрировал аппарат. Получил на него законное разрешение. Могу теперь гнать самосядку хоть для себя, хоть на продажу.

Марья аж подпрыгнула на месте. В силу своих тайных ночных занятий по производству нелегального алкоголя, она сильно боялась участкового, принципиального служаку, который ни на деньги, ни за бутылку не согласился бы закрыть глаза на ее деятельность. А с другой стороны, если Федор зарегистрировал и может свободно и днем и ночью гнать непьющую воду, столь любимую пьющим населением, то почему бы и ей не зарегистрироваться.

- По вторникам, говоришь, участковый принимает, - притормозила свой бег Марья, - и что всем регистрируют и бумагу выдают?

- Всем, конечно. Вон и сосед твой нередко мной был. Участковый всё осмотрел, записал в журнале и справку выдал. Так что, Марья, теперь имею полное право гнать и продавать самогон совершенно свободно и на законных основаниях.

Серьезный был это бизнес. Доходный, но и опасный, потому что долги мужиков росли, а частенько отдавать было нечем, вот и репались лихие головы на крайние меры - грабежи и поджоги. Сгорали вместе с нажитым добром самогонщиков долги расписки. Только ненадолго. Жажда выпить вела к очередному торгашу.

Получив такое разрешение, Марья могла развернуть торговлю по шире, да и быть под защитой власти. Глянув на небо, поняла, что участковый скоро закончит работу. Кинулась домой, быстро упаковала в мешок самогонный аппарат и бегом понеслась в поселковое отделение милиции.

В это время участковый, старый служака, еще советской чести и совести, собирался уходить домой, рабочий день почти закончился. Сложил документы, закрыл сейф, накинул на себя милицескую шинель. Тут двери распахнулись, и в кабинет ворвалась Марья. Она заполнила все пространство своим объемом, так что стройному, подтянутому участковому пришлось посторониться. Баба бухнула на стол мешок с самогонным аппаратом, подбоченилась и заголосила:

- Вот, регистрируй быстрее. Ишь, он домой собрался. Ничё удержишь, а то Федору так зарегистрировал и справку дал. А мне?

- Не шуми, Марья Ивановна, - спокойно сказал участковый, - скажи толком, что тебе зарегистрировать надо?

- Как это что? — снова подбоченилась Марья. — Самогонный аппарат!

Скинул обалдевший от внезапного визита заядлой самогонщицы участковый с себя шинельку, пригласил двух понятых и оформил Марье добровольную сдачу самогонного аппарата. Пожалел глупую.

Опалевшая Марья вышла из конторы в слезах и с копией акта. В душе ее кипела злость на Федора, на участкового и на себя, за то, что поверила в розыгрыш этого шалопая.

А народ раловался, особенно женщины. На некоторое время в поселке установилась более или менее трезвая обстановка. В магазин на горе водку-то привозили редко, да и очереди стояли сумасшедшие.

Больше двух месяцев длилась самогонная передышка пока Марье из города новый самогонный аппарат не прислали. И привычный сё бизнес опять вошёл в нормальное русло.

В другой раз вот что было...

Сидят мужики на лавочке, видят Федора куда-то торопится, даже не здоровается, только кивнул головой.

- Эй, Федор, - окликают его мужики, - куда так спешишь? Остановись, соври что-нибудь.

- Никогда, - отмахивается от них мужик. - Тороплюсь в магазин на горе. Там вино привезли без талонов и народу ни-

кого. Бегу, пока остальные не прознали.

Сказал и скрылся за поворотом.

Переглянулись мужики, собрали всю наличность, что имелась у них в карманах и послали самого молодого в тот магазин. Сидят, ждут в предвкушении пиршества. Уж и неведомо стало. Глядь, идет их посол с пустыми руками. Поняли, что обманул их Федор в очередной раз.

- Сами просили его соврать что-нибудь! Вот он и соврал! - сказал один, видно самый мудрый из сидельцев....

Теперь уже нет Федора, а истории про него сохранились. Правда помнят их не так много людей.

Гашинские истории

Стелется под колеса асфальтовое плотно, то кочки и бугры или ровненько, как у бабушки рушник, но дорога полна неожиданностей. И водители со вниманием или без него крутят баранку. Впереди замаячили проблесковые маячки... Это работники ГАИ, или как сейчас называют ГИБДД сторожат мир на дороге.

О них, сотрудниках ГАИ рассказывается множество историй и не самых лестных. А уж сколько анекдотов развелось... Телевидение и интернет просто взрываются от негатива по отношению, как их называют в простонародье, к гаишникам.

Они не обижаются, когда выходят на службу в мороз и ветер, в слякоть и зной. Приходят на помощь водителям в разных ситуациях. Остановилась у обочины машина с аварийными огнями, мимо несется машина, не притормаживая. Никому нет дела до этой машины, будто все застраховано от поломок, аварий или еще чего похуже. До них есть дело только автоинспектору.

Взмах полосатого жезла приказывает вам остановиться, потому что превысили скорость или не пристегнутый ремень безопасности вам кажется ненужным излишеством. Неприятная встреча с сотрудником ГАИ, грозный штраф вызывает у вас бурю неприятия. Обуреваемые гневом вы продолжите путь, кляня инспектора. А кто подумал, от чего только что вас спасли? Сколько диких примеров гибели детей и взрослых от того, что они были не пристегнуты. А сколько остается инвалидами даже при легкой аварии. Это потом мы плачем, а в этот момент — серлимся. Вам невдомек, что, остановив, инспектор возможно сохранил вам данную Богом жизнь.

Выявив пьяного, обкуренного или просто больного водителя, инспектор уберет кого-то от грозящей опасности. Автоинспектор всегда на чеку. Он говорит: «Бойся встречных! Не знаешь что от них ожидать. Готовься к худшему развитию событий. Повернув ключ в замке зажигания, водитель должен превратиться в слух и зрение. Собранность и умение быстро оценить обстановку на трассе поможет человеку избежать аварий. Как часто водитель пренебрегает простыми правилами безопасности, подвергая себя и других людей смертельной опасности».

В последние годы сюжеты происшествий на дорогах сильно напоминают сводки с полёт сражений: погибшие, раненные, изувеченные - и все это в наше мирное вроде бы время.

На сей раз, читатель, мне хочется рассказать вам истории, очевидцем которых я был или слышал их от автоинспекторов.

Кому не писаны законы?

История эта была рассказана в один из вечеров, когда отдыхали на базе отдыха в заповедном месте на реке Мрассу. А произошла она в постнекрестное время.

- В стране шел передел власти и собственности, - начал свой рассказ наш спутник. — Помните, большая часть на-

селения пыталась выжить, голодая, а меньшая, не зная куда девать деньги. Вору, мошенники и новые русские затаривали награбленную «капусту» в мешки, баулы, чемоданы. Хранили деньги в подвалах, шкафах своих спален.

Дети и внуки этих новых русских жили, не зная лишений, не имея тормозов в поведении. Хамство, агрессия, вседозволенность, грубость и цинизм были принципами их жизни.

Вору, разбойники и мошенники рисковали быть пойманными и посаженными за грабеж, кражу или бандитизм. Их дети хамели, пьянели от власти своих папаш. «Папа отмажет, откупит, надавит на кого нужно», - считали отпрыски новых богачей. И чаще всего так и было.

...Однажды я стоял на дежурстве. Трасса союзного значения. Ответственность большая. Бандиты на ней не просто пошаливали, а разбойничали. Были случаи грабежей, убийств, угона машин. Было время полного беспредела. Так вот наехала на наш пост кругая машина. Я тогда еще только начал разбираться в марках машин.

Остановил ее по интуиции. Указал жезлом парковку на обочине. Подошел ближе и почувствовал запах алкоголя вперемешку с терпким запахом женских духов. «Нап клингт», - подумал я и предложил водителю выйти из машины, и предъявить документы.

Водитель, парень лет девятнадцати, сразу начал хамить. При этом координация движений была явно не в его пользу, излишняя жестикология, нефиксированный взгляд выдавали состояние опьянения. Запах перегара добавлял картину.

- Отпусти по-хорошему, - пошел в атаку парень, - иначе будет хуже. Не отпустишь, завтра без погон останешься.

Ему на помощь вышла из машины ярко окрашенная, длинноногая блондинка. Вся обвешана золотом, на каждом пальце по колечку, а то и по два, на шее цепи в налет толщиной. Волосы распущены, смотрит пренебрежительно. Промок хлопнув дверцей, она запахнулась в короткую белую рубку, демонстративно достала телефон. Помните, такие трубы еще с антеннами были. Так вот звонит она кому-то, что-то говорит. Потом подходит и так со злорадной усмешкой говорит: «Отдавай документы и жди расплаты. Она прибедет через семь минут».

Действительно, минут через пять подъезжают к посту три навороченных машины класса «Люкс». Из одной вальяжно вылез седой мужчина приятной внешности, которую портит шрам, пересекающий все лицо. Из других машин выбрались головорезы, видно охрана первого. Встали круговую — охраняют.

Словесный подходит ко мне. Сурово оглядел картину задержания. Вот его дочь в дорогом прикиде, вся увешанная золотом, рядом едва держится на ногах ее спутник. Покачал головой, глаза стали злыми. Поворачивается ко мне и говорит: «Оформляй по полной, как требует закон». Сел в машину и уехал.

А был такой случай. Аналогичная ситуация, на этот раз прискал на разборку депутат местного пошиба. Что он делал! Раскричался, руками замахал, чтобы испугать. Давай за форму хвататься, чуть в лицо не лез. Поднял свои депутатские связи. Пришлось отпустить его родственников.

Вот и спрашивается, кто из них был за исполнение закона? Вор, который не заступился за нарушителей, а попросил наказать. Или этот законник, который дорвавшись до власти, использует ее в своих корыстных целях.

...Мы слушали рассказчика и ощущали горечь от нашей действительности, ведь не изменилось ничего с тех лихих девяностых и до наших дней.

г. Таштагол

Людмила ЛУКЬЯНЦЕВА

Людмила Андреевна родилась в Новокузнецке. Окончила НГПИ, получила специальность учителя русского языка и литературы. Начиная простым учителем, дошла до директора школы. За добросовестный педагогический труд удостоена звания «Почетный работник общего образования РФ». Награждена медалями «За долголетний труд», «За достойное воспитание детей», «За веру и добро».

Автор семи поэтических сборников. Изданы три книги с прозой: «Утро вечера мудренее», «Родомыслы земли», «Я буду твоей берегиней». На её стихи написаны песни. Любит детей, пишет для них сказки, рассказы и стихи. Приняла активное участие в одиннадцати региональных поэтических сборниках. Лейтмотивом творчества Людмилы Лукьянцевой является мысль «В мире правит любовь».

Людмила Андреевна в 2016 году стала дипломантом Международного клуба «Наследие» в номинации поэзия. В альманахе «Проза-2016» литературного клуба Российского союза писателей напечатана её проза. Творческая деятельность автора освещается подробно в городском музее просвещения.

Член Российского союза писателей.

Прилетит к тебе сказочник Сон

Новокузнецк – город детства

На свете много славных городов —
Новокузнецк милей мне и дорожее:
Он город детства, детских первых слов,
На радугу весеннюю похожий.

Цветами радуги все улицы полны,
Ей в День Победы светит каждый дом.
В войну стал город гордостью страны:
Закрыв он танки броневым щитом.

Народ в нём сильный, трудится, как
встарь —
Шахтёры добывают ценный уголь,
А металлурги плавят в домнах сталь.
Сибирская живёт в народе удал.

Спасибо казакам, построившим острог,
Позднее ставшим крепостью Кузнецкой.
Острог родиться городу помог,
На ноги встать, на землю опереться.

Четыреста великих долгих лет
Справляет город мой по праву.
Четыре века нёс он людям свет —
Свет героизма, доблести и славы.

Новокузнецк, ты — Родина моя!
С тобой я вместе юбилей справляю.
Люблю твои сибирские края,
Тебе счастливых мирных лет желаю!

Пора детства – светлый рай

Пахнет скошенной травой,
Шаловливым, шумным детством
И сибирской стороной,
Иде душой смогла согреться.

В речку знойным днём нырнуть,
В ней плескаться до заката.
И, придя домой, уснуть
С сердцем, радостью объатым.

Не пугала нас зима
(Сблннне и зимою светит),
Всех на улицу звала,
Завлская сказкой в сети.

С гор катались допоздна
На санях и на ледянках.
Разливала свет луна
На серебряных полянках.

Пора детства — светлый рай!
Её часто вспоминаю,
Приезжаю в отчий край,
С детством за руку гуляю...

В гости Золушка пришла

Колыбельная песня

1. Лунный свет серебрится за окнами,
Светлый лучик скользит по стене.
Сонным маком посыпав локоны,
Поёт Ангел про Золушку мне.

Припев:
Баю-бай, засынай, дорогая!
Ночь прилёт, добрый сон принесёт.
Спи спокойно, малышка родная,
В сон твой Золушка в гости придёт.

2. От мелодии веки смыкаются,
Лишь ресницы тихонько дрожат,
Фей сна в мою спальню слетаются,
Детский сон до утра сторожат.

Припев.
«Баю-бай, засынай, дорогая!», —
Напевают они в унисон.
Спи спокойно, малышка родная,
Прилетел к тебе сказочник Сон.

3. Накрывают цветным покрывалом,
Создают мне душевный уют,
Чтоб счастливою я засынала,
Колыбельную песню поют.

Припев.
Баю-бай, засынай, дорогая!
Ночь пришла, дивный сон принесла.
Спи спокойно, малышка родная,
К тебе Золушка в гости пришла.

Я её накажу!

В среду папа привёл дочь Маришку из
художественной школы. Девочка с поро-
га заявила:

— Мама, Маргарита Сергеевна велела
мне посетить Планетарий. В пятницу мы
на занятии будем рисовать небо со звёз-
дочками. Кто меня в него повезёт? Сама
не могу, мне ведь только четыре годика.
Я даже ещё машину водить не умею.

— Доченька, попроси папу свозить
тебя. Он завтра выходной.

Когда отец с дочерью вернулись домой,
мама спросила:

— Скажи, доченька, понравилось ли
тебе звёздное небо?

— Да, мамочка, очень понравилось.
Там много разных звёздочек: есть совсем
маленькие, как комарики, есть боль-
шие, как пчёлки. Мне там очень
приглянулась большущая звезда (пока-
зывает руками большой круг).

— Это что же, доча, за большущую звез-
ду ты там увидела? Как она называется?

— Она называется Солнце, а я её зову
Солнушкой, потому что оно меня любит.

— Доченька, мы с мамой рады, что тебе
в звёздном небе всё пришло по душе.

— Всё, да не всё, мама, мне в нём не
полубилась чёрная дырица. Она своими
длинными ручищами подтягивает к себе
звёздочку и заглатывает. Правда, я уже
придумала, как её наказать. Я ей пока-
жу, как над звёздочками издеваться.

В пятницу Марина принесла с заня-
тия рисунок звёздного неба, которое рас-
смотрела на экскурсии.

— Мамуленька, погляди на рисунок,
на золотые звездулечки.

Мама осторожно взяла рисунок и вни-
мательно рассмотрела:

— Мариша, мне нравятся твои лучис-
тые звёздочки. Только почему на рисунке
нет твоей любимой звезды — Солнышка?

— Мамочка, какая ты незнайка, его
звёзднышки спать отпустили. Сами они
по ночам не спят, гуляют по небушку,
вместо Солнышка землю освещают.

— Прости, дочурка, ты права! Совсем
забыла, что солнце по ночам отдыхает на
тучке. Скажи, Маришенька, а что это за
чёрная клякса висит в самом центре тво-
его рисунка? Почему её рот зашит тол-
стыми нитками?

— Мамочка, это вовсе не клякса, а чёр-
ная дырица. Я наказала её, зашила ей ог-
ромный рот толстыми нитками. Теперь она
больше звёздочки заглатывать не сможет!

Красильщица-выдерга

Второклассник Дима вернулся из шко-
лы домой и обнаружил удручающую кар-
тину в своей комнате. За столом, где он
выполнял уроки, сидела младшая сест-
рёнка Сонечка. Девчушка усердно рисо-
вала его красками рисунок, и как оказа-
лось — уже не один. Дима подошёл к сто-
лу и с ужасом увидел, что его школьный
альбом для рисования сильно похудел. На
столе лежало целых четыре выдернутых
листа. Они были измазаны до мокроты
красками всех цветов. Даже на полу вид-
нелись цветные лужи. И жёлтое ситце-
вое платье на груди и на подоле девочки
было мокрым и залепанным, как у на-
стоящего заправского маляра. Дима про-
сто оцепенел от увиденного в комнате
безобразия. Мальчику стало обидно, и он
возмущённо проговорил:

— Соня! Ты опять выдернула без спро-
са листы из моего альбома? Ладно бы толь-
ко один лист, а то целых четыре. Альбом
худеет прямо на глазах. Ты настоящая
выдерга! Гвоими руками — да гвозди дёр-
гать. Посмотри, что ты сделала с краска-
ми? Стёрла их кисточкой до самого до-
нышка, у них даже лысинки появились.
Ты и сама мокрая, как мочалка.

Я, Димочка, не выдерга и не мочал-
ка, — спокойно ответила младшая сест-
ра, — я — красильщица. Вот научусь вык-
рапывать альбомные листы, а потом тебе
стены разрисовую красками. Знаешь,
как будет красиво! Ты больше никогда
не будешь называть меня выдергой и мо-
чалкой, станешь звать милой Сонечкой.

Во время спора в квартиру вошли их
отец Константин и дедушка Женя.

Костя, — сказал громко дедушка, —
потопайвайся, видишь, уже дождь на-
чинает потихоньку накрапывать. Крыша
на даче от воды станет скользкой, рабо-

тать будет невозможно. Пудный дождик
и нас с тобой до ниточки промочит. Да-
вай, бери скорее с собой выдергу и пой-
дём в летник, из крыши гвозди выдёргивать.

Сонечка внимательно выслушала сло-
ва дедушки Жени про выдергу, испуга-
лась и закричала:

— Деда, я не пойду с вами в летник,
потому что не умею гвозди выдёргивать.
Я ещё совсем маленькая доченька, мне
всего четыре годика. Не хочу, чтобы до-
ждик превратил меня в мокрую ниточку.
Дима, не пускай меня с ними, я больше
не буду твой альбом худить.

Стыдливенький микробчик

Прополов последнюю грядку с морко-
вью, я пошла в беседку, чтобы передо-
хнуть. Внучка Полюшка оставила каче-
ли и прибежала ко мне.

— Бабусенька, ты уже пропололась?
Давай вместе отдышываться и семечки
сопёлкивать. Они на сковородке кали-
лись, стали, как ириски, вкусенькими.

— Хорошо, внученька, принеси кулё-
чек с семечками, вдвоём их полужаем.

— Бабуля, я знаю, что семечки пёлка-
ют, а что такое полужаем?

— Полужать, означает то же самое, что
и попёлкать.

— Не хочу полуживать, хочу только
попёлкивать.

— Хорошо, Полюшечка, неси семечки,
будем пёлкать.

Поля принесла кулёк с семечками и
долго решала: отдать его мне или оста-
вить себе.

— Бабуля, — наконец решилась она, —
подставь ладошку, отсыплю тебе в неё
семючков.

Я протянула ладонь, и пятилетняя внуч-
ка стала в неё потихоньку насыпать зёрна
подсолнуха. Когда она отнимала кулёк от
ладони, нечаянно просыпала большую
горстку на пол. Тут же наклонилась к не-
мытому полу и начала собирать зёрна.

— А ну-ка, вернитесь назад, ишь, про-
гуляться им захотелось.

Взяв одну семечку с пола, понесла её
в рот. Я возмущённо сказала:

— Полюшечка, что ты делаешь? Семеч-
ка лежала на полу, замаралась. На ней
есть микробы, от них животик может за-
болеть. Завтра мы их заново прокалим на
сковородке.

Поля стала пристально рассматривать
семечки, поднятые с пола. На одной из
них обнаружила маленькую красненькую
букашечку и произнесла:

— Бабулечка, не бойся, они мой живо-
тик избивать не будут. Посмотри на этот
красненький стыдливенький микробчик,
он совсем не страшный. Знает, что ма-
леньких деток обижать нельзя, давай его

прокаливать не будем. Ему будет больно на горячей сковородке, он может лапки обжечь. Мне его так жалко. Пусть дальше поживает, своей маме «лобра наживает».

Мама, не забудь меня проснуть!

Ксюша была не по годам разумной девочкой. Её мама работала воспитательницей в детском саду и постоянно проверяла на дочери различные сценарии. Если Ксюша понимала суть написанного, значит, и её шестилетки тоже поймут.

— Скажи, Ксюша, о ком идёт речь в загадке? — спрашивала мама и задавала загадку: — «Дома у птицы нет. Живёт где-нибудь в лесу. Ищет чужое гнездо и откладывает в него яйцо. Потом улетает и о нём забывает».

Девчушка ненадолго задумывалась и отвечала:

— Думаю, так сделала бы какая-нибудь злая мачеха-кукушка.

Мама радовалась: дочь поняла, значит, будет всё в порядке.

— Мамуль, — просила Ксюша, — возьми меня завтра к себе в группу на новогодний праздник. Хочу ещё поотгадывать какие-нибудь загадки.

— Прости, доченька, завтра не могу. У нас маленький актовый зал, а групп с детьми будет целых четыре. Возьму когда-нибудь на другой праздник.

Слушая слова взрослых, оканчивающиеся на «удь» и «уть», Ксюша сама стала незаметно употреблять эти окончания в речи.

Когда девочка совершала некрасивый проступок, мама смотрела на дочь с укором и говорила:

— Что-то ты, доченька, совсем распустилась! Ваша воспитательница, Татьяна Андреевна, говорит, что ты обижаешь детей. Вчера толкнула Мишу Салкина в снег. Мне стыдно за твоё поведение.

— Мама, я не колобок, который можно катнуть, — ответила дочка, — Мишка Салкин катнул меня со всей силы с горки. Я слетела и сильно ударилась об лёд. В ответ захотела наказать его: кувырнуть в сугроб. Он решил ябеднуть, как девочка. Мне от боли хотелось плакнуть, но я назло Мишке заставила себя улыбнуть.

Мама слушала речь девочки и приходила в ужас.

— Где ты, Ксюшенька, набралась таких диких слов: катнуть, кувырнуть, плакнуть, ябеднуть, улыбнуть? В русском языке таких слов нет.

— Сейчас, может, и нет. Думаю, они появятся когда-нибудь, и никто больше за них меня не сможет ругнуть. Мамуля, я ухожу, мне пора соснуть. Прощу тебя, не забудь меня завтра проснуть.

Мама покачала головой и подумала: «Говорит дочь в последнее время какими-то рифмами. Может, она поэтессой будет? Ладно, не буду больше переживать. Всё можно в правильное русло повернуть. Пойду к дочери, чтобы перед сном её улыбнуть».

Лягушка Нина

Наконец-то папа Миша купил новую машину «Нива». Машина была необыкновенного цвета — изумрудного. Сынишка Вася увидел её и закричал:

— Ура! У нас появилась большая зелёная лягушка. Буду машину звать Ниной.

— Сынок, почему Нина? Она называется «Нива». Такое имя ей дали на заводе, где изготовили.

— Знаешь, папа, я уже прожил на земле целых пять лет и такого имени не слышал. А вот в нашей детсадовской группе есть девочка по имени Нина. У неё большие зелёные глаза. Нина мне очень нравится, папа, пусть машина называется Ниной.

Родители хоть и были в недоумении от слов сына, но в знак согласия кивнули головой.

После приобретения «Нивы» мальчишка словно подменили. Сын вставал в восемь утра и, крадучись от мамы Светы, уходил к машине. Обходил вокруг неё и тихонько спрашивал:

— Как ты, Ниночка, спала? Не замёрзла ли на улице под сильным дождём? Сейчас промю твои зелёные глазки, и ты будешь хорошо видеть.

Брал тряпочку и осторожно протираал фары и стёкла. Затем принимался считать с неё листья, облетевшие с берёзы. Наклонялся к колёсам и продолжал разговор:

— Наверное, Нина, ножки твои вчера устали? Попрошу папу, чтобы вместе с другими лягушками засыпали дорогу песком. Тогда тебе не придётся подпрыгивать по острым, злым камушкам.

Мама часто наблюдала с крыльца за действиями и разговором маленького сына и думала: «В кого мой сын такой ласковый? Миша — самый обыкновенный человек. Его ласковые слова можно услышать только на рыбалке в обращении к рыбам: «Плыви, плыви ко мне, дорогая. Я тебе такого вкусного червяка приготовил. Думаю, золотко, он тебе понравится». Жаль, но меня золотком муж никогда не называл. Сын пошёл не в отца, а в дедушку Фёдора, моего папу. Отец называл свою жену Екатерину ласковым словом — Ланушка. Да, Васенька с самого рождения многое перенял у деда. Счастливой будет та девушка, которая достанет ему в жёны».

Когда уезжали домой, сын попросил отца:

— Папа, сейчас по плохой дороге поедём. Ты, пожалуйста, потихонечку, шёпотом езжай, чтобы наша Нина ножки не поранила.

Отец, помня его просьбу, вёл автомобиль бережно, будто невесту под венцом.

Однажды сказал малышу:

— Василий, расти быстрее, я окончательно убедился, что тебе можно машину «Нину» доверить, будешь замечательным водителем.

После этих слов сынишка перестал капризничать за столом. Ел любую кашу, пил молоко. Поев, бежал на улицу к машине. Подходил к ней и шептал:

— Я сегодня утром всё-всё съел! Скоро подрасту и буду сам рулить. Все плохие дороги подлечу. Позову Ниночку Скворцову жить к нам, ты, дорогая лягушечка, повезёшь нас в путешествие.

Однажды папа Миша засматривал за сыном в детский сад. Дети гуляли на улице. Мальчик увидел машину, взял за руку девочку, стоявшую рядом, и подвёл к ней.

— Вот, Нина, погляди на зеленоглазую машину-лягушку, скоро папа её подарит нам с тобой!

— Здравствуй, Нина, — сказала девочка. — Ты такая добрая, свози нас с Васей на детский спектакль «Страна говорящих ёжиков». Мы очень хотим с ними подружиться.

Вместо безмолвной машины ответил папа:

— Хорошо, дети, в это воскресенье я обязательно отвезу вас в кукольный театр на эту замечательную сказку.

Девочка поблагодарила папу Васи. Потом погладила машину рукой и проговорила:

— Нина, подожди нас с Васей немножко. Мы быстро растём, а станем взрослыми, построим новые дороги. Вместе с тобой поедём в гости к Золушке и её принцу.

Детский шторм

В детстве жилось трудно, но весело. Трудно потому, что семья была большая.

Кроме дедушки Семёна, нашего папы Андрея и мамы Елены ещё было четверо детей: старший брат Коля, сестра Нина, я — Люда, и младшенькая Танюшка. Отец строил дома, мама работала швеёй на дому, но заработанных денег не хватало, чтобы прокормить столько ртов. Потому с раннего возраста нам, детям, приходилось много трудиться на домашнем поле и диком — природном. Считаю, что труд влиял на нас только положительно. Все выросли, получили достойное образование, завели семьи и детей.

Жили весело, потому что росли на природе, были сё истинными детьми. Здорово, когда в семье есть три девочки, три сестрёнки-подружки. У брата образовалась ребячья компания, к которой мы не принадлежали. Втроём мы создали свою группу — девчачью. Правда, иногда меняла разницу в возрасте. Нина была старше меня на три года, а я Танюшки — на четыре. Младшая сестрёнка, которую очень любили, часто становилась помехой во взрослых играх. Приходилось смотреть в оба глаза, чтобы не нанести малышке вреда во время детских забав, но это не всегда получалось. За совершенные проступки приходилось выслушивать строгие выговоры мамы и даже оказываться в углу.

Любимым занятием для нас стала игра «Детский шторм». Наш дом находился внизу, рядом с высокой глиняной ламбой. Когда шёл сильный ливень, с ламбы по ступенькам во двор стекали бурные потоки воды, и он превращался в бунующее море. Гроза приносила огромную радость. Мы выскакивали из дома, и начинали, как индейцы, плясать, плескаться в водном хаосе. Прыгали выше и выше, чтобы создать волны. Двухлетняя Танюшка, увидев папу радость, сползала с крылечка и бежала к нам. Вода доходила ей почти по плечики, Нина и я подхватывали её под мышки и прыгали вместе с ней. Сестрёнка ещё не выговаривала некоторые звуки, но восторженно кричала:

— Чу ещё! Чу ещё! Пусть лоздик целует мой носик и щёчки! Чу ещё!

Переводилась эта речь с детского языка на взрослый язык как «Хочу ещё!»

Дождик, брызги и волны делали, по мнению мамы, неблагоприятное дело. Превращали нас в мокрых утят, которые плавали рядом с нами в огромной луже. Однажды мы так увлеклись детским штормом, что не заметили, как мама вернулась из города. Она незаметно подошла к нам и спросила тревожным голосом:

— Нина, ты самая старшая, объясни-ка мне, что здесь происходит?

— Мамочка, — на ходу придумывала оправдание сестра, — мы укрощаем бунующий шторм. Направляем волны от крыльца, чтобы они не затопили дом.

— Я считаю, — строго сказала мама Елена, — что вода сама уйдёт по стокам, которые выкопал ваш брат Коля. — Ладно, вы намазали почти до пояса, а почему Танюшка мокрая с ног и до головы.

— Таня намочила сильнее, потому что она коротенькая. Но посмотри на её счастливого личико, ей нравятся поцелуйчики дождя. Она всё время просила играть ещё и ещё.

Чтобы защитить сестру, в разговор вмешивалась я:

— Мамуля, дождь любит детей и взрослых. Он не выбирает, кого приласкать тёплыми дождинками, а кого нет. Всех нас сделал одинаково счастливыми, одинаково мокрыми. Лето такое короткое, а дождей так мало. Дай нам поплескаться в тёплой воде!

Мама выслушивала мои доводы и сдавалась. Подбирала ситцевое платье выше колен и начинала бродить вместе с нами по воде. Детский визг, писк утят и криканы утки, выведшей потомство, раздава-

лись по всему посёлку. Именно детские минуты счастья запомнились мне на всю жизнь. Дедушка Семён, наблюдавший за нами из окна, громко кричал:

— Дорогие мои, дай Бог вам здоровья! Растите, как грибы после дождя.

И мы, накупавшись в летнем дожде досыта, росли не по дням, а по часам...

Одуванчиковые конфетки

Хорошо весной на воле...

Много солнечных цветов
Расцвело в лесу и в поле,
Манит запах лепестков.

Пчёлкам нравится качаться
На цветочках целый день,
Их нектаром наслаждаться —
Мёд готовить им не лень.

Мёду вкусному впучата
Бесконечно рады,
Приглашают пчёл крылатых
На лужайки сада.

Лепестками запылятся
Вечерком лужайки.
Пчёлки в танце закружатся
Под жу — жу — жу — жай — ки.

Знают всюду, там и тут,
Маленькие детки:
В одуванчиках растут
Сладкие конфетки.

Мишуткина хозяйка

Медвежонок на диване
Заскучал до слёз с утра,
Пот хозяйки рядом — Ани,
В садик девочка ушла.

Смотрит он в окно часами,
Вдруг раздаётся Анины смех,
Смех ему отрадой станет,
Веселей и громче всех.

Дверь открылась, входит Аня.
— Как дела? Скажи, дружок.
Всё скучаешь на диване?
На-ка, скушай пирожок.

Хорошо в душе Мишутки:
В дом хозяйка пришла.
Слышен всюду смех и шутки —
Радость Аня принесла.

Морской домик

Аквариум дедушка Кате принёс,
Не мог больше видеть он внучкиных слёз.
Украсил аквариум, воду налил,
Любимую внучку к садку пригласил.

— Давай-ка, хозяйка, гостей заселяй,
Рыбёшек в их дом из садка выпускай.
Кунил я тебе поугайчиков, гуппи
И сомиков чёрных, считаем: три штуки.

Принёс золотых и серебряных тоже —
Они на принцесс королевских похожи.
Резвиться со всеми матросик
в нём станет,
Он с зеброю схожий,
что бродит в саванне.

Мы к рыбке-пингвинику
впустим хирурга,
Всегда всюду вместе
два маленьких друга.
В аквариум Катя всех рыб запустила,
И вкусным их кормом сама накормила.

Морских дивных рыбок
душой полюбила
И дедушке Вове весь день говорила:
— Спасибо, дедуля, спасибо, родной,
За лучший подарок,
за домик морской!

г. Новокузнецк.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Анатолий Николаевич Гуляев родился в Прокопьевске (Усятах), там же прошли его детство и юность.

В 1969 году его направили в военное авиационно-техническое училище. Военный авиационный инженер полковник запаса ВВС. Литературным творчеством занимается с курсантской скамьи. Всё началось с писем, в которых были первые рифмы, первые стихи. Богатый армейский опыт прошедший через тексты технического и служебного характера перерос в литературно-художественные произведения.

С 1998 года, на протяжении 3-х лет, работал главным редактором городской газеты «Народовластие» Прокопьевска. С 2007 года редактор и издатель Литературно-художественной газеты Альманах «Усатская россыпь».

Из «волчат» вырастают «волки»!?

(Эссе)

В начале восьмидесятых годов прошлого столетия, когда я служил в армии в своём родном Феодосийском лётно-испытательном полку, я купил тяжёлый мотоцикл «Днепр МТ» с люлькой. На нём осваивала крымские просторы моя семья в летние выходные и праздничные дни.

Когда удавалось такое, я усаживал своих ребятишек в люльку, сам восседал на переднем сидении (за рулём), жена за моей спиной на втором сидении, и...вперёд!

Так и ездили мы по пляжным местам берегов Азовского и Чёрного морей, которые располагались приблизительно на одинаковом расстоянии от крымского посёлка Кировское, в котором мы тогда проживали.

После увольнения из армии в 1994 году, в силу сложившихся объективных и субъективных предпосылок, я вернулся на свою малую родину, в Кузбасс (в Прокопьевск и Новокузнецк). Поскольку жили мы тогда, как многие люди, сложной и голодной жизнью, то мотоцикл свой я перевёз через всю западную половину нашей великой Родины сюда, на своё новое место постоянной жизни.

Здесь мы тоже поездили мы немало на своём, стареньком теперь уже, мотоцикле. Потом жизнь всё же начала налаживаться в лучшую сторону, и наконец-таки мы купили свою первую «Жигу» (старенькую «шестёрочку»). Какое-то время на нашем мотоцикле ездил мой сын, пока не вывел его из строя включением задней скорости на ходу мотоцикла. После этого мотоцикл «встал на якорь» на долгие годы в старом деревянном гараже.

Как-то, по прошествии более чем десятилетия с «стоянки», при очередном посещении своего старого и пустующего дома, я обнаружил, что старый и, как казалось мне, никому уже не нужный мотоцикл, украден из гаража. Украден со всеми признаками «жанра» классического грабежа: с взломом боковой стенки, демонтажем и разбором запоров крепления вездных ворот и другими характерными признаками.

Обнаружив взлом гаража и кражу мотоцикла, несмотря на то, что мотоцикл мне совершенно был не нужен, я опутил в себе что-то неприятное. Прежде всего, меня начали глотать и доминать мысли: кто же тот ворюшка, который забрался в мой гараж и украл мотоцикл?

В моей голове не было мысли типа: как посмел этот самый ворюшка посягнуть на мою собственность, на это моё «барахло»? Нет, я знал и знаю, понимал и понимаю, что всевозможные воры и ворюшки были, есть и будут, и то, что эти самые воры и ворюшки время от времени будут кого-то грабить — сама собой разумеющаяся реальность нашей жизни.

После переезда и адаптации на своём новом-старом постоянном месте жительства (поскольку я тут родился, вырос и на службу в армию в двадцать пять лет отсюда же ушёл) и запуске в эксплуатацию своего старого мотоцикла я нередко катал на нём всю местную подрастающую мо-

лодь. Многие из которых, как теперь говорят, были из неблагонадёжных семей. Последнее я знал, тем не менее, пананят этих от себя не отталкивал, не «фильтровал» их. Хотелось хоть как-то, хоть немного, положительно повлиять на них своим собственным жизненным опытом и примером. Поскольку и моё детство, в своё время, тоже было «кучерявым», а не совсем уж ровненьким и гладеньким. И при иных жизненных обстоятельствах, наверное, и мои жизненные пути и направления могли бы быть иными.

Больше всего мучила мысль: неужели кражу совершили подростки-ребятишки, которых я катал когда-то на этом мотоцикле? Хотя и неясно было, с какой целью украли это старое железо? Наша советская техника делалась очень надёжной и, как говорится, на века. Я понимал, что мотоцикл, при желании, запросто можно было ввести в строй и совершить на нём преступление...

Оттого пришёл я к мысли, что о краже пусть и старого, пусть и неисправного мотоцикла, необходимо заявить в местное отделение полиции.

В полиции заявление у меня приняли без проволочек, что стало для меня удивительным. Из прежнего жизненного опыта знаю, что раньше сделать подобное было не так уж и просто.

Приняв заявление, мне вежливо предложили проследовать в отделение полиции по Центральному району города. Там попросили подождать — посидеть на лавочке в ожидании сотрудников, которые будут заниматься по сути моего заявления, то есть, займутся моим делом.

Приблизительно через полчаса или немного более того пригласили меня в кабинет к оперативному работнику, лейтенанту полиции. Побеседовав со мной о происшествии, лейтенант составил протокол первого моего допроса. После чего отвлёк на другой этаж учреждения к кабинету следователя, которого в тот момент на месте не оказалось.

— Подождите здесь, — указав на стул возле кабинета следователя, не очень учтиво, буркнул мне лейтенант.

Делать нечего: вновь жду... И на этот раз жду около часа.

Непроизвольно в голову пришла мысль о том, что, видимо, правильно гласит народная мудрость: в этом учреждении время течёт по иному измерению, чем за его пределами — здесь никто и никуда не торопится. От этого мысленно посетовал сам на себя: «И зачем я обратился сюда? Украденное, по сути, совершенно мне не нужно, и не представляет для меня никакой ценности, кроме как сотня килограммов старого и ржавого металла».

Размышляя в таком ключе и ругая сам себя, я всё-таки дождался своего следователя. Им оказалась женщина с майорскими погонами на плечах.

Извинившись за моё ожидание, она в свою очередь посетовала на большую загруженность.

— Да ничего страшного, — промямлил я в ответ, хотя, внешне, видимо, выражал своё недовольство.

— Начнём с составления протокола вашего допроса, — после короткого ознакомительного разговора, косо улынувшись, сказала майор.

— Так протокол мы уже составили и подписали! — удивился я.

— Это у них, у меня — свой, новый, — по деловому ответила она.

— Вновь всё, то же самое: она бодро спрашивает и пишет, я подписываюсь под каждым исписанным ею стандартным листом протокола и в отдельных их местах, под вопросами, которые требуют отдельной подписи...

— Ну, вот и всё, — вновь улынувшись, с облегчением произнесла она, заполучив от меня последнюю подпись. — Далее действуем так: вы едете к себе домой, то есть, на место произошедшей кражи, и ждёте моего прибытия. Сегодня день какой-то запылённый — в вашем районе ещё две кражи, поэтому приедет к вам лишь после окончания работы с ними.

— Понял, — ответил я и, уточнив, что могу быть свободным, вышел в коридор, оттуда, спустившись на первый этаж, вышел на улицу.

Наконец-то, выйдя на свободу, после нескольких часов пребывания «в неволе», я прибыл на место кражи, то есть к своему старому гаражу, и вновь жду...

«Расстался» я со следователем часов в одиннадцать, перед обедом, теперь часовая стрелка на часах подходила уже к 16 часам. А всё же нет! Нет никакой информации и по телефону, хотя номер моего телефона она взяла...

В конце концов, следователь приехала. Вместе с ней приехали ещё три лейтенанта, я бы не сказал, что молодые. По их просьбе провёл всех приехавших на место происшествия.

Пока мы осматриваемся, вы приведите двух понятых, — дала мне задание следователь.

Пошёл я по соседям за понятными: нашёл, привёл...

Сыскари начали осматривать место происшествия, обнаружили кое-какие улики.

— Надо криминалиста вызвать, снять отпечатки и прочее, — сообщила майор и начала звонить криминалисту, который работал в это время в другой бригаде.

Криминалист пообещал приехать к нам не ранее чем через час. И действительно, приехал, как и пообещал, через час.

И вновь женщина, теперь уже капитан, кое-что сфотографировала, кое-что сняла отпечатки. Сделав свои дела у нас, вновь куда-то поехала.

Лейтенанты пошли по оставленному мотоциклом и видимому ещё на траве следу.

Опера пусть побегают, это их работа, — сообщила мне и понятным майор.

Погода тем временем начала ухудшаться, заморосил мелкий дождик.

— Вы не по погоде одеты, — произнёс я,

взглянув указав на лёгкие туфельки на ногах майора и на её лёгкую летнюю одежду.

— Да я уж поняла, — ответила она.

— Может, в дом пройдем? — предложил я.

— Нет, в машину пойду. Там составлю протокол осмотра места кражи. Вы и вы подпишите его, — ответила она, указав рукой на меня и понятых. — После этого поеду по другим адресам, на другие кражи...

И, выбирая на земле места, куда лучше ставить ногу на намокшей от дождя траве, она медленно пошла к полицейской машине.

Мы с понятными, так же медленно, последовали за ней. Ещё подождав какое-то время, теперь уже возле полицейской машины, подписали протокол и разошлись в разные стороны.

Следователь уехала. Я направился к себе домой, но тут подъехала ещё одна полицейская машина с несколькими полицейскими. Кто-то из них узнал меня, и машина остановилась. Меня попросили вновь показать место происшествия. От чего мне пришлось возвращаться и вести новую группу полицейских к своему старому гаражу. После осмотра они уехали, а я вновь пошёл в сторону своего дома. На этот раз успешно.

Придя домой, занялся делами по хозяйству и призабыл о своих дневных мытарствах, связанных с посещением полиции и общением с полицейскими. Но полиция вспомнила обо мне сама. Часа через четыре, когда на улице начало уже темнеть, зазвонил телефон, и я услышал уже знакомый голос следователя:

— Могу поздравить вас, мотоцикл ваши мы нашли, можете забрать его, — радостно сообщила она и назвала адрес, где было найдено, как казалось мне, навсегда утраченное мной, украденное имущество.

От услышанного на какое-то время я оторопел: не зная, что мне делать дальше и что отвечать в телефонную трубку. Поскольку возвращать вновь себе совершенно не нужную мне вещь у меня не было никакого желания. Тем более, что требовалось ещё каким-то образом доставить обратно украденный неисправный мотоцикл.

— А чего ради я сам должен катить его туда, откуда они его украли, — недовольно и возмущённо наконец-то ответил я в трубку.

— Хорошо, когда они должны доставить его к вам, обратно? — ответили из телефона.

— Завтра вечером, приблизительно в это же время, — сообщил я.

На другой день с утра, озабоченно думая о том, что же мне делать с мотоциклом, я всё-таки начал заниматься домашними делами, поскольку у меня был выходной. Заделами немного призабылся, и когда увидел у ворот дома молодого паренька, непроизвольно начал рассматривать его и думать: кто это такой и зачем он пожевал?

По внешнему виду пареньку было лет

четырнадцать, он был прилично и аккуратно одет, без головного убора, светло-волосый, голубоглазый. Слегка выющиеся волосы на его голове были аккуратно причёсаны. Лицо его было правильных форм и очень симпатично, я бы сказал даже — по-мальчишески красиво.

— Что тебе нужно мальчик? — спросил я, подходя к воротам.

— Да я, это... По поводу вашего мотоцикла к вам пришёл, — ответил он.

— В смысле? — продолжая рассматривать его и любоваться им, не понимая о чём речь, ответил я.

— Ну, мы... прикатали ваш мотоцикл, он там, возле гаража стоит, — ответил он.

— Так ты и есть тот самый вор, который украл мотоцикл? — наконец-то поняв, что к чему, напрямую спросил я его.

— Ну, в общем, он там стоит, — уклончиво ответил паренёк на мой вопрос, слегка покраснев.

— Хорошо, иди туда, я следом за тобой приду. Там обо всём и поговорим, — сказала я.

Придя на место кражи, недалеко от взломанного гаража, я увидел свой старый мотоцикл и стоявших возле него трёх незнакомых молодых людей, среди которых был и недавний мой собеседник. Он в компании был самым молодым.

Старшему из воришек на вид было лет двадцать пять. Возможно, немногим больше или меньше. Он был полной противоположностью своему младшему товарищу и «компаньону» (названию моего): высок ростом, худощав, неопрятен. Лицо помятое и измождённое, видимо, временем и жизнью, возможно, и болезнью.

Поздоровались, я осмотрел прибуксированный ими мотоцикл. Признал его своим. Кратенько рассказал им его историю и жизненный путь; рассказал о том, где я на нём бывал, что, кого и как возил на нём.

Рассказав о мотоцикле, с удивлением и напрямую спросил старшего из компании: зачем он его воровал? Ведь я и так мог отдать ему мотоцикл, приди лишь он ко мне и попроси об этом...

— Я не знал этого, — ответил он. — К тому же, наводчик из местных — Васёк, который на мототролере ездит, проинформировал меня, что гараж и мотоцикл в нём брошены, хозяина нет и никому всё это не нужно. Вначале он и сам был с нами, но перед началом взлома гаража убежал, сказал, что его вызывает по телефону отец.

— Понятно! — ответил я, выяснив кто из знакомых мне, местных пацанов, был «наводчиком». — И зачем вам нужно это старое железо, на металлолом? — вновь заинтересовался.

— Нет, что вы, мы перебрать его хотели, и жизнь в него вновь вдохнуть! Теперь ведь таких мотоциклов нет, он ретро! Отдайте или продайте его нам, — ответил мне просьбой «старшой».

— Хорошо, так и решим, забирайте его! По глазам вашим вижу и верю, что вы любите технику, мотоциклы не меньше, чем я когда-то. Верю и в то, что вы новую жизнь вдохнёте в этого старого дедашку, — ответил я, погладив по топливному баку своей старый «Днепр».

— И ещё об одном я хотел бы попросить вас, коль уж дело наше получило такой оборот, — несколько смутившись, ответил мне «старшой», — заберите, пожалуйста, в полиции заявление о краже мотоцикла. По молодости я покуролесил, немало совершил глупостей, но на сегодняшний день все мои старые грехи закрыты. Думал, что завязал со своим хулиганским прошлым и снова сорвался, влетел, как кур во щи с этим мотоциклом. И хотя он не представляет собой особой ценности, меня будут судить, могут посадить с учётом моего прошлого... А я начал новую жизнь: работаю, женился.

— Хорошо, я заберу своё заявление в ближайший свой выходной день, — пообещал я своему грабителю.

Честно говоря, с одной стороны, мне очень не хотелось идти на понятную в заварившейся каше: неудобно было перед следователем, майором Гуляев (как она представилась, когда передавала мне номер своего телефона); перед оперативниками, которые сломя голову побежали по следу, оставленному украденным мотоциклом на молодой и неокрепшей ещё траве. Да и вообще, по своим убеждениям я не являюсь сторонником разрешения подобных проблем таким образом, то есть, простым прощением провинившихся.

С другой стороны, мне очень и искренне не хотелось отправлять под суд совсем ещё молоденьких пацанов, у которых впереди ещё целая жизнь, за совершенно не нужное мне имущество.

Второе оказалось более весомым, поэтому в очередной выходной день я вновь направился в полицию, к майору Гуляев.

Увидев меня, она заулыбалась, теперь уже как старому своему знакомому, и тут же спросила: «Скажите честно, не ожидали, что мы так быстро найдём вашу пропажу?»

— Не ожидал! — честно признался я. Но сегодня я к вам пришёл не по этому поводу, а, чтобы заявление своё забрать. Поскольку с грабителями мы разобрались, ущерб они мне компенсировали. У меня нет больше к ним претензий.

Сообщив следователю цель своего посещения, я внимательно следил за выражением её лица. С некоторым волнением ожидая, что ответит она на мои слова.

— Они — «волчат»? А из волчат, как известно, волки вырастают! — выслушав меня, резко и недовольно ответила мне следователь. — Они на жалость вашу давить начали, это излюбленный и проверенный их способ. Никогда бы вы не дождались от них просьбы прощения или слов раскаявания, не поймай мы их за руку, с поличным!

Мы все свои силы под ружьё поставили, всех на ноги подняли, чтобы поймать воров по горячему следу. Поймали! А вы теперь по своей доброте и жалости всю нашу работу сводите на нет! Я на такое не согласна! В крайнем случае, коль дело на то пошло, в суде мириться будете! — на твёрдой ноте высказала своё мнение майор.

— Понял! — ответил я. — Разрешите удалиться?

— Пожалуйста! — недовольно произнесла она.

...Некоторое время спустя, получив сообщение о вызове меня в суд и прибыв туда, я написал заявление, что все вопросы, касающиеся кражи моего старого мотоцикла, решены, и претензий к похитителям у меня нет. Суд принял это моё заявление, и судебное делопроизводство было прекращено.

— Спасибо! Спасибо Вам, — благодарил меня мой бывший грабитель. — Вот если бы все люди были такими...

— Не нужно благодарить меня, не делай больше глупостей! — несколько раздражённо ответил я ему. — Что было бы, если бы всех грабителей все ограбленные безоглядно, как я, прощали? Житья бы тогда не было простому человеку. А это не есть хорошо! Повесть мне на слово! Поэтому не нужно благодарить меня! Никогда больше сам не воруй и дружков своих, малолеток, отводи от воровства. Будет так, тогда и мои действия будут оправданы, — сказал на прощание я своему новому знакомому и пожал ему руку на крыльце районного суда.

Казалось бы, можно было поставить на этом «дело» и точку. Но мысли мне не давали покоя. Я всё продолжал рассуждать о том, почему всё же многие люди, разумные биологические существа планеты Земля, способные с помощью своего разума и физических возможностей творить блага для природы, всего окружения, для самих себя в том числе, не делают этого? Почему стано-

вятся на путь насилия, воровства и других противоправных действий?

Вырос я в сельской местности, в детстве мне неоднократно доводилось видеть как, к примеру, курица, вытаскивая из земли червяка и зажав его в клюве, начинает убагать с добычей от соплеменников, чтобы где-то в укромном месте съесть своего червячка в одиночку. Но соплеменники, не желая этого, всей гурьбой бросались влогонку за счастливицей, пытались отобрать у неё добычу и самим поживиться ей...

Люди, как и куры, земные биологические существа, им тоже присущи естественные инстинкты «украсть и отобрать». Но, в отличие от кур, люди — разумные существа. Разум им дан для того, чтобы не зависеть от природы и жить не только воровством и грабительством. Человек должен создавать блага для себя своим умом, делать это своими руками, а не пытаться красть или отбирать его у соплеменников.

Именно поэтому я не могу согласиться с мнением, что из «волчат вырастают волки». Всё зависит от сопутствующих тому обстоятельств.

...Около двух веков тому назад жил на Земле известный итальянский учёный, врач-психиатр, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве — Чезаре Ломброзо.

Этот всемирно известный профессор, светило науки в своих исследованиях пришёл к ещё более серьёзному выводу и сформулировал человечеству о «прирождённом преступнике».

Он утверждал, что преступниками люди не становятся, а рождаются!

Своё утверждение Ломброзо обосновывал примерами, опираясь на конкретные люди — преступников и знаменитостей.

Учёный утверждал, что нарушители правовых норм «...люди особой породы и что преступление для них является следствием их врождённых особенностей, основой которых является их атактизм. Преступления для таких людей неизбежны. Наказания таких людей не могут исправить их...». Исходя из суждения об опасности таких лиц для законопослушного человеческого общества, он считал «...необходимым заключение таких людей на максимально длительные тюремные сроки и частое применение к ним высшей меры наказания — смертной казни...».

В общем, конечно, я не являюсь сторонником Ломброзо. Тем более что очень много его учёным выводам и позициям пропущены с критикой не менее представительные учёные, в том числе и наши соотечественники. Тем не менее, в чём-то учёный прав, в преступнике он видел недочеловека — человекообразное существо, не способное жить в рамках всевозможных государственных ЗАКОНОВ, которые предписывают гражданам ЕГО страны жить так, как в нём прописано.

Но нужно сказать прямо и честно, что не у всех граждан, любой страны, в том числе и нашей, получается — жить «ПО ЗАКОНУ». Кто-то преступает ЕГО и становится преступником.

В истории нашего государства не единожды бывали времена, когда действия всех государственных законов прекращались. И тогда — во времена «беззакония» — законопослушные люди жили в рамках старых, не действующих уже законов. Несклонные же к законопослушанию люди (пусть даже и потенциально, пусть даже и не ярко выраженные) растекались по земле во все стороны, как вода из разбитого кувшина. Наступали смутные времена, когда преступность захлёстывала всё разумное. В такие времена немалую роль во всеобщей преступности имела и детская преступность, основывающаяся на беспризорности и многом другом.

Как говорят историки, за последние столет в истории нашего государства «волны» детской преступности и беспризорности, захлестывавшие всю страну, накатывали во время Гражданской, Великой Отечественной войн и следовавшие за ними годы.

Сложно даже представить себе, как после Гражданской войны молодая Советская республика приводила в рамки вновь создаваемой законности «распоясавшихся» своих «молодцов».

Насколько я понимаю суть обсуждаемого, со взрослой преступностью в какой-то степени шли по старой, накатанной дорожке. Можно сказать, по «паблону» Ломброзо.

С малолетками поступать так же, как и со взрослыми преступниками, советская власть не захотела. Во-первых, потому что малолетних преступников и беспризорников было очень много; а во-вторых, потому что стране нужны были молодые и сильные рабочие руки. А где их взять? Поэтому выбрасывали на «человеческую свалку» такое большое число маленьких преступников было для страны недопустимым «расточительством».

Понятно, что главной причиной возникновения беспризорности является разрушение и потеря у всех этих ребят родительских семей.

Главным же бичом беспризорности являлась их безграмотность.

Кроме воровства и бандитизма ничего другого безграмотные малолетки не знали и не умели. Поэтому их нужно было «учить, учить и учить». Поэтому-то тогда и начали учить грамоте всё безграмотное население страны, а не только их. Для чего повсеместно создавались «Ликбезы» (классы «ликвидации безграмотности»), «ФЗО» (фабрично-заводское обучение), «Рабфаки» (рабочие факультеты).

Тем не менее, как оказалось, не всё население страны было сознательным и откликнулось на нововведения. Многих устраивали вакханалия, разбой и бандитизм, в том числе являлась таковой и беспризорная молодёжь.

По официальным данным после Гражданской войны в молодой Советской России было около пяти миллионов беспризорных детей.

Первым в нашей стране взялся за перевоспитание молодых преступников известный педагог — Макаренко Антон Семёнович. Который, согласно позиции «ЮНЕСКО», отнесён к числу четырёх великих педагогов мира, определивших способ педагогического мышления в XX веке, наравне с великими педагогами и признанными педагогами мира Д. Дьюри, Г. Кершенштейнером и М. Монтессори.

В 1919 году по поручению Полтавского губнабобраза Макаренко А.С. создал трудовую колонию для несовершеннолетних правонарушителей в селе Ковалёвка, недалеко от города Полтава. В 1921 году колония получила название — «Имени Максима Горького». В 1926 году колонию перевели в здание бывшего Куряжского монастыря в район Харькова.

Руководил этой колонией Макаренко до 1927 года.

Одной из ярких страниц борьбы с детской беспризорностью, является деятельность Феликса Эдмундовича Дзержинского. Возглавляя коммунистическое хозяйство страны Советов, Дзержинский одновременно был председателем комиссии по улучшению жизни детей (то есть по борьбе с детской беспризорностью). В должности председателя этой комиссии Дзержинский организовал систему детских учреждений — приютов-распределителей (временного пребывания), детских домов, коммун и детских городков. В этих учреждениях тысячи обездоленных детей получали медицинское обслуживание, образование, питание и обучение.

С октября 1927-го по июнь 1935 года Макаренко А.С. являлся одним из руководителей Детской трудовой коммуны ОГПУ имени Ф.Э. Дзержинского, находившейся также в пригороде Харькова. И здесь Макаренко продолжал воплощать в жизнь на практике свою воспитательно-педагогическую систему. На базе коммуны он организовал целое предприятие, где работали подростки, создавая «ФЭД», один из самых современных, по тем годам, фотоаппаратов. Восемь бывших беспризорников впоследствии стали академиками АН СССР, в их числе великий генетик Николай Петрович Дубинин.

Главный пролетарский писатель Максим Горький, бывавший у Макаренко и в колонии, и в коммуне, постоянно интересовался его делами и оказывал всяческую поддержку и помощь. Горький же посоветовал Макаренко заняться литературной практикой и писательской деятельностью.

В главном своём литературно-художественном произведении «Педагогической поэме», как бы подводя итог своей педагогической и воспитательной деятельности, автор мысленно пытается вновь собрать возле себя бывших своих учеников и воспитанников. В книге Макаренко А.С. говорит, что многие из его учеников пошли по его стопам: стали педагогами, занимаются, в том числе, и трудновоспитуемыми детьми. Кто-то стал инженером, врачом, полярником, лётчиком...

Можно сказать, что из «человеческого мусора», из «недочеловеков» он смог воспитать и вырастить достойных людей.

Как стало известно позднее, многие воспитанники А.С. Макаренко за свой добросовестный труд на благо нашей Родины были удостоены государственных наград, а один из них в годы Великой Отечественной войны стал Героем Советского Союза.

К слову, Герой Советского Союза Александр Матросов тоже был из трудновоспитуемых подростков, беспризорников и детдомовцев. До Великой Отечественной войны имел судимости.

В его (посмертном) наградном листе сказано: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм». А в Приказе Народного Комиссара Обороны СССР № 162 от 08.09.1943 года было записано: «Великий подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии».

Александр Матросов стал первым советским воином, зачисленным навечно в списки воинской части.

По преданиям, Усяты с давних пор были каким-то бандитским рассадником. Почему такая дурная слава держалась за нашим селом, не знаю. Думаю, что жульё и бандиты водились везде, но наши одноклассники помнили и знали только наших бандюганов. Поскольку село хотя и не столь маленькое, но «героев» своих знали все.

Хотя, вполне возможно, что мы шли здесь и в передовиках, в силу каких-то своих, специфических особенностей.

К примеру, скажем, оттого, что с незапамятных времён в народной молве село наше значилось и «кулацким». Оттого, наверно, и всеобщая нелюбовь к нему росла с тех же времён. Причиной этому, возможно, стало то, что старые потомственные кланы села (с незапамятных же времён) имели приличные земельные наделы. Земля их кормила и позволяла жить сносно в годы лихолетья. Известно, что в годы Великой Отечественной войны, когда большинство населения страны жило в нужде во всём, прежде всего — в продовольствии, жители нашего села так же, как и большинство населения страны, жили в нужде, но голода усятские не зна-

ли: хлеба не было, денег не было, но картошка всегда была у всех. Почти все держали коров и иную животину, и молоко, и сметану, и мясо усятские видели. Пусть не всегда — в праздники, но видели.

— Ой, сколько мы золотых вещей, посуды фарфоровой и прочих ценностей стаскали в вапни Усяты в военные годы, выменивая их на продукты, — доводилось мне слышать от некоторых бывших переселенцев из прифронтовых зон в Прокопьевск.

Ну что ж, и это, наверно, действительно было.

При этом и бандитизм в селе тоже захлёстывал все разумные рамки, воровали и отбирали всё: и продукты, и скотину, и вещи...

Оттого все и всё хранили под надёжными запорами, под постоянным доглядом и контролем. Скотину из стаск в дома переводили.

...Моя родительская семья и их предки с давних пор жили в Усятах на так называемом Мыске (Пимушкином Мыске).

Это то место, где ныне расположен Усятский каменный карьер, с некоторых пор является любимым местом отдыха в летнее время современной усятской молодёжи. Поскольку там образовалось несколько небольших водоёмов, а некогда «лунный» ландшафт природы облагораживает, с каждым годом он становится всё зеленее и зеленее.

Все дома на Мыске располагались вдоль одной улицы с названием Курская. Возможно, что такое название улица получила потому, что большинство её жителей являлись бывшими «столыпинскими переселенцами» (1900 — 1910-х годов) в Сибирь из Курской и Орловской губерний. Родители моего отца тоже были из них. Поскольку число жителей на Мыске было значительно меньше, чем в самом селе, то и жили они почти единой семьёй, тем более, что очень многие были связаны между собой родственными и семейными узами, являлись друг другу роднёй, с кем-то поближе, с кем-то подальше.

И хотя непосредственно в семье моих родителей судимых не было, тем не менее, в родне, такие были. В частности, муж сестры отца — Говорин Иван Николаевич. До войны ещё он был судим, и отбывал определённый ему срок. Также был судим за хищение социалистической собственности, тоже ещё до войны, и отбывал срок один из старших братьев моей мамы — Брагин Андрей Игнатьевич. Известно мне, что до войны ещё «свалился» в Усятах криминальный авторитет Иван С. (по кличке Иван-косоротый), двоюродный брат моей мамы, прежде судимый не единожды.

Во время войны и сразу после неё долго гуляла по Усятам дурная слава о братьях Кривошениных, Григории Зубове, семья которого жила непосредственно по соседству с моими родителями.

Григорий Зубов за свои «дела» получил 25 лет и отбыл свой срок, как говорится, от звонка, до звонка. Из заключения вернулся больным. Какое-то время поработал горнорабочим на шахте Красногорская, оформился на пенсию по инвалидности и через непродолжительное время умер.

После Григория Зубова криминальная слава на Мыске закрепилась за братьями Слепневыми, в многодетной семье которых, состоявшей из пяти детей, четверо были парнями. Старший из братьев — Анатолий, судимым не был, повзрослев, завёл свою семью, работал на производстве.

Следующий за Анатолием — Николай, предвоенных годов рождения, с ранних лет пошёл по «скользкой» дорожке: неоднократно был судим, отбывал разные сроки заключения. Остепенился Николай уже в возрасте, но через непродолжительное время жизнь его окончилась: умер из-

за полученной в заключение болезни.

Третий из братьев Слепневых — Владимир, родившийся году в 1946-м, хулиганистым в детстве не был: увлекался лыжным спортом, охотой, рано женился и работал на производстве. Тем не менее, по стечению роковых жизненных обстоятельств как-то и где-то оступился. Был судим, получил срок. После отбытия срока наказания личная жизнь его пошла наперекосяк и трагически оборвалась.

Младший — Виктор (1950 года рождения), с ранних своих лет набедокурил и пошёл по скользкой тропе, проложенной старшим братом Николаем. Был судим, несколько раз отбывал в заключении определённые ему сроки. Остепенился ещё сравнительно молодым: устроился на работу, завёл семью, положившую свою трудовую пенсию заработал, правда, маленькую.

В народе братьев Слепневых звали Слепнями.

Младшая из детей в семье Слепневых была девочка, звали её Ная. Когда Ная выросла и стала взрослой, то, как-то разругавшись со своими братьями, собралась и уехала от них, далеко и навсегда. Перед отъездом она заявила: «В моей семье никогда, «слеппей» больше не будет!».

В многодетной семье Коровиных, жившей от Слепневых через дорогу, детей было также пять человек (две дочери и три сына). Дочери были старшие, сыновья, родившиеся друг за дружкой, — младшие. Старший из братьев — Юрий, родился сразу после войны (году в 1946-м), судимостей не имел. Отслужив срочную службу в армии, вернулся домой, работал на производстве и имел свою семью.

У Виктора и Владимира, родившихся года на два позже своего старшего брата (двойняшками), судьба сложилась по-разному.

Владимир, родившийся значительно меньшим своего брата-близнеца, в десятилетнем возрасте серьёзно заболел, имел частичную парализацию и некоторую заторможенность. Тем не менее, недугу не поддавался, боролся с ним. При этом приобрёл сильную и приличную специальность, после чего всю свою трудовую жизнь занимался своей работой.

Виктор, в отличие от своего брата-близнеца Владимира, был здоровым и рослым, но рос хулиганистым. Водился с усятской инпаной (дружил с Вовкой Тихоновским, Юркой Красинским и братьями Слепневыми). Поэтому, не достигнув ещё совершеннолетия, попал за решётку. После освобождения из заключения продолжал прежний образ жизни. Оттого был судим вновь (думается, ещё не единожды). И только после второй или третьей отсылки лагерная «романтика» выветрилась из него. Вновь освобождённый, вернулся домой, устроился на работу (на шахту Красногорская), женился на учительнице, начал учиться в вечерней школе и сам. В процессе учёбы у него зародилось желание поступить учиться в горный институт. Но осуществиться его мечтам и желанию суждено не было, он трагически погиб в одной из аварий, произошедшей в шахте.

У Витки Коровина кличка была Дуррак. Не знаю, кто придумал ему такую кличку. Думается, что старшие сёстры и брат. На свою кличку Витка не обижался, отзывался на неё.

...Не так давно услышал я рассказ от одного хорошего моего знакомого об усятском послевоенном времени. Содержание рассказа было приблизительно таково.

«Вернулся в Усяты с войны один бывший их житель — военный моряк, участник Великой Отечественной войны, отслуживший на флоте лет семь срочной службы или даже более того. С военной и корабельной службы этот человек уволился с должности боцмана.

Боцман на корабле занимается тем же самым, чем и любой армейский старшина в своём подразделении. То есть, во-первых, он командир для всех матросов корабля; во-вторых, ведает всеми хозяйственными делами на этом корабле: одевает и обувает своих подчинённых, организует их питание и так далее.

Так вот, приезжает после долгой военной службы в свой родительский дом бывший боцман и видит, что младший его братишка — Арканка, не служивший в армии и не бывший на войне, от родительских рук отбился и бандюганом стал. Попытался старший брат положительно повлиять на младшего брата, а тот ему кулак показывает. А дружки младшего брата полкараулили где-то бывшего боцмана и говорят ему: «Морячок, если к Арканке приставать будешь, то мы тебе рога пообломасм, заодно и ноги твои переломасм в лучшем случае, а то и прибьём неарком...».

— Понял! — ответил бывший боцман и устроился на работу в милицию, участковым. После этого с местными урками у него началась настоящая война, из которой бывший боцман вышел победителем: всех неподающих перевоспитанию и нежелающих жить в рамках установленных Законами правил пересажал за решётку, в том числе и своего младшего брата.

...Во времена моего детства верховодил всей нашей усятской инпаной Вовка Тихоновский, которого все называли Тихоном.

От природы Вовка был симпатичным и неслучным парнем: русокопый, голубоглазый. Родился он в 1946 году и на пять лет был старше меня. В школе учился неплохо, после окончания седьмого класса поступил учиться в Прокопьевский горный техникум, но не окончил его.

После того как умер его отец, и посадили старшего брата Лёньку (за групповое убийство малолетками своего же, усятского мужика), Вовка как с цепи сорвался: учёбу в горном техникуме забросил, стал главарём всей усятской инпаны. За что, в конце концов, загремел за решётку и сам.

Так и пошло в его жизни всё наперекосяк...

Как-то, уже после увольнения из армии, иду я по каким-то своим делам по Усятам, вижу, Вовка Тихоновский стоит возле столба недалеко от продовольственного магазина изрядно подвыпивший. Подошёл я к нему и говорю: «Приветствую вас, Владимир Андреевич! Рад видеть в здравии...»

— Не узнаю! — нехотя ответил он мне. Я назвал.

— О-о, — вспомнив меня и назвав по имени, ответил он и заплакал.

— Что такое? — изумился я, поскольку считал, что негибачный Тихон плакать не умеет.

— «Иисус» Тихону, ответил он мне сквозь слёзы, — трудового стажа работы нет, двадцать пять лет «лагерных» — не считают, пенсии нет, здоровья тоже нет! Пойдём, выпьем! — несколько успокоившись, предложил он мне, когда подошёл к нам его бывший дружок Коляка Ухан с купленной в магазине бутылкой водки.

— Спасибо, но не могу, дела! — вежливо отказался я от его предложения.

Через непродолжительное время после этой встречи до меня дошли слухи, что Тихон умер...

Но не все дружки Вовки Тихоновского прожили свои жизни так же, как и он. Некоторые отошли от него ещё до того, как его посадили в первый раз, некоторые взялись за ум после первой или второй «ходки» за ним. Отчего хочется рассказать немного и о них.

Вовка Спирькин — лучший и самый верный дружок Вовки с раннего детства,

живший в непосредственной близости от Тихона (в одном доме с Юркой Красинским, через стенку).

Вовку Спирькина боялись пацаны больше, чем самого Тихона, поскольку именно Спирька (как называли его мы) являлся главным потрошителем во всей округе: выворачивал карманы у любого из встретившихся ему пацанов и забирал себе всё, что «находил» в тех карманах.

Так вот, Вовка Спирькин первым, раз и навсегда, порвал все свои отношения с Тихоном. Как и почему произошло такое, я не знаю. Знаю лишь то, что Тихоновский грозился убить Спирькина. Возможно, именно поэтому Спирькины и уехали из Усят, по слухам — в Мордовию, навсегда!

Как прожил свою дальнейшую жизнь Вовка Спирькин, не знаю, информации о нём никогда и никакой не слышал.

Витька Сизов порвал со всем своим хулиганским прошлым после того, когда Тихона в первый раз посадили. Витьке тогда тоже что-то «светило». Но он как-то смог уйти на службу в армию (такое тогда практиковалось, и нередко).

После окончания службы в армии он устроился на работу, женился, у него родился сын. Таким образом, его личная жизнь вошла в нормальное русло...

Юрка Красинский (в прошлом — пап, «мысошный»), насколько теперь понимаю, являлся главным драчуном и буяном в окружении Тихоновского. Два или три был судим. Тем не менее, в какой-то период он всё же остепенился и переменил образ своей жизни. После очередной отсидки устроился на работу и женился. Пенсию свою заработал в полном объёме.

Генка Пышков (Пышка), среднего роста, плотный, коренастый, кривоногий, по темпераменту — необщительный, нежизнерадостный, на окружающий мир всегда смотрел исподлобья и угрожающе. Родился в 1946–1947 годах, жил недалеко от колхозной конторы со старой матерью, во времена моего детства учился в ГПТУ в городе Кислёвске, якобы успешно занимался борьбой. Водил дружбу с Вовкой Тихоновским с детства и до конца его жизни. В заключении бывал, видимо, не единожды. Женат был на младшей (и единственной) сестре Вовки Тихоновского — Надежде, от которой имел двух сыновей.

Когда я появился в родном городе в 1995 году после увольнения из армии и активно начал заниматься общественной деятельностью, Геннадий Пышков работал электрогазосварщиком на обогатительной фабрике шахты Красногорская.

В конце 1980-х и 1990 годах он принимал активное участие в работе забастовочных и рабочих комитетов города Прокопьевска и своего предприятия. Трудовую пенсию заработал.

Братья Черкасовы: Александр и Анатолий. Александр (Черкас) — старший из братьев, был младше Вовки Тихоновского на год или два.

Несмотря на то что с детства Александр был хулиганистым и водил дружбу с Вовкой Тихоновским, в те же годы он учился и окончил на Красной Горке ГПТУ № 12. То, которое находится напротив школы № 68, где получил рабочую специальность и в дальнейшем работал по этой специальности.

Точно не знаю, был ли судим Черкас и отбывал ли он какие-то сроки в заключении. Но после моего возвращения на родину (после завершения военной службы), работал он горным мастером на одной из шахт города Кислёвска, болел после перенесённого инфаркта.

Анатолий, младший из братьев Черкасовых (родился в 1948/1949 годах), малорослый и щупленький, с детства был инвалидом — хромота (одна нога у него была

короче другой). Отчего с детства и имел кличку Хромой. Дружил с Вовкой Тихоновским и пытался верховодить младшим поколением усятской шпаны (моим поколением).

Судим был не единожды (за что, не знаю), не единожды же отбывал и различные сроки за решёткой.

Жизнь его оборвалась сравнительно рано и трагично: Хромого убили как дико и кровожадного зверя: раскачивая за руки и за ноги над землёй, били головой об бетонную плиту ограждения бывшей усятской школы. Это рассказал мне наш усятский мужик Николай Кошелев. На похоронах младшего брата старший грозился наказать его убийц и наказать их. Но свершиться этому благому желанию суждено не было, поскольку вскоре после похорон Анатолия неожиданно скончался от сердечного приступа и Александр. Поэтому, видимо, никто и никогда уже не узнает, кто и за что убил младшего Черкасова, Хромого.

Усков Владимир (Ус), внук бывшего директора усятской школы Славникова Степана Кондратьевича, младший сын в семье своих родителей, родился в 1948/1949 годах. В детстве был жизнерадостный, улыбчивый, не злой. Дружбу вёл с Черкасом, Вовкой Тихоновским и другими пацанами. Сколько классов окончил в школе и учился ли ещё где, не знаю. Отслужил в Советской Армии своевременно, при этом принимал участие в Дальневосточном советско-китайском конфликте на острове Даманский.

После службы в армии и возвращения домой личная жизнь у него почему-то пошла наперекосяк: несколько раз он был судим, и отбывал различные сроки за решёткой (за какие дела, не знаю).

Когда я появился в родных Усятах в 1994 году, Ус уже болел и вёл полубомжовый образ жизни. Так, тихо и незаметно, он и ушёл из жизни.

После ухода из жизни Вовки Тихоновского, урки в Усятах не закончились, его место попрежнему занимали представители более молодых поколений:

Батя Шабаловы — Витька и Вовка. У Витьки были две клички — Норка и Кабан, у Вовки — Шабала. Зону братья потоптали оба.

Вовка и Сашка Колесовы (дядька и племянник).

Вовка был моим ровесником, в начальной школе учился в параллельном классе, с детства на одном глазу он имел бельмо (оттого, наверное, имел кличку Фин).

С детства он дружил с Шабалой (своим одноклассником), вместе же они избили сильно (или даже убили в Усятах красногорского мужика), за что вместе же и сели ещё малолетками. Насколько мне помнится, Фин там и сгинул. Шабала вернулся домой больным и вскоре умер.

Сашка Колесов (Савёнок и Кукуня, сын старшего брата Фина). Кукуня был года на три моложе меня, тем не менее, был очень шустрим и жуликоватым с малолетства. Я был свидетелем, когда он лет в двенадцать от роду вместе со своим другом Михоней угнал со стоянки строителей автодороги «Кемерово — Новокузнецк» тяжёлый грузовик — самосвал «МАЗ-250» и раскатывал на нём по Усятам.

Других походов и жизненного пути Кукуни я не знаю, поскольку сразу же после окончания средней школы я уехал на долгое время из родных Усят в армию.

Знаю лишь то, что «почудить» долго Кукуне не дали — упрятали за решётку. Оттуда он домой, якобы, не возвращался.

Братья Хворовы — Мишка и Лёнька. Мишка (кличка «Михоня») был ровесником Сашки Колесова, дружил с ним, вместе

же они и шкодили. Вместе же, видимо, и сели. Вместе же, видимо, и сгинули.

При этом мне хочется отметить, что я очень хорошо знал Мишку и никогда не видел в нём чего-то из рук вон выходящего. Он был тихим, спокойным, я бы даже сказал, стеснительным. Поэтому мне непонятно, откуда и как в нём появилось шпанство? Видимо, заводилой и генератором для него являлся Кукуня.

Во времена моего усятского детства и юности Лёнька был совсем ещё маленьким пацаном, ему было лет семь. Тогда я, работая на шахте, впервые купил себе двухколёсный маленький мотоцикл «МИНСК» (М-105). Лёнька почему-то мне очень понравился, как маленький и хорошенький мальчишка, оттого я очень часто катал его на своём мотоцикле.

После того как я уехал из Усят, жизненные пути наши разошлись навсегда. Теперь ничего другого, кроме того, что я катал его когда-то на первом своём мотоцикле, я о нём ничего другого и вспомнить не могу. При этом знаю, что позднее он стал большим бандюганом. Вероятно, пошёл по стопам своего старшего брата Мишки, хотя, возможно, были у Лёньки и другие «учителя и наставники» — неподалёку от Хворовых жили Пшекины и Корниловы.

Братьев Пшекиных было четверо: Мишка, Валерка, Вовка и самый младший — Юрка.

Мишка (Пшека) был самым старшим из братьев, он был старше меня на год, но в каком-то классе он оставался на второй год, отчего в пятом классе в 25-й школе мы учились вместе. Потом он вновь куда-то исчез из нашего класса.

Конечно, Мишка был хулиганистым, но я бы не сказал, что он был из рук вон плохим. Дальнейшую его судьбу я не знаю, но как мне припоминается: повзрослев, он уехал куда-то из Усят и по жизни пошёл по нормальной дороге, судимым не был. Также нормальным человеком стал и второй из братьев Пшекиных — Валерий.

Младшие же их братья стали усятской шпаной. Вовка шпанником был исколот татуировками. Юрку я не помню.

Братья Корниловы, которые жили по соседству с Пшекиными и которых также было трое или четверо, являлись их ближайшими друзьями. Отчего повторяли и копировали все их дела и повадки. Оттого же и жизнь их была такой же.

...Уволившись из армии и вернувшись на свою малую родину, перевёз я с собой и свой мотоцикл (как было сказано выше), в тёплые летние вечера катал уже на нём всю местную малышню, родительские семьи которых жили в непосредственной близости со мной.

Среди новой своей знакомой малышни особо выделял Женьку Шувалова и маленького Сибирягина, которого ребята между собой звали Шнырей.

Хорошо знал я и родителей своих новых маленьких друзей, особенно родителей Шнырей. С отцом которого, Петром Сибирягиным, моим ровесником, я был знаком ещё со времён своего детства, он был младшим братом моего соседа Лео-нида Сибирягина и прискал к нему жить из деревни Шапал, когда нам с Петром было лет по тринадцать.

А мать Шнырину, Лидию, жену Петра, я вообще знал с пелёнок, в прямом смысле этого слова. Поскольку помнил, как её мать носила маленькую Лиду ещё в пелёнках на руках. Лида была младше нас с Петром лет на семь, она была внучкой наших же соседей, Птициных.

Детей у Петра с Лидой было много — пять или шесть, и только одна дочь, остальные — пацаны.

Поскольку до того момента, как появиться в наших краях, Пётр жил в деревне, то с детства увлекся делами по тракторной части. Так он и пошёл по жизни, работал где-то трактористом или бульдозеристом.

В стародавние сибирские времена крестьянские семьи, в которых было много сыновей, были сильными и относительно богатыми. Поскольку на сыновей государством выделялась земля. А земля — это всё! На этой земле крестьянские дети работали, росли и мужали. Земля кормила, закаляла, укрепляла и обеспечивала эти семьи всем.

В наше время, такого, конечно, не стало. Всё изменилось. Живя в городе и работая на производстве, стало проще зарабатывать себе на жизнь, чем в сельской местности.

На тот момент, когда я вновь появился в своих родных краях, отслужив в армии двадцать пять лет, детей у Петра и Лидии было много, некоторые были совсем ещё маленькими. При этом старший их сын находился уже, как говорят в народе, в местах не столь отдалённых.

За что он был осуждён, я не знаю. Но, как мне помнится, срок у него был несма-лым, поэтому, значит, и причина «посадки» была весомая. Я знал это, и хотя особого значения этому не придавал, тем не менее, что-то мне подсказывало, что Шныря, который тогда только-только начинал учиться в школе, может пойти по стопам своего старшего брата. Хотя явно выраженных признаков к этому в нём не было видно. Чего нельзя было сказать о его дружке Женьке Шувалове, который от природы был шустримым пацаном: «регу-лировал» процесс катания на моём мотоцикле, как правило, в свою пользу. Чаще других оказывался в «люльке» моего мотоцикла, бесперсонно высаживая оттуда кого-то из своих дружков. Видя творившуюся несправедливость, я отстранял Женьку от «власти» и начинал заниматься его обязанностями сам.

После завершения процесса катания, я всегда выговаривал Женьке своё неодобрение методами его «руководства». Хотелось посеять и вырастить не только в Женькином сознании, но и у всех его друзей, чувство справедливости друг к другу, любви к технике и тяге к знаниям на собственных примерах.

Но всё повторялось из раза в раз. К тому же от других соседей и жителей близлежащей округи до меня начали доходить слухи, что, несмотря на все мои старания и педагогические начинания, Женька и некоторые другие из его дружков растут безбашенными, вечерами школят почти в открытую. Нередко я видел Женьку празднично болтавшимся по округе, когда он должен был в школе.

— А почему ты не в школе? — спрашивал всегда его я. На что он отвечал: не было в этот день уроков, учительница заболела...

Первым посадили малолетку Шныря за убийство: с другим своим малолетним дружком они убили одного из братьев Пшекиных, который бомжевал в последние время.

Услышав это известие, я ужасно был огорчён и разочарован. «Надо же, — думал я, — кого только ни приласкаю, от чистого сердца, а он бандитом становится...»

После этого случая я резко уменьшил свой педагогический пыл и благие намерения. Через некоторое время посадили за решётку и Женьку Шувалова...

Когда я рассказал об этих своих воспоминаниях майору Гуде, она косо улыбнулась.

— Да знаю я их, — ответила она, — я их и посадила. Женьку теперь уже — по новой, и, видимо, надолго. В теперешнем его деле есть всё, и убийство в том числе».

Вот такими нерадуужными результатами увеличилась моя «педагогическая прак-

тика» с трудными подростками.

...«Все пацаны стремятся к власти», — говорил мне когда-то в детстве мой друг Вовка Трошев, который на два года был старше меня и как бы покровительствовал надо мной и учил всевозможным жизненным премудростям, в которых я по своему малолетству, как считал он, ещё не разбирался. Под властью он подразумевал власть над нами Вовки Тихоновского и Вовки Спирькина.

Оттого, наверное, водил дружбу Вовка Трошев с Серёгой Горбатовым, который по возрасту был старше и Вовки Трошева, и Вовки Тихоновского.

Серёга Горбатов, как и Вовка Трошев, был страстным голубятником.

Я тоже увлекался голубями. Все голубятники, как правило, ещё и воры. Кто-то из них лишь в тех масштабах, что воруют голубей друг у друга. Кто-то идёт и дальше, на более «серьёзные дела».

Серёга Горбатов родом был из интеллигентной усятской семьи. Мать у него работала на мелькомбинате каким-то начальником, а старший брат — Виктор, окончивший институт, был чуть ли не главным инженером на Прокопьевском заводе «Электромашина», который находится в Тунике.

Серёга же почему-то стал голубятником, ну и вором заодно, наверное, в силу сложившихся обстоятельств. Он был ровесником Лёньки Тихоновского, водил дружбу с ним, пока того не посадили. Рождён был в военные ещё голы, где-то году в 1944-м, возможно, и ранее. Он был женат и работал слесарем-сборщиком на заводе «Продмаш», в одном из его цехов.

В повседневной жизни он подчёркнуто интеллигентно и по-щёгольски носил всегда добротное осеннее пальто, с поднятым воротом и белым шарфом на шее, ходил в белой фуражке. Тогда в наших краях это было очень модно.

К тому моменту, когда с ним начал общаться Вовка Трошев, а немногим позднее и я, Серёга успел уже и отслужить в армии, и отсидеть какой-то срок за рецидивкой. И когда заходил между нами разговор о службе в армии, то он заявлял нам, что, по его мнению и личному опыту, служба в армии и отсидка в зоне — совершенно одинаковые «мероприятия». «Там и там — жизнь в казарме, там и там — отбой и подъём, там и там — передвижения только строем и прочее», — авторитетно заявлял он нам, но нам с Вовкой как-то не очень верилось.

Раз в три или четыре мы с Вовкой Трошевым ходили ночами на «дела» с Серёгой Горбатовым: зорили голубятни у таких же, как мы, голубятников на Сахалине, Хлебозаводе и Красной Горке. Своих не трогали.

При этом я обратил внимание на то, что при виде чужих и хороших (породистых) голубей глаза у Серёги загорались, и сам он весь преображался. Когда же он запрыгивал на этих голубей, то огонь в его глазах погасал, и сам он как-то опустошался. Оттого, наверное, не пытаясь приучить украденных голубей к своему дому, он пускал их в свою голубятню, два-три дня любовался на них, потом выпускал на волю вместе со своими голубями. Поэтому почти все его новые пернатые разлетались в разные стороны. После этого Серёга начинал планировать новые свои «операции». Не получив душевного удовлетворения от завязывающейся «дружбы» с Серёгой Горбатовым, и поняв, что мы встали на скользкую и опасную для нас тропу, мы тут же и сошли с неё.

Этому послужили обстоятельства и изменившиеся в наших жизнях обстоятельства: Вовка устроился на работу автослесарем в автоколонну № 3 на Красной Горке. А я — поверхностным учеником электрослесаря на шахту «Красногорская», находившуюся

рядом с Вовкиной автоколонной.

Позднее, когда я уже учился в военном училище и приехал домой в один из летних своих отпусков, как-то встретил Серёгу Горбатова возле усятского продовольственного магазина, он «спшибал» мелочишку, не хватившую ему на бутылку водки. Увидев меня в военной форме, он спросил: «Ты что, — до старшины дослужился?»

— Нет, стал курсантом военного авиационного училища, — смущённо ответил ему я.

— Понятно, на офицера решил выучиться, я тебе не завидую, — ответил он, — брось мне мелочишки, курсант, на бутылку не хватает...

Деньги в моих курсантских карманах особо не водились, но я отдал ему всё, что было у меня. Не из-за страха к нему, а скорее из-за жалости и какого-то сострадания. Как бы извинился перед ним за то, что я ушёл от него, стал курсантом военного училища, а он всё так же «спшибает» мелочишку возле магазина как какой-то попрошайка или нищенка.

— Не густо, — ответил он, когда принимал из моих рук мелочь, тем не менее заулыбался. — Но, ничего, курочка по зёрнышку с земли собирает и сыта бывает. И я соберу, — и пошёл к другому появившемуся поблизости своему «клиенту». При этом он был уже далеко не тот, как раньше, аристократично-интеллигентный, а замызганно-помятый и небритый.

Позднее я спрашивал у Серёгиной бывшей жены, что стало с ним.

— Какое-то время мы с ним пожили нормально, потом он вновь взялся за свои старые делишки. После этого я ушла от него. Потом его в очередной раз посадили. Из заключения он вернулся больным и скоро умер... — ответила мне она.

— Вот и всё! — подумалось мне. — Обычная история судьбы вора и её концовка. Грустно! Но ничего не поделаешь!

И тут вспомнилось, как Серёга когда-то с гордостью рассказывал нам с Вовкой Трошевым:

— Приношу как-то я домой полную пазуху голубей. Мать в страхе спрашивает: «Серёжа, откуда у тебя эти голуби?»

— Ворованные, мать, ворованные, — ответил ей я.

Своих голубей держал я в крыше своего частного дома, а дом тогда был у нас ещё не старый, крыша была покрыта тёмом. Однажды и ко мне в голубятню пытались залезть воры. Дело было летом, ночью, я спал в сенях на своей кровати. Шум на крыше, снаружи дома, услышала моя мама, разбудила меня и потихоньку сообщила, что кто-то пытается залезть к нам.

Я спросонья соскочил с кровати, побегал в спальню, схватил ружьё, висевшее на стене, зарядил в него патрон, стволом выбил верхнюю шину в оконной раме и выстрелил в воздух, перезарядил ружьё и вновь выстрелил. В общей сложности выстрелил я тогда в воздух раза четыре, шума в округе наделал много. Соседей переполошил даже дальних. Но и воры, конечно, тоже перепугались сильно. Без памяти сгинули с крыши сеней вниз, на землю, в картошку, с маху перескочили через соседский забор и далее — чужими огородами. Весь свой воровской инструмент воры оставили на месте преступления. Некоторое время спустя поведали мне знакомые голубятники, что проникнуть тогда в мою голубятню пытались сахалинские пацаны, называли даже их фамилии. Я с ними не был знаком. Ещё сообщили, что перепугались тогда мои воры ужасно, подумали, что палил я из ружья по ним.

Охотку лазить по чужим чердакам и голубятням отбил я у них тогда навсегда, как навсегда же распрощался и со своими «позывами» к подобным делам.

Никто и никогда больше не пытался проникнуть с улицы в мою голубятню и украсть моих голубей. А к соседям моим Тузовским, у которых голубей держали их старшие сыновья Коля и Гена (мои друзья), воры навещались раза три или четыре (но и голуби у них были значительно ценнее моих). Воровали голубей у них из крыши дома, где жили голуби; из клеток в закрытой на замок стайке, куда переносили их хозяева. Воры разобрали по брёвнышку одну стену и проникли в стайку. Забрали только голубей, остальную живность — корову, куриц и прочих, находившихся там, не тронули.

Тузовские держали большую и очень злую собаку, овчарку. Но когда воры навещались к ним по ночам, собака никогда не лаяла. Видимо, перед тем как начать своё грязное дело, воры каким-то образом собаку усыпляли.

Когда воры навещались к Тузовским в третий или четвёртый раз, хозяева дома всё же почувствовали каким-то образом неладное и начали (по моему примеру) стрелять из ружья в воздух (возможно, и в сторону воров). Те тоже ответили им стрельбой из своих ружей. Ночная двухсторонняя перестрелка (или ночной бой) окончилась отступлением атакующей стороны (если выразиться военным языком), без потерь и увечий с обеих сторон. Но после этого глава семейства Тузовских Гена сказал своему старшему сыну: «Коля, больше в нашем доме голубей быть не должно!»

Что и было сделано в скором времени.

Я распрощался со своими голубями, когда поехал поступать учиться в военное училище: раздал их молодому поколению усятских голубятников и никогда больше не пытался развести вновь. Хотя, честно говоря, иногда душе этого хочется.

Теперь, по прошествии многих лет своей жизни, вспоминая иногда и думая обо всём, происходившем тогда со мной, понимаю всё так: воровство голубей — это, конечно же, преступление. Тем не менее, хочется расширить рамки этого преступления — преступление на почве страсти. Среди тех преступлений, когда воруют молодых и красивых девушек; когда воруют молодых же, красивых и породистых лошадей. В народном фольклоре такие преступления и такое воровство не осуждаются, а наоборот, как бы прославляются и воспеваются, в этом видится какой-то героизм, лихость и удалство.

Вспомните песню из кинофильма «Неуловимые мстители» (или «Красные дьяволы»): «Спрячь за высоким забором девчонку — выкраву вместе с забором. На три замка запирай вороного — выкраву вместе с замками». Много и других примеров, в том числе и литературных, когда, если не прославляются подобные преступления, то преподносятся как неотвратимая реальность человеческого бытия. У Михаила Лермонтова в «Тамани» Печорин ворует понравившуюся ему девушку Беллу. У Льва Толстого в романе «Война и Мир» Анатолий Курагин ворует понравившуюся ему Наташу Ростову и так далее.

Всё это я сказал не к тому, что бы как-то оправдать или легализовать подобные преступления, нет — к тому, что в народном эпосе (думается, и в сознании народа) подобные дела особо не отторгаются, подобное особо не осуждается, если не сказать — наоборот, это как бы и прославляется. Считается почти нормальным явлением. Дальше — больше: вообще лагерная и воровская жизнь, лагерная и воровская «романтика», блатная жизнь ставятся во главу всего и вся...

Некоторые образованные и неглупые люди считают и утверждают, что в литературе 19-го и 20-го веков из всего, что было создано, лучшее повествовало ни о любви, ни о производственном, военном и

прочем героизме, а о лагерной и тюремной жизни. Именно эти произведения вызвали самый больший интерес у самого читателя. Поэтому-то и воровскую тюремно-лагерную блатную песню эти же «образованные и неглупые люди» считают самой популярной в 20-м веке в нашей стране, они называют её «русским национальным фольклором».

Вот, что об этом говорит Интернет (Википедия): «...Блатная песня (блатной фольклор, блатняк) — песенный жанр, воспевающий тяжёлый быт и нравы уголовной среды, изначально ориентирован на заключённых лиц, близких к преступному миру. Зародился в России в 19-м веке, а окончательно сформировался в СССР..»

С 1990-х годов блатную песню в Российской музыкальной индустрии часто называют «Русским шансоном».

Основные черты блатной песни — сюжетность, тесная связь с конкретными жизненными ситуациями, позициями и переживаниями уголовников и рецидивистов, предельно упрощённый мелодизм, использование в словах стилистики разговорной речи и уголовного жаргона.

Как правило, блатной фольклор воспевают, романтизируют образ заключённого или рецидивиста и оправдывают преступный их образ жизни. В песнях авторы показывают представителей криминального мира с положительной стороны, рассказывают о жизни, быте, переживаниях преступников — как находящихся на воле, так и заключённых. В то же время, низводя свободных людей (в терминологии уголовников — «фрасов») до состояния «му-сора»...

Термин «блатная песня» появился в начале 20-го века. С появлением исполнителей подобной музыки на эстраде в моду вошёл, так называемый, босяцкий, или рваный жанр, вызванный повышенным интересом в обществе к миру отверженных людей, которые в те времена в публицистике и художественной литературе изображались либо жертвами социальной несправедливости, либо носителями бунтарского духа. В советское время традиционные мелодии блатной песни позаимствованы из ресторанной песни и куплетов, сочинявшихся и исполнявшихся еврейскими артистами в Одессе в начале 20-го века.

...После 1991 года, в процессе коммерциализации и возникновения новой песенной индустрии, термин «блатная песня» из обихода исчез, вместо него появился термин «шансон».

До начала 1990-х годов никто не называл блатную песню «шансоном», этот термин использовался лишь в отношении французской музыки.

В 1991 году в Санкт-Петербурге прошёл фестиваль блатной песни, названный «Русским шансоном», после этого этот термин вошёл в широкое обращение...

После 1991 года в России появилось множество музыкантов и музыкальных коллективов, исполняющих на эстрадной сцене блатную песню...

Исследуя вопрос, почему же многие из людей не хотят жить в рамках общепринятых правил и норм, в рамках государственных ЗАКОНОВ, регулирующих и регламентирующих жизнь граждан нашего государства, преступают через них, становясь ПРЕСТУПНИКАМИ, к тому же ещё прославляют и популяризуют свою позицию и мораль, наконец-то, кажется, я понял — почему? Поясняю свою позицию и то, что я понял: со времён Римской империи (наверняка, и раньше, со времён образования общин первобытных людей) очень многие представители человеческого «социума», скажем так, не хотели быть равными в отношениях со своими соплеменниками,

хотели возвыситься над другими малыми и большими человеческими объединениями, начали делиться по имущественным признакам, территориальным, национальным, по вероисповеданию и так далее... Оттого, видимо, и уголовный мир не захотел оставаться в стороне.

И у всех одни и те же позиции:

Богатые люди хотят возвыситься над теми, кто по имущественному признаку ниже их по уровню.

Бедные люди для них — не люди, было, почти скот, с которым можно делать хоть что...

Немецкий фашизм, разделивший все народы планеты Земля по «нациям и расам», свою нацию и расу — немецкую, превнёс над всеми. Предоставил право своей расе делать с низшими расами всё, что ей вздумается, вплоть до их уничтожения.

Древние римляне (с которых начался этот свой заключительное размышление в этой публикации), своих рабов за людей не считали. Жёны и дочери римских патриций могли голыми ходить перед рабами мужчинами, и ничего дурного в этом не видели, словно ходили перед своими собаками или кошками...

Сподвижники различных религий и вероисповеданий только свою религию считают правильной и истиной, и только носители и сторонники своей религии, по мнению некоторых их представителей, имеют право на достойную жизнь...

Вот и «элита» уголовного мира решила, что она и её представители находятся над всем остальным человеческим социумом — «мусором», по их мнению. С «мусором и фрасами» они могут делать без какого-либо сожаления и угрызения совести всё, что им вздумается: грабить, убивать и так далее, поскольку эти люди, по их мнению, не люди.

Это и есть то, чем притягивает «блатняк» к себе молодёжь — мнимой своей неограниченной властью над «фрасами» и «мусором». И к этой власти дорога доступна всем, будь лишь жёстким, наглым и безжалостным... Как говорится, врата в АИ широко распахнуты для всех, обратно же дороги нет.

Чезаре Ломброзо говорил, что прирождённый преступник имеет характерное строение черепа головы, ушных раковин; он, иначе, чем все остальные люди, видит окружающий его мир и смотрит на него; он стремится главенствовать над всем и всеми; ему не присущи жалость и сострадание в отношении других людей (понимает только своё горе, жалост только себя), он имеет огромное пристрастие к всевозможным татуировкам на своём теле и так далее.

И всё же — как быть и как поступать в отношении преступного мира?

Моё мнение однозначное — по всей строгости ЗАКОНОВ.

С молодёжью же, маленькой дворовой шпаной и мелкими ворюшками (если обнаруживаются или выявляются каким-то образом их пристрастия и их любовь к уголовно-бандитским «ценностям»), нужно заниматься особо тщательно и глубоко, по особым методикам и программам: их нужно учить грамоте, их нужно учить любить не только себя, но и окружающих их людей и остальной мир, их нужно учить работать, их нужно учить иначе смотреть на окружающий их мир и его действительные общепринятые моральные и нравственные ценности.

Малолетние бандиты должны понять, что те воровские ценности, которые уже обосновались в их маленьких головах и сознании, ошибочны и пагубны, прежде

всего, для них самих, пагубны и для всего их окружения. Если они будут следовать им, их жизнь будет бесславной и, как правило, короткой!

Выражение же «Воровская жизнь короткая, но — красивая...» — лживо. Справедливо лишь то, что касающейся первой её части — «жизнь короткая!».

Примеров этому очень много даже и в этом моём повествовании: Вовка Шабалов, Санка Колесов, братья Хворовы, братья Пискины, братья Корниловы и так далее. А сколько ещё молодых судеб, о которых я не написал! Много!

Короткие их жизни сравнивать можно лишь с первыми весенними цветочками, выскочившими из-под земли на первых проталинках при первых тёплых лучиках солнца. Которые при первом же очередном сильном морозе ledenют, стекленеют и вянут (навсегда), когда вокруг них вновь появляется живительное тепло. Грустно и досадно! И сами своей жизни как следует не порадовались, не распустились во всю свою красоту, и не порадовали и не украсили своей красотой и весь окружающий их мир... Отчего невозможно понять, в чём же заключается смысл второй половины названного выражения, в чём же «красота» таких до срока увядших жизней?

Молодым людям, этого, наверно, тем более не понять. Им думается, что они вечны. Но это далеко не так: все смертны, по все по-разному...

Макаренко А.С., в своих литературных посланиях сообщает, что и в его педагогической практике не все его воспитанники меняли свои прежние убеждения, бывали и такие, которые, несмотря на всю ту работу, которая проводилась с ними их воспитателями и учителями, заявляли, что всё равно будут воровать и всё равно останутся вора-

ми... Но таких были единицы, из подавляющего же большинства его воспитанников выросли хорошие люди и достойные граждане нашей страны, которыми можно гордиться. Отчего великий педагог считал, что и вся та большая работа, которая была проведена с ними, была не пустой и не бесполезной. Отчего и в наше время этим нельзя пренебрегать, и тем более — нельзя забывать этого. Другое дело, что в советские времена у бывших преступников, репривших порвать со всем своим уголовным прошлым, была возможность влиться в нормальную человеческую жизнь, поскольку была возможность трудоустроиться, была возможность учиться и приобретать, в том числе и престижные специальности.

В наше же время адаптироваться на «воле» (говоря лагерным языком) очень сложно, говорю это по собственному опыту. Уволившись из армии и вернувшись на свою малую родину, я ведь не из «заключения» вернулся, к тому же у меня и высшее образование было, и специальность, можно сказать, широкопрофильная — инженер-механика. Тем не менее, без каких-либо приукрашиваний и вполне откровенно говорю, что очень сложно было устраиваться в новой жизни. И это мне! А что можно сказать о человеке, оказавшемся в таком же положении как я, но пришедшему из заключения? Что ему «светит»? Ничего! Ну, может быть, почти ничего: кому он нужен, кто возьмёт его на работу — очень большой вопрос? А не трудоустроившись и не начав получать хотя бы мало-мальски приличную заработную плату, как можно начать новую и нормальную жизнь? Никак! Вот и получается, что выйдя на свободу, бывший эск ничего не имеет и не найдёт, кроме как вновь идти грабить да воровать. И это очень волнует и беспокоит...

Артиллерия бьёт по своим

В середине восьмидесятых годов прошлого столетия в прессе была запущена огромная волна негатива об истории нашего государства и руководстве на самом высоком уровне.

Особо отличалась «Комсомольская правда», да и другие СМИ не отставали от определившегося лидера гонки за павликами. Даже «Медицинская газета» с упоением смаковала тему «Парапой Сталина».

Армия, как главная опора государства, была подвергнута массированному «огню» из всех этих больших и малых «орудий». Казарменная деловщина и обсуждение её в прессе были подняты на пик обсуждений. Командиры воинских частей и подразделений боялись лишиться шага сделать, чтобы не быть обвинёнными в этом пороке.

Дезертирство солдат срочной службы из воинских частей приняло массовый характер. Причину происходящего в армии общество видело только в бездушии и полной деградации командиров и офицеров нашей армии.

Значительную отрицательную роль в избиении армии внесла книга «Сто дней до Приказа» начинающего московского писателя Юрия Полякова, сегодня он главный редактор «Литературной газеты».

В книге молодой автор, сам недавно прошедший срочную службу в Советской Армии, поведал читателям о явлении, тут же названном и охарактеризованном им как деловщина или казарменное хулиганство, якобы процветающее в солдатской среде во всей нашей тогдашней Советской Армии.

«...А мы, «сынки», если хотим нор-

мальной службы и счастливого возвращения домой, обязаны слушаться «стариков» и жить по незыблемым законам казармы, ибо — армия, это не гражданка. В армии свои законы: год тебя дружат, год ты дружишь!».

Вот так запомнилась и виделась армия Великой страны и армейская жизнь бывшему солдату, будущему известному писателю. С моей точки зрения, в книге много сознательно надуманного, искажённого и извращённого. Весь материал преподнесён читателю вроде каких-то странилок. Вполне можно было бы вести критический разговор о многом, преподнесённом этой книгой, а на неё «сверху» просто-напросто наложили табу, поставив её в разряд если не запрещённой для широкого чтения в армейской среде, особенно среди солдат срочной службы, то нежелательной для чтения точно. «Наверно», наверно, испугались грядущего.

Я с полной ответственностью говорю, что в курсантских казармах ничего подобного и в помине не было, поскольку сам три года прожил в курсантской казарме и сужу об этом не понаслышке. В последующие годы более чем двадцатилетней офицерской службы в армии (ВВС МО СССР) мне не доводилось сталкиваться даже с чем-то приблизительно подобным описанному в «Ста днях...».

Сразу после окончания Великой Отечественной войны многим участникам ВОВ — солдатам срочной службы, родившимся с 1921-го по 1928-1929 годы, призванными на военную службу в армию в годы войны и по состоянию здоровья признанными годными для продолжения воинской службы, пришлось служить по

семь и более лет срочной службы. Тем не менее, таких безобразий, какие описаны в «Ста днях...», в их рядах не было. Во всяком случае, нет и свидетельств того, что молодые солдаты, призванные на службу уже в послевоенные годы, служили у старослужащих на побегушках или в денщиках.

Это были послевоенные годы, и большинство солдат срочной службы участвовали в боях. Они знали цену себе и молодому пополнению, старались передать настоящие традиции боевой славы воинской части. И утверждения, что новички «...стирали почками «старикам» портянки и обмундирование, сушили постиранное утюгами; ходили по казарме или ещё где-то там строевым шагом и отдавали честь висевшей на шпалере шинели «старика», беспрерывно исполняли и все их прочие прихоти» — для тех лет нереальны.

«Деловщину», как говорят военные академические учебники, в солдатские казармы Красной а затем и Советской Армии внесли бывшие уголовники, призванные во время войны в армию в штрафные батальоны и прочие воинские формирования. После ранений бывшие уголовники попадали в обычные строевые части и начинали устанавливать там лагерные порядки, которые в солдатской среде в относительно спокойное и мирное время оказались живучими.

В воинских частях, где значение приказа и требования командира означало не пустой звук, к примеру, в воинских частях, принимавших участие в боевых действиях в Афганистане и в других «горячих» точках, о признаках «деловщины» разговоров не велось. Её там не было.

В те же восьмидесятые годы в «Роман-газете» я с великим удовольствием прочитал книгу «Погружение во тьму» известного писателя, публициста и общественного деятеля Волкова Олега Васильевича.

Родился Олег Васильевич в 1900 году в дворянской семье в Санкт-Петербурге. Многие представители его рода являлись офицерами военно-морского флота царской России. Были в их роду и адмиралы. Прославленный русский адмирал Лазарев М. П. был дедушкой его матери. Волков О. В. прожил на земле долгую жизнь. Ему было отмеряно 96 лет. Двадцать шесть из них он провёл в застенках ГУЛАГа — его по навету обвинили в контрреволюционной деятельности.

В книге «Погружение во тьму» в автобиографической справке автора есть любопытная приписка. Олег Васильевич рассказывает о том, что в детстве ему довелось слышать отзывы его дядюшек — балтийских адмиралов, о недавно вышедшей в то время книге «Цусима», автором которой был бывший корабельный матрос-баталер (корабельный пушкар) Новиков-Прибой. Адмиралы о книге говорили: «Книга написана правдиво, но с точки зрения матроса-баталера, с нижней палубы». Бесспорно, автор переживал за поражение русской военно-морской эскадры кораблей под командованием вице-адмирала Рожественского. И главную вину за случившуюся трагедию возложил на командующего эскадрой, вице-адмирала Рожественского. Дядюшки Волкова О.В. говорили, что автор книги, матрос-баталер Новиков-Прибой, лично принимавший участие в описыва-

емых событиях, при написании такой солидной и заслуживающей уважения книги, многих действий командующего не понял в силу своей малограмотности и необразованности в военно-морских науках и делах.

Я прочитал «Цусиму» в те же восьмидесяте годы. Книга мне очень понравилась, и никаких пробелов в ней я не обнаружил, видимо, также в силу своей необразованности и малограмотности в военно-морских науках и делах.

Я с изумлением открывал для себя то, что многое, описываемое в «Цусиме», присутствовало и в моей военной службе. То есть многие ритуалы и традиции старого Русского военно-морского флота и старой армии живы были в армии и во времена моей службы в ней.

При этом с каким великим достоинством и уважением традиций и ритуалов Новиков-Прибой описывал их! К примеру, как описан ритуал ежедневного снятия проб командиром корабля со всех блюд, приготовленных корабельными поварами для всего экипажа корабля, и многое другое! Команда и корабля, и всей Российской военно-морской эскадры показана автором как единый организм, начиная от самого незначительного матроса до вице-адмирала, не разделённый по признакам: «кого и как кормили», «кому и какую зарплату платили» и так далее.

Как единое целое Новиков-Прибой описывает и само Цусимское сражение. Подробно и в деталях рассказывает, как героически сражались и погибали во время боя матросы и офицеры, командиры кораблей.

Читаешь же книгу «Сто дней до Приказа» нашего современника и думаешь: «Какая низость, мерзость! Как низко пала внутренняя суть наших солдат, дембелей и «стариков», за какие-то тридцать пять лет после окончания Великой Отечественной войны! Это не солдаты, а морально ущербные мерзавцы и садисты, которые строго блюдут лишь свои привилегии на то, что «заслуженно» им полагаются. Они первыми хапают с общего солдатского стола лучший и больший кусок хлеба с маслом. Считают, что им полагается лежать на кроватях, когда все уже поднялись по общей команде «Подъём!» и занимаются уборкой спального и других помещений казармы. Им можно «не тянуть ногу», когда все солдаты артиллерийской батареи идут в общем строю по команде «Смирно!». «Молодые» должны беспрекословно выполнять все их прихоти, по ночам стирать их провонявшее обмундирование и сушить его...

«Нечего слушать офицеров. Им за это зарплату платят и на пенсию они уходят в сорок пять лет, — говорят молодым солдатам казарменные «делушки». — Наши команды должны быть для вас главными», — таков лейтмотив книги «Сто дней до Приказа».

Положительно оценить эту книгу я могу лишь только потому, что о негативном и мерзком в художественной литературе тоже нужно говорить, чтобы читатель мог видеть грань между добром и злом. Негатив в этой книге получился хорошо.

Другое дело, что в книге описано и то, что действительно случалось в жизни солдат нашей армии, и с чем нужно бороться самыми решительными методами и действиями, и то, что является обыкновенным художественным вымыслом автора. Проще сказать, в книге многое — наговор и охаивание жизни и деятельности нашей армии. Нет в книге сердечной боли и сострадания за происходящее.

К слову, авторы книг «Цусима» и «Сто дней до Приказа» — коллеги, в прошлом — два пушкаря (морской и сухопутный).

Однако как диаметрально противоположно, с нравственной точки зрения, они видели и описали воинскую службу своему, одному и тому же, Отечеству.

«Артиллерия бьёт по своим» — такой смысл был вложен в восьмидесяти годах в травлю армии. И не то чтобы «артиллерия наших СМИ» была по армии, чтобы сделать её лучше, чтобы изжить имевшие место в её деятельности недостатки. Нет! «Писаки» говорили о том, что наша армия и наша артиллерия ничего другого и делать-то не умеют, кроме как «бить по своим». А потому такую армию и такую «артиллерию» нужно разогнать к чёртовой матери!

Я, в те годы был подполковник ВВС, технар, а не работник армейского партийно-политического аппарата. Увлёкся литературно-творческой деятельностью и решил, что о негативах в жизни армии писать надо. Анализируя недостатки, необходимо подводить читателя к правдивому выводу, необходимо рассказывать о нелепости несчастных случаев, а не говорить, что это норма и система...

Справка:

Отцом крылатой фразы «Артиллерия бьёт по своим», поднятой на «щит» в восьмидесятые годы, является Межерев Александр Петрович. Русский, советский поэт, родившийся в Москве в 1923 году в семье юриста Межерова Пихуса Израилевича. В 1992 году уехал на постоянное место жительства в США, умер в 2009 году в Нью-Йорке.

Межерев А. П. являлся участником Великой Отечественной войны, с 1942 года он — политрук роты, младший лейтенант в первом батальоне 864-го стрелкового полка Восьмого Парашютно-десантного корпуса Западного фронта. Член ВКП(б) с 1943 года. Из армии уволился в 1944 году после тяжёлого ранения и контузии.

Писать стихи Межерев А. П. начал в 1941 году, в 1947 году окончил Московский Литературный институт имени А.М. Горького, с 1946 года — член Союза писателей СССР.

В послевоенное время особой известностью пользовалось его стихотворение «Коммунисты — вперёд!». Первый свой поэтический сборник «Дорога далека» выпустил в 1947 году, за ним последовало ещё шесть. Работал в Литературном институте, преподавал на кафедре литературного мастерства. Вёл литературный семинар на Высших литературных курсах (ВЛК). Оказал влияние на молодых поэтов шестидесятых годов: Евтушенко Е. А., Шкляревского И. И., Чухонцева О. Г., Передереева А. К. и других. Пользовался репутацией сильного миллиардиста и картёжника.

Написанное Межеревым А. П. в 1956 году стихотворение «Мы под Колпино скопом стоим, артиллерия бьёт по своим...» позднее получило широкое хождение в Самиздате:

«Мы под Колпино скопом стоим,
Артиллерия бьёт по своим.
Это наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверно.

Недолёт. Перелёт. Недолёт,
По своим артиллерия бьёт.
Мы недаром присягу давали,
За собою мосты подрывали.

Из окопов никто не уйдёт.
Недолёт. Перелёт. Недолёт.
Мы под Колпино скопом лежим
И дрожим, прокопчённые дымом.
Падо всё-таки бить по чужим,
А она — по своим, по родимым.

Пас комбаты утешить хотят,
Пас, десантников, армия любит...
По своим артиллерия лупит —
Лес не рубят, а щепки летят».

Александр ВАЛИКОВ

Реклама

До девяностых не было рекламы, был в магазинах дефицит. У СМИ были другие планы, Ведь импорт был в страну закрыт. Но вот открыли мы границы, И рынок в гости к нам забрёл. И стали полки вдруг ломиться, И век рекламы к нам пришёл. Реклама двигатель торговли, Так все в народе говорят. Мужчинам, «чтобы жить с любовью», Таблетки надо принимать. Нельзя включить свой телевизор — Все о прокладках говорят. Твердят навязчиво провизор, Каких лекарств нам ряд принять. Не стало жизни без рекламы, И как прожить нам без неё? Уж нет житья от липкой дамы Жужжит, пугает, в сердце бьёт. Сильней наркотика вдруг стала — Никак нельзя нам без неё! И всё-то нам вдруг стало мало, Пронизано всё существо! Мы, как всегда, не знаем меры — Реклама нам её затмит. Уже совсем не стало веры, Что в жизни нужен дефицит. А как всем хочется покоя, О чём-то взять и помечтать. Но только я окно открою — Реклама залетит опять. Нет, я не прочь, пусть полетает, Глядинь, и пользу принесёт. Она жужжит, надоедает, Как муха, кто её приберёт? Ну, ладно, если б надоела, Она ещё и вред несёт! Культуру речи напрочь съела, И поплотью из неё так прёт! Закрывать канал — мы это можем, А вот рекламу обуздать... Цензурный путь всегда возможен, Рекламу в рамки надо взять. Для этого в стране есть Дума. И чтоб рекламой управлять, Такой закон надо придумать, Чтоб всё подряд не восхвалять.

Жизнь, мистика и деньги

Деньгам мне трудно дать оценку... В домах богатых я не жил. Но карточке купил я стенку, Пока к нам рынок не приплыл. Не знал я цен на лимузины И на Канарах не бывал. На жизнь смотрел, как на картины, Всё за копейки получал. Но вот испить мне дали кайфа И подсадили на иглу. Теперь я не могу без драйва, Живу с комфортом, ем икру. Но у соседа две машины, На даче квадроцикл стоит. И, размечтавшись о малине, Попшёл я в банк и взял кредит. Что необычного мне скажут? Живёт так запад, да и мы. Предупреждал же нас Булгаков:

Александр Петрович Валиков родился 7 июня 1949 г. в Прокопьевске, где и проживает по сей день. По профессии — педагог. Почётный работник образования Российской Федерации. Начал писать стихи ещё в детстве. Несколько раз его стихи печатались в газетах «Шахтёрская правда», «Диалог».

Отдашь последние штаны!
По то, что предсказал нам Волаид,
Мы пронесли мимо ушей.
Догнать и перегнать соседа
На остальное ты забей!
Сначала было очень складно:
Росла зарплата, был доход.
Но в жизни всё не так, как в сказке,
В ней чаще всё наоборот.
И вот я потерял работу,
Скандалы в доме... я запил.
Звонки, угрозы, сплошь заботы,
Просвета нет и нет уж сил.
Туда-сюда мечусь по жизни,
Стал очень сильно психовать.
Не сплю ночами, давят мысли,
Хотел начать я воровать.
Потом решил: начну сначала!
Продам машину, долг отдаю,
И хоть я потерял немало,
Зато себя зауважал.
Теперь спокойно сплю ночами,
Спокойно стало и в семье.
Нашёл работу — светлы мысли,
И жить охота стало мне!

Экономика России

«Умом Россию не понять,
Аршином точным не измерить»...
В её особенную статью
Никто не хочет нынче верить!
Не верит немец и француз,
Китай — тот давно не верит.
Лишь верит русский карпуз
В коляске, тот во всё поверит.
Она умест воевать,
И петь, плясать она умеет,
Но экономику понять
Не хочет, видно, иль не смеет.
Наука эта мудрена,
Для россиян пока прикрыта.
Не только требует ума,
Система здесь нужна развитая.
Она не терпит кумовства
И помогает экономным.
Бойтесь сильно воровства,
И трат ненужных — хвостословных.
Она для всех авторитет,
Кто платит, тот и правит миром.
Всегда приносит много бед,
Тем, кто другие ценит силы.
Да, все хотят комфортно жить,
Из Африки бегут в Европу.
Но чтобы там достойно жить,
Не только им ногами надо топать.
Хочу, чтоб Родина моя
Богатой стала и комфортной.
Любила чтоб она меня
И чтоб не посылала к чёрту.
Чтоб экономику свою
Понять смогла и возлюбила.
Поменьше чтоб жила войной
И делать бомбы позабыла.
Чтоб заработали бы все,
И вышел бизнес весь из тени.
Чтоб люди не жили в нужде,
И стыдно было своей лени.
Чтоб не стремились все в Москву,
А оставались жить в Сибири.
Кричу, зову и всех прошу:
«Давайте же любить Россию!»
В её особенную статью
Они и мы тогда поверим.
И экономику поднять
Не в первый раз поднять сумеем!

Людмила ТАНКОВА

Член Союза журналистов России. Людмила Александровна ТАНКОВА родилась в 1950 году в селе Сохорево Алтайского края. Литературным творчеством занимается со школьных лет. Первыми книжками для неё были «Русские народные сказки». Сочетание правды жизни и волшебства всегда привлекали Людмилу Танкову. Большая часть её сказок и рассказов добры и поучительны. Их язык прост и доступен для ребят дошкольного и школьного возраста.

Сотрудничала с газетами «Кузнецкий рабочий», «Сельская правда», «Губернские ведомости» г. Новокузнецка, а также с газетами «Первое сентября» (г. Москва), «Сельская жизнь» (Алт. край) и газетами Хакасии, журналами «Кузбасская ярмарка» (г. Новокузнецк), «Уголь» (г. Москва)

Книга «Кипение крови» стала первым прозаическим сборником рассказов автора. Рассказы о Великой отечественной войне и повесть «Назови имя и путь свой» были опубликованы в журнале «Огни Кузбасса».

Л. А. Танкова выпустила несколько детских книг «Снежные лебеди», «Обиженный гребешок», «Солнечная девочка».

Её поэтические и прозаические произведения вошли в серию сборников кузбасских поэтов и писателей Прокопьевска, в литературные сборники, изданные в Новокузнецке.

Охота на волка

Отрывок из романа

«Коршун охотится в одиночку»

Плоская, лысая поляна... Что может быть хуже для беглеца? Ни кустов, ни деревьев, только чахлые травинки едва прикрывают землю. Даже из положения лежа, видно всё как на ладони. В грудь впились острые камешки. Перед глазами торчал пропалогонный стебелёк. «Словно стойкий оловянный солдатик, — подумал Коршун. — Что за солдатик? Наверное из прошлой жизни что-то?»

«...Что в прошлой жизни?»

В голову влетела огненная стрела. Пронзила лоб, обожгла мозг, разломив его и вылетела через затылок... Теряя сознание, мужчина вцепился в карабин.

Кусками боли всплескивали яркие образы, как живые картинки: белокурая женщина ластилась к нему, что-то шептала, умершая боль... Улыбчивый худощавый мужчина воодушевленно говорил, размахивал руками. Над его улыбкой сверлили пространство застывшие в злобе глаза...

Откуда-то потянулся омерзительный голос с лёгкой хрипотцой: «Ну, что же ты никак не подыхаешь?» Мутно заглянуло в сердце равнодушное око черного пистолета...

Картинки бились в голове, металась, переключались и ломали друг друга, словно птицы попавшие в силки, рвали и давили, требовали и звали.

Из самой середины тела к горлу начал подниматься вопль, его первые звериные взрывания были уже на связках. В полубреду Коршун понимал, что кричать нельзя, до посинения сжал губы и воткнулся в пахнущую доброй лесной прелестью землю. Острая веточка впиалась в застарелую отметину на лбу и картинки рассыпались белым пеплом.

На тело свалился невыносимый гнет тишины и страданий. Не было сил даже моргнуть.

Лежал, не ощущая жизни и мира. Из глаз на землю потоком текли слезы. Ему казалось, что он снова умер. Сухой щелчок дальнего выстрела не колыхнул в нем жадную воскреснуть.

Шустрый бурундучишка пронырнул к старой, выщипанной кедровой шишке. Обернулся тревожно на лежащего человека, но успокоившись, принялся за исследование находки. Разочарованно пискнул, встал столбиком, что-то высматривая вдали.

Полосатая спинка зверька то горби-

лась, то выпрямлялась. Слегка подрагивал кончик пушистого хвостика. Ветерок легонько перебирал гладкие, блестящие шерстинки бурундучка. Захотелось погладить, как конику. Чуть шевельнул пальцами, и лесное чудо исчезло. Хрипло выдохнул и хипно огляделся, проходя в себя.

Нало вон к тому распадку. До него рукой подать. Инь как кучерявятся и рогаются в нём кустарники.

Прислушался, вроде всё тихо. Приползая на локте, хотел стартовать, чтобы перемахнуть через полянку, но что-то удержало. Внутренний тормоз переклинил тело. Ещё раз глянул на распадок. Но голи кусты не такие, толи растут не так, а может их цвет не понравился Коршуну. Только не хотят ноги двигаться в том направлении.

Со стороны, откуда человек пришёл, потянул запах разгоряченного стрельбой металла. А-а, была, не была! Подумавшись, шестое чувство... Оно и ошибаться может.

Дрогнула в распадке ветка. Ветра нет, а ветка шевелится. Может белка проскочила? Или другой какой зверек? Снова тишина, и снова ветка всколыхнулась...

«Обложили! Грамотно обложили... как волка, только флажки не развесили».

Размышлять некогда: справа крутой обрыв, под ним осыпь, костей не соберёшь. Слева болото. Если уж распадок перекрыли, то болото и подавно.

«Кто же это тебя так? Кому ты дорогу перешёл, Коршун, что даже старатели и честные охотники на тебя поднялись? А ведь они не охотятся на людей».

Человек постучал лбом по каменистой земле. Ловушка вот-вот захлопнется, и что тогда?

«Вот же, холера, умел бы ты находить проблемы на свою прекрасную задницу. Опять влип! Хотя бы понять из-за чего. Вроде не пакостил последние 5 лет этой жизни, а другой всё равно не помню».

Вдалеке тьякнул выстрел, другой.

- Загоняют как волка, — зло проговорил мужчина, — «Идёт охота на волков, идёт охота на серых хипчиков матёрых и щенков. Кричат загонщики и лают псы до рвоты. Кровь на снегу и пятна красные флажков...» Только я — Коршун! Ладно, поохотимся!

Достал походную фляжку, ребром ладони скрутил крышечку. Поболтал содержимое, сделал два больших глотка. Огненная гисна фирменного Марфиного напитка обожгла горло, желудок и освежила мозги.

- Экстрима, говоришь, мало? — медленно протянул он, завинчивая крышечку. Ласково плеснул по металлической поверхности походного сосуда. — Вот теперь

его в самый раз, холера вам в глотку.

Перекатился на спину, расслабился на мгновение. Он любил это состояние, когда мышцы провисают, словно гитарные струны перед настройкой. Они ещё не натянуты и не могут звенеть. Надо вначале подкрутить колки, а потом...

Потом резко собрать струны. Душа и тело не гитара, здесь напряжение и внимание намотаны на кулак.

Благостную тишину скупидного покоя пронзил лёгкий всплеск далёкой травы, треснул сучок...

Пока длился этот звук, Коршун был уже в позиции полуприседа, когда напряжена каждая клетка организма. Человек сжал в руке карабин, отбросил стреляющую гильзу на лысую полянку и прислушался. Потом осторожно пошёл навстречу погоне. Легко ступал на пружинящий мох, пробежался по поваленному дереву, на его конце остановился. Потянуло табачным дымом. Справа и слева слышались обрывки голосов.

Охотники не таились, шли в открытую.

- Хорошо, что в открытую. Волка так загонять хорошо. Коршун тоже любит охотиться, только он охотится в одиночку.

Мужчина бесшумно спрыгнул вниз, скользнул в кусты. Наконец достиг места, куда стремился. Когда-то здесь ураганом вывернуло столетний кедр с корнем. Кедр давно иструх, выщербленные и выбеленные временем корни причудливо торчат над таёжным высокотравьем. Яма, образовавшаяся от кедрового выверта, сверху заросла колючим кустарником, и служила прибежищем для зверя. Коршун случалось здесь заночевать.

Осторожно, чтобы не колыхнуть ветку, прополз под кустарником и затаился, прислушиваясь к звукам тайги.

Ис-то близко захрустели ветки.

- Смотри в колючку не сунься, — слышался хриловатый голос.

- И чё? — ответил ему звонкий.

- Через плечо, под ней ямина. Ноги переломались, я на себе тебя не поволоку.

Говорившие обошли выверт и остановились неподалёку. Высокий в синем камуфляже стоял как на бульваре. Двустолка подмышкой. Второй одет в выдранную вилы фуфайку, на голове бейсболка.

Коршун их узнал. Эти сермяги из соседнего поселка иногда навевались в Молодёжный, волки попить да побуйнить. Неделю проходила скучно, если Витюня и Гошик не получали свою порцию старательских «кремделей».

Что их сюда занесло, непонятно?

Витюня нервничал. Курил в затяг, так,

что дым от сигареты валил клубами. Прикуривал другую прямо от окурка, чертыхнулся, плюнул на бычок.

- Чё мы за им как сайгаки несёмся, — заныл Гошик, мелко переступая ногами, будто на углях стоит, и подергивая полы ватника. — Он всё равно на посёлок пританцится к Марфе или за припасами.

- Муфель ты, Гошик, нам бы его здесь взять. А в поселке ты только захочешь подумать стрелить, а твой трупик уже за ноги из избы выволакивать будут. У его чуйка как у ста волков.

«Бойтесь? Это хорошо!» — хмыкнул про себя Коршун.

Подожженная сигарета заискрилась, полетев в мох.

- Ты чё офонарел? Шас как полыхнет, тайга то сухая, — взвизгнул Гошик.

- Сильно психую, — Витюня стал ползать по мху, чтобы погасить искры.

Коршун сжался, видя, как мужик приближается к лазу.

- Ладнись, — запричитал невысокий, — хватит ползать. Надуть торопиться. А то толпа набегит.

- Чё на тот свет торопишься?

Витёк поднял голову и прислушался.

- Пусть толпа пройдёт, он их крошить начнет, тут мы его и сымсем.

- А если в балку уйдёт?

- Ты, Гошик, не муфель, ты дятел, а потому все мозги стрясны. В балке Шербатов со своими уже сидит.

Затрепали кусты. На полянку выпала разношерстная команда старателей. Коршун насчитал семерых.

- Чё притухли, — зло рявкнул невысокий кражистый мужик с новым ружьем.

«Сопатый, — удивленно узнал говорящего беглец, — тебе то во мне какой интерес?» Представил себе его плосколобое, безбровое лицо, не выражающее ничего, кроме беснества и алчности.

- Чё орали, чё первыми пойдете, чё вам полтинник на двоих за нервенство? продолжал орать Сопатый, надыгаясь на сермягу. — Обделались?

- Ничё не обделались, — проленстал Гошик.

- А ты чё ползасяшь, ползунику собираешь, может вам для скорости по жакану в ж...у вогнать?

- Не очень-то кабенся, — Витёк, сидя на мху, уже целился из двустолки в Сопатого, — жакан можно и в морду схлопотать. Мы тебе не шестерки, а свободные старатели. Ори на своих.

- А чё встали? — поутих Сопатый.

- Шнурки развязались. Шас завяжем и дальше пойдем. Мы чё одни в погоне?

- Ладно, замяли, уберу ствол. Не одни вы. Тицикон с Комсомольского обходит с болота, в балке Щербатов, мы на север.

- Мы с вами? - попросился Гошик.

- Еще чё? Вы вперёд, по прямой... и чтоб шнурки не развязывались...

- Не пугай, пуганые...

Снова захрустели, под удаляющимися шагами ветки.

«Ай, Сонатый, не хотел, да удружил», - усмехнулся про себя Коршун.

Выждал время, вылез из выворота.

- Хотел бы я знать, почему за мной мужики трёх поселков тайгу месят?

Плюнул вслед погоне и отправился в дальнее зимовье, разговаривая сам с собой: «Думаешь отсидеться в зимовье? Если старатели попили стеной, значит, есть причина. А пока она не устранена, за тобой будут охотиться. Да и в зимовье не на Луне, и там уже, скорее всего, засада».

Резко остановился, потрогал вмятину на лбу, закрытую вылинялой банданой.

- Ладно, посмотрим, что не так, - пробормотал он и шагнул вслед охотникам.

Теперь его позиция была менее выгодной, ветер тянул в сторону преследователей, а большая часть из них родилась и выросла в этом таёжном захолустье.

Между кустов мелькнули синий камуфляж и телогрейка. Они не двигались.

- Чё ты со своими шнурками? - недовольно тянул Гошик. Опоздаем...

Высокий поднял голову и посмотрел на своего собутыльника.

- Ты в человека когда-нибудь стрелял? - Не-а.

- Вот и я «не-а»! А в Сталкера когда-нибудь играл?

- И пас играю. Нормальная игра. Ложу за вечер прохожу. Не отмычка какая.

- Отмычки — это мы с тобой сейчас. Дешёвые отмычки.

- Чёйт отмычки? Говори ладом.

Камуфляж распрямился.

- Соображай, почему Сонатый нас по прямой послал, а сам в обход пошёл?

- Мы лучшие охотники...

- Дебилы мы тупые... Выходим на Коршуна, он нас за версту учует, двумя выставками уложит.

- Чёйт двумя? Он чё такой крутой?

- А ты думалку включи. Сонатый говорил, что Коршун ползоны вырезал и ушёл в тайгу. А нам парит, что ничего не помнит из той жизни. Отмороженный он. Ждёт, когда его на Большой Земле забудут. Он ещё не знает, что его списали.

- И чё?

- Через плечо! Он нас уложит, а Сонатый его. Так что денег ни ты, ни я не получим! Только Сонатый! Если нам повезёт, пристрелит Коршуна, не факт, что живыми выйдем из тайги. Сонатый не любит делиться.

Наступило молчание. Тянуло табачным дымом. Гошик вдруг забежал по прогалин-

ке, подпрыгивая и колотя ногами по стволам деревьев. Между ударами густо сыпались отборные старательские маты.

Пинки и маты стали ослабевать, видно Гошик выпустил пары и начал немного успокаиваться.

- Что ты занервничал? Всё хорошо, - злобно протянул Витёк. — Всё хорошо!

- Чё хорошего-то?

- Хорошо, что мы с тобой поняли Сонатого раньше, чем из нас дырявое решето получится. Пусть он с отморозками ловит этого пернатого. А мы с тобой на хауз!

- Чё Сонатому скажем? Он нас законаст.

- Скажем, заблудились, если он ещё к тому времени живым будет. Тут недалеко зимовье Коршуна, вот в нём и перебудем.

Старатели резво двинулись вверх по склону, и Коршун едва успел схорониться.

Проводив взглядом сермяг, Коршун глянул вверх, хотел увидеть небо, тучи, жизнь. Высоко, высоко раскинулись мощные ветви тасжного великана. На них точечками видны наливающиеся шишки — хлеб кедровников. Именно они привлекают к себе зверьё. Есть орех, есть жизнь. Что-то промелькнуло в памяти... Этакое мгновение, когда вскинулась картинка из прошлой жизни, потянула за собой напечатленное запаха из глубин океана забвения.

Промелькнуло и растворилось в шуме ветвей кедра, в удаляющемся хрусте сухих веток.

Разом заняли уже побелевшие со временем шрамы на груди, снова вспыхнул огонь в голове. Пожар охватил мысли: «Какая зона? Кого я там повыврезал? Почему Росич ничего об этом не говорил...»

Заскрежетал зубами, прижал лоб к смолянистой коре... Как паршиво ничего не помнить! Не знать, как тебя зовут, за что мог лишиться жизни множество людей?

Из глаз вывалилась сухая слеза. Горло законопатил колющий ком. Стало невыносимо дышать. «А-г-ха», - выдал он воздух из легких, открыл глаза и замер... Прямо перед лицом торчала рыжая беличья головка. Ушки с кисточками торчком, и каждую перетинку видно.

Растерянно Коршун отпрянул от кедра, искал белку, но её и след простыл. На бандане остались кусочки коры, смолы, а в душе рыжее ощущение красоты.

«Не мог быть убийцей в той жизни, - подумал он, - иначе Росич со мной не вошёл бы столько времени». Отхлебнул из фляжки, чтобы немного успокоиться. «Итак, что мы имеем? Тот, кто списал Коршуна, знает и его прошлую жизнь. Надо найти этого мистера Икс».

Огонь в голове начал постепенно угасать. Отхлебнул ещё, почувствовал, как в тело возвращается жизнь. Вернулась упругость мышц, размеренно застучало сердце.

«Найти мистера Икс! Сонатый знает,

но не скажет... Ладно будем решать проблему по мере их проявления».

Пошёл по следам тех троих, что с Комсомольского участка. След в след, прислушиваясь и оглядываясь, чтобы не пропустить лихого человека. Откуда было знать, что в голове у Сонатого. Если он решил подстраховаться и оставил охотников в тылу, тогда оборону надо держать круговую. «Чтобы салдо сходилось с бульдо», - вдруг выскочила откуда-то мысль.

Похоже, что мысль была его, потому что проскочила на автомате, но он её не знал в этой части жизни.

Между деревьев впереди замелькали спины старателей. Карабины за спиной. Шагают, как бабы по воду идут. Вообще-то сейчас медведь сытый, если только медведица с медвежатами встретится...

Ветер относит слова, и только обрывки фраз разобрать. Подобрался к ним почти вплотную.

- Митрич, - бурчал механик с Комсомольского, - как-то погано выходит. Коршун нам ничё плохого не делал, а мы за им как за патуном. Не по-людски.

Короткие ноги механика всё время цеплялись за корни, плети хмеля, сучья. Он падал и матерился.

- А по-людски вырезать столько-то людей. Оне хучь и за проловокой, а всё ж люди.

- Сомнение меня берет, - приостановился, закуривая, тучный старатель с двустволкой, - Зона не игрушка, там кругом выпки, собаки... Сильно пожиком не размахасься.

Хлопавый, жилистый Митрич остановился и тоже прикурил.

- Да и не похож он на убийцу, - не успокаивался механик.

- Пасечник тоже не был похож, а чего натворил?

Митрич укоризненно посмотрел на механика.

- В аффекте чё не натворишь. Оне с кумом трое суток пиво пробовали. Вот ему Афган и почутился. Он жа контуженный принёс с войны, вот ему дУхи и увиделись А, кода припел в себя, волком выл. Успей к им участковый добратся, так живым бы остался Пасечник-то.

- Жалко мужика. Не доглядели.

- Медвежьем в себя жажнул... - покругил головой Митрич.

- Чё и говорю, - коротышка перевел дух, - Коршун не пьянющий, не контуженный, да и наколок на ём нету.

- Ник Ник, ты то откуда это знаешь?

Спал с им что ли? — рассмеялся Митрич.

- Нет, это ему Марфа солдатка разбрехала.

- О, о, о! — махнул на них рукой Ник Ник. - Заржали два дурня. Правильной я ориентации и с мужиками не силю, вот токо по тайге пляжусь, не знамо зачем. А у Марфы, как у партизана ничё не выпыташь.

- Наверно тебе сорока на хвосте припесла, - подначил старатель.

- По весне в прошлом году я с зимовья шёл, а он в Чарушкином ручье мылся. Поздоровались, поговорили. Вот наколок я на ём не видел. Зато вся грудь в решето, как есть, и на лбу отместина.

- Стреляный что ли?

- Сильно стреляный. Как токо живой...

- Не судьба была, значит, помереть, - задумчиво проговорил Митрич и погладил заросший шрам от медвежьих когтей.

- Аха! — подпрыгнул механик. Значить там не судьба! А мы, значить, Господи Боги, чтобы судьбу решать?

Мужики некоторое время курили, время от времени оглядываясь, скорее по привычке, чем по необходимости.

Механик поднял вверх голову и задумчиво спросил толи небо, толи спугников:

- Мож, наперво поспрашать Коршуна про зону-та.

- Ага, Сонатый так тебе и даст поговорить, — обречённо махнул рукой Митрич. — Ему новый хозяин миллион американок посулил.

- Я бы наперво поговорил, - вздохнул Ник Ник, - чёбы потом совесть не грызла.

- Так в чём дело? - неспешно выпел из-за дерева Коршун. — Давайте поговорим. Разговоры лучше стрельбы.

Разрядил карабин.

У Митрича сигарета повисла на губе. Старатель от удивления поперхнулся и принялся икать. Только Ник Ник радостно развел руками.

- Чё я говорил? Был бы убийца, мы бы уже мордой в мох не дышали.

- Так по крайней мере мне Росич рассказывал. Когда очнулся, то не мог ни говорить, ни ходить. В голове звон стоял. Вижу человека рядом, но не понимаю этого. Росич с ложечки кормил, учил ходить и говорить. Из всего прошлого помню только запонку на рукаве, и черное дуло пистолета.

- Да-а-а! История! — поднимаясь в валёжины, проговорил Митрич. — Ты на нас сердца не держи. Бес попутал.

- Аха, тайга мы не асальтированная, - хлопнул по коленям механик. — Верим всем проходимцам и хапугам. Нам денежкой помани, мы и сами убийцами станем.

- Да помолчи ты, Ник Ник, - пригнул голову старатель, - и так тошно, и погано. Ты, мил человек, карабин то заряди. А то нас тут не заасфальтированных много по тайге шастает. Что, Митрич, попили в расналок к Щербатову. Хватит патунов по тайге гонять.

Пожимая руку Коршуну, спросил:

- Ты-то сейчас куда? Может с нами? Все-таки не один.

- С Сонатым хочу поговорить. Надо мне знать, где и кому я дорогу перешёл, что за меня такие деньги обещали.

Сказы Ведической Руси

Обращение к истокам русского народа, поиск там, во тьме веков и в свете негаснущей истины, ответов на вопрос «Кто я есть?», привёл меня в теме истории славянства. Всегда было любопытно, почему древний Египет в своей истории насчитывает не один десяток тысячелетий до нашей эры — Шумеры, Вавилон, Древний Рим...

Почему же историю Руси считают от Рождества Христова? Где и как наши глубокие предки жили до той норы?

«Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьёт урочный час, он соберёт свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им, временно, прямую историческую дорогу».

Василий Ключевский.

О царе Перуне, славном богатыре Илье и скверном разбойнике Соловье

Эта история случилась-приключилась в такие старые времена, что про них и песен не осталось, только сирий ветер в ночи под окном их мне сказывал.

Сказывал, как пахал небесный Царь Перун напеленку на облаке, готовился сеять белоаярую пшеницу. Но зорьке звёздных коней своих вынасывал.

Жил в те лета заклятый враг русичей — тощий Царь Гермонарих. И были у Гермонариха сыновья, а меньшой сын Соловей был чистого разбойник. Выйдет из замка отповского, свистнет в какую сто-

рону, — там горы сдвигаются, стены рушатся. Забоялся Гермонарих, что Соловей замок царский порушит, сказывает:

— Восвал я прошлым лето русичей, добычи много взял, людинек много пригнал. Совсем победил, да только они с полянами и древянами дружбу завели, напустились все на нас. Или, сын мой, в землю русичей, будь там царём!

Отправился Соловей в землю русичей, восвать не стал, а на дубе Перуна, что стоит на дороге прямоезжей в столыный Киев-град, гнездо сделал. Кого на дороге увидит, того свистом странным остановит и на дуб далекий забросит, а добро себе в гнездо затащит. Из путников и дух вон. Не жалост он ни девицу красную,

ни калику перехожего, не страшится ни богатыря, ни дружинника.

Слезет с дуба, да пойдёт по земле, встретится ему посад, так с одного свиста Соловей избы по брёвнышку раскатает, посадских на части порвёт и разбросает.

Снова на дуб взлезет и, зная себе, пошвыстывает. Чёрная слава по земле русичей пошла про дорогу прямоезжую, белыми костями усыпанную, про Соловья-разбойника. Стали копытные и пешие ту дорогу стороной обходить, по болотам новую торить. Через глушь и топи в Киевград идут, Соловья клычат, а побороться с ним — страх берёт. На развилке камень сторожевой поставили, про Соловья на нём сказывали.

Уж совсем затравела, зачернела дорога прямоезжая. Ни зверь там не прорысывал, ни птица не пролетывала.

Доволен Соловей, что войска не приволил, а русичей победил.

На ту пору Царь Перун с нахотой угравился, поставил сошку дубовую супить, сел отдохнуть от трудов. Илянул для порядка на земь: всё ли там ладно, всё ли добро и нет ли какого лиха?

Видит, идёт по дороге слепец с мальчиком-поводырем, и спрашивает старца: — Что слышно, в сё ли в мире добро?

— Тут добро, Царь Перун, — отвечает старец, — и у тебя всё добро, а там, на дороге прямоезжей, худо.

Что же там худого?

— Сидит на твоём дубе, на дороге прямоезжей, что ведёт в стольный Киевград, страшный разбойник Соловей. Никто не ведает, откуда он взялся, только он свистом страшным, посвистом чёрным коня с ног валит, избы по брёвнышку раскатывает, путников насмерть расшибает.

Илянул Перун в сторону Киевскую, осерчал:

— Неужто на земле русичей богатыри перевелись, некому с разбойником Соловём пиваться, Царь Перун, — качает головой старец, — кости богатырей по дороге киевской разбросаны.

— Неужто больше богатырей не родила земля наша?

— Как не родила? — сказывает старец. — Живёт в Муромской стороне в селе Карачарово Илья, сын Иванов. Только он тридцать три года как обезножил.

— Пошто обезножил?

— Родился таким. Сам во благе, а ноги плетями висят.

Подумал Перун, да и молвит:

— Пойдём, выручать землю русичей.

— Как я пойду, Царь Перун, если Соловей-разбойник мои глаза выбил, хожу по земле с поводырем?

Провёл рукой Царь Перун по незрячим глазам старца и велит:

— Открой глаза!

Поднял веки старец, понял, что снова видит мир, как прежде, поклонился низенько небесному Царю:

— Пойдём, Царь Перун!

— Веди меня в землю Муромскую!

Надел Перун одежду волхвов, взял в руки черёмуховый посох, спустился на земь, и отправились они искать Илью сына Иванова.

Долго ли, коротко шли, пришли в село Карачарово. Смотрят, стоит изба Илья, старик отец корчует лес под панню. Измаялся старик, а помочь некому. Илья на печи лежит, зубами скрежещет.

Входят Перун со старцем в избу и просят Илью выпить.

— Прости, добрый человек, немочь меня ододела. Отец старый панню корчует, я помочь не могу.

— А ты спустись с печи, — молвит ему Перун.

Послушался Илья, ползком сполз с печи, на лавку заполз. Зачерпнул в ковши воды, подаёт волхвам и плачет.

— Негоже богатырю слёзы лить, как

левица глупая, — хмурится Перун, — вылей-ка, Илья, этой водицы.

Илянул Илья, и тут его огонь небесный прошиб, в каждую ногу воткнулся, в каждую руку. Чует Илья боль великую в погах, руках и в голове, но не застонал, не вскрикнул. Только поглубже вздохнул, да пальцами полпелел.

Возрадовался Илья, на ноги поднялся, в ноги волхвам кланяется.

Спасибо, добрые люди, на ноги поставили, пойду отцу подмогну, вот радость ему.

— Не торопись, Илья, — остановил его Перун, — глотни-ка ещё водицы. Что ты теперь чувствуешь?

— Могу земь перевернуть, могу избу на небеси поднять.

— Это будет лишним! Пусть земь висит, где висела, а изба стоит, где стояла. Будет тебе другая работа, Илья, землю русичей от врагов защищать, да для потомков хранить!

Поглядел Перун богатыря по плечу, поубавил у него силунки и молвит:

— Вода родниковая тебе силу дала, быть тебе её защитником. Сидит на прямоезжей дороге в стольный Киевград разбойный сын Гермонариха Соловей. Посвистом разбойничьим разбивает насмерть всех прохожих и проезжих. Нет с ним славы, заколодил всю дорогу прямоезжую. Справился ли с ним?

— Поклон земной за помощь и науку, — отвечал Илья, — будь по-вашему, волхвы, пойду воевать Соловья-разбойника, по долгеж помогу корчевать панню отцу-батюшке.

Вышел Илья к отцу, повыдергал все деревья на панне с корнем, да побросал их в топи. Поклонился отцу и матери в ноги и отправился в путь неблизкий.

Сколько прошёл, а видит — на дороге стоят те волхвы. Один под уздцы держит коня богатырского, второй — доспехи богатырские и меч-кладенец.

Взвился конь богатырский под самые облака и понёс Илью к стольному граду Киеву, Соловья-разбойника воевать.

Добрый богатырь, — сказал ему во след Перун, — не о славе своей будешь печаль, а о благе и мире для русичей!

Почему славяне покинули Борею

У бога родился Сын и назвали его Род. Отправился Род жить к людям. Жили люди в богатой земле Борею. Панни пахали, коров доили, у Великого Рода правилам да законам учились. Строили люди дома из камня крепкого, чтобы стояли веки-вечные. Силы бореицы были неслышанной, могли горы передвигать, скалы переносить.

Это было тогда, когда ещё времени не было. Было утро, был день, был вечер, была ночь, а времени не было.

Солнце встанет — землю согреет, тучу приведёт — панню польёт. Благодать!

Стал Род мудрости людей учить, в делах помогать, добро начинать.

Всё бы хорошо, но стала на Земь надвигаться огненная Млга. У неё две головы, два лика. Куда первый лик глянет — там всё огнем пылает. А другое холодом могильным вест, замораживает. Напустила Млга на Борею холод Вселенский. Замерзли ручьи, толстым льдом реки и озёра покрываться стали. Рожь и пшевица выглянули из земли, да и поникли головами, чуть задел их ветер, они и рассыпались, как стёклышки.

Стали люди печи топить, да тёплые пубы пить. Сердится Млга. Пуще прежнего хмурится. Стал лёд нарастать, да на Борею наступать. Вот уж к крайним термам подступил, вот уже и их захватил. Хозяева к соседям перебрались. Только шибче хмурится Млга.

Ударил Род в Ладонки и выскел искру

могучую, и родился из этой искры сын Великого Рода Сварог, и опустил он свой молот на камень Алатырь. Посыпались искры, из них родились боги Сварожичи. Стал Сварог в кузне огонь разводить, да людям многие нужные вещи делать. А сварожичи в делах помогать. Только Млга совсем осерчала, надвигает горы льда высотой до неба.

Говорит Род сыну своему Сварогу:

— Собирай людей, уходите от льда, а я поднимусь к отцу-батюшке на небо, пойду воевать Млгу. Иначе она род людской погубит, Земь заморозит.

Горькими слезами залились люди, собрали детей малых, погрузили на телеги скарб и отправились в путь-дорогу, подальше от Млги. Едут всё дальше, дорогу к дому камнями стелют, горами метят, где большой камень поставят на три маленьких, где валуны друг на дружку возвеличат.

Идут с ними их боги Сварожичи, помогают от диких зверей отбиться, огонь развести, дорогу метить. Сварог вдоль дороги борсею ставил такие большие камни, что горы завилонили.

Уходят бореицы всё дальше от дома, а лёд за ними надвигается. Леса губит, реки замораживает Млга.

Тут по небу треск пошёл да ломь. Огненные стрелы в лёд полетели. Затронулись бореицы, ехать быстрее стали. Уже дорогу метить перестали.

В это время на небе Великий Род бился с Млгой. Только он поднимет меч, чтобы срубить ледяную голову, та поворачивается огнём, раскалится меч Родов, повиснет весенней травой.

Изловчился Род, ударил Млгу по огненной голове, да та успела ухмыльнуться.

Сколько столетий прошло — никто не считал, только остановил Род Млгу на одном месте, не даёт ей догонять бореицев. Встали ледяные горы на одном месте и тоже не движутся.

Шли бореицы по диковинным местам. Шли они там, где земля покрыта красными песками. Шли и там, где диковинные звери бегали по зелёным горам, сладкоголосые птицы пели песни.

Остановил их Сварог в тёплом благодатном краю, где люди добрые, звери высотой с небольшую гору, а вместо носа у них длинная рука. Деревья высокие, травы обильные, реки широкие.

Сварог слово молвит:

— Славные люди, бореицы, пришла пора покинуть вас. Живите по нашим законам, что я вам дал, любите друг друга, почитайте родителей, учите добру детей. Живите в мире с другими людьми. Помогайте всем в трудную минуту, как боги вам помогали. Мы с Млгой и нашими детьми поднимемся на небо, чтобы помочь Роду справиться с огненной Млгой.

— Скажи, Сварог, сможем ли мы вернуться в Борею или навечно останемся в чужом краю?

Так спрашивали Сварога бореицы.

Расправил плечи Сварог, забросил тяжёлый молот на плечо и ответ держит:

— Славные бореицы, всё зависит от вас. Будете верны своей земле, не одолеет вас лёд и зависеть — то и путь домой отыщите. А мы помогать будем. Только и вы должны помнить о нас и помогать верой своей.

Выбрали боги самую высокую гору, что была на Земле, стали подниматься по ней. А когда под горой проливалось облако, ступили на небо и поспешили на выручку Великому Роду.

Испугалась Млга, бросилась бежать, в болоте спряталась, среди трясины не найдётся. Не стали её искать боги, своими делами занялись. Тихо сидит Млга, боится Рода и его детей, только изредка выползает из своего болота, то огонь напустит на Земь, то холодом займётся.

А боги жизнь налаживать стали, каждый своим делом занялся. Но чтобы они ни

делали, а одним глазком за бореицами приглядывали — всё-таки родные люди.

Да и бореицы не сидели без дела: принялись дома строить, панню разводить, коров пасти. Местные жители полюбили трудолюбивых и добрых пришельцев. Стали называть их славными, потом славянами. Много поколений сменилось, только помнили люди наказ богов, берегли свои обычаи, учили местных жителей разным ремеслам, рассказывали о богах. Помнили потомки и о далёкой Родине, о завете пращуров — вернуться в покинутый край. Знали, что найти дорогу в страну Борею можно по особым меткам: дороге, которую предки выложили камнями.

А тем временем на земле ледяные горы стали понемногу таять и отступать.

Засобирались люди в дальний путь.

— Останьтесь, славяне, просили их местные жители, много мудрости вы нам принесли, от врагов защищали. У нас всегда много еды, пальмы зелёны, животные поджуплины в бесчисленности бегут, поля дают по три урожая. Зачем ехать туда, где бывает холодно?

Богата наша земля, — держали ответ славяне, — только наша земля пращурами завещана. Велик народ на своей земле, а на чужой он потеряется.

И отправились славяне искать путь к Родине.

Киеву врагов не надо

Всё благодатно на земле русичей. Тихо в лесах, богато в реках, сытно в посадах и городах.

Хазары попрятались под кочками, воевать русичей бояться. Киевград сам кого хонь завоевал. Поглядел Перун на земь и радостно догадал свою огненную борю.

Тут время подошло жать небесную пшевицу, да и рожь поспевает. Запряг Перун своего коня и отправился на паненку. Ставит снопы, а между порохом колосось слышит, как повгородцы киевлян ругают по чём зря. Вот и киевские князья уж забрались мечами и топорами на повгородцев. Спорят, какому граду надлежит быть выше и важнее?

Осерчал Перун на людские неразумные, обрушил на них всю воду небесную. Вышли реки из берегов, ручьи реками стали, болота расплозились во все стороны.

Видит Перун, что поуспокоился народ, кто имущество спасает, кому самому спастись надо.

Понёс Перун к Верховному Богу. Спрашивает его:

— Какому граду стать выше: Киеву или Новгороду?

Сдвинул брови Верховный Бог и отвечает:

— Есть малый посад на холмах, вот ему и быть верховным.

— Что за град такой?

— Нет у него пока имени, но будет великим это имя.

— Значит, его ещё нет, этого города?

— Не торопись Перун, его время ещё не пришло.

— Что же сейчас Киеву с Новгородом воевать верх?

Взял Верховный Бог дуб за макушку, посадил его меж грёх дорог и сказывает:

— Пока этот дуб стоит, будет стоять и земля русичей. С чьей стороны листья на нём опадут, тот город и главный.

Прознали про те слова Верховного Бога люди киевские, пробираются к дубу ночью и обирают листья с веток. До того дуб со своей стороны ободрали, что он и двух веков не простоял — засох.

К этому времени поднялся на семи холмах новый град — Москва, он и стал главным. А Перун, глядя на дуб засохший, качал головой и сказывал: «Киеву никакого врага не надо, он сам себя воевать будет из-за гордыни и жадности великой».

г. Новокузнецк.

Александр Кремнёв

Родился 4 апреля 1941 года. После окончания школы поступил в техникум, продолжил образование в Кемеровском пединституте на заочном отделении, после его окончания Александр Максимович преподавал в школе, в Горном техникуме города Осинники. Затем перешёл на шахту «Алардинская», где работал в лаве, горным мастером на участке вентиляции. В дальнейшем – работа на шахте «Капитальная».

С 1958 года А.М. Кремнёв начал активно участвовать в литературной группе Осинников, являлся членом поэтического клуба «Кедр». Творчество А.М. Кремнёва представлено в двух выпусках сборника «Давайте познакомимся...», изданных Центральной городской библиотекой Осинников.

Его стихи регулярно печатались в осинниковской газете «Время и жизнь». Александр Максимович выступал в теле и радиопередачах. В городской газете «За уголь» его стихотворения публиковались подборками, занимавшими целые газетные полосы. В 2011 году он выпустил сборник стихов «Цветы запоздалые». В 2014 году стал победителем областного конкурса. Принимал участие во многих поэтических и бардовских фестивалях. Писал тексты для песен.

Ушёл из жизни 20 сентября 2017 года.

День Шахтёра

Солнышко идёт в зенит,
Колыхнулась нива.
Серебро пласта звенит
Тёмного разлива.
Небо ласково глядит
Синей глубиной.
Птица в сльнике поёт
Летнюю порою.
Набирает ковш стальной,
Полные корыта.
Вышел уголь молодой
На забой открытый.
Будто бы угробный срок
Отсидел он в нине.
Прозвенел вдали звонок –
В путь зовёт мальчишек.
Свежий уголь вприз потёк
Золотою рыбкой.
Наградил он горняка
Сказочной улыбкой.
Вдоль тропы грибы – опята,
Дружно выросли ребята:
Машут в касках мужики.
С Днём Шахтёра горняки!

Полевой штрэк

Штрэк разинул пасть сечения,
В яркий свет ударил тьмой,
Окатил меня волнением
На дорожке холмовой.

В полумраке, будто в сказке,
Суетятся горнячки.
Мельтешат огнями каски,
Как в полёте светлячки.

На путях лежит отпалка,
Пыль породная бьёт в нос.
В горло, как сухая палка,
Нагло лезет силикоз.
Свои лёгкие спасаем –
Респиратор надеваем,
Лёгкий, белый, что цветок,
Респиратор-ленесток.

Лязг цепей, железа скрежет,
В робком сердце – страх невинный,
Будто дьявол чёрта режет
У погрузочной машины.
Впечатлений – изобилье.
С касок свет несём в руке,
Пересыпанные пылью,
Словно мельники в муке.

Вспоминаю дни былые:
Как гордился я собой –
Я, пацан, в тот день впервые
Увидал живой забой.

Христос воскрес

Колокольца в ручье играют.
Канель со звоном ниспадает.
Петляя лентой по полям,
Тропа спешит в Зелёный Храм,

Творенье Бога и Небес,
В Сибирский рай – таёжный лес.
Душа парит в стране чудес,
Душа поёт:
– Христос воскрес!

Врата открыли две берёзки,
Простые серые серёжки
На тонких ниточках свисают,
С лукавым ветерком играют.
Качаются на ветках почки,
В них деточки растут – листочки.
Стволы в венчальном платье белом,
Им сладкий сон наполнил тело,
Напористо внутри играет,
Росой по бересте сверкает...
Весна, зазор и интерес –
Приветствуют:
– Христос воскрес!

Стоит ограда вдоль долины,
В ограде – стройные осины.
Их коньевидные вершины
Извечной горечью полны
И в синь небес устремлены,
Готовые вступить в сражение –
Коньё дрожит от напряжения...
Трёхкратное кладу знаменье,
Смирить, унять в душе волнение...
Раскрыл объятия внешний лес:
– Входите в Храм!
Христос воскрес!

Взялась весна за дело смело...
Наказ вербе в гирлянде белой:
– Ты не левина при капризе,
Священник в белоснежной ризе.
Тебе – поклонны принимать,
Тебе и службу начинать.
Стволы свои склонили кроны,
Водой святою окроплены.
Готов принять причастие лес,
Ждём таинство:
– Христос воскрес!

Я обновлённую луной
Вновь созерцаю край родной.
Люблю создателя наследство,
Дивлюсь на мир, знакомый с детства.
Ликует изумлённый взор:
Какая ширь, какой простор!
Какие яркие картины!
Под солнцем изогнули спины
Холмов волнистые вершины.
Каймою тёмной хвойный лес
Окантовал подол небес,
И катит эхо с горных мест
Приветствие:
– Христос воскрес!

Ты близок сердцу, дорог нам,
Создателя Зелёный Храм!
Здесь мир земной благоухает,
Природа дышит и вздыхает.
Белёсые раздув бока,
Пасутся в небе облака.
Блаженствуя в бездонной ниве,
Их ветерок пасёт ленивый.

Тепло, идущее с небес,
Коснулось плёк:
Христос воскрес!

Моя Сибирь – Святая Русь,
Ты наша радость, боль и грусть...
Лик солнца, в небе раскалинный,
Живой мне видится иконой.
А пихты у бурлящей речки
Прямые, стройные как свечки...
Платье побережья – их терраса –
Горят лучи иконостаса.
Парит душа в стране чудес,
Поёт душа:
– Христос воскрес!

Тепло снег рыхлый растворяет,
Весны ресницы поднимает,
Слеза с проталинки стекает,
И зелень очи очищает...
Встал Хлебный Дух с подталых мест,
Ладонью тронул зыбь небес
И повторил:
– Христос воскрес!

Несёт апрель по тропке белой
Наш хлеб святой – Христово Тело.
Тропа согнулась в коленце,
Дымится хлеб на полотенце,
Кудрит под облаком и тает...
У рунника концы свисают.
Под купола уносит пар
Тайги чарующий нектар.
Вдыхает запах грудь небес.
Всё ожило:
Христос воскрес!

Парит земля, благоухает,
И праздник Пасхи наступает.
В девичество цветы вступают,
Головками в венцах качают.
Над ними с чувством такта меры
Подруг прекрасных кавалеры:
Шмели мохнатые жужжат,
Неспешно мотыльки кружат,
Над разноцветием порхают,
Пыльцу на рыльце собирают...
Полезные труды их лес
Благословил:
– Христос воскрес!

Я очарован, я в волнение,
Я вижу явь – воображение:
В выси бездонных куполов
Под перезвон колоколов
Народ ликует, и окрест
Хор славит Православный крест.
Рука в порывистом движении
Творит трёхкратное знаменье...
И вторят ангелы с небес:
– Свершилось Чудо из чудес!
Христос воскрес!
Христос воскрес!
Христос воскрес!
Всем отвечает гулкий лес:
– Христос воистину воскрес!
Лукавый, от души отхлынь!
Молитва кончилась, аминь.

День рождения города

Посёлок был – Осиповка
Тогдашний Тагдала,
Из зори в звездном инее
Торбоков увидал.

Марал его старается,
Бодается с луной.
По телу разливается
Серебряный покой.

Одело небо платице,
Танцует налегке.
А годы жизни катятся
По Кондоме-реке.

Пришел рассвет тревожный
И сумерки порвал.
И твой марал таёжный
Взбегал на пьедестал.

Стоит, не чуя холода.
С поднятой головой,
Как гордый символ города
Над трассой городской.

Я с детства чту Осинники
Вес корни мои тут!
Здесь внуки мои выросли.
Здесь правнучки растут!
И новый стих рождается.
Я снова молодой.
Восторг ручьём вливается
В наш праздник городской.

Город тайги

Застыло солнце в изумленье.
Притихла Кондома – река.
И млечный путь без сожаленья
Слегка прикрыли облака.

Маяк звезды мигает,
Спят летние цветы,
На ветках трель качает
Дыханье темноты.

Край неба озаряется,
Включил зарю рассвет.
Луч солнца в пляс пускается –
Осинникам привет.

Дома в тайгу шагают
В звенящей тишине,
А Кондома снимает
Туманные кашне.
Тайга не любит изменений,
Живут в традициях века.
Олени встали на колени
И воду пьют из родника.

На зарево далёкое
Усталый клин летит,
Тайга – любовь Торбокова
Под крыльями шумит.

г. Осинники.

Владимир ДЕГТЯРЁВ

Такая малость мне нужна

Далёких брежневских времён.
- Почему сосед Панкратов
Ругает часто депутатов?
А как выпьет, крост матом
Коммунистов, демократов?
Мол, не за тем прошёл войну,
Чтоб линей видеть Родину:
«Лучше б в братской могиле сгнить,
Чем такой позор пережить!»
- Поздно, Дима, спать пора,
На работу нам с утра.
А когда ты подрастёшь,
Всё осмыслишь и поймёшь».

Сегодня День рождения у дочери,
Которой рядом с нами нет.
Её мы на погост, минуя очередь,
Свезли, скорбя, где прадеды и дед.
Я в Радунину к ней иду несennie.
На кладбище ведь люди не спешат.
Да, дочь моя была уже невестой,
Но не дождался я внучат...
А дома мать почти уже седая
И слёзы выплакала все
С того трагического мая,
Когда сгорела ты во сне.
И снова на подходе май,
И соловьи в наш сад вернутся.
А Оля там, где жизни край.
И ей вовеки не проснуться...

Я не знаю названия вальса,
Но мелодию помню всю жизнь,
А периметр старого зала —
Мой первый волшебный круиз.
Я видел дворцовые залы,
В них жар балов ещё не остыл,
Где Пушкин счастливо усталый
В вальсе с Натальей кружил.
Ожили б застывшие звуки,
И гости заполнили б зал,
А я бы в роли прислуги
Посмотрел на блистательный бал:
Фраки, кресты, эполеты,
Запахи тонких духов,
А у парадных шальные корнеты
В ожидание молоденьких вдов.
От Москвы до сибирских окраин
Вальс свою прелесть донёс,
И пусть танцевал прежде барин,
Ныне школьник до вальсов дорос.

Кома

Вернулась дупна из странствий
Во времени и пространстве —
Двукрылой.
Без неё я был пуст, как дупло,
В котором темно и сыро.
С какой ты вернулась
планеты или Писяд?
Долгим было звёздное странствие,
Но я рад.
Рад возвращенью
В оболочку рождения,
Плоть мою.
Был на краю я пронасти
И ждал из звёздной далёкости,
Из тусклых Писяд
Твой ободряющий взгляд.
И вот мы вдвоём, как прежде,
Сбылись наши с тобой надежды,
И мы уже не калески,
Как совесть века.
И вот я дома, не в больничной палате,
Все друзья и родные рады,
И коль я пишу строки эти,
Значит, жив на этом свете.

Устал телефон от звонков: «Помоги!»
И мчится на вызов служба «03».
В мороз и в метель, и в осеннюю слизь
Едет бригада спасать чью-то жизнь.
Плачут старушки, мужчины и дети —
Одни от бессилья, другие от боли.
Спешат им на помощь в скорой карете
В белых халатах смертные боги.
Едут целители наших недугов
Спасать матерей, бабушек, внуков
За полночь, вечером, утром и днём
Со словами: «Не бойтесь, мы вас спасём!»
Но часто бывает, что нечем помочь,
И от горя чернее становится ночь:
«Извините, лекарство от ваших недугов
В аптеку придёт через несколько суток.
И это, поймите, не наша вина
Не производит его страна.
Фармацевтика наша хромает,
Импорт всё замещает».
Когда ж, наконец,
Этому придёт конец,
И в аптеках будет всё родное
И не слишком дорогое?
Реально это или нет —
Увидим через пару лет.

Такая малость мне нужна,
Всего-то!
Не с валютой монна,
А работа.
И, чтоб герой войны прошедшей,
Весь в сиянии орденов,
Не казался сумасшедшим,
Прося у власти новый кров.
И порядок маломальский
В искалеченной стране,
И чтобы снова в праздник майский
Вино искрилось на столе.
Чтоб не падали в обморок дети
В школе у классных дверей,
И чтобы человечки эти
Не стыдились отчизны своей.
Какая малость мне нужна,
Какая малость!
Чтоб слово странное «нужда»
Лишь в словарях осталось.

Я выбыл из жизни на несколько лет
И календарь прошлого листаю,
Хочу найти туда билет,
Но где купить его, не знаю.
Деньги заплачу любые,
Чтоб окунуться в прошлое опять,
Но уходят поезда пустые
Туда, где былое можно отыскать.

Больно, очень больно
Жить в тени у прошлых лет,
И я сказал себе: довольно
Искать того, чего в природе нет.
Не живи уныло,
Не ищи, что было,
Не гадай, что будет,
Береги, что есть —
Подсказал мне мудрый тесть.

Плыву в лодчонке старой
По Кондоме-реке,
Веслом гребу устало
По водной целине.
Вон за церквотом
Косари гурьбой
Кто с песнею, кто с матом —
Валют травостой.
Кулики со свистом

Летят из-под косы,
Роняя сверху искры
Тусклеей росою.
А я плыву несennie из дома и домой,
Туман, как призрак снежный
Трогая рукой.

Заночую под небом июльским
При свете лимонной Луны.
Словно в период Юрский
Выйду из чёрной дыры.
Было тогда всё иначе,
Моложе была и Луна,
А я был гранитом незрячим,
Не видел все эти дуги.
И то, что появится позже —
Дача, машина, семья,
Себя, но намного моложе,
Чем в сегоднешний день бытия.

Исповедь бывшего сектанта

Главный офис наш не близко
Он в далёком Сан-Франциско,
И наша секта Иегова
В народ несёт не божье слово:
Мы отработываем то,
Сколько нам заплачено,
И щедрый спонсор, не скупясь,
Подрывает церкви власть.
Доверчивых много на свете людей,
Ещё больше у секты разных сетей,
У риэлторов и в банках делят улов,
И в этой системе был я не лох.
Секта наша Иегова
Просто дойная корова,
И таких умельцев много,
Кто пенит деньги, а не Бога.
В своей бывшей ипостаси
Я сидел всегда на кассе,
Машина, дача, золотишко
Это просто мелочишка.
Уеду я из этих мест,
Иначе секта меня съест.
Пропишусь в другой «обители»
Где-нибудь под Питером.

Какая осень! Грязь и слякоть,
Дожди со снегом пополам.
Пропну, не наю, друг мой, плакать,
Весна вернётся снова к нам.
Вернётся с первым громом в мас,
С прилётом галок и грачей.
Сейчас же, осень провожая,
Не забывай, мой друг, о ней.
Тепло будет и цветенье
Ромашек милых так тебе,
И погода будет воскресеньем,
А понедельник только в ноябре.

Перифраз

На недельку, до второго
Я уеду на Бельково,
На попутке иль маршрутке,
Где резвятся, словно утки
Под сменки и прибавтки
Не один десяток лет
Таптагольский контингент.
К стыду, плавать не умею,
Забреду поближе к мели,
Чтоб меня спасти сумели,
Если вдруг меня толкнёт
Хулиган в водоворот.
От весны до ледостава
Отдыхающих немало,
А я тонул уже не раз,
Но дежурил, к счастью, водолаз.
На Бельково за неделю
От загара посинею.
На турецком берегу
Отдохнуть так не смогу.

Я — Пушкин,
Я там, где стреляют пушки,
И на театральной сцене
В Париже, Лондоне, Вене.
Кюхельбекер сидит рядом,
Встрече этой мы очень рады.
Вспоминаем учёбу в лицее,
Смеемся, и нам веселее.
О Дантесе пока ни слова,
На уме у меня Гончарова.
Скоро в церкви нас обвенчают,
Я влюблён и души в ней не чаю.
Позже ты будешь Ланская,
Я это, Наталья, знаю.
Я — Пушкин. Лежу на диване.
Кровоточит смертельная рана.
Чувствую, что умираю,
Кто заменит меня, не знаю,
На поприще этом
И будет достойным поэтом?
А я — есть и буду.
Россия меня не забудет.
Я — Пушкин!..

Приди, взгляни, явись, приснись
Хоть б на миг, хоть на минуту!
Ведь мы с тобою заждались
От жизни этой малой ссуды.
Нам не хватало солнца летом
И красок ярких сентября.
Всегда ходила рядом где-то
Разлука без поводыря.
Мы расставались, вновь встречались,
Но разрывался снова круг:
Мы как на саночках катались,
Лишь снега не было вокруг.
Живу, наполненный тобою,
Любовью светлой, словно утро,
Как будто внешне водою,
С которой совладать мне трудно.
Впрямь настоящей, будто роды,
Но лишь без крика и потуг,
Без той поддельной позолоты,
Что вмиг стирается от рук.
Вот и карета наша рядом,
Пропну тебя — скорей явись,
Чтобы обжечь счастливым взглядом!
А без тебя пустое — жизнь.

- Папа, почему вы с мамой
На работу ходите задаром?
Правда, что когда-то
Получали вовремя зарплату?
Дядя кемеровского Стаса
Говорит: аж по два раза
В месяц, а не в год!
Папа, он не врёт?
Почему сейчас не платят?
Деньги кончились в казне?
Ну, скажи, ответь мне, батя!
Иль бумаги нет в стране?
- Бумага, слава Богу, есть,
Газ и уголь, сталь и шерсть.
Только всё богатство, Дима,
Уплывает мимо, мимо...
- Пап, зачем нам холодильник
Тот, который отключён?
- Это прошлого светильник —

Галина Груенко (Пьянкова)

Родилась 5 августа 1942 года в селе Сентелек Чарышского района Алтайского края. Окончила Новосибирский государственный педагогический институт. 40 лет отдала детям России, вырастила сына, дочь и двух приёмных мальчиков. Ныне пенсионерка живет в селе Овсянниково Целинного района Алтайского края.

«О чём помню и пою, для меня стало сказкой. Может, в краю моего детства и лес такой же, и воздух, и цветы те же, и закаты похожи, и люди ничем не отличаются... А мне всё кажется, что там всё лучше, красивее, ароматнее. Особенной болью мне в сердце вонзилось село, где я когда-то родилась и жила. Село Аба в Горном Алтае на речке бурной с тем же названием. У самой горы стоял маленький наш домик: топчан, соломенный тюфяк, печь голландка, самодельный столик — так жили мы с мамой.

И кричит моё сердце, и зовёт душа меня в тот чудный, неповторимый мир детства, где сделан был воздуха первый глоток.»

Тебя к добру я поведу

Мать моя Варвара Ивановна (в девичестве Травникова) замуж вышла не по любви. Молодому учителю посоветовали работящую серьёзную девушку, и стала она Пьянковой. Но коротка была её замужняя жизнь — быстро овдовела. Не суждено мне было пошепаться на отцовских руках, не пестовал он меня, да и маме было некогда — такая была жизнь. Тогда все дети росли сами по себе, как цветы в поле. Взрослые работали — страну надо было поднимать. А остались почти одни бабы. Вот и трудились они за себя, за отца, за мужа, за сына, особенно в страду.

Как-то раз я была у мамы на покосе далеко за деревней. Там работницы жили неделями: был дом большой, крестовый, баня, пасека рядом, заливные луга, речка — красота, одним словом. В бане мама напарит, вырываясь, и в речку — бултых! Огнём обжигает, а взрослые смеются. И заразительнее всех всегда смеялась моя мама.

Но однажды мы с Колькой (его мама тоже была на покосе) так насмешили людей! Решили мы пойти на пасеку, посмотреть и медком полакомиться. Ох, и полакомились! Сразу «поправились» на несколько кило..., вернулись с распухшими физиономиями.

Село наше было небольшое. Помню, в селе был завод: масло делали, сыр. А на железной заводской крыше всегда сушился казсин. Ох, и сладкий же он был!

А ещё помню, была кошарня на другом берегу Абы и большое стадо овец. Утром и вечером чабан прогонял их мимо нашего дома на пастбище и обратно. В стаде был баран — предводитель настоящий, всегда впереди шествовал. А мы с Колькой на крышу заберёмся и дразним его. Он подбежит к дому, фырчит, а достать нас не может, а мы и рады... Только много позже я поняла, какой же он был умница, не зря — вожак.

В Абу впадала речушка. На месте впадения была широкая протока. Мы там всегда ловили гальянчиков. В центре торчал огромный валун, всегда в солнечный день тёплый-тёплый. Однажды пошли мы на протоку порыбачить своим стадом. День чудесный, солнышко, как по заказу. Смотрим, на противоположном берегу Абы пасётся стадо овец. Ема, так звали вожака стада, нас заметил и поплыл через речку за нами. Мы видим, дело худо — не убежать. Тогда, как птички, взлетели на огромный валун и прижались друг к другу. А Ема подошёл к берегу протоки, посердился-посердился на нас, грозно фыркнул и пошел к своему стаду. Наплевать, мол, мне на вас, мелюзга! Но мы поняли, что он нас поугал и предупредил, чтобы не дразнили его больше.

При заводе была конферма, и была там лошадка негая, звали её Серко. Бро-

дила она сама по себе, однако домой всегда приходила. Но вот однажды мы её не дождались. Облюбовала она самое высокое место на горе: толи смотреть на нас любила с этой кручи, толи вольный ветер ей по душе пришёлся, толи жить надоело или, как говорят, несчастный случай. Сорвалась лошадка с горы...

А горы в Чарышском районе крутые, скалы кругом. Оттого и сидят они занозой в душе моей — высоченные, красивые, особенно весной, когда разбрызгивают синь незабудки, готовы взорваться пионы зарей, запылают пожаром огоньки по логам. У реки аромат — не надышишься. Красота — что полотно великих! Природа — ингалятор, и не надо в аптеку ходить, целебное разнотравье, букеты духов! Я люблю эту землю, эту жизнь на земле и завидую только лишь птицам... На соседней горе — маралонитомник, он и сейчас, по-моему, там. Любили мы лазить по этим горам, смотреть на красавцев-маралов — гордых, быстрых.

Цвети, земля, живите люди!
Какого ж надо вам рожна?
Сажайте, радуйтесь, любите,
Отдайте дань земле сполна!
Пусть песни радости, любви
Наполнят землю ярким светом.
Живи, цветы, земля родная,
Зимой холодной, жарким летом!
Вражде и войнам места нет —
Поймите это, люди,
Ведь в мире нет других планет,
Где так прекрасно будет!

Вспоминая детство, я вспоминаю маму. Маленькая, шустрая, она всегда быстро-быстро ходила по длинной нашей улице, которая тянулась вдоль реки. Только косы её развевались на ветру, а я бежала ей навстречу. Повисну, бывало, на её натруженных руках и радуюсь, что я не одна. Жили тогда мы с ней вдвоём в домике, который мама сама и строила. Мне было лет пять, я держалась за ручку пилы — «помогала» маме.

Помню, как мама мастерила печь. Сделала деревянную коробку в углу дома, насыпала в неё глину и долго её уплотняла деревянным молотком, каждый раз подсыпая глину. Потом положила три мешка с землёй и плотно забила их глиной. А когда мешки развязала и выгребла из них землю, то получилась печь без трубы. Пока глина была сырая, мама вырезала дырку для трубы и выложила уже из кирпича трубу, затопила печь — тепло стало в доме. Все она делала сама, я не помню, чтобы кто-нибудь ей помогал.

Но помню, как зимой у нас на постой останавливались цыгане. Раскидывали свои перины на полу — всем хватало места. А летом они ставили палатки на берегу реки, жили по вечерам костры и пели красивые песни. Мы с ребятами приходили в табор послушать песни и поиг-

рать с цыганами.

Из всех праздников я хорошо помню Пасху и Новый год. На Новый год в клубе всегда бывал карнавал. Какие чудесные костюмы готовили взрослые и как веселились! А к Пасхе мама всегда покупала мне новое платье и ботиночки. Я брала крашеное яйцо и бежала к ребятинкам качаться на качелях. Уже появлялись проталинки, и мы рады были поиграть в «классики».

Игр у нас было много на природе. Однажды, когда лёд уже начал подтаивать на реке, нашу льдину оторвало от берега и понесло. Хорошо, взрослые вовремя увидели и выловили нас. Я тогда сильно простудилась и заболела. Большие весной к реке мы не лезли.

Весной начинались огородные работы. Помню, мама привела Серка, и мы с ней стали пахать огород. Посадила меня на лошадку, а сама — за плуг. Всё было бы хорошо, если бы лошадь не споткнулась. Я ведь не знала, что она ослепла на один глаз. Мы врезались в черпозём, и я перелетела через лошадиную голову. В тот год у нас вырос хороший урожай.

К нам в гости приехала мамина сестра Рая с сыном Валерой. Не помню, как долго они у нас гостили. Но хорошо помню, как мы стали всё продавать. И уже уложили чемоданы, когда пришло письмо от Раинового мужа, где он сообщал, что женился, и ей там уже места нет. Я поняла, что поехать к месту жительства Раи мы уже не можем. Тогда с обоюдного согласия мы поехали к другой сестре — Лене, которая жила в Чистопольском крае в Татарии. Там мы что-то долго пересажали с места на место: толи из-за переселов, толи из-за болезни мамы.

Было тяжёлое лето — маму положили в больницу. Мне досталась трудная работа: прополка и окучивание картофеля, заготовка кизяков на отопление зимой. А было мне лет десять — одиннадцать. Вряд ли кто сейчас знает, что это за кизяк и как его делать. А это ужасно трудно. Надо навоз хорошо ногами утоптать, потом эту массу забить в станок, отнести на лужайку и выбить там. А когда кирпичики высохнут, их надо уложить определённым образом в скирду, чтобы их дождь не намочил. Когда я по осени пришла к маме в больницу, она ужаснулась — такая я была жёлтая. Она меня отпоила чаем и накормила больничной похлебкой.

Хорошо помню, как мы встретили известие о смерти Сталина. Я училась в четвёртом классе русско-татарской школы. Учительница вошла в класс с заплаканными глазами. Мы удивлённо смотрели на неё: такого никогда не было. Сквозь слёзы она сообщила о произошедшем. И тут по динамику заиграли траурную мелодию, и по радио подтвердили сообщение учителя. Все заплакали, как о род-

ном и близком человеке, уплещем от нас.

Вся моя сознательная жизнь прошла в Новосибирской области в Северном районе, в самом далёком от городской цивилизации селе Биаза. Урман (тайга), болота, одним словом, Васюгань, куда ссылали неблагонадежных. Здесь, в Баргуле, отбывал ссылку сказочник Павел Бажов. Из ссыльных я ещё успела захватить директора школы Короткова (имени, отчества не помню). Именно ссыльные принесли в этот край культуру. Он так далеко, что в мои годы туда, как в песне, «только самолётом можно долететь».

Родина

Я родилась в горах Алтая,
Душою к ним и приросла.
Не привлекли к себе меня
Ни горы Грузии, ни Кольские края.
Наши горы крылья расправляют,
Душа торопится в полёт.
Кто разлучен с родным был краем,
Тот обязательно поймёт.
Что тот же камень, но теплее,
Пусть те же воды, но светлее.
Земля пушистей, плодородней,
Красивей люди, благородней
Их закалила целина.
Живет здесь целый мир — страна!
Земля Алтая плодovitа,
Гостеприимна и щедро...

Ностальгия

Мне часто снятся эти горы,
Небес бездонных высь,
Прозрачных рек шальные воды,
Над ними скалы вознеслись,
Как тридцать три богатыря,
Красу природную храня.
Зовёт, зовёт меня туда
Душа неутомимая моя.
Хочу увидеть эти горы —
Родные, милые края.
Хочу испить алтайский воздух —
Медовый терпкий аромат,
Увидеть слёзы горных речек,
Услышать вольный их набат.
Коснуться нежно вол рукою,
Чтоб сердце замерло в груди.
И горстку с чистою водою
К губам горячим поднести.
И поцелуй пропитит мгновенно,
В груди остудит жар.
Но затаится где-то ценный
Огонь любви, как божий дар.
Чтоб помнить реки в перекатах
И эти горы в синеве,
Всегда гремящие набатом,
Что покорили сердце мне.
Чтоб этот воздух неостужено
Меня преследовал в тоске.
И сердцу было все доступно
В моей любимой стороне.

Лилия Клапатун

Лилия Григорьевна Клапатун (Маслова) – поэт во втором поколении. В её сборниках затронуты темы, волнующие людей, живущих на просторах нашей великой России. Восхищение родным городом, его уголками, удивительными людьми, работающими в обновлённом Прокопьевске, отражается в стихах о малой Родине.

Часть произведений посвящена знаменательным датам, важным событиям. Большая часть стихов с трепетом и любовью написана о родной природе, не устающей поражать своей красотой в любое время года. В сборниках есть и стихи, навеянные чтением Библии, есть и философские – о смысле нашей жизни, о возможностях человека. Есть рассуждения о поэтах, поэзии, примеры различных строф. Не забыта и тема любви, всеобъемлющая, облагораживающая человека. Много строчек посвящено школе, молодому поколению. Есть в сборниках стихи и для самых маленьких.

Родник поэзии сквозь толщу лет пробиться смог лишь в 21-м веке.

И жизнь преобразилась, спору нет: природа всё меняет в человеке

Однажды в летнюю ночь

Паучки и монстр

Я хочу вам поведать странную и страшную историю, которая произошла со мной и моим старшим братом Паулом.

Да, я не представился: меня зовут Чока, я – маленький паучок, школьник, хожу в третий класс. Мне очень нравится учиться, а ещё я посещаю кружок плетения. Мама говорит, что это пригодится в жизни, но я больше люблю стенолазание. Я однажды, ещё во втором классе, победил на соревнованиях, и меня наградили «Золотой мухой». Вся родня очень гордилась мной.

Но вернёмся к событию, о котором я хочу вам рассказать.

Сладкий сон растаял, когда брат, толкнув меня в бок лапой, сказал: «Пойдешь со мной в Мухопарк? Будет интересно». Я с радостью согласился.

Об этом месте я слышал с раннего детства и мечтал туда попасть. Быстро почистившись и сделав зарядку для лапок, я был готов.

Мы побежали, уверенные в своей безопасности, беспечно подталкивая друг друга, перегоняя, я даже подпрыгивал, пытаясь дотянуться и хлопнуть по спине лапой брата, а он в несколько раз крупнее меня, так как занимался спортом и учился в старшем классе.

Мы забыли об опасности, но вдруг впереди, когда я громко пел песню, я почувствовал движение чего-то очень большого. Оно пыхтело, издавая громкие звуки, и вдруг стало увеличиваться в размерах. Мы с Паулом, затаив дыхание, замерли в ужасе, не понимая, что можно ожидать от этого громадного монстра.

А чудовище, посопев, выпустило струю сильного ветра. Словно ураган он покалтил нас, как шарики по скользкому линолеуму.

Зацепиться было не за что. Я даже замурился и ничего не видел вокруг, пока ветер не прижал меня к плинтусу. Там было безопасно, но я бросился искать брата и снова, выбежав из укрытия, громко кричал: «Паул, Паул!». Ветер продолжал наступать на меня волнами, исходя из чудовища, но не приносил большого вреда, поэтому я побежал туда, где слышался голос брата, зовущего меня. Его убежище было просторнее. Из него можно было наблюдать за монстром.

Перестав создавать ветер, чудовище успокоилось и, уменьшившись в три раза, замерло, лишь изредка громыхая какими-то белыми листами, поглядывая в нашу сторону. Мы шёпотом переговаривались, лапки от напряжения дрожали и не слушались нас. Выждав время, брат, оглядываясь, попытался разведать обстановку, но монстр был начеку и опять загнал нас в спасительный угол. Стали оглядываться, исследуя каждый миллиметр

нашего убежища. В одном укромном местечке мы нашли лаз. Освобождая его, мы постоянно следили за чудовищем, работая по очереди. Наконец-то путь был свободен. Никогда раньше я так не торопился домой. Никогда наше гнездо не казалось таким уютным, безопасным, а брюшко мамы – таким теплым. Как хорошо дома!

Брат тоже был рад, что мы спаслись, и с уважением рассказывал потом, как я храбро себя вёл в этой экстремальной ситуации. А я понял, что жизнь в любой момент может устроить тебе проверку, и надо быть готовым помочь тому, кто рядом. Спасая другого, спасешь себя.

История с паучками

За окном ночь, но мне не спится. Луна с улыбкой во все круглое личико заглядывает в комнату и своими лучами растворяет неокрепший сон, память услужливо пролистывает события прошедшего дня... Чтобы остановить этот поток, встаю, беру спасительный сборник кроссвордов «Судоку» и отвлекаю разгоряченный мозг, заставляя его работать.

Уютно устроившись на маленьком стульчике около двери в коридор, накинув мягкий плед на плечи, я погружаюсь в особое состояние, в котором мой мозг, как паучок, плетет свои сети. Цифры мелькают, одерживая победу за победой, время бежит незаметно...

Из этого блаженства меня вывело какое-то движение в коридоре. Подняв взгляд, я увидела, что ко мне вприпрыжку приближаются паук и паучок. Паук был сосредоточен и двигался целенаправленно в мою сторону, а паучок был бесшабашен: подпрыгивал, налетал на старшего, получив оплеуху, отлетал в сторону, но снова настырно мешал движению, пытаясь старшего вовлечь в свою игру. Но тот, отмахиваясь боковыми лапками, настырно двигался в мою сторону.

Я замерла. В звенящей ночной тишине я даже услышала их смех и разговоры. Я испытывала интерес и ужас перед этой веселой парочкой. Обижать я их не хотела, но они неумолимо приближались ко мне. Я резко подула в их сторону, но это их не остановило. Я продолжала разгонять их по разным углам, сдувая их, как пылинки. Наконец-то удалось. Я снова отвлеклась на «Судоку».

Минут через семь маленький паучок снова бежал ко мне, я замерла опять, боясь пошевелиться, но в это время из щели под дверью появились лапки старшего, и в мгновение ока малыш исчез под дверью. Больше они не появлялись: поняли, что здесь опасно сегодня. Я обрадовалась, что мы не стали врагами, удивилась, что и в паучьем мире старшие помогают

и спасают младших. Интересно, что же они подумали обо мне? Утром я увидела в углу, где стоял мой стульчик, небольшую паутину, в которой, распахнув крылья, застыл болынуций комар. Спасибо моим заботливым паучкам: спасли от кровососа.

Вновь каникулы

Вновь каникулы... Ура!
С другом встретиться пора!
Нипочём мороз детишкам,
На каникулах все книжки,
Отдыхают от забот...
С другом мы набили рот,
Улетая все подарки,
Вспоминаем праздник яркий.

В руки — санки... и гора
Нами вновь покорена.
Мчат ледянки, кувырок,
Я — в сугробе. Стукоток
За моей спиной звучит.
Это друг Володька мчит.
Я кричу ему: «Держись!»
И опять взбираюсь ввысь.
Свист в ушах, стучит ледок...
«И-и-лём завтра на каток?»
«Хорошо-о-о!» — кричат друзья,
А потом нас ждёт лыжня!
Вновь каникулы... Ура-а-а!
Ледяная ждёт гора-а-а!»

После каникул

Каникулы закончились, и снова
Иду я в школу, торопясь...
Струится лёгкий снег,
почти что невесомый,
На небе облака образовали вязь...

Вот класс родной, заветное местечко,
Оно, как дом родной, уютно здесь,
И батарея греет, словно печка...
Пока дошёл, продрог я весь.

Каникулы закончились. Открытий
Нас ждёт в учебниках
и книгах — череда.
Я много знаю, что-то подзабыто...
В разгаре мои школьные года!

Конец ноября

За окном зима себя рисует
В синих красках. Тюбик ноября
Весь иссяк. И душу мне волнует
Ранняя ноябрьская заря...

Тёмно-синий купол надо мною,
Чуть замесен блеск далеких звезд.
О неведомом, таинственном тоскую
Я в преддверье новогодних грез...

Синевой пронизан мир вечерний,
Наизнанку вывернув весь свод,
Опустились звезды из Вселенной,
С фонарями водят хоровод...

Зимний парк

Полосатая дорожка...
Все присыпано снежком...
Солнце, рыжее, как кошка,
На ветвях висит клубком.

И мурчит, мурчит чуть слышно...
Это снег скрипит тогда,
Когда снежный коврик пышный
Мнёт безжалостно нога.

След оставив на дорожке,
Полосатой от теней,
Голубям в кормушку крошки
Сыпь скорее, птиц жалей!

Звезда-камень

Звезду-камень, камень-звёздочку
Подарила мне река.
Кем она когда-то создана,
Ведь ждала меня века?

На ладонь её я бережно
Положу, она — тепла...
Как понять, что в ней содержится,
Несподвластное пока?

Что за тайны в ней скрываются,
Что рисунки говорят,
Чья душа в том камне мается,
Чей ловлю оттуда взгляд?

Шоколадной этой мордочке
Расскажу я о себе,
Пятилучиковой звёздочке,
Что подарком стала мне.

Томь-река щедро красотою...
Берегу твои дары:
Поясок, подвеску, вот они...
Ждали долго той поры.

Чтобы стать моим сокровищем,
Тайны всех чудес открыть,
Сердце чтоб не стало ноющим,
Чтобы крепла жизни нить.

Звезду-камень, камень-звёздочку
Подарила мне река.
Кем она когда-то создана?
Ведь ждала меня вска!

Летний парк

Короткое в Сибири лето,
Нам не привычен жар небес.
Июнь, жара, свои секреты
Откроет парк — страна чудес...

Смолистым ароматом щедро
Одаривает нас июнь.
Родился он в сосновых недрах,
Сплели лучи-коклюшки туюль...

И этим нежным покрывалом
Спасает парк нас от жары,
Ведь чудо, наконец, настало.
Так ждали летней мы поры!

Дмитрий Семёнов

Загадочный парк

Бизнесмена Ивана Рахматджановича в последние полгода очень интересовал одинокий холм на северо-востоке города. Пролетая над ним на своем пентакоптере, он всегда удивлялся тому, что навигатор отмечал это место как «парковая зона», но ни одной посадочной площадки или остановки общественного транспорта там не было, что было странным для общественного места. Сверху загадочный парк был скрыт параллелями солнечных преобразователей энергии среди лесных насаждений, причём никаких стросний, похожих на развлекательные аттракционы, свойственных для парков, совершенно не наблюдалось!

Иван собирался лично отправиться на инспекцию «подозрительного» места, но так как ближайшая посадочная зона была в трёх километрах от центра парка, пришлось бы подниматься пешком в гору, что весьма упитанному мужчине совершенно не нравилось.

Ещё Ивана интересовало, как это место связано с одним весьма колоритным персонажем, которого он встретил около года назад на общественных слушаниях в городском совете. В то время Иван пытался получить подряд от городского совета на утилизацию снесённых старых домов. Его новой фирме «ЭкоАрт» работа была нужна, как воздух! Самое современное оборудование не должно было простаивать, и муниципальный тендер решил бы все проблемы. Тем паче 2148 год был объявлен годом Экологии, а принять участие в конкурсе на рекультивацию бывших угольных разрезов в «висячие сады» он опоздал. Опоздания были проклятием Ивана, за свои сорок два года он оказывался в аутсайдерах чаще, чем в лидерах. Он даже оформил брак только в восемнадцать лет. А фирму свою открыл в прошлом году, и то потому, что брат жены на него напал. Шурин был представителем Африканской компании по производству экосистем Терра-формирования и, само собой, стал навязывать свои услуги Ивану. Тому удалось отнекиваться целых четыре месяца, пока он не сдался под напором аргументов супруги, что она хочет быть женой директора, а не простого специалиста.

Но это всё отступление, а тогда Иван, как обычно, опаздывая, пытаясь бежать по коридорам мэрии, спешил на уже начавшееся обсуждение проекта сноса трёх кварталов стросний XX-XXI веков. Зазевавшись, он впечатался во внезапно возникшую у него перед носом нескладную высокую фигуру странных очертаний. Столкновение людей на самом деле событие не столь редкое, чем падение пентакоптера или столкновение грузовых гравиплатформ, но примечательное тем, что до этого случая вживлённая компьютерная нейросистема Ивана никогда не подвела, она всегда услужливо информировала обо всех препятствиях и даже просцировала информацию об имени встречного и его статусе прямо на сечатку глаза. Но тогда единственной информацией о препятствии после столкновения с неизвестным было: «Объект 248622». И всё! Ни возраста, ни пола, ни статуса! Только «Объект!» Странный человек хоть и выглядел киборгом, но явно не относился к неодушевленным сущностям. Представьте себе высокого — выше двух метров, атлетически сложенного андроида с живым человеческим лицом и, мало того, с бороною!

«Это ж сколько ему лет?», — невольно возникла мысль у Ивана. Уже на момент его рождения вся растительность, кроме бровей и скальпа, купировалась генетическим путём, и вырастить её можно было только искусственно! Пышность бороды встречного говорила, что это либо это очень богатый человек,

либо он родился больше века назад и не попал под программу контроля генома. Загадочный персонаж проворчал нечто вроде: «Очередной самоубийца! Смотри под ноги!». И стремительно пропешествовал на выход. Вышел незнакомец, кетати, из того самого зала совещаний, в который Иван так спешил.

Уже в зале Иван не вытерпел и скинул фото неизвестного с вопросительными знаками своему шуруину, который уже давно сидел в зале. Тот ответил молниеносно: «О!!! Этот местный дикарь, древний, как дерьмо птеродактиля, устроил тут только что форменный разгром проспекту! Заявил, что снос этих нещёр середины 21 века — очередное преступление против истории! Его он нам «не простит как происшедший снос каких-то девятиэтажек времен Ельцина!» Кто такой Ельцин? Он был мэром нашего города 200 лет назад?»

Иван быстро нашёл упоминания сразу о четырнадцати Ельциных в сети. Один из них даже оказался президентом страны под названием Российская Федерация. Между прочим, как это неудивительно, первым президентом. Но в нашем городе он не жил, правда, бывал... Ивану как-то казалось, что в те времена была монархия... О чём и сообщил родственничку. В ответ тот поехлиничал, что история древних исчезнувших государств ему неинтересна, а интересен объём переработки неорганических фракций по тендеру. Потом они увлеклись обсуждением проекта, который, к вящей радости, не отменили, и с него им много чего хорошего перепало. Работы хватало как раз на год.

И вот теперь Иван прицелился на этот «фальшивый парк». Всё выглядело вполне логичным, высвобожденные и переработанные блоки стройматериалов грели руки, а от снесённых кварталов до холма буквально подать рукой! Стандартные проспекты парковой инфраструктуры обещали поглотить практически всё и буквально, направлялись на реализацию, тем более, Иван предложил очень смелые цены и обещал самые сжатые сроки. Но неожиданно из мэрии пришёл ответ, обескураживший Ивана. Ему пояснили, что данная местность бесспорно закрыта от любого строительства и порекомендовали вначале обсудить всё с собственником парка.

«В нашем скромном городе, оказывается, есть собственник нескольких десятков гектаров! Мир полон открытий!», — подумал Иван, но открытия этим не закончились. Собственником оказался именно тот загадочный бородачатый персонаж! То, что с ним нельзя связаться по нейросети, было ещё одной новостью, а то, что о данном парке практически нет никакой удобоваримой информации, кроме регистрационных номеров, вызвало подозрения: не является ли парк прикрытием для чего-то опасного, военного и жутко секретного.

Для того чтобы просто устроить сеанс видеосвязи с бородачом, Ивану пришлось тащиться в информаторий Центральной городской библиотеки, только там оказалась работающая, устаревшая ещё до рождения Ивана, система связи G17. Абонентов у этой системы оказалось аж двенадцать. Из них частных лиц только трое. В том числе бородач, он же — «Объект 248622». Как вы думаете, какой был номер для связи? Именно 248622! Впрочем, база данных этого реликта технологий связи порождала Ивана анкетными данными абонента, вполне себе человеческими. Ярослав Александрович Пирятинский. Вот так, оказывается, зовут этого реликта. Имя старомодное, эпохи славянского мракобесия. После процессов 2086 года никого уже не так не называют. Террористическая груп-

пировка «Ярославичи» notable всем запомнилась.

«Почему он имя не сменил? Загадка! Может, он из этих? Ёрр!!! Но обаяться придётся», — подумал Иван и набрал номер. Ответа нет. Через несколько минут повторил. Снова нет ответа! Для нейросети такое немыслимо. Придёт сообщение, что абонент не может говорить. А тут эти «удки», да ещё со старомодными мотивами. Кей-пол, кажется. Жена Ивана была специалистом по музыке. Иван нахватился от неё разных культурных словечек. Например: «Рэп». Как такое могли раньше слушать? Но размышления Ивана прервал скрипучий голос.

— Что Вам нужно? Кто Вам дал мой номер? — на Ивана уставился давешний бородачатый мужчина.

— Здравствуйте, Яр.. Яро... слав... Александрович! — еле выговорил жуткое имя Иван, и тут же продолжил, — извините меня, но у меня есть вопрос по парковой зоне, собственником которой вы числитесь! Наша фирма может предложить вам...

— Что? Фирма? Значит, не по ритуальным вопросам? — перебил его Пирятинский. — Я ничего не покупаю, и мои гости тоже! Оставьте свои товары, тем, кому они нужны! Я же сделал везде пометки, что не нуждаюсь в рекламе? Кто вам меня «сдал»?

— Мэрия — пролепетал Иван. — Вы не понимаете! Я могу сделать ваш парк современным! — поспешил он пояснить, глядя на возникшую брезгливую гримасу на лице мужчины.

— Нет! Это вы не понимаете! — сокрущённо покачал головой Ярослав Александрович. — Думаю, по телефону мне трудно будет всё объяснить, да и не хочу я об этом говорить по связи. Если Вам нужно, можете прийти ко мне домой, в сторожку, через пару часов. Охранный периметр я вам открою. Но сразу предупреждаю, этот разговор может повредить вашему самочувствию и показаться неприемлемым. Весь риск вы берёте на себя. Я официально признан «страдающим социопатическими отклонениями» и очень «неотерапийный человек», за что отбывал принудительное лечение несколько раз. Так что подумайте, если решитесь прийти! Сами все увидите.

Связь прервалась.

Иван думал недолго, и почти сразу позвонил шуруину.

— Твой гравискутер въезжает в багажник пентакоптера? Да? Отлично! Я скоро буду! Готовь его к транспортировке!

Через полтора часа Иван уже поднимался на холм по древней, разбитой дороге, с редкими проплешинами асфальта. Скутер родственника оказался спортивной модели, и Иван замучился регулировать скорость, сказывалось отсутствие должной синхронизации его нейросети с настройками скутера. Поэтому с одной стороны, вероятно, потешно было смотреть, как Иван, чертыхаясь, рывками, дергано скользил вверх, судорожно вцепившись в руль. Хозяин встретил Ивана возле небольшого приземистого здания, выглядевшего, скорее, как гараж, а не как офис. Он стоял возле пентакоптера стандартной девятой серии, с виду практически такого же, как у Ивана. Он улыбался своей механической улыбкой. Вы видели, как улыбаются механизмы? Нет? Выглядело это неестественно и даже зловеще.

— Однако! Вам следовало меня попросить сбросить вам пакет данных на посадку, не пришлось бы тащиться на этом мопеле! — сказал обладатель зловещего имени, которое, не следует громко произносить.

Иван догадался, что странным словом «мо-

пел» Ярослав назвал гравискутер, вероятно, у этого ископаемого гуманоида в запасе было ещё много словесек-анахронизмов.

— Спасибо! Но, однако, обмен пакетами с вашей нейросетью мне недоступен! Так бы, конечно...

— У меня и не было никогда этой вашей нейросети! Не получится никоим образом! Только через ИИ, у меня черепушка квазикристаллическая! Не поддерживает ваши стандарты!

— Квазикристаллическая? — поперхнулся Иван, он мало знал про эти эксперименты более чем вскоковой давности. Только то, что в то время все были помешаны на недопустимости машинного рабства, и технология переноса сознания личности в кристаллическую матрицу была так сделана, что какое-либо копирование и чтение с кристаллического мозга информации было полностью блокировано, это, кстати, делало невозможным функционирование стандартной нейросети.

— Ну да! Я один из тех десятка тысяч счастливицев, которые получили себе кристаллические извилины. В то время это считалось шагом в бессмертие. Но оказалось, что это тупиковый вариант. Вы поплыли другим путём. Теперь я киборг с правами личности, а не человек в современном понимании.

— Это много объясняет, — вежливо согласился Иван.

— Это всё объясняет! — Перебил его старик. — Объясняет степень разницы между нами. Чем вы можете заинтересовать консервную банку с керамическо-стеклянной головой? Можете быть со мной откровенным. Я ничему уже не удивляюсь. Забыл, как это делается. А я весьма старый отгрызок металлолома! Я, между прочим, родился в прошлом тысячелетии. В год первой Московской Олимпиады, в 1980 году.

— О! Вам сто шестьдесят восемь лет! — искренне поразился Иван. — Я никого старше 120 ни разу ещё не встречал! Мне, например, всего сорок три. Я моложе вас почти в четыре раза!

— Итак, вернёмся к нашим баранам! То есть, к делам. Что вы хотите предложить мне? — спросил Ярослав.

— Ваш объект нерационально использует ландшафт и площади! — воодушевлённо начал Иван. — Сами посмотрите! Все эти спиральные солнечные преобразователи очень устарели! Тем более, для парковой зоны. Есть более десятка стандартных проспектов рекреационных зон и ландшафтных парков, которые замечательно вписались бы сюда. Наш город развивается! Уже порядка сорока тысяч жителей! Посетители точно будут, надо только построить современные развлекательные сегменты!

— М-да... Всё намного запущеннее, чем я думал, — выдохнул Ярослав. Его фигура как бы скукожилась, показывая уже не страшного киборга, а усталое существо. — Пожалуй, мне придётся провести экскурсию по «моему парку», как вы выразились. Вот вы говорите, город развивается. А ведь на момент моего рождения в нём жило почти шестьсот

тысяч человек. Так развивается он или нет? Вот, как вы считаете, где эти все жители? Разъехались? Ну да, кто-то уехал, но большинство остались. Вот тут! Вы думаете, я хозяин десятка преобразователей солнечных излучений? Нет! Я хранитель истории города... или даже «похоронитель»! — Ярослав злое еще засмеялся.

А Иван испугался. Если вы вдруг услышали, как хохочет холодильник, вы бы испытали ту же реакцию. А Ярослав Александрович тем временем продолжил.

— Вот, ванна фирма, вроде как, сносила те дома внизу? И ничто в вас там не свербело? В том месте, где должна быть душа? Нет? А вы вот задумываетесь о смерти? Что? Некорректное слово сказал? Ну так я псих, мне можно. Вы сейчас, вроде как считается, её победили. Так вы думаете. А старый придурок, похожий на помесь железного дровосека и терминатора, считает, что вы её только отсрочили! Победить её невозможно! Это как остановить солнце! Вы просто её не замечаете! Вот тут, под моими ногами, покоятся почти полтора миллиона человек! Прах, пенел и памяти! Вот скажи Иван, ты был на похоронах? Кто из твоих родственников умер и был захоронен? Не помнишь такого? А это просто потому, что вы запретили эти обряды. Сколько тебе говоришь лет? Сорок три? Вот лет за двадцать до твоего рождения это и провернули. Только научились перезаписывать содержимое мозгов в новое клонированное тело. Вас лишили права на смерть. Каждый год вы проходите обследование и страхование, на эту...блин, реинкарнацию, ренессанс...как она там у вас сейчас обзывается?

— Resumptio — удивленно ответил Иван.

— Вот! Вот! И если тебя расклевуют со скоростью 200 миль в минуту об землю на твоём нештатном месте, где-то из банки выпадает твоего клона, впишут ему память с последнего «сохранения» и — оп-ля! Иван — версия 2.0, явился миру после обновления! Ура! У вас украли даже смерть! Мало того, у вас украли детство! Вот скажи Иван, когда ты получил паспорт и стал работать?

— Ну как все, в шесть лет, когда сдал тест на образовательный сертификат.

— Во-от! В 6 лет... Я, например, в шесть лет в носу ковырял и только в школу собирался! А вот вы — бройлеры! Вы только родились — вас в эмансипатор запакуют, и сразу на выходе уже подросток. Сразу, Иван! Сразу! И сразу же в этот кисельный ещё мозг переписывают стандартный набор знаний. Ещё пару лет там что-то с вами делают, чтоб директивно записанные знания утроялись. Ну, тебе это лучше знать, чем мне, и выдают родителям! Ты в питаньки писался? Попку тебе вытирали родители? А ты сам вытирал попку? Нет? А зачем возня? Если можно сразу шлепать готовых, уже практически трудоспособных особей?

В шесть лет — взрослая дылда метр восемьдесят, готовая к размножению без ограничений. Так кто после этого робот? Я или всё-таки вы? Что за личность получится, если она не переживает младенческую беспомощность и детство? Я вот наблюдаю и отмечаю, что последнюю сотню лет мало что помнялось, кроме, разве того, что вы уничтожаете все упоминания о прошлом. Только сносить и перекапывать! Я сам бы согласился многое закопать в своём прошлом, как закопал все свои ордена и медали, как закопал всех тех, с кем прошёл через четыре войны. Но вы закопали очень многое... Ну, например, у меня есть прапра-пра-правнуки, которые о моём существовании даже не подозревают! А что такого? Вы же можете каждое 10-летие обновлять поколение. Вот представь... Тебе сто шестьдесят лет, и каждые десять лет у тебя потомки, прикольно, да? Только вот не плодитесь вы как кролики, ибо такую программу вам не давали. Лишь единицы знают правду. Ты вот, представь, сколько мне пришлось дать взятку и преодолеть препон, прежде чем я за свой счёт перетащил кости всех покойников с четырёх

кладбищ, подвергшихся сносу, сюда? И три кладбища я не успел спасти. Почти каждый год ко мне приходят с предложениями переконать мою «Голгофу». Но я пока держусь. Самое интересное, повторно ко мне обычно не приходят... Заставляют себя забыть? Чего молчишь?

Иван молчал. Лавина информации была такой неожиданной. Кладбище... Что-то такое древнее, легендарное, наряду с первыми паровыми машинами и ветряными мельницами.

— А давай кое-что проверим! Хорошо, что у вас теперь генокод на лбах написан! Давай-ка сюда свой идентификатор личности!

Ярослав взял из рук Ивана пластинку, подошёл к своему квардокоптеру. Нажал пару кнопок — сверху выпала странная панель, вся в древних кнопках, да ещё и на проводе. Стекло обтекателя кабины превратилось в экран. А Ярослав колдовал с кнопками, вставил пластинку внутрь считывателя. И пояснил:

— Что, никогда не видел, как панель ручного управления открывается? Она на всех этих пентолетах есть. А управление, один в один, как Sony Playstation в моей юности. Сразу видно, что «наш человек» делал. А вы в мануале, поди, и не читали про эту функцию? Я-то всегда на ручном здесь сажусь. Ну вот... загрузилась моя база. Ну, что сказать, Иван, нашёл я могилку твоей пра-пра, сколько-то бабушки тут. Елена Ивановна Стрельническая, 1977 года рождения, погибла при аварии 2024 года... Эх, не дождала старушка чутка. Попили, чего встал? Помянем!

Мужчина на полном автомате шёл за стариком, тот скрипел стальными суставами и шипел пневматикой. Только теперь Иван разглядел, что среди стриженного газона в тени редких деревьев и зонтиков парабол солнечных батарей стоят разные кубики и столбики и надписи с именами. Сотни, тысячи имен. Больше всего их было на серой стене высотой в человеческий рост. Старик, прищурившись, поискал на ней что-то по одному ему понятным меткам и указал пальцем в тусклую медную табличку, залитую стеклом:

— Вот тут покоится твоя пра-пра-пра-бабушка. Помолитесь бы что-ль, хотя, о чем это я? Вы же...мы же... В 2086 году все религии запретили... Тогда хоть помяни... Вот тут у меня, на колумбарии, стих-эпитафия, выбит перевод с немецкого В. С. Лихачева, ещё начала 20-го века, воспроизвёл, как мог:

Иван глянул на пирамидальную Стелу возле стены и, с трудом разбирая витиеватый шрифт и спотыкаясь о не к месту наставленные древние старославянские «еры» и «яти», медленно, по слогам прочитал:

Хорь умершихъ

Умершихъ насъ больше, насъ больше вездѣ,
Чемъ всѣхъ васъ, на суше и всѣхъ на волѣ

Вспыхали мы ниву своими трудами,
Къ чему приложили мы руки свои,

А вашъ урожай — выходите съ серпами.
О томъ говорятъ вамъ живые ручьи.

И пламеннымъ пнемомъ, и нежной любовью
Вспоили мы ваши сердца вместе съ кровью.

И то, что мы въ законахъ Вселенной нашли,
То стало теперь достояньемъ земли.

За творчество наше, за краски и звуки,
Венчаютъ насъ дети, венчаютъ насъ внуки,

Ничто на землѣ не творится безъ насъ!
Почѣта! Почѣта! Насъ больше, чемъ васъ.

Через час Иван брёл домой, возвращаясь с «Голгофы»... На душе у него было разное... Например, мысль, что если в городе вдруг обнаружилось кладбище, то, может быть, где-нибудь сохранился и Храм?

Людмила Любовенкова

Сынок, я тебя прощаю

Сергей, зябко поёживаясь от осеннего ветра, прохаживался по перрону. До отправления поезда было ещё много времени, а сидеть в душном вагоне не хотелось. Его взгляд остановился на старушке, сидевшей на ступеньках у входа в вокзал. В её худенькой протянутой руке позвякивали несколько мелких монет. Молодой мужчина понял, почему пожилая женщина привлекла внимание: она была необыкновенно похожа на его любимую бабушку, боль от её утраты ещё была живучей.

Почувствовав пристальный взгляд прохожего, старушка зажала денюжку в кулачок. Морщинистая кожа, похожая на пергамент, натянулась на пальцах так, что стало видно тоненькие синенькие жилки.

Прижав кулачок к груди, женщина испуганно глянула на Сергея, она, видимо, подумала, что прохожий может отобрать копейки, с трудом собранные в этот промозглый день.

Сердце Сергея запыло от дикой боли, стало жаль несчастную старуху. Он подошёл поближе и сказал:

— Не разделяйте ли вы со мной обед в привокзальном кафе?

Лицо женщины выражало недоумение и страх:

— Обедаю я только вечером. Денег хватает лишь на ужин, — тихо прошептала она

— О деньгах не беспокойтесь, — протянул ей руку Сергей, — вы же сегодня ещё не купили?

— Нет, — еле слышно произнесла несчастная, из её глаз покатались слёзы.

...Старушка сла, не торопись, может быть для того, чтобы пролить удовольствие и побыть в тепле. С наслаждением, аккуратно пила сладкий чай.

Она не была похожа на других бомжей: потрёпанная одежда и ботинки были явно с чужого плеча и ноги, но чистыми. В глаза бросалась жуткая худоба, которую не могла скрыть и одежда. Большие глаза были так печальны, что Сергею захотелось помочь, обогреть и сделать всё для того, чтобы увидеть счастливую улыбку на измождённом лице.

— Как вас зовут? — спросил Сергей.

— Пелагея Ивановна.

Шёк женщины от еды и тепла подёрнулись прозрачным румянцем. Прикрыв глаза, она сидела, слегка откинувшись на спинку стула.

— Замуж-то я вышла рано, — вдруг тихо заговорила Пелагея Ивановна. — Он был старше меня. Построили просторный дом, хорошо жили. Через пять лет родился долгожданный сын.

Мы с мужем очень любили Андрюшеньку. Жили для него: покупали красивую одежду, игрушки и всевозможные вкусности, отказывали во всём себе.

Вскоре муж умер, и пришлось мне растить сына одной. Работала за двоих, только чтобы у Андрюшеньки было всё лучшее, не как у меня в детстве. Понимала, что балую, что растёт сын непутёвым, и всё из-за моей излишней опеки и любви.

Да и будучи на пенсии добывала средства для его существования. Днём мыла и убирала чужие квартиры. Приду домой, а там полно народу. Сын с друзьями и подружками веселятся. Я тихонько к себе в комнату проберусь, свернусь калачиком на кровати, чтобы не мешать молодёжи. Дальше стало хуже — на веселье денег не хватало, а работать сын не хотел. Дружки сына и он сам ночью врываются в мою комнату и требовали денег или продуктов. Если денег не было, так и до рукоприкладства доходило. От соседней я прятала свои синяки, какая мать захочет посадить

сына в тюрьму?

Я мечтала... мечтала о том, что сын одумается, женится, и мы проживём счастливо. Только всё напрасно.

Пелагея Ивановна замолчала, в её глазах снова заблестели слёзы.

— Пенсию-то сын у меня отбирал, то, что зарабатывала уборками — тоже. Дом превратил в притон. Меня выпытывал на улице, Я угнал у одной доброй женщины снимаю. Совсем дешёво берёт. А зарабатываю теперь здесь, на вокзале. Сажу с протянутой рукой, мыть да убирать уж сил нет.

Вокзальные грабители вечером забирают у меня те копейки, которые подаю добрые люди. Но я иногда припрятаваю немного денег для Андрюшеньки.

Мне-то много не надо, когда пирожок у уличных торговцев куплю, когда люди отдадут, что у них остаётся. В последнее время стал болеть желудок... Приду к хозяйке, ложусь на кровать, прижимаюсь лицом к холодной стене и тихонечко плачу, пока не засну...

...Объявили посадку на поезд, и Сергей заторопился. Поднялся было из-за столика, но тут же сел, увидев, сколько страданий всплеснулось в глазах старушки.

— Пелагея Ивановна, поедем со мной? — предложил он. — У меня приветливая, добрая жена. Будете жить с нами, вас не обидим.

Печально покачив головой, пожилая женщина вытерла слёзы:

— Здесь мой сын, и когда он приходит за деньгами, я знаю, что он жив.

Вынув из сумки книгу, которую собирался почитать в дороге, Сергей написал на её корочке телефон и адрес.

— Если совсем будет невыносимо, обратитесь к моей сестре Наде, она вам поможет.

Сгорбившись, она стояла на перроне, молитвенно сложив худые руки на груди. Осенний холодный дождь обжигал её лицо, но она, видимо, этого не чувствовала. Когда тронулся состав, она приподняла руку и робко помахала на прощанье.

А в декабре, простудившись, старушка попала в больницу в тяжёлом состоянии. Добродушная санитарка увидела номер телефона на корочке книги, с которой больная не расставалась, и позвонила сестре Сергея. Пелагея Ивановна, извиняясь, рассказала о встрече на вокзале и о своём сыне. Надежда оказалась чувствительным и добрым человеком, она приняла деятельное участие в судьбе старушки, но той поправиться не удалось. Она ушла тихо, как уходят одинокие люди.

А Надежда пришла к сыну Пелагеи Ивановны и рассказала о смерти его матери.

— Это всё, что у неё было, — сказала Надежда, протягивая высокому полупьяному мужику книгу, — там есть для вас послание.

Рядом с полустёртым номером телефона дрожащей рукой было написано: «Сынок, я тебя прощаю, потому что очень люблю. Ты выкинул меня на улицу, но Господь подобрал, и я иду к нему. Прощай. Мама».

Тутю поворошив книгу, сын Пелагеи Ивановны пьяно спросил:

— А деньги? Деньги-то где? На чём я жить-то буду?

Словно током прошибло Надежду, она гневно хлопнула дверью и побежала из этого дома, где из любви вырос чертополох.

— Господи, спаси и сохрани нас от такой беды, от детей-непогод, — шептала она, заливаясь слезами. — Придёт час, побелеют и их головы, и в свой час они пожнут посеянное зло!

«Родные, Божью благодать не отбирайте друг у друга!»

(духовное завещание Л.А. Никоновой)

29 января 2018 года в библиотеке семейного чтения «Первая» МБУ «МИБС» (ул. Строителей, 21) прошёл вечер памяти «Родные, Божью благодать не отбирайте друг у друга!» (духовное завещание Л.А. Никоновой).

Данное мероприятие — совместный проект Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского, Союза кузбасских писателей и библиотеки «Первая» МБУ «МИБС». Он был приурочен и к 67-летию со дня рождения известной кузбасской поэтессы, прозаика, публициста, педагога, и к 400-летию Новокузнецка.

Традиция каждый год в конце января проводить дни, посвященные Любови Никоновой, зародилась в 2012 году, сразу после смерти поэтессы. Идея их проведения инициировалась сотрудниками музея Ф.М. Достоевского, библиотекой духовной семинарии, коллегами Л.А. Никоновой по перу, её учениками, друзьями и знакомыми. Первые вечера памяти прошли в Литературно-мемори-

художественному ремеслу.

Названием вечера послужила строка из стихотворения Л.А. Никоновой «Развесели нас, ветерок», а темой для размышлений — сложные взаимоотношения личности и общества, социума и поэта в нём.

В творческую программу были включены воспоминания о поэтессе и посвящения ей, чтение её произведений, выступления литераторов и музыкантов, об-

зор страниц литературного творчества.

С приветственным словом к участникам вечера памяти обратились заведующая библиотекой «Первая» Валентина Николаевна Медведева и главный хранитель Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского Наталья Владимировна Караваева, которые отметили высокую значимость сотрудничества учреждений культуры в деле сохранения памяти о Л.А. Никоновой.

С особым вниманием гости вечера слушали священника Игоря Маршинина, настоятеля храма святителя Спиридона Тримифунтского. Он поведал о том, что такое Божья благодать, кому она даруется, и почему её нельзя «отбирать» у ближнего своего.

О духовном завещании Любови Никоновой, об отражении черт личности автора в поэзии, рассказала кандидат филологических наук, много лет отдавшая преподавательской деятельности в Кузбасской педагогической академии, Наталья Николаевна Гончарова. Она подчеркнула, что сегодня литературное наследие Любови Алексеевны во многом воспринимается как духовный посыл, как «завещание» потомкам, адресованное, в первую очередь, людям творческим.

Украсило программу выступление членов новокузнецкого отделения Союза кузбасских писателей (руководитель поэтесса Наталья Валентиновна Палаткина). Прозвучали воспоминания о поэтессе из уст её учениц Ольги Комаровой и Елены Острых, посвящения в стихах поэтессе Нины Лучкиной, Ольги Юликовой, выступление юности, воспитанника студии «Я-автор» Артема Нигматзяна с актерским чтением стихотворения Любови Алексеевны.

Весь вечер в зале библиотеки звучала живая музыка: особую атмосферу создавали юные скрипачи музыкальной школы №40 (преподаватель Пинская Ирина Борисовна), бард и участник литературного объединения «Творческая шкатулка» Геннадий Леонидович Лузянин и студент Кузбасской православной духовной семинарии Андрей Спицын.

Е.Д. Трухан, зам. директора по научной работе «Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского»,

Е.Ф. Острых, руководитель литературного объединения «ЛитTERRA»,
Фото: Мингазова Е.Р.

«Мой Новокузнецк»

Итоги третьего этапа Конкурса одного стихотворения

16 мая 2017 года в творческой гостиной Центральной городской библиотеки им. Н.В. Гоголя на торжественном занятии Литературного объединения «ЛитTERRA» были подведены итоги третьего этапа Конкурса одного стихотворения «Мой Новокузнецк».

Конкурс одного стихотворения являлся частью проекта «Творим историю вместе» (цикл «Новые имена в истории города») и включал спектр мероприятий, способствующих устойчивому культурному развитию Новокузнецка, творческого потенциала горожан.

На завершающем этапе авторам предлагалось поразмышлять на экологическую тематику. Однако, как отметили многие участники, эта задача оказалась сложной.

Из 14 работ, поступивших на конкурс, члены жюри оценили 13. Стихотворение Нины Ветонкиной поступило позднее оговоренных сроков, поэтому оно осталось «за кадром», жюри не успело его оценить. В данное время Нина проживает в другом городе, но вспоминает родной Новокузнецк теплыми словами: «400-летию городу детства и юности/Городу зрелой мудрости/Городу славы народной/Земле благодатной свободной!//».

Работы рецензировались и оценивались жюри в составе: члена Союза писателей России, лауреата премии «Образ» поэта Александра Расевского, члена союза Кузбасских писателей поэтессы Натальи Палаткиной, поэта, победителя «Поэтической битвы» 2015 года Дамира Ибрагимова, члена союза журналистов России Людмилы Танковой, поэта, руководителя литературного объединения ЛитTERRA Елены Острых.

В состязании приняли участие школьники, заседали литературного объединения, мастера поэтического слова и новые авторы: Дмитрий Токмашев, Римма Чудинова, Виктор Галактионов, Сергей Купцов, Светлана Шенелова, Дмитрий Семёнов, Людмила Буймова, Николай Вершинин, Артём Нигматзян, Валентина Василевич, Александр Маковский, Михаил Орехов, Ольга Худякова.

Как принято, всем авторским работам присваивался номер, фамилия, имя конкурсанта оставалось инкогнито. Такой подход позволял объективно оценить стихотворные работы. Людмила Танкова и Наталья Палаткина отметили, что некоторые авторы не «почувствовали» тематику и перешли в риторику и чрезмерную хвалюбу. Дамир Ибрагимов отнёсся благожелательно к работам стихотворцев и поставил высокий балл нескольким авторам, которые могли бы претендовать на первое место в конкурсе.

По оценкам жюри, победителем третьего этапа Конкурса одного стихотворения «Мой Новокузнецк» объявлен автор стихотворения «Связь времен» Дмитрий Токмашев.

Почетным призом жюри решено отметить участницу литературного объединения ЛитTERRA и постоянную гостью мероприятий библиотеки Гоголя, талантливого, но скромного автора Римму Чудинову. Поэтесса участвовала во всех этапах конкурса, на втором этапе она уступила место победителю Надежде Красильниковой, их разделяло всего два балла.

Подробности Конкурса одного стихотворения (все три этапа) вы можете узнать на сайте библиотеки им. Н.В. Гоголя (libnvkz.ru) в разделе Конкурсы и на сайте проекта 400 знаменитых новокузнецчан (новокузнецк400.рф) в разделе «Новости проекта».

Острых Е.Ф., руководитель литературного объединения ЛитTERRA

Фото Анчикова О.Д.

Стихотворение победителя III этапа

Конкурса одного стихотворения
Дмитрия Токмашева.

Связь времён

А хочешь, проведу тебя по городу?
Через аллеи, парки и сады,
В которых столько раз, гуляя смолоду,
О многом не задумывался ты.

Тебе известный с детства Парк Гагарина,
Где в небо устремились тополя,
Был местом, где болотную испариной
В окрест сочилась мокрая земля.

Там, где аттракционы в парке вертятся,
Сегодня молодым и пожилым
И даже старикам почти не верится,
Что было всё болотом Моховым.

Там, где Кузнецкий мост пронзил дорогой
Томь с берега на берег, как стрела,
Когда-то, это помнят лишь немногие,
Протока Иванцовская была.

А Металлургов назывался Молотов
И Коммунар ещё был без колонн.
А облик был совсем другой у города
И по-другому назывался он.

Трамвай на Пионерский поворачивал,
А Пионерский вовсе Школьным был.
И экскаватор грунт перелопачивал
На месте, где впоследствии ты жил.

Новокузнецка образ так разительно
Менялся за прошедшие года,
Что это было просто поразительно
И будет восхищать меня всегда.

Как воля коллективная заставила
Историю так много лет назад
Свершиться, переписывая правила
Природы, создавая город-сад.

Я просто житель города, не более,
Но сердца стук с биснисом сердец
Других соединю я, чтоб история
Творилась дальше, мой Новокузнецк!

Участники III этапа Конкурса одного
стихотворения:
Виктор Галактионов.

Кузнецк новый

400-летию города
Новокузнецка —
моей родины —
посвящаю

Роса Томь, воспой
Песнь заветную!
Появления
Города крепкого.

Крепость старая
На крутом юру!
Ты поведай нам
О лихих годах!..

Век семнадцатый —
Зарождение.
Век двадцатый, ты —
Становление!

Кузнецк Старый был
Кузнецк Новый стал!
Ты — во цвете лет
И в четьреста!

Чем же славится
Город-кузница?
Чем возвысил он
Сибирь-матушку?

Символ города —
Домна жаркая!
Ведь металл — это
Крылья Родины!

Символ города —

альном музее Ф.М. Достоевского и Кузбасской православной духовной семинарии.

Любовь Алексеевна была равнодушна к искусству в любом его проявлении, будь то литературное, музыкальное или художественное творчество. Она была равнодушна также и к людям, просвещала, наставляла их. В 90-е годы, будучи

сотрудницей Новокузнецкого Краеведческого музея, читала лекции школьникам духовно-нравственной направленности. При помощи усилий Любови Алексеевны возродилась городская литературная студия «Гренада» при Доме творческих союзов. Творческая жизнь оживилась, началось становление литературного движения в Новокузнецке. Вдохновленные деятельностью Любови Алексеевны, вставали на крыло союзы и объединения, так, в стенах Дома творческих союзов некоторое время существовало объединение «СТИХИЯ», под руководством Лизы Речкуновой, участники которого выступали с актерским чтением собственных стихотворений и произведений классиков. В данное время «СТИХИЯ» не существует, кто-то уехал осваивать столицу, кто-то решил посвятить себя

Уголь солнечный!
Уголь солнечный —
Амбар Родины!

Символ города —
Крепость стойкая!
Люди стойкие —
Сердце Родины!..

Был двадцатый век
Становления.
Двадцать первый стал —
Возрождения!

Город-сад — мечта.
Город чистый — явь!
Центр внимания —
Экология!

Край Кузнецкий наш —
Не окраина.
Край Кузнецкий наш,
Ты — горячий цех!

Ты — зелёный цех
Нашей Родины!

Светлана Шепелова.

Наш город — Новокузнецк

Наш город, может быть,
Кому-то незнакомый,
Но он на карте российской есть.
Без величавости столичной —
строгий, скромный,
Но всех заслуг его не перечсть.

А как все начиналось, надо помнить:
На берегу Томи возник острог,
Опорный пункт Империи Великой,
Щит от киргизов и джунгарских орд.

Как воды бурные, столетья пролетели.
30-й год настал. Решила власть,
И поезда по рельсам загрели,
Под печь фундамент заложили первый,
И стройка городская началась.

Рос город по проспектам лучших зодчих,
Приобретая облик уникальный,
Разнообразный стиливым решеньем,
Заложенным в архитектуре зданий.

Прямые улицы, широкие проспекты,
Бульвар Героев, Драматический театр...
И площадь Маяковского — поэта,
Воспевшего когда-то город-сад.

Наш город стал таким! Весной и летом
Он утопает в зелени, в цветах,
Природою сибирской обрамлённый,
На томских на привольных берегах.

Гигант металлургии, град шахтёрский,
Трудом и подвигом прославленный в войне,
И в мирной жизни процветает, крепнет,
Внося свой вклад Кузбассу и стране.

Простые люди — новокузнецчане,
Мы любим город, сердцу дорогой.
Ведь безусловно, город — красят горожане.
Ты нами горд, а мы горды тобой!

Николай Вершинин

Новокузнецк

Павечно мной любим и молод
Очаровательный мой город!
В свои четыре сотни лет —
Он символ славы и побед!

Какие парки, чудо-скверы!
Увы, есть с минусом примеры...
За экологию борись,
Новокузнецк мой, не смиришься!

Есть то, что ты в себя вобрал —
Целенаправленный реал,
Как сердца друг, ты лучшим стал!

Писатели пришли в гости

В школу-интернат №88 пришли в гости писатели: член Союза писателей России Владимир Песунывакин и член Союза журналистов России Людмила Танкова.

Владимир Максимович давний друг ребят этой школы. Он пишет для детей занимательные рассказы о природе, а ребята рисуют иллюстрации к его произведениям.

Ребятам очень нравится читать рассказы о маленьком бурундучке и кошке, которая усыновила цыплят оставшихся без матери. Трогательная история кошечки не оставила равнодушными воспитанников второго класса. После уроков второклассники с увлечением рисовали иллюстрации к рассказу Владимира Максимовича, потом разучивали стихи Людмилы Танковой.

Им особенно понравились стихи о зиме и снежинках, поэтому на встрече с писателями воспитанники с чувством читали стихи.

Владимир Максимович и Людмила Александровна подарили ребятам на память свои книги.

«Самая благодарная аудитория, — сказал о детях Владимир Максимович, — они не только тепло нас встретили, но и чувствуется, что много читают именно наших книг. Вопросы, которые были заданы детьми, говорят о их заинтересованности и любви к чтению».

«Чувствуется, что воспитатель второго класса Надежда Садияровна Овчинникова прививает любовь к книгам, — уточнила Людмила Александровна, — учит их не только читать, но и понимать смысл прочитанного, и воспитанники уже многому научились у своих воспитателей и педагогов».

Писатели рассказали о своем творчестве, ответили на вопросы ребят.

Хозяйка тоже не осталась в долгу, они показали гостям замечательную костюмированную сказку о волке и семерых козлятах. Только волк и не собиравшись есть козлят, ему просто хотелось подружиться с козой и ее замечательными детьми.

Большая заслуга в постановке спектакля принадлежит педагогу-психологу Светлане Ивановне Самойловой. Адаптация учащихся к самостоятельной жизни

ни начинается еще в детстве. Научить ребенка говорить, красиво двигаться и писать — это очень важно.

Сюрпризы на этом не закончились: Исаченко Даша подарила гостям обереги-кукол, изготовленные собственными руками. Ребята предложили писателям полюбоваться выставкой картин (художники Никита Фролов, Света Банукина, Вера Итархунова — воспитатель Елена Альбертовна Пальман).

На выставке были представлены и картины выполненные в технике интуитивного рисования (руководитель: педагог-психолог Светлана Ивановна Самойлова).

Педагогам и воспитанникам во всем помогают завуч по учебной части Лариса Юрьевна Косармыгина, завуч по воспитательной работе Ксения Валерьевна Куимова и библиотекарь Лариса Анатольевна Хренова.

Закончилась встреча чаепитием, когда в неформальной обстановке можно было поговорить о самом насущном: как стать писателем.

Елена Острых

Первое стихотворение написала в семь лет. С 14 лет я стала посещать литературную студию «Фесковские литераторы», при 27-й школе. Руководила студией Любовь Алексеевна Никонова.

Имеет публикации в альманахе «Кузнецкая крепость», газете «Кузнецкий Камертон», ежегоднике «Первоистник» (г. Красноярск), литературно-художественном православном альманахе «Арина» (г. Нижний Новгород). Автор поэтической книги «Копка, окошко и любовь» (2013г.) Победитель всероссийского поэтического конкурса «Искренне, Мы», посвященного году литературы в России (2015г.). Руководитель литературного объединения «ЛиТерра» при библиотеке семейного чтения «Первая».

«Мама, я так больше не могу...»

Ларисе Петровне приснился страшный сон. Всё происходило будто наяву. Эту ночь она провела в маленькой спальне, обычно она ночевала вместе с дочерью в большой комнате, но не в этот раз.

Ей привиделось, что Мила, старшая дочь, бежит по дороге вместе с незнакомой девочкой, удивительно похожей на Милу, как сестра-близнец. Девочки бежали не от опасности, они торопились домой, знали: родители скоро проснутся и увидят пустые постели. Девочки делали какие-то важные дела.

«Ну, какие могут быть особенные дела у маленьких девочек?» — спросите вы. Сон на то и сон, всё в нём с ног на голову: то ли они передвигали небесные светила, то ли ставили на место Солнце в странном видении Ларисы Петровны. И вот после трудных забот поспешили домой, между собою переговариваясь шёпотом:

— Скоро рассвет. Мама проснётся, а нас нет. Солнце встаёт! Солнце встаёт! Ха-ха-ха! Мама скоро проснётся! Скорее! Скорее!

В странном сновидении девочки забегали в туалет (как известно, это место в квартире «сакральное», начало всех начал, так сказать) и там исчезли, растворились, словно и не были.

Лариса Петровна проснулась в холодном поту, уняв дрожь, встала с кровати. Подошла к светёлке дочерей, убедиться, что девочки куда-то не пропали. Сон оказал огромное влияние на Ларису Петровну, ей захотелось удостовериться даже в том, что Мила старше Олеси на два года и внешне они совершенно разные. Кто же эта девочка из сна, как две капли воды похожая на Милу? Небесный посланник ангел-хранитель или что-то совершенно чуждое? Её давно одолевали тревожные мысли о будущности старшей дочери. Мила была не похожей ни на кого, родня её называла «маленькой взрослой». Иногда Лариса Петровна ещё больше тревожилась, заставляя Милу смотрящей в одну точку, застывшей на месте. В те минуты дочь будто растворялась, становилась незаметной, почти прозрачной, не откликалась, не слышала никого, потом, очнувшись, вела себя как прежде — улыбалась, разговаривала с сестрой, в общем, была собой. Хорошо, что со временем такие явления случались реже. И теперь этот страшный сон. Чувство тревоги не покидало заботливую мать. Лариса Петровна открыла дверь в спальню дочерей. Мила вопросительно взглянула на Ларису Петровну (она, давно проснувшись, нежилась в постели). Увидела, что та бледна и чем-то встревожена.

— Проснулись? — спросила мать.

Мила потянулась.

— Во-о-о-т, потягушечки, потянушечки... Вставайте! Мне такой сон страшный приснился, расскажу.

Мила всё больше убеждалась в том, что ей приходится трудиться в два раза больше, чем другим, чтобы достичь хороших результатов в учёбе. Как-то раз на неё накатил волна вдохновения на уроке литературы, она написала сочинение про самое любимое место на свете. Безошибочно, как думала, учитель должен был его

оценить, выделить сочинение среди других, похвалить. Увы, не тут-то было, не последовало ничего из вышеперечисленного.

Наоборот, учительница десять минут стилила сочинение такого-то автора (имя она не произносила в целях конспирации), разве так можно, мол, всё своровать у классика, да как же такому-то не стыдно так делать-то, да как же рука-то поднялась, да почему своих мыслей-то нет? С возгоранием учительских нотаций пропасть между миром и Милой росла всё больше и больше...

В какой-то момент Мила почувствовала, что превращается в маленькую, никому не заметную точку. С этого «разбора полётов» она постаралась стать неприметной для учителей. Не хотела ещё раз увидеть на обозрении всего класса своё самое сокровенное, которое обязательно высмеют эти великие педагоги.

Семью и друзьям Мила, словно утреннюю звёздочка на небосклоне, удивляющая одинокого путника и испеляющая страждущую и мятущуюся душу, дарила тепло и радость.

Упорство и недюжинная трудоспособность Милы сыграли только на руку. Она закончила университет, устроилась в суебный участок адвокатом. Да и старания Ларисы Петровны, конечно, не остались в стороне. Всё-таки главной целью любящей матери было вывести дочерей «в люди», что она, собственно, и делала всеми силами.

Младшая дочь под натиском маминной любви и заботы окончила два училища, разброс профессий бросался в глаза — повар-кондитер и машинист крана. Мечтою Олеси был иняз. Но, понимая, что на всё нужны деньги, умная Олеся пошла по пути наименьшего сопротивления. Пока училась, зарабатывала деньги, слыла рукодельницей, люди обращались с просьбой то что-то подшить, то выкроить, даже тату набивать Олеся приноровилась.

— Не пропадёт! — думала о ней Лариса Петровна и будто сглазила. Бурная первая любовь выбила младшую дочь из колеи. Вселил возлюбленный в Олеся кучу комплексов (бывают такие парни, девчонок юных пытаются настроить, воспитать «под себя»), и девчунка пошла ко дну.

Началось всё с одной бутылочки пива. Как ни боролась мать с пристрастием Олеси к алкоголю — всё без толку, девчонка уверенно шагала на самое дно, забыв обо всем, к чёрту бросая свою молодость, кляня всех мужчин...

А Мила кляла свою работу, осточертелых преступников, которых она должна защищать. Слыла лучшим адвокатом в районе, да что уж там в районе, в городе... Её эта «братия» нанимала, знала, что вытащит и спасёт от суда.

Сама Мила всё больше убеждалась в том, что её душу уже ничего не спасёт. Сколько бы на исповеди у батюшки не выговаривалась, сколько бы грехов он ей ни прощал, в глубине души у неё росло убеждение, что она виновата во всем, что творится в её жизни, и в том, что происходит в жизни её семьи. Загулы и пьяный бред Олеси, мыканья матери по врачам и прочие неурядицы почему-то записывала на свой счёт. Всё чаще ощущала себя какой-то каменной глыбой, внутри которой всё кипит.

Не могла Мила выставить чувства, властвующие ею, наружу, не хотела вредить людям, говорить им правду.

Зачем нужна миру правда о злодеяниях и махинациях под маской помощи людям, под лозунгами красивых проектов?

— Зачем нужна им моя правда, если они имеют свою? — спрашивала она себя.

Так и жила много лет.

Постепенно всё встало на круги своя. Лариса Петровна заботливо готовила завтрак для любимого внука, сына младшенькой, названного Алёшей. Замужняя Мила ранним утром будила дочку в школу.

И всё бы ничего, но уже несколько лет Мила мучилась от ощущения ненужности себя в этом мире, будто среди людей, окрашенных в множество красок, имеющих множество граней, она совершенно гладкая и белая, спокойная и ровная. Она нашла внутри себя тишину. И тишина её пугала...

Что стало отправной точкой решения Милы уйти от мирского, не понимал никто. Лариса Петровна, лёгкий человек, не ведала души старшей дочери, да и поздно спохватилась говорить с нею подумам. Она не узнавала Милу. Подозревала влияние какого-то постороннего человека, который, заслужив доверие её дочери, решил внушить ей эту суебно аскетичную мысль. Олеся давно отстранилась от сестры, не было у них близости, как в детстве, поэтому мысли, желания и убеждения Милы являлись для Олеси тайной за семью печатями.

Муж Милы, конечно, ссылаясь на работу, «плохих» людей, которых она вынуждена была обеливать, всю эту неразумную действительность, с которой столкнулась нежная, поэтичная, ранимая Милочка, все «грабли» этого мира и «вилы». «Чёрт побери! — восклицал он. — Сволочи, сволочи!»

Жить бы, как говорится, нашей героине и не тужить, растить дочь, заботиться о муже. Хорошо сказка складывается, да вот такое дело делается.

В один прекрасный день Мила ушла в монастырь, приняла постриг. Лариса Петровна следом приехала к дочери в маленький городок, где на взгорье нежилась под солнцем золотые храмовые купола. Она долго увещевала дочь вернуться в мирскую жизнь. Мила слушала её и будто не слышала, совсем как в детстве, уставившись в одну точку. Дождавшись конца речей матери, она пронзительно поглядела ей в глаза (Ларису Петровну обожгло будто чем-то), с мольбой в голосе и с великой отрешённостью в лице ко всему что ни на есть на брезном свете, произнесла:

— Мама, я так больше не могу!

Ступая обратной дорогой, Лариса Петровна не знала, что предпринять, чтобы выволить дочь из монастыря, не знала, что и думать. Нет, нет, одна мысль всё же вертелась у неё в голове: «Вот и вывела, называется, дочь в люди!»

«Всё на земле нужно понимать»

Стилизация

Новая сказка о глупом Мышонке и Суслике

Зима заботливо укрыла белым покрывалом поле. До первой весенней оттепели под тёплым снегом будут храниться кореш-

ки трав, цветов, семена растений, личинки насекомых, чтобы весной оттаять и явить миру прежнюю новую жизнь.

Вход в жилище Мышонка опять занесло снегом. Весь день он спал, ночью решил выйти на промысел — найти зёрнышко ли уцелевшее, коренья, да прочую снедь, и пришлось потрудиться, откапывая дверь в нору.

Филин в эту ночь не спал, тоже промыслил. Мышонок высунулся из норы и услышал отдалённое знакомое уханье.

«Вот тебе и раз! — подумал Мышонок. — Старый вояка охотится».

— Эй, Мышонок! — Суслик давно поджидал Мышонка. — Пруд затянуло льдом, пойдём проведем старого карпа. Жив он там? Дышит ли?

Мышонок и Суслик отправились к пруду. Они спустились к воде, с опаской прильнули к ледяному окошку. Позвали: «Эй, эй!!! К-а-р-п!» Они увидели, будто тускло блеснуло что-то под водой серебристым цветом.

— Чего расшумелись? — спросил Карп.

— Мы думали, ты не дышишь, — сказал Мышонок.

— Мы думали, ты умер, — прошептал Суслик.

— Экие вы любопытные, — проворчал Карп. — Я не умер и вполне могу дышать.

— А другие рыбы? — спросил Суслик. — Они тоже куда-то делись и вполне могут дышать?

— А как же ты можешь дышать? — поинтересовался Мышонок. — Воздуха-то нет! Смотри, какой толстый лёд, — и Мышонок постучал в ледяное окошко.

— А может это не ты, Карп, а твой призрак? — забеспокоился Суслик.

— Экие вы любопытные, — рассердился Карп. — Я всё тот же Карп и никакой не призрак. И другие рыбы куда-то делись. А воздух, как вы понимаете, есть везде.

— И даже под землёй, где живут страшные чудовища? — спросил Суслик.

— И даже на речном дне и высоко в небе? — удивился Мышонок.

— Ну, я же сказал — везде, — подытожил Карп, а потом вдруг закричал: «Б-Е-Р-Е-Г-И-С-Ь!»

Мышонок и Суслик от неожиданности распластались на месте. В зеркальном окошке отразилась большая тень, пронесшаяся над ними. Это старый вояка Филин пролетел над прудом, ослепший от ночного стража, не заметив их, он пронёсся мимо.

Карп вынырнул из глубины, подплыл к Мышонку и Суслику, которые едва пересводили дыхание.

— Экие вы, однако, пугливые, — сказал Карп. — Филина тоже надо понимать, и лишний раз не попадаться ему на глаза, особенно когда он в поиске.

— В поиске пиццы? — спросил Суслик страшным шёпотом.

Карп сердито посмотрел на него:

— Разве вы не знали, глупые, этого?

— Знали, — грустно сказал Мышонок.

Карп ещё долго рассказывал Мышонку и Суслику о законах природного бытия. Они слушали и мотали на ус.

В груди Мышонка что-то странно гудело, это гудело стучало его маленькое сердечко, падая и поднимаясь вверх.

Елена Ященко

Елена Алексеевна Ященко родилась в 1975 году в Хабаровске. В 1978 переехала с родителями в город Новокузнецк. Окончила Новокузнецкий филиал КемГУ по специальности «юриспруденция». Несколько лет работала юристом на металлургическом комбинате. В 2007 родила сына, после чего стала домохозяйкой, решив посвятить все время воспитанию ребенка. Писать начала в 2017 году для своего сына, который очень любит детскую фантастику и детективы.

Каникулы на даче

«Скорей бы уж присхали!» — с нетерпением думал Серёжа, сидя в машине и радостно глядя на снежный пейзаж за окном.

Дело в том, что на зимних каникулах родители Серёжи решили поехать на дачу, которая находилась далеко за городом, в деревне.

Серёжа сначала не хотел ехать с ними, ведь он планировал вместе с друзьями построить снежную горку и крепость во дворе, покататься на лыжах и сделать кучу других дел, но в городе!

— Мама, зимой в деревне скучно!

— Там тоже можно строить из снега и кататься на лыжах, как в городе, — отвечает мама.

— Но там нет моих друзей, а без них всё это делать неинтересно!

— А ты предложи кому-нибудь из своих друзей поехать с нами. Мы с папой будем не против.

Серёжа подумал о своём лучшем друге Кирилле и сразу побежал к нему.

Кирилл был его одноклассником, они вместе учились в 4 классе и жили в одном дворе.

Мама Кирилла согласилась отпустить сына с Серёжей на дачу. Мальчики были счастливы!

Кирилл ещё никогда не был на даче своего друга, и Серёже нетерпелось столько всего ему показать!

Наконец, они приехали. Их дача представляла собой двухэтажный старый дом, на первом этаже которого располагались кухня, гостиная и спальня родителей.

На втором этаже было две комнаты: для Серёжи и для гостей, которые иногда летом приезжали к ним отдохнуть.

Зимой весь второй этаж был предоставлен в полное Серёжино распоряжение.

Но сначала, чтобы попасть в дом, им пришлось потрудиться: весь двор был завален большим количеством снега. Пришлось взять у папы в машине лопаты и прокопать дорогу к крыльцу.

Войдя в дом, Серёжа сразу повёл друга на второй этаж, где хранились все его личные вещи: старые игрушки, настольные игры, разноцветные речные камешки, которые Серёжа собирал летом, и другие, дорогие ему, вещи.

— А что там? — Кирилл показал на крышку люка в потолке.

— Чердак. Мы храним там старые ненужные вещи.

— Давай зайдём! Я хочу посмотреть.

Серёжа принёс лестницу, и они забрались на чердак. Там было очень пыльно, темно и довольно прохладно.

Они обнаружили и открыли большую коробку, в которой оказались детские журналы Серёжи, которые родители выписывали ему, когда он был маленьким.

Полистав журналы, мальчики продолжили обследование чердака. Чего там только не было! Сломанный велосипед Серёжи, бабушкина швейная машинка, старый пылесос...

— Вы что тут делаете? — на чердак заглянул папа. — Вместо того, чтобы дышать пылью, идите лучше погуляйте.

Ребята согласились и пошли во двор. Там были такие большие сугробы чистого белого снега, что даже дух захватывало от радости! Ведь из него можно столько всего построить!

Мальчики взяли лопаты и приступили к строительству. Они так увлеклись, что даже не заметили, как время пролетело, и наступил вечер.

Мама несколько раз выходила и спрашивала, не замёрзли ли они, не нужно ли зайти в дом погреться? Но они не замечали ни холода, ни ветра, который поднялся к вечеру.

Когда родители позвали их ужинать, на улице уже стемнело. И только тогда они поняли, что замёрзли. Мама заставила их переодеться и налила горячего чая с малиновым вареньем. Серёжа его обожал!

Мальчики были довольны первым днём на даче. Перед сном, лежа в кроватях, они обсуждали, что будут делать завтра, в какие игры поиграют, и какие постройки из снега сделают.

Ночью Серёжа проснулся от того, что ему было очень холодно.

Оказывается, ветер приоткрыл окно в комнате. Серёжа встал, чтобы его закрыть.

И тут он увидел на улице какой-то огонёк.

Он был далеко, на опушке леса, который начинался сразу за деревней. Что это такое?

Кто может ходить по лесу ночью, зимой?

Серёжа ещё раз посмотрел в окно. Какая-то маленькая фигурка, освещая себе путь фонариком, двигалась по направлению к дому их соседа, деду Семёна.

Сосед жил один, и Серёжа испугался, вдруг это вор собирается пробраться в дом?

Но потом фигурка пошла в другую сторону и стала кругами ходить по поляне возле леса.

Если это вор, то он ведёт себя очень странно.

Серёжа попытался разбудить Кирилла:

— Проснись! Там что-то происходит!

Но Кирилл только перевернулся на другой бок и снова заснул. Тогда Серёжа решил выйти из дома и издали посмотреть, кто же этот странный незна-

комец. Он оделся и, стараясь не шуметь и не разбудить родителей, вышел из дома.

Подойдя как можно ближе к поляне, Серёжа спрятался за деревом. Человек на поляне поставил фонарь на тропинку и копал маленькой лопаткой снег, как будто искал что-то.

Когда он повернулся, его лицо на секунду попало в свет фонаря, и Серёжа увидел, что это мальчик, лет 8-9. Даже младше Серёжи, которому уже исполнилось 10.

Мальчик был один, никого из взрослых поблизости не было. Может он заблудился, и ему нужна помощь? Серёжа решил выйти из своего укрытия.

— Эй! — крикнул он. — Ты что тут делаешь?

Мальчик обернулся и, увидев Серёжу, вдруг сильно испугался и бросился бежать.

— Стой! — крикнул ему Серёжа. — Я не сделаю тебе ничего плохого, я хочу помочь!

Мальчик остановился.

— Ты меня не будешь бить?

— Зачем мне тебя бить? — Серёжа подошёл поближе к нему. Потом, чтобы показать незнакомцу, что у него добрые намерения, он вытащил из кармана конфету и протянул мальчику. — Хочешь?

Мальчик взял конфету, покрутил в руках, понюхал и спросил:

— Что это?

— Как что? Конфета, что же ещё! Ты что, никогда не видел конфет? — Серёжа был очень удивлен.

— Нет. А что с ними делают?

— Едят! Попробуй и поймёшь, как это вкусно!

Мальчик сразу засунул конфету в рот. Целиком. Вместе с оберткой.

— Ты что?! Выплюнь сейчас же!

Мальчик выплюнул и удивленно посмотрел на Серёжу:

— Ты сказал, что это съят.

— Да, но не с бумагой же! Сними обертку.

Незнакомец так и сделал. Съев конфету, он сказал:

— А это и правда вкусно!

— Ещё бы! Это мои любимые. Я бы мог таких штук сто съесть.

Потом Серёжа внимательно посмотрел на мальчика и только тут обратил внимание на его огромные глаза необыкновенного, ярко синего цвета, а также светло-оранжевый цвет кожи. Какой же он странный!

— Кто ты? И что тут делаешь?

— Пообещай, что никому не скажешь!

— Ладно, обещаю, — улыбнулся Серёжа.

Мальчик посмотрел на него очень серьёзно:

— Не смейся! Для меня это вопрос

жизни и смерти.

Серёжа понял, что наверно мальчик действительно попал в какую-то сложную ситуацию, и перестал улыбаться.

— Рассказывай, я слушаю, — сказал он.

— Думаю, ты уже догадался, что я не местный житель, и вообще не землянин. Я прилетел из другой галактики на космическом корабле.

Серёжа решил, что мальчишка над ним насмехается и не хочет говорить правду.

— Хватит врать! — возмутился Серёжа. — Или рассказывай всё как есть на самом деле или я пошел!

И он развернулся, чтобы уйти.

— Постой, не уходи, я говорю правду! — мальчишка бросился за ним. — Мне нужна помощь, а обратиться за ней не к кому.

Серёжа остановился. Вроде говорит искренне.

— Чем докажешь, что все это правда?

Мальчик улыбнулся:

— Могу показать мой космический корабль! Он здесь недалеко, в лесу.

Серёжа всё ещё сомневался.

— Ладно, я пойду с тобой. Если корабль увижу, то поверю тебе, а если нет, то уйду и оставайся здесь один!

— Хорошо, пошли.

Тут Серёжа вспомнил, что они так ещё и не представились друг другу.

— А имя у тебя есть? — спросил он мальчишку.

— Есть. Меня зовут Яшкартан Табит Порт Сигл.

— Как??

— Яшкара...

— Да слышал я! Ты — Яшка. По названию, по земному. А я — Серёжа.

Они подошли к лесу и за ближайшими деревьями увидели то, что Серёжа сначала принял за огромную каменную глыбу. Но Яшка поводит по ней руками, видно что-то нажал, и внизу камня открылась дверца, за которой шёл ярко освещённый коридор.

Серёжа замер от восхищения:

— Здорово замаскировался! Все местные ходят по лесу и даже не догадываются, что рядом стоит настоящий космический корабль!

Мальчик был явно доволен произведённым впечатлением:

— Ну что, теперь ты мне веришь?

Они вошли внутрь, и Яшка повёл Серёжу в капитанскую рубку.

Космический корабль оказался таким, каким его Серёжа и представлял: все двери раздвижные и открываются с помощью кнопок, а капитанская рубка вообще вся в непонятных рычагах, мигающих лампочках и разноцветных кнопках.

Огромное окно в целях маскировки

в данный момент было закрыто снару-
жи защитным экраном.

— А ты один прилетел? — спросил Се-
рёжа, с любопытством разглядывая всё
вокруг.

— Да.

— Но как тебе доверили летать на
космическом корабле без взрослых? —
удивился Серёжа. — Ты же ещё малень-
кий. Или у вас там каждый младенец
имеет свой космический корабль?

— Я не младенец! — возмутился
Яшка. — По вашим земным меркам мне
уже 18 лет. А живут у нас в среднем до
180 лет.

— Ого! Значит ты старше меня. Но
ведь все равно не взрослый.

— В наших школах есть предмет
«Космовождение». Всех учеников, на-
чиная со второго класса, учат водить
космические корабли, только не такие
большие, как этот. А с шестого класса
лучшим ученикам даже разрешают са-
мостоятельно летать вокруг нашей пла-
неты.

— А на другие планеты?

— Это только старшеклассники и
взрослые могут.

— А как же тогда ты тут оказался?
Или ты уже старшеклассник?

Яшка виновато опустил голову.

— Я случайно здесь оказался, — он
снова посмотрел на Серёжу. — Это ведь
несправедливо, что я лучше всех в клас-
се сдал экзамен по космовождению, а
мне не разрешили хоть один разок про-
катиться самостоятельно!

— И ты решил прокатиться без раз-
решения? А чей это корабль? Школь-
ный или ты его у кого-то украл?

Яшка грустно вздохнул.

— Это корабль моего отца. Ох, и впе-
тит мне за то, что я его взял без разре-
шения!

Серёжа сочувственно посмотрел на
Яшку. Да, ну и попал же он в передел-
ку!

— А почему ты не вернул корабль?
Может отец и не узнал бы, что ты его
брал? — предположил Серёжа.

Яшка еще больше погрузился.

— Я не рассчитал свои силы. Решил,
что если я на большом корабле, значит
могу полететь дальше, чем разрешено
маленьким школьным кораблям. Мне
захотелось хоть издалека посмотреть на
планету Земля, о которой нам расска-
зывали в школе.

— И что же вам рассказывали?

— Что это очень красивая планета,
на которой много воды, растений и жи-
вотных. Больше, чем у нас. Вот только
люди на планете Земля очень злые и
воюют друг с другом, поэтому призем-
ляться на неё нельзя в целях безопас-
ности.

— Да с чего вы взяли, что мы злые и
воюем? — возмутился Серёжа.

— Наши ученые были здесь несколь-
ко лет назад, — продолжал рассказы-
вать Яшка. — По вашему календарю это
был 1943 год. Все люди на этой планете
воспали. Учёные чуть не погибли и ре-
шили, что эта планета опасна.

— А-а! В то время действительно была
Мировая война, но она давно закончи-
лась. Мы теперь живём мирно. Ты ви-
дел где-нибудь солдат с оружием или
может слышал выстрелы?

— Нет, но я всё равно боюсь землян.

— Тогда зачем сюда приземлился?
Посмотрел бы издалека и вернулся.

— Я же говорю, не рассчитал свои
силы. Недалеко от Земли я попал в ме-
теоритный поток, а как из него выйти и
при этом сохранить корабль целым, мы
ещё в школе не проходили, — Яшка
вздохнул. — Мой корабль оказался по-
врежденным, и пришлось сделать вы-

нужденную посадку. При приземлении
выпал и потерялся один прибор, без ко-
торого мне не взлететь.

— Так вот что ты искал в снегу, когда
я увидел тебя на поляне! — догадался
Серёжа.

— Да. Поможешь мне?

— Постараюсь! У нас на Земле не
принято бросать друг друга в беде.

Серёжа сел в капитанское кресло и
потянулся к мигающей красным светом
кнопке на панели управления.

— Не трогай! — воскликнул Яшка.

— А что это такое?

— Это сигнал бедствия, который по-
нятен только жителям моей планеты. По
нему меня смогут найти и помогут вер-
нуться домой.

Серёжа убрал руку. Ему показалось,
что внутри корабля стало ужасно жарко
и захотелось поскорей отсюда выйти.

— Как твой прибор выглядит? Тот, что
потерялся?

— Прямоугольный, серого цвета, вот
такого размера, — Яшка развел руки и
показал размер как у обычной книжки.
— У него ещё антенна есть и несколько
кнопок.

«Мне кажется, я где-то этот прибор
видел! — подумал Серёжа. — Только
где?»

— Ладно, сейчас пойдём, поищем
твой прибор. Только такой маленькой
лопаткой, как у тебя, мы долго искать
будем.

Надо сходить к нам домой и взять
большие лопаты, а также позвать на
помощь Кирилла.

Да не бойся, — сказал Серёжа, уви-
дев обеспокоенный взгляд Яшки, —
Кирилл настоящий друг, никому не про-
болтается о тебе. Втроём мы быстро оты-
щем твою потерю.

Они вышли из корабля и направи-
лись к дому Серёжи.

Яшка между тем продолжал расска-
зывать:

— Я боялся заниматься поисками
днём, вдруг меня обнаружат. Зато на-
блюдал за жителями деревни. Я видел,
как ты с родителями приехал, а потом с
другим мальчиком копал снег. Вы тоже
что-то потеряли?

— Нет, глупый, — засмеялся Серёжа,
— мы играли. Из снега можно лепить и
строить, понимаешь?

Яшка отрицательно покачал головой.

— Ладно, — говорит Серёжа. — Сна-
чала найдём твой прибор, а потом я по-
кажу тебе, что можно сделать из снега.

Они подошли к сараю рядом с домом,
в котором родители хранили садовые
инструменты. Зайдя внутрь, Серёжа
взял на полке фонарик, включил его и
стал искать лопаты.

— Ой! — вдруг воскликнул Яшка.

— Ты чего? — обернулся Серёжа.

Яшка медленно протянул руку и по-
казал на небольшую коробочку, которая
стояла на полке.

— Это он, мой прибор!

«Так вот где я его видел!» — подумал
Серёжа. Он вспомнил, что вчера, когда
они с Кириллом лепили из снега, то об-
наружили в сугробе эту непонятную
штуку и положили в сарай, чтобы поз-
же у папы спросить, что это такое. Но
потом совершенно о ней забыли.

— Это мы с Кириллом его случайно
нашли. Зато теперь искать не нужно.
Пошли, отнесём его на твой корабль.

Когда они уже подходили к кораблю,
вдруг поднялся сильный ветер и на небе
стали вспыхивать огромные яркие огни,
как будто высоко над землей начался
пожар.

Стало очень жарко и шумно.

— Что это? — испуганно спросил
Яшка.

— Не знаю, но мне это не нравится,
— ответил Серёжа.

Увидев, что огни приближаются к
ним, он крикнул:

— Бежим!!!

Они помчались обратно к дому.

«Серёжа! — услышал он где-то в го-
лове тревожный голос мамы. — Серё-
жа!»

— Я здесь! — крикнул он и.... Про-
снулся.

Рядом с его кроватью стояла мама с
градусником в руках. На соседней кро-
вати спал Кирилл, а за окном ярко све-
тило солнце.

— Тебе приснился какой-то кошмар,
— сказала мама.

— Мама? А что происходит? И где
Яшка?

— Какой ещё Яшка? Здесь только вы
с Кириллом. Вчера вы сильно замерзли
на улице и, несмотря на чай с малино-
вым вареньем, всё-таки заболели.

У вас обоих всю ночь была высокая
температура. То в жар бросало, то в хо-
лод. Сейчас я пойду, принесу лекарство.

И она ушла.

Серёжа лежал, смотрел в потолок и
пытался осознать случившееся. Значит,
это был всего лишь сон?

И никакого Яшки не существует?

Ему такое приснилось из-за высокой
температуры?

Ещё никогда, даже во время болез-
ни, Серёжа не видел такие странные и
невероятные сны. Ему захотелось кому-
нибудь рассказать об этом.

Серёжа бросился к Кириллу:

— Просыпайся, уже утро!

Кирилл приоткрыл глаза:

— Не мешай, мне снился интересный
сон, хочу досмотреть его.

— Лучше послушай, что приснилось
мне! Уверен, такого ты и представить
себе не можешь!

— Ладно, рассказывай, — зевнул Ки-
рилл, — но потом я расскажу свой сон.
Думаю, мой интересней.

— Мне снилось, — начал Серёжа, —
как будто у нас в лесу приземлился кос-
мический корабль.

— Замаскированный под огромную
каменную глыбу? — Кирилл оконча-
тельно проснулся и сел в кровати.

— Да, а ты откуда знаешь? Может ты
ещё знаешь, кто в нём был?

— Мальчик-инопланетянин, у кото-
рого оранжевая кожа и синие глаза.

Дальше ребята рассказывали, пере-
бивая друг друга.

— Его звали...

— .. Яшкой и он повредил корабль,
когда попал в метеоритный поток...

— ... и потерял прибор, когда призем-
лился.

— А корабль он взял у своего ...

— ... отца, хотя в его возрасте ещё
нельзя...

— ... водить корабль самостоятельно.

— Ещё он послал сигнал бедствия...

— ... чтобы его нашли и помогли вер-
нуться...

— ... на его планету. А я ему помог
найти потерянный прибор.

— Нет, это я ему помог! Прибор был в
сарай ...

— ... где хранятся садовые инстру-
менты.

Мальчики недоумённо смотрели друг
на друга. Разве такое бывает, чтобы
двум людям одновременно снился один
и тот же сон?

В это время в комнату вошёл папа.

— Ну, большие, как вы себя чувству-
ете? Я тут кое-что вам принёс.

Кирилл и Серёжа замерли от изум-

ления, глядя на то, что принёс папа.

— Ты видишь то же, что и я? — сле-
дышно прошептал Кирилл.

— Да-а... — только и смог вымолвить
Серёжа.

У папы в руках была светлая серая ко-
робочка, с антенной и несколькими
кнопками. Это же прибор с корабля
Яшки!

— Папа, что это? — спросил удивлён-
ный Серёжа.

— Это старый бабушкин радиопри-
ёмник. Я нашёл его вчера в сарае с ин-
струментами. Потом починил, вставил
новые батарейки, и он заработал. А вы
разве ничего не помните? — спросил
папа.

— Не-с-т, — протянули мальчики.

— У вас вечером поднялась высокая
температура, — продолжал рассказывать
папа, — и я решил, что, слушая радио-
передачи, вы быстрее и спокойнее зас-
нёте. Там как раз по одному из детских
каналов рассказывали историю про
мальчика-инопланетянина.

Ребята переглянулись. Так вот отку-
да у них одинаковые сны!

— Я принёс приёмник вам, а когда
вы уснули, забрал. Вам разве не попра-
вилось?

— Очень поправилось! Папа, а ты не
знаешь, чем закончилась история про
мальчика-инопланетянина? — с надеж-
дой спросил Серёжа.

— Нет, я не слушал. Но, насколько я
знаю, с 6 до 7 часов вечера обычно по-
вторяют вчерашние вечерние програм-
мы. Может, сегодня снова расскажут
вашу историю.

Весь день ребята были как на игол-
ках. В 6 часов вечера они уже сидели у
радиоприёмника.

К счастью, программу повторили, но
на этот раз мальчики дослушали всё до
конца.

Оказалось, что яркие огни, которые
испугали Яшку и Серёжу, это были огни
спасательного корабля, который приле-
тел за Яшкой. Спасатели починили ко-
рабль и отвезли Яшку домой. Конечно,
ему пришлось получить наказание за
своё поведение в виде отстранения от
любых полетов и дополнительных работ
по чистке школьных космических ко-
раблей, но главное, что всё закончилось
хорошо.

— Жаль, что это всего лишь выдуман-
ная история, и мы никогда не встретим
такого Яшку в реальной жизни! — с со-
жалением воскликнул Кирилл.

— Откуда ты знаешь? Вдруг инопла-
нетиане прямо сейчас летают рядом с
нашей планетой, а приземлиться боять-
ся, потому что, как сказал Яшка, счи-
тают, что мы злые и опасные.

— Так как же им сказать, что они не
правы? Не можем же мы позвонить им
по телефону. Но даже если и могли, то
это не значит, что они нас поймут. Вдруг
они не понимают наш язык.

Мальчики задумались. Через како-
то время Серёжа сказал:

— Я придумал, как, не говоря ни сло-
ва, дать всем понять, что мы дружелюб-
ные люди!

— И как?

Серёжа изложил Кириллу свой план.
На следующий день, когда мама разре-
шила им выходить из дома, ребята от-
правились в лес и набрали много боль-
ших сухих веток.

Потом на поляне рядом с лесом они
выложили из веток огромный улыбаю-
щийся смайлик. Уж улыбку понимают
все, независимо от языка, на котором
говорят.

Знайте, все жители Вселенной, что
на планете Земля живут дружелюбные
люди. Уж в этой деревне точно!

Секрет старушки с грустными глазами

Закончилась зима, приближался главный весенний праздник — 8 марта.

«Надо что-то купить маме», — думал Рома, после уроков направляясь в магазин подарков. В магазине было столько красивых вещей, что даже глаза разбегались.

— Что желаешь приобрести? — обратилась к нему девушка-продавец.

— Хочу сделать подарок маме на 8 марта.

— О! У нас много вещей, которые понравятся любой женщине.

И девушка стала предлагать разные товары, но Роме всё не подходило: то цвет такой маме не нравится, то некоторые вещи, например, статуэтки и другие сувениры, мама вообще не любит.

— А что же она любит? Чем ей нравится заниматься?

— Даже не знаю. Она большую часть времени проводит на кухне. Наверно готовить любит.

— Тогда тебе не к нам надо, а в магазин кухонной техники.

— На технику у меня денег не хватит, — вздохнул Рома.

Продавец посмотрела на грустного мальчика, подумала, а потом сказала:

— А знаешь, есть у меня один подарок, уверена, он тебе подойдет.

Она достала с витрины маленькую коробочку. Когда она её открыла, Рома увидел маленький камешек овальной формы, тёмного красно-коричневого цвета. Сквозь него была продета чёрная нитка.

— Это подвеска из недорогого, но редкого природного камня. Когда на него падает солнечный свет, он начинает переливаться разными цветами. Думаю, твоей маме такой подарок точно понравится. Кроме того, — продавец перешла на шёпот, — говорят, этот камень обладает магической силой.

— Это правда? А что такого магического он может делать? — спросил мальчик.

— А вот этого я точно не знаю, не верю, — улыбнулась девушка.

Рома взял подвеску в руки и поднёс к окну. Какой необычный камень! Он действительно стал менять цвет, в зависимости от того, какой стороной его повернуть к солнцу. И на ощупь был очень приятным.

Цена оказалась небольшой, и Рома купил его. Чтобы не потерять, он положил коробочку во внутренний карман куртки и закрыл замок-молнию.

На следующий день у Роминого шестого «В» класса была запланирована экскурсия в дом-музей одного очень богатого человека, который жил здесь почти 200 лет назад и многое сделал для города в то время.

Дом оказался большим, трехэтажным, с множеством комнат. Всё внутреннее убранство говорило о богатстве живших здесь людей. Женщина-экскурсовод сказала, что хозяин дома был владельцем самой большой фабрики в городе, на которой работала большая часть населения. Но он не был жадным, немало денег жертвовал на лечение бедняков, а также на содержание инвалидов.

— У этого богатого человека была единственная дочь — Анастасия. Он ничего для неё не жалел, исполнял все желания. Пройдёмте в комнату Анастасии, я покажу вам её портрет.

Рома вместе со всеми прошёл в одну

из комнат на третьем этаже. По пути он вспомнил про коробочку с камнем-подвеской, которую вчера забыл дома вытащить из куртки. Ему захотелось ещё раз посмотреть на красивый камень. Тот в данный момент был зеленоватого оттенка. Рома положил коробочку обратно, а камень оставил в руках.

Комната, в которую все пришли, оказалась просторной, светлой спальней с большой кроватью и несколькими подушками на ней. На стене висело два портрета: маленькой девочки и седой старушки. Девочка была в белом платье с пышными оборками, в руках держала книгу. Взгляд её зеленых глаз был устремлен вперёд, казалось, она смотрит прямо на ребят. Девочка чему-то улыбалась и вообще выглядела счастливой.

Старушка была полной противоположностью девочке. Она была одета во всё черное, глаза, очень напоминавшие глаза девочки, были очень печальными. Старушка сидела, сгорбившись, в старом кресле, рядом с которым стояла тросточка.

— На этом портрете вы можете увидеть девочку Анастасию в счастливые годы её жизни, — экскурсовод показала на первый портрет. — Когда девочке было 10 лет, отец решил свозить её в Санкт-Петербург, чтобы показать ей этот красивый город. В то время дороги были без асфальта, ездить по ним было ещё опасней, чем сейчас. Недалеко от Санкт-Петербурга их карета столкнулась с другим экипажем и перевернулась. Отец Анастасии пострадал не сильно, а у девочки оказалась сломана нога. Тогда ещё не умели правильно лечить переломы, поэтому нога у Анастасии после выздоровления уже не могла работать так же хорошо, как раньше. Девочка больше не могла бегать, прыгать и танцевать, как другие её ровесники. Некоторые ребята стали дразнить её за хромоту, поэтому она стала замкнутой, большую часть времени проводила дома.

— А как она поднималась в свою комнату? Это же третий этаж! — спросила одна из девочек.

— Никак, — ответила экскурсовод. Ей пришлось переселиться на первый этаж. А в этой комнате больше никто не жил.

— А это её бабушка? — спросил Рома, показывая на второй портрет.

Экскурсовод отрицательно покачала головой.

— Здесь изображена сама Анастасия, только в пожилом возрасте. Она прожила долгую жизнь, умерла в глубокой старости, но всю жизнь была вынуждена ходить, опираясь на тросточку. Вот эта тросточка, в углу стоит.

Все посмотрели в угол и увидели ту же палочку, что и на картине со старушкой.

— Чем же она занималась? — спросили ребята.

— Став взрослой, она стала помогать отцу управлять фабрикой. Потом построила больницу, в которую пригласила лучших докторов, чтобы случай, произошедший с ней и изменивший её жизнь, больше ни с кем не повторялся. Сегодня это по-прежнему действующая больница нашего города, которая носит имя Анастасии.

Экскурсовод замолчала, давая ребятам ещё раз посмотреть на портреты и представить жизнь этой девочки. Потом сказала:

— Давайте теперь пройдем на второй этаж, где находится кабинет хозяина

дома, в котором он работал. Да, да, работал, — сказала женщина, заметив удивленные лица некоторых ребят, — может кто-то и считает, что богатые люди ничего не делают, а только отдыхают, но это совсем не так. Откуда же у них тогда деньги на богатую жизнь возьмется? Отец Анастасии очень много работал ... — продолжала рассказывать экскурсовод, уводя весь класс за собой на второй этаж.

Но Рома её уже не слушал. Он решил остаться в комнате с портретами. Подождал, когда все уйдут, подошел к портретам и стал переводить взгляд с одного полотна на другое, сравнивая изображенных на них людей. Трудно представить, что это один и тот же человек. Как сильно может измениться жизнь после одного лишь случая!

Рома почувствовал, что камень у него в руке стал почему-то очень теплым, почти горячим. Он протянул руку к лицу девочки, желая лучше представить её счастливую жизнь в детские годы. Но, прикоснувшись к полотну, ощутил головокружение. Оно было настолько сильным, что пришлось даже сесть на пол, чтобы не упасть. Вся комната как будто закачалась, и Рома закрыл глаза.

Спустя несколько мгновений раздался громкий визг какой-то девочки. Рома быстро пришел в себя. Головокружение прошло, и он встал. Когда же посмотрел на стоящую в дверях комнаты девочку, то замер от изумления. Это же та самая Анастасия, с портрета! Ну да, вот же её портрет висит на стене и вот она сама, с таким гневом смотрит на Рому, разве что молнии в него не метаст. Портрета старушки почему-то не было.

Но как такое может быть? Может это такой спектакль с участием похожей на Анастасию девочкой, предусмотренный программой экскурсии? Одетая она была действительно по-старинному, в длинное пышное платье голубого цвета, на голове длинные завитые в крупные локоны волосы.

— Ты что тут делаешь? — продолжала кричать девочка.

— Я на экскурсии со своим классом.

— Это моя комната!

— Я знаю. Ты играешь роль девочки,

которая жила здесь. Ты актриса?

— Что-о-о? Да как ты смеешь так

меня называть?

На её крик прибежали два человека: пожилая женщина в длинном строгом платье и мужчина в высоких сапогах, черных штанах и длинной рубашке, которые носили в нашей стране в прежние века. «Они наверно, тоже из спектакля» — подумал Рома.

— Что случилось, Анастасия? Кто этот мальчик? — спросила женщина.

— Не знаю, няня, — говорит девочка. — Когда я пришла в свою комнату, он уже был здесь. Я впервые его вижу.

— Ты как сюда пробрался? Своровать что-нибудь хочешь? — гневно спросил мужчина.

— Да вы что? Я же на экскурсию приехал, вместе с классом. Спросите у экскурсовода!

— Он ещё и врёт! — мужчина схватил Рому за руку и потащил из комнаты. — Хозяин вернется, он разберется, кто ты такой и что тут делаешь. А пока сидишь в подвале под замком.

И он повёл мальчика вниз по лестнице. По пути Рома смотрел по сторо-

нам, надеясь увидеть кого-нибудь из своих одноклассников или женщину-экскурсовода, но почему-то никого не было видно. Зато в глаза бросалось другое. Если раньше везде стояли таблички с описанием каждой комнаты и предупреждением, что в музее ничего нельзя трогать, то теперь таблички исчезли, а по комнатам ходили девушки в старинных платьях, похожие на служанок. Они перестилали постели, подметали ковры, накрывали на стол, вытаскивая из шкафов старинную посуду, в общем, трогали всё, что только можно.

Мужчина завёл Рому в подвал, сам вышел и запер дверь. В подвале было прохладно, но сухо. Свет проникал только через маленькое окошечко под потолком, поэтому было довольно темно. Но Рома сумел разглядеть, что на полках хранилось много разной еды, а также стояли бочонки с вином.

«Не нравится мне такое представление, — подумал Рома, саясь на один из бочонков. — Артисты слишком уж вжились в свои роли. Надо будет сказать об этом организаторам экскурсии. И сколько мне теперь здесь сидеть? Хорошо хоть, еды тут много». Рома взял кусок колбасы и начал есть.

Вдруг его внимание привлекли странные звуки на улице. Он попытался дотянуться до окна, но не смог, слишком высоко. Тогда он стал толкать к окну бочонок, на котором сидел. Потом встал на него и посмотрел на улицу.

То, что он увидел, повергло его в шок. По улице и тут и там ездилы коляски и телеги, запряженные лошадьми. Ходили взрослые люди, бегали мальчишки, но все в старинной одежде. Не слишком ли это дорогое представление разыграли перед шестиклассниками работники музея?

«Или это не представление? — вдруг осенило Рому. — А что, если я и выправлю каким-то образом попал в прошлое? Зато это объясняет исчезновение портрета старушки. Если девочка ещё не состарилась, значит и портрета пожилой Анастасии просто быть не может. Но как я переместился сюда? И как теперь отсюда выбраться?»

Внезапно он увидел, как на улицу вышла та девочка, из-за которой он и попал в этот подвал. Рома вспомнил, как она обиделась, когда он назвал её актрисой. В наше время любая девочка была бы рада стать актрисой. А 200 лет назад, когда и театров было мало, и кино ещё не было придумано, эта профессия не считалась престижной.

«Значит, это настоящая Анастасия, о которой нам рассказывала экскурсовод. Только она ещё не ездила в то злополучное путешествие, которое изменило её жизнь» — подумал Рома.

— Эй! — крикнул он из подвального окошечка. — Я знаю, что тебя зовут Анастасия. Подойди, пожалуйста, мне очень нужно тебе сказать кое-что важное.

Девочка подошла и нагнулась к окошку.

— В том, что ты меня знаешь, нет ничего необычного, — сказала она. — Мой папа самый богатый человек в городе. Нашу семью знают все. А вот кто ты такой, и что хотел у нас украсть?

— Меня зовут Рома, и я ничего не собирался красть. Как я попал в твою комнату, мне самому хотелось бы узнать. Я не помню, понимаю?

— Ты потерял память?

— Что-то вроде того.

— Я встречала одного человека с потерей памяти, но он попал под копыта лошади и получил сильную травму головы. А в моей комнате, насколько мне известно, лошадей нет и у тебя голова тоже в порядке. Значит, ты лжёшь.

— Да нет же! Я знаю, в это трудно поверить, но за несколько минут до появления в твоей комнате, я находился в другом времени. И если ты мне не можешь, я навсегда застряну здесь и никогда не вернусь домой.

Видя, что Анастасия ему не верит и собирается уйти, Рома стал лихорадочно рыться в карманах, желая найти какой-нибудь предмет из своего времени, чтобы доказать правдивость своих слов.

— Не уходи, я хочу тебе кое-что показать, — сказал, наконец, он, и протянул девочке небольшой кубик в яркой обёртке.

— Что это? — подозрительно покосилась на кубик Анастасия.

— Это жвачка. Очень вкусная штука, как конфета. Её нельзя глотать, но можно надуть пузыри и потом их громко лопать. Помоги мне выйти отсюда, а я научу тебя, как это делать.

— Ладно, я подумаю, что можно для тебя сделать, — сказала девочка и ушла.

Минут двадцать Рома продолжал сидеть на бочонке в подвале, прислушиваясь к каждому звуку в доме. Наконец, он услышал шаги на лестнице, ведущей в подвал. Потом раздался звук открывающегося замка и в следующее мгновение мальчик увидел мужчину, который посадил его в подвал, а из-за его спины выглядывала Анастасия.

— Выходи, — сказал мужчина, — и скажи спасибо нашей молодой хозяйке Анастасии, за то, что можешь вернуться домой.

— Спасибо, — сказал Рома, одновременно обращаясь и к мужчине, и к девочке.

— Благодарю, Трофим, за работу и за понимание, — сказала Анастасия. — Дальше я сама покажу этому мальчику выход.

Она поднялась из подвала, после чего вышла на улицу. Рома последовал за ней.

Обойдя дом, они оказались в небольшом саду с беседкой. Девочка вошла в неё и села на скамейку.

— Как тебе удалось уговорить Трофима выпустить меня? — спросил Рома, присаживаясь на скамейку рядом с девочкой.

— Я сказала, что ты сын нашего нового плотника. Что я сама пригласила тебя в спальню починить ножку кресла, но потом забыла об этом. А сейчас как будто бы вспомнила и раскаялась в своём поведении. Трофим мне поверил.

— Здорово придумала!

— Теперь ты рассказывай всю правду о себе, только не ври. Но сначала дай ту вкусную штуку, о которой говорил.

Рома разломил кубик жвачки пополам, часть дал девочке, а другую положил себе в рот, чтобы наглядно показать, как нужно надуть пузыри. Анастасия оказалась способной ученицей и уже через пять минут всюду надувала пузыри и хохотала, слушая, как они лопаются.

Когда они наигрались и насмелились, Рома спросил:

— Ты веришь, что я не из этого времени?

— Не совсем. Но то, что ты не местный, я уверена. Ты одет как-то странно, на твоей одежде странные застёжки (она показала на замок-молнию), и у тебя такие необычные вкусные штуки!

— Тем не менее, я местный, только

живу в далёком 21 веке. Всё, что я тебе говорил, правда. Смотри, в упаковке жвачки есть наклейка с картинкой автомобиля. Такие повозки будут ездить в будущем во всех городах и деревнях.

— Даже без лошадей? Удивительно! Но как же ты оказался здесь? Или все люди в будущем будут перемещаться по историческим эпохам, когда только захотят?

— Нет, конечно. Я сам ещё не понял, как это случилось. Помню, что был на экскурсии в доме-музее твоего отца.

— В музее?

— Да, через 200 лет в этом доме уже никто не будет жить. А музей — это ...

— Я знаю, что такое музей! Что дальше было?

— Наш класс привели на третий этаж, в твою спальню, и я там прикоснулся к красивому портрету, который сейчас висит у тебя в комнате.

— Мне он тоже нравится. Папа нанял художника, чтобы он нарисовал портрет к моему десятому дню рождения. И вот, день рождения ещё не наступил, а портрет уже висит у меня в комнате!

— Ты там такая счастливая!

— Да, любой был бы счастлив, если бы ему пообещали поездку в самый красивый город нашей страны!

— Нет! Не уезжай! — Рома вспомнил о несчастном случае, о котором рассказывала экскурсовод. — Если ты по-

сидишь, твоя жизнь сильно изменится в худшую сторону.

— О чём ты говоришь? — удивилась девочка.

Рома, как мог, пересказал историю, услышанную в музее. Не забыл упомянуть и о портрете старушки с очень печальными глазами.

Анастасия слушала, раскрыв рот от удивления.

— Я ... даже не думала... что такое может случиться. Я не хочу быть хромой. Но и отказаться от поездки тоже не могу. Я же так её ждала. Мы все к ней долго готовились, — она чуть не плакала. — Уже и вещи упакованы, карета заказана. Что я скажу маме?

Она подумала, а потом говорит:

— А может ты всё это выдумал? Скажи, что это так. Тебе просто завидно, что я могу поехать, а ты нет.

— Нет, к сожалению, я не выдумываю. И мне не завидно, потому что в своё время я уже был в Санкт-Петербурге с родителями. Это действительно очень красивый город.

Он помолчал, затем добавил:

— Тебе решать, ехать или нет. Я не

могу тебя удержать, но если поедешь, будь готова к тому, что вся жизнь может измениться.

— А что будешь делать ты, когда я уеду?

— Постараюсь вернуться домой, хотя пока не знаю как.

Какое-то время они сидели в тишине, после чего Анастасия решительно встала.

— Я ещё подумаю, ехать мне или нет, а сейчас нужно вернуть тебя в будущее, если ты правда оттуда. Если ты попал сюда после того, как прикоснулся к портрету, значит нужно это повторить. Пошли в дом.

— Меня же не пустят твои слуги, — возразил Рома.

— Но ты же не успел починить ножку кровати, ради которой вроде как пришёл. Так всем и скажем.

— Пожму кресла.

— Что?

— Трофиму ты сказала про сломанное кресло.

— Ну, хорошо, пусть будет кресло. Только зайдем к плотнику за инструментами для большей убедительности.

Спустя несколько минут они уже были в комнате на третьем этаже.

— Сейчас проверим, работает твоя история с портретом или нет, — сказала Анастасия.

— Если всё сработает, я же окажусь в своём времени и больше никогда тебя не увижу! Как и ты меня.

— А разве не этого ты хочешь?

— Да, конечно, — Рома достал из кармана маленькую плюшевую собачку-брелок. — Перед этим я хочу дать тебе эту игрушку. Она не простая, с первого класса я всегда её беру с собой в поездки или в школу на контрольные. Она приносит мне удачу. Я не знаю, что ты решишь по поводу путешествия в Санкт-Петербург, но если всё же поедешь, возьми её с собой, может и тебе улыбнется удача.

Анастасия взяла собачку, потом обняла Рома.

— Обещаю, что всегда буду носить её с собой! И никогда не забуду тебя, мальчик из будущего.

Рома покраснел.

— Да, чуть не забыл. Даже если всё обойдется, и ты не попадешь в аварию, всё равно построй больницу, когда вырастешь. Это важно для будущих жителей города.

— Обещаю! — сказала Анастасия.

После этого Рома подошёл к портрету и прикоснулся к нему. Он ожидал мгновенного перемещения во времени, но ничего не произошло. Что же пошло не так?

— Не понимаю, ведь я всё сделал, как тогда!

— Значит не всё, вспоминай подробности, любая мелочь может иметь значение, — подсказывает Анастасия. — Закрой глаза и представь ещё раз ту ситуацию. Может ты слышал какой-нибудь звук, чувствовал запах или прикасался к чему-то ещё?

— Точно! — вспомнил Рома. — У меня же в руках был камень-подвеска, и он перед перемещением очень сильно нагрелся! А когда я прикоснулся к портрету, началось головокружение.

— И где этот чудо-камень?

Рома стал искать по карманам, но камня нигде не было.

— Ты его видел после перемещения? — спросила Анастасия.

— Нет.

— Может он выпал у тебя из рук, когда кружилась голова? Если ты был в этой комнате, значит, здесь его и стоит

искать.

Они стали ползать по полу, заглядывая даже в самые дальние уголки. Камень нашёлся далеко под кроватью. Видно, залетел туда, когда Трофим вытаскивал Рома из комнаты.

— Теперь у тебя должно получиться! — радостно сказала Анастасия.

— Ну, что ж, тогда прощай! — сказал Рома и снова подошёл к портрету.

Потом обернулся, чтобы ещё раз взглянуть на девочку, с которой он был знаком очень короткое время, но уже успел с ней подружиться. Анастасия молча помахала ему рукой.

Рома сжал в кулаке ставший снова тёплым камень, другой рукой прикоснулся к портрету и почувствовал уже знакомое головокружение. Оно всё усиливалось, пришлось закрыть глаза и сесть на пол. Уже откуда-то издали услышал он голос Анастасии:

— Я верю тебе, мальчик из будущего! Спасибо тебе за всё!

Потом начался ужасный шум и крики, смысл которых он не мог понять. Кто-то хлопал его по щекам, потом нос ему сунули ватку с ужасно пахнущим лекарством, от которого Рома быстро пришёл в себя.

Он лежал на полу всё в той же комнате, но уже с двумя портретами. Над ним стояли экскурсовод и ребята из его класса.

— Рома, ты упал в обморок, — сказала экскурсовод. — Наверно это от духоты. Ты можешь встать?

Рома начал медленно подниматься. Если это был обморок, может вся эта история ему привиделась? Как определить, где правда, а где вымысел?

— Скажите, — обратился он к экскурсоводу, — дочь хозяина дома, Анастасия, ломала ногу в детстве?

— С чего ты взял? — удивилась экскурсовод. — Насколько мне известно, она была очень здоровой женщиной и никогда серьёзно не болела. Хотя, по непонятным для всех окружающих причинам, она всю жизнь заботилась именно о людях, ставшими инвалидами в результате различных травм.

— А больницу она построила?

— Да, эта больница до сих пор носит её имя. А теперь все выходим на улицу, — сказала экскурсовод ребятам. — Экскурсия на сегодня закончена.

Все стали спускаться вниз. Проходя мимо портрета старушки, Рома встал как громом пораженный. С портрета на него смотрела не та, одетая во всё чёрное, сгорбленная старушка с грустными глазами. Эта старушка сидела с выпрямленной спиной и загадочно улыбалась. Она была одета в светло-серое с кружевом платье, а в руках у неё была... плюшевая собачка-брелок. Взглянув в угол комнаты, где раньше стояла тросточка, Рома обнаружил, что она исчезла.

— Я не знаю, спасла ли тебя собачка-талисман или ты вообще не поехала в путешествие, — шепотом сказал Рома, обращаясь к старушке на портрете, — но я рад, что всё у тебя закончилось хорошо. Прощай, Анастасия!

И Рома вышел из музея.

Камень-подвеску он решил маме не отдавать, уж слишком важной и в самом деле магической оказалось эта вещь. Лучше совместно с отцом подарить маме какую-нибудь кухонную технику или другой подарок придумать.

А камень лучше спрятать подальше на время. Может ещё пригодится, для других путешествий во времени.

Нина Струц

Родилась, училась, жила и работала в городе Прокопьевске, переехала в Новокузнецк после замужества. Библиотекарь по образованию и по специальности.

Пишу сценарии мероприятий, которые публикуются в журналах «Читаем, учимся, играем» и «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки».

Федеральный закон «О защите детей от информации» от 29.12.2010г. предусматривает защиту от информации, вредящей физическому, психическому и нравственному развитию; угрожающей жизни, здоровью, побуждающей к суициду, вызывающей желание употреблять алкоголь, наркотики, курить, играть в азартные игры, оправдывающей насилие, жестокость, отрицающую семейные ценности, оправдывающую противоправное поведение, нецензурную брань, вызывающую страх, ужас и т.д.

Суд над книжками

Что же надо нашим детям?
С ними нам мучение!
Зависают в интернете
Позабыв про чтение.

Может, книжек персонажи
Что-то доброе расскажут?

Но важней всего закон
И организация.
Не пора ли дать заслон
Вредной информации?

И закон, представьте, есть!
Четыреста тридцать шесть.

Только, скажем напярмк,
Как закон тот вышел —
У героев детских книг
Тоже едет крыша.

Слишком много взяли воли
Детские издания!
Кто не выдержит контроля —
Просим на списание.

Те, кто взялся за перо,
Сводят счета личные...
Братья Гримм и Шарль Перро —
Просто неприличны:

В сказках их — сплошной разврат...
Смотрим свежим взглядом.
Но Тимур в чем виноват
Со своим отрядом?

И к Тимур есть вопросы:
Мотоцикл угнал без спроса.

Надо с ним расправиться —
За поступок дерзкий
В лагерь он отправится,
Но не в пионерский.

Вот герои Волкова —
К ним не придерёшься:
Элли очень кроткая,
Как с ней разберешься?
Вызовут участие
Элли и Тотошка,
Но ведет ли к счастью
Желтая дорожка?

Что же Элли совершила?
- Спутников приветила,
Позвала с собой Страшила,
Дровосека встретила.

Встречи, тайны и загадки

Составляют действие:
Проходило слишком гладко
Это путешествие!

За детей нам страшно даже:
Вдруг прочтут — уйдут бродяжить?!

Но оставим на полке. Пока.
А вот книжка есть «Три толстяка».

Не было народу счастья,
Только зря подняли шум —
Все же толстяки те — власти
Так зачем идти на штурм?

Да, Просперо и Суок
Смелы и отважны...
Только есть ли в этом прок?
Тут другое важно:

Если власть трех толстяков
Очень раздражает,
Пусть народ без лишних слов
Новых выбирает.

Кто какой урок берет?
В сказке этой старой
Совершен переворот:
Пусть идет... на нары!

Дети — это наша смена...
Вдруг прочтут — и на измену?

Курят трубки Том и Гек
(Автор с нами честен).
Почему же целый век
Твен всем интересен?

Да! Издательства халтурят:
Этак все кругом закурят!

Кинлинг был милитарист,
А Уайльд — не моралист,
Диккенс — буржуазен,
Элгар Но — ужасен.

В переписи попали, братцы,
В каждом есть к чему придраться!
Оттого, по стеллажам,
Книжки бедные дрожат.

Пасхальное стихотворение.

С икон глядят на нас Святые Лики,
Закончился сегодня пост Великий.
Вот утро Пасхи — нет отрадней света!
«Проходит все» — по Ветхому Завету.
А новая весна — вот к жизни интерес.
Всех с праздником! Христос Воскрес!

К церквям людской поток течет, как реки.
Не переполнятся моря во веки —
Так безгранична и любви Господней чаща.
Неиссякаема надежда наша
И ждем невольно мы в день праздника чудес.
Всех с Пасхой! Христос Воскрес!

Как издавна — «нет памяти о прежнем!»
И в будущее смотрим мы с надеждой.
Вот двери алтарей — как райские врата
Все прочь! Заботы, шум, мирская суета.
И колокольный звон струиться до небес.
С великой радостью! Христос Воскрес!

Литературный калейдоскоп

Вот и пролетел ещё один год после выпуска номера 14 «Литературно-художественной газеты Альманах «Усвятская россыпь» - выпуска юбилейного, который увидел свет 29 апреля 2017 года.

За этот год в Южно-Кузбасском регионе литературная жизнь протекала без особых всплесков активизации своей деятельности и спадов. В силу своих возможностей работали литературные клубы и объединения в Прокопьевске, Междуреченске и Новокузнецке. Проводились литературные встречи, вечера и фестивали; вечера и фестивали бардовских песен.

Прокопьевским литературным клубом любителей поэзии «Родник», под руководством Лукьяновой Людмилы Павловны выпущены очередные литературные сборники (крайний, уже 24-й по счёту).

В Прокопьевском районе под руководством Семёновой Палесды Николаевны проводились выездные заседания клуба «Красвел», в различных населённых пунктах района...

Я, вместе со своей помощницей Танковой Людмилой Александровной, весь прошедший год в усиленном режиме занимался подготовкой к изданию второй моей книги «Как рождалась корабельная авиация России». Людмила Александровна занималась редактированием, вёрсткой, иллюстрированием и так далее.

Поначалу мы работали с книгой разделённой на три её составные части, с каждой частью по отдельности и по очереди. Итогом свели весь текст (получившийся в общем объёме более 570-ти страниц) в единую книгу и начали работать уже с общим текстом книги: читаем, правим, вносим правки в текст - вновь распечатываем, и... по новой!

Рассказывают, что Лев Николаевич Толстой роман «Война и мир» переписывал десять раз, и, откровенно говоря, как-то не верилось в это. Теперь верю. Я не считал, сколько раз мы перечитывали, перераспечатывали мою книгу, наверное, не меньше. Работа адская, иногда было желание прекратить это дело, всё порвать и выбросить в мусорное ведро. Но, всё же — выдержал испытания, и 7 марта этого года сдал книгу в типографию. Классифицировал книгу как «мемуарно-историческое, документально-публицистическое повествование и рассказы зама по ИАС». Большинство рассказов и некоторые отдельные фрагменты книги читателям «Усвятской россыпи» знакомы, поскольку публиковались в Альманахе. Они пролились в «Усвятской россыпи» «обкатку и опробацию». Главный же материал книги, повествующий о том «как рождалась корабельная авиация России» - новый. Думаю, он будет интересен читателям, особенно историкам и тем, кто был связан в своей жизни с АРМИЕЙ и АВИАЦИЕЙ, в частности.

После сдачи книги в типографию сразу же переключился на газету. Хотя, в процессе работы с книгой, параллельно, с конца лета прошлого года занимался статьёй «Волки» вырастают из «волчат». Это эссе вошло в данный номер. Получилось, что 15-й номер «Усвятской россыпи» делается нами, можно сказать, с «колёс».

Немного о событиях, связанных с юбилеем «Усвятской россыпи».

19 мая 2017 года в читальном зале Центральной городской библиотеки города Прокопьевска проведена презентация 14-го, юбилейного, номера. На презентации присутствовали авторы и читатели Альманаха. Ведущие торжества - Светлана Стрелец и Юлия Писарева, редакторы Альманаха - Анатолия Пуляева и Людмила Танкова по-

пулярно рассказали об истории зарождения и становлении, как самого издания, так и каждого её номера.

Многие авторы материалов опубликованных в Альманахе и его читатели выступили на презентации. В их выступлениях звучали оценки и замечания, как в целом по изданию, так и по отдельным его номерам; высказались и пожелания на будущую деятельность ЛХГА «Усвятская россыпь», её видение в будущем...

28 мая 2017 года была проведена презентация юбилейного номера ЛХГА «Усвятская россыпь» в Центральной городской библиотеке города Новокузнецка, имени Н.В. Гоголя (на заседании литературного объединения «ЛитТERRA»).

13 октября 2017 года ЛХГА «Усвятская россыпь» была представлена на заседании клуба «Красвел» в библиотеке посёлка «Плодопитомник» Прокопьевского района, перед красвелами Прокопьевского района, членами клуба «Красвел» и жителями посёлка.

13 февраля 2018 года ЛХГА «Усвятская россыпь» была представлена на заседании клуба «Красвел» в библиотеке посёлка «Верх-Егос» Прокопьевского района перед жителями посёлка, а так же перед учащимися и учителями Поселковой средней общеобразовательной школы.

Выпуск № 14 ЛХГА «Усвятская россыпь» был представлен двадцатью четырьмя публикациями, из которых две публикации редакционные и двадцать две - авторские: стихи, художественная проза, фантастика, и публицистика.

В номере, кроме публикаций, можно сказать, уже постоянных наших авторов (Ивана Кожемяко, Дамира Ибрагимова, Дины Нагорновой-Сабыниной, Людмилы Лукьянцевой, Александра Васюнова, Дмитрия Семёнова, Сергея Загнухина, Людмилы Танковой, Анатолия Пуляева и других) помещены и публикации новых наших авторов (Анны Лист, Юрия Проскова, Сергея Прякина, Евгении Шкаевой, Григория Афанасьева, Светланы Опурковой, Т. Титовой, Ю. Черниковой и других) которые засветились не менее ярко чем и публикации постоянных и «старых» уже наших авторов.

О творчестве постоянных наших авторов, не без гордости и радости за наших авторов, хочется сказать, что мастерство их от номера к номеру всё растёт.

Открывался номер редакционной статьёй «Как всё начиналось», в которой рассказывалось о предпосылках к рождению ЛХГА «Усвятская россыпь», становлении и видах на её будущее.

Далее пошёл «эстафетную палочку» номера известный читателям Альманаха военный московский писатель генерал-майор Кожемяко Иван Иванович, как всегда - интереснейшей публикацией воспоминаний под общим названием «Мгновения дивных встреч» - о своих случайных встречах и общении с известными людьми нашей страны - великими артистами: Анатолием Дмитриевичем Панаповым, Николаем Николаевичем Рыбниковым, Владимиром Семёновичем Высоцким, Евгением Семёновичем Матвеевым, Вячеславом Васильевичем Тихоновым и бывшим руководителем нашей страны - Леонидом Ильичём Брежневым. Публикация была хорошо проиллюстрирована автором, легко и с великим удовольствием читается, отчего отмечается как одна из главных прозаических публикаций номера.

Подборкой стихов с общим названием

«Связуя судьбы в добрый час!», трагически ушедшего из жизни нашего поэта и барда Николая Нагорного, мы как бы ещё раз с великим сожалением почтили память о нём:

«Я о тебе одной мечтаю!
С мечтой ложусь и просыпаюсь...
Жаль, лишь во сне тебя встречаю,
Заговорить с тобой пытаюсь...
Ты не старайся ответить,
Загадочно лишь улыбаешься...
Ужель тобой до смерти бредить?
В мой мир ты сказкой не вернёшься...
А может, будет слишком поздно,
Меня когда-нибудь не станет,
И наш цветок любви увянет,
Не обвенчав земного с звёздной!»

Дамир Ибрагимов — известный и безусловно талантливый и перспективный новокузнецкий поэт, украсил юбилейный номер подборкой стихов под общим названием «Во все стороны свет распылся...»:

«Я хочу стать настолько богатым,
Чтоб тебе подарить этот мир,
Все восходы его и закаты,
Небо, цветом как яркий сапфир!
Для тебя золотые палаты,
Все сокровища света тебе.
Мне же меч и блестящие латы.
И спасибо за это судьбе!
Я хочу научиться полёту
И любимую в небо поднять.
Начинаю за словом охоту,
Чтобы песней о ней рассказать!»

Воднополосной стихотворной подборке, талантливая прокопьевская поэтесса Дина Нагорнова (Сабынина), как бы отвечая Николаю Нагорнову, говорит: «Не пой мне песен... Птицы улети. Снег хлопьями валит на купола. Я стала недолюбливать метели И тайно ненавижу зеркала. И в доме тихо, и на сердце вьюга, И в завтра дверь не манит новизной. Ты думаешь, нам легче друг без друга? А мне не спится, холодно одной... И осень так не к месту в платье белом, Беспечно сбросив траур с хрупких плеч. А я тебя всю жизнь любить хотела... И от пустых мечтаний убереж».

Известная читателям «Усытской россыпи» новокузнецкая писательница Людмила Андреевна Лукьянцева представила отрывок из повести «Возмездис».

В публикации автором ярко показаны и социальная несправедливость, и расхождение общества, и хамство отдельных представителей местных властных структур... К тому же, сюжет представленного повествования, перемешан с элементами носящими явно фантастический характер.

Таптагольский прозаик Александр Васюнов, в прозаической подборке с названием «Живи вопреки всем!» продолжил тему охотничье-рыболовного попринца, в котором ему приходилось исполнять роль не только охотника на лесного зверя, но и спасая и высвобождая его из беды... При этом хочется отметить, что литературный слог Александра Васюнова становится всё лучше и лучше, от публикации к публикации.

Порадовал читателей, своими зарисовками туристских баск «БАБА ЮЛЯ» и «НЕВЕСТА КУТХА» новокузнецкий прозаик Сергей Загнухин. Его материал настолько был хорош, что мы отмечаем его, как один из лучших материалов номера.

Людмила Александровна Танкова в публикации на тему «Сказка — ложь? Иль в ней намёк...» предложила читателям сказки с элементами детской фантасти-

ки, где звери и пресмыкающиеся, живут с нами водном мире.

Мои материалы в прошлом номере под общим заголовком «Твоя история, человек!» носят исследовательский историко-краеведческий характер, где я рассказал читателям о возрождении и работе в Прокопьевском районе клуба «КРАЕВЕД». Предложил читателю новые разработки по носителям «старых» усытских фамилий: Атучиных, Тихоновых, Брагиных. Планирую продолжить эту тему и переиздать свою первую книгу «Прокопьевск... в летописях» с добавлением нового материала и новой информации.

Фантастику в 14-м номере представила лишь публикация новокузнецкого фантаста Дмитрия Семёнова «СУЩНОСТЬ». В фантастическом рассказе, автор, как бы с философской точки зрения рассуждает о сути «сущности» и «существования сущностей». Эта работа Дмитрия Семёнова говорит о нём как о сформировавшемся и талантливым авторе.

Среди авторов впервые опубликовавших свои произведения в ЛХГА «Усытская россыпь», хочется отметить два рассказа «КОЛЛОТКИ» и «УКРОТИТЕЛЬ» Анны Лист из Санкт-Петербурга.

Она опытный и сложившийся писатель и литератор, имеющий в своём багаже не одну выпущенную книгу. Рассказы её интересны, глубокомысленны и увлекательны. В то же время показывают внутреннюю сущность персонажей, в несколько ироничной форме, с чисто женской точки зрения.

После получения бандероли с «авторскими» экземплярами газеты она прислала письмо со своим отзывом о получившемся номере, и своими впечатлениями:

«Уважаемый Анатолий Николаевич! Благополучно получила два экземпляра «Усытской россыпи» с моими рассказами, большое спасибо Вам; мне очень приятно принять участие в Вашем издании.

Особенно тронута тем, что Вы напечатали именно «КОЛЛОТКИ» и «УКРОТИТЕЛЬ», хотя я писала Людмиле Александровне, что выбор рассказов оставляю за Вами. Вот бы все издатели так считались с авторскими пожеланиями! По Вы и сами пишущий автор, думаю, потому Вам это особенно понятно. Кстати сказать, я тоже, как и Вы, начинала своё словотворчество с эпистол родным и друзьям, и делала это с увлечением; в результате у меня 2 романа частично построены именно на письмах...

С интересом прочитала в этом номере историю возникновения и издания «Усытской россыпи», и о Ваших намерениях сменить название альманаха. Честно говоря, мне будет жаль, если Вы примете такое решение. Всё-таки изданию уже 10 лет, и название сделалось, как теперь говорят — брендом. Мне кажется, что превращать его в аббревиатуру «УтРо» — не самый удачный шаг: название делается обычным, без «изюминки», и не будет побуждать к любопытству раз узнать, что есть Усыты? К тому же, от самого слова «Усыты», по моему восприятию, веет неким уютот, оно немного детское, домашнее, как мягкая игрушка!

С пожеланием успехов и процветания альманаху.

Анна Лист (Ильина Елена Николаевна). P.S. Забыла упомянуть... В моей биографической справке есть одна мелкая неточность: я заканчивала не СПб ГУ (тогда ЛГУ), а педагогический ИСТФАК в ЛГПИ (тогда, сейчас РГПУ) им. Герцена. Но я не в претензии, это Вы меня «повысили в звании»: универ готовил тогда историков «для науки», а Герцена — для школы. Впрочем, это было отличное образование, не чета нынешнему, да и многие преподаватели

были те же; а в преподавании (как в школах, так и в вузах), что было основным «применением» историков, Герценовцы котировались даже выше выпускников ЛГУ с их узкой специализацией.

С сердечным теплом из Питера Сибири! «30» июня 2017 года А. ЛИСТ».

Хочется отметить добрым словом публикации и других авторов, впервые опубликовавшим у нас свои произведения:

Двух полосную прозаическую публикацию, явно являющуюся автобиографической — «Слёзы в подушку» (отрывок из повести) новокузнецкой писательницы Людмилы Ивановой — Выгловской.

Историко-краеведческие публикации «История моей семьи в истории страны» — Т. Черниковой и «Женщины моего рода» — Ю. Титовой. Но, как недостаток, хочется отметить в этих публикациях полнейшее отсутствие информации об их авторах. Удивил литературный псевдоним автора «Эль Кула Архив», конечно, автор имеет право подписываться как ему заблагорассудится по ЗАКОНУ, но зачем такая засекреченность? Хотя сами фантастические произведения этого автора «Это моя сказка!» и «Сын шейха» мне лично понравились.

— Высокую оценку стихотворениям новокузнецкой поэтессы Светланы Ошурковой, представленных в номере, в однополосной стихотворной подборке — «Храните мир в своей душе», дал Вячеслав Иванович Елатов (по образованию учитель русского языка и литературы, и литературовед), в своём выступлении «19» мая 2017 года на презентации 14-го Выпуска Альманаха в Центральной городской библиотеке города Прокопьевска:

«Прозрачная броня

Скрыты все тайны земные
За толстым воздушным шатром.
Плывут облака расписные,
Пылают под солнцем костром.
И ветер резвится, кудесник,
Идут облака, как и шли,
Они высоко в поднебесьях,
Но жизнь их во власти земли.
Но жизнь их во власти земли.
Мерцают ночные светила,
«Медведица» тускло рябит.
Луна небеса осветила,
В них воздух морозный парит,
Мерцает в искрящейся пенке
Над нами прозрачной броней,
И звёздочек острые стрелки
Не властны над нашей судьбой.

«Чего достиг я в этом мире?» спрашивает сам себя Григорий Афанасьев, поэт из города Калган (уроженец города Прокопьевска) в подборке своих стихов, и отвечая себе, ставит новые безответные вопросы:

«Чего достиг я в этом мире,
Прожив на свете много лет?
Того ли, что живу в квартире,
Что есть продукты на обед?
Что в небе солнце ярко светит,
Что я не хам и не злодей,
Что заслужил на этом свете
Я уважение людей?

.....

Проходят годы, как мгновенья,
И не во сне, а наяву.
И всё сильнее в душе сомненья:
А для того ли я живу?....»

Евгения Шкаева — родилась в посёлке Мундыбан, после окончания Сибирского металлургического института в Новокузнецке жила в Юрге, работала на Юрмаше инженером технологом. В настоящее время живёт в Осинниках. Поэзией занимается с 1998 года, и теперь уже на высоком уровне. В стихотворной подборке, названной «Малиновые зори» есть и такое стихотворение:

«Малиновка

В Малиновке малиновые зори
В рассветной отражаются реке
Бежит левчонка вниз по косогору
С малиною в плетённом тусске.
Здесь по пригоркам разбежались улицы,
Дорога под «БелАЗами» дрожит,
Под летним ветерком листва волнуется,
И в небе стая голубей кружит.
Везёт автобус в шахту смену новую,
И уголь выдаётся на-гора.
У дома пахнет шишкою сосновой
И во дворе стрекочет летвора.
Пусть в мире есть места и покрасивее,
В заморском сладко-призрачном раю.
Кузбасс мне дорог!
Я горжусь Россией!
Ну, а я люблю Малиновку, свою!»

Николай Миронов — поэт из города Осинники. Пишет стихи, песни и музыке к песням на свои стихи, так и на стихи своих товарищей, принимает активное участие в поэтических и песенных фестивалях Кемеровской области и Алтайского края. Тематика литературного творчества многообразна от военной до любовной лирики. В подборке стихов с названием «Запоют, как флейты, птицы» есть что-то духовное:

«Запоют, как флейты, птицы,
Кедр трубит — фагот.
О прошедшем не жалею Ты,
А наоборот.
Пусть дружба с Тобой рядом,
Красоту любя,
Ты чаруй их нежным взглядом,
Преданность храня.
Пусть Тебя Господь ласкает
И хранит от бед.
Счастье Верой укрепляет,
Много, много лет.
От начала и до края
Ты в любви живи,
Радость жизни сохраняя,
В отблесках зари».

Юрий Проскоков живёт в городе Междуреченске, увлекается туризмом, охотой и рыбалкой, что ложится и в основу его литературного творчества (стихов и прозы). Об охоте человека на медведя, затем — медведя на человека, ведёт речь и в рассказе «Медведь с белой отметиной». Рассказ интересный и поучительный.

«И один в поле воин, коль геросм скроен» Так озаглавлена публикация руководителя литературного объединения «ЛИТЕРА» — Елены Острых, об итогах конкурса одного стихотворения в её литературном объединении: «Идея конкурса одного стихотворения возникла от слова «один».

Поскольку хорошего автора можно увидеть по одному стихотворению, и не нужно углубляться в массивы текста. Тема каждого этапа конкурса — как игра в слова для участника, не лишённого амбиций. Некая реальность, вмещённая в одно произведение...»

Желающие принять участие в конкурсе написали..., были названы и победители. Ими стали: Сергей Писзулов — молодой и талантливый поэт из города Прокопьевска, победитель первого этапа конкурса; Надежда Красильникова — победитель второго этапа конкурса.

Победители литературного конкурса были отмечены призами, а все остальные участники конкурса были отмечены благодарственными письмами. Кроме того, многие из представленных на конкурс стихотворений были опубликованы в ЛХГА «Усытская россыпь», в названной публикации Елены Острых. К тому же — публикация была ещё и проиллюстрирована автором.